

КУДА ПРИВЕДЕТ ИХ ДОЛГАЯ ДОРОГА?

Несгибаемый

МАРИНА АГЕЖЯН

Разве мы ждем что-то от жизни, когда у нас уже есть всё? Разумеется нет, потому что погружаемся в атмосферу того обретения, которое имеем... И возможно тем самым что-то упускаем?

Клэр так не считала, имея всё, о чём только можно мечтать. У нее была семья, любящие родители, преданный возлюбленный... Но вершитель людских судеб считал, что она не до конца прошла свой путь, когда отец запретил ей выходить замуж за человека, которого она без памяти любила. Что ей делать теперь, когда в один миг всё рухнуло? Она должна пройти еще один последний, необычный, непредсказуемый, невероятный путь и в самом его конце ее будет ждать...

Несгибаемый, кто не сдастся до последнего ради правды. И ради нее.

- [Марина Агекян](#)

- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)

- [Глава 30](#)
 - [Эпилог](#)
-

Марина Агекян
Несгибаемый

... Декабрь, 1891 год, Англии

В комнате было тепло, несмотря на то, что за окном царил безмятежная, глубокая зима. Снегопад не прекращался вот уже несколько дней, окутав землю белоснежным покрывалом. Вокруг все сверкало так, что белизна порой ослепляла. На пороге стояло долгожданное Рождество.

Но для пожилой женщины, сидящей у камина и обнимающей семилетнего мальчика, эта пора не была долгожданной. Она смотрела на темноволосого мальчика, переполненная щемящей нежностью. И мучительной скорбью.

Подняв голову от альбома с фотографиями, которые внимательно разглядывал, мальчик задумчиво посмотрел на пожилую женщину яркими выразительными глазами.

— Это он, да, бабушка?

Пожилая женщина опустила затуманенный взор на альбом, где была приклеена самая любимая фотография. Вернее портрет, сделанный малоизвестным художником в конце тридцатых годов. Красивая миниатюра, которую она обожала, и пусть со временем зрение ее ухудшилось, но она до боли хорошо помнила черты лица, на которое указывал мальчик. Сердце женщины на миг сжалось от невыносимой боли, горло прихватило, а потом, коснувшись дрожащими некогда красивыми, а ныне покрытыми старческими пятнами пальцами заветной фотографии, она медленно кивнула, боясь заговорить.

— А каким он был тогда? — вновь спросил мальчик.

Ей было тяжело говорить об этом. Невероятно трудно вспоминать, но эти воспоминания были частью ее. Она жила этими воспоминаниями. Она ложилась с ними спать, и с ними просыпалась. Заглядывая в альбом, она воскрешала каждый миг, проведенный вместе с ним. С человеком, который сделал ее самой счастливой женщиной на свете. Который заставил ее сердце биться так, как оно не билось никогда.

— Он был замечательным, — едва слышно молвила она, оторвав руку от фотографии, потому что мальчик, последовав ее примеру, так же осторожно и нежно коснулся портрета, выводя своими пухленькими пальчиками контуры мужского лица.

— Ты очень сильно любила его, бабушка?

Что она могла ответить? В мире не существовало слов, чтобы описать ту любовь, которую она испытывала к нему. Вместо тысячи слов она взглянула на правнука и грустно улыбнулась, не замечая, как слезинка катится по морщинистой щеке. Мальчик поднял руку и мягко стер слезу с лица бабушки. Этот жест так сильно тронул женщину, что она едва удержалась от того, чтобы окончательно не расплакаться.

— Ты расскажешь мне, как вы познакомились?

Женщина на мгновение прикрыла глаза, вспоминая тот далекий весенний день. Когда ее будто бы сразила молния. Она никогда не верила в подобное, считая это романической чепухой. Он любил шутить по этому поводу, признаваясь, что его самого давно сразила та же молния, только разряд был намного сильнее ее собственной молнии.

— Ты говорила, что он тебе не сразу понравился...

Голос малыша вернул пожилую женщину к реальности. Открыв глаза, она сделала глубокий вдох, понимая, что собирается воскресить самые давние, самые сокровенные воспоминания ради малыша, который без конца любил слушать подобные рассказы.

С обожанием глядя на правнука, женщина медленно улыбнулась ему и погладила его мягкие волосы.

— Да, это так, милый.

Малыш заулыбался во весь рот, понимая, что добился своего.

— Правда, что он был сильным и очень храбрым? — с благоговейным восхищением спросил малыш. В его голосе слышались даже нотки подражания.

Улыбка женщины стала шире.

— Невероятно сильным и храбрым. И очень умным.

Особенно, когда дело касалось некоторых болезней, которые, по его мнению, можно было легко вылечить.

— И был готов ради тебя на всё?

Как и она, — с грустью подумала женщина.

— Абсолютно на все.

— А когда ты впервые встретила его?

Женщина покачала головой.

— Я уже много раз рассказывала тебе об этом, мой хороший. Ты что же, забыл?

— Нет, конечно, просто я очень люблю, когда ты рассказываешь эту историю.

Внезапно улыбка сбежала с некогда невероятно красивого лица, которое могло покорить сердце любого мужчину. Она крепче прижала правнука к себе и взглянула на камин, позволяя воспоминаниям всецело охватить себя. Давно она не осмеливалась это сделать, и было страшно представить, что с ней станет, если она все же поддастся им, но дверь в прошлое уже была открыта.

— Тот день... это было так давно, — начала она, словно бы слыша музыку из прошлого.

Музыка, которую он не любил.

— Но ты ведь помнишь всё до мелочей, верно?

Женщина медленно кивнула, чувствуя теплый комочек под боком.

— Верно.

— И как это произошло? Как вы встретились? Расскажи, ну пожалуйста...

Как они повстречались?

Этот день невозможно было позабыть. День, когда она поняла, что молния на самом деле может ударить человека и навеки изменить жизнь...

Май, 1832 год

Лондон, Англия

Она была уверена, что всё произойдет именно так.

Что именно так должны были посмотреть на нее. Что именно в таком ритме должно было забиться ее сердце. Что именно так должны были взять ее за руку. Неожиданно, но нежно, деликатно, но решительно. И невероятно тепло. Затем тепло переросло в жар, а жар стал магией, которая околдовала ее. Превратилась в музыку, которая звучала в душе, обволакивая и очаровывая. По-настоящему завораживая. Это было удивительно. Такого никогда не происходило за двадцать один год ее жизни.

Клэр была уверена, что всё это ей снится. Но даже сегодня это был не сон. Потому что и сегодня, как и два месяца назад, Клиффорд был рядом с ней. Сидел на соседнем стуле и вместо того, чтобы сосредоточиться на божественном пении певицы и наслаждаться музыкой, бессовестно и пристально смотрел на нее. У нее трепыхалось сердце от его чуть жаркого, пронзительного взгляда, но Клэр дала себе слово не смотреть на него до тех пор, пока знаменитая оперная певица, приглашенная выступить на музыкальном вечере графини Девон, лучшей подруги ее матери, не закончит петь великолепную арию Шуберта «Третья песню Эллен», больше известную, как «Аве Мария».

— Прекрати смотреть на меня так! Это неприлично, — прошептала она, продолжая игнорировать Клиффорда, но с каждой минутой это становилось все труднее сделать.

— А ты прекрати делать вид, будто меня здесь нет, — в тон ей ответил Клиффорд тем глубоким голосом, от которого мурашки забегали у нее по спине.

Глубоко вздохнув, Клэр, тем не менее, ответила.

— Ты здесь, и я прекрасно об этом знаю.

Краем глаза она заметила, как Клиффорд покачал головой.

— Вот именно, что знаешь, но для тебя мой приход ничего не значит, хотя ты представить себе не можешь, как тяжело было достать приглашение на этот вечер. Ведь я даже не имею родни среди титулованных особ.

Клэр тихо фыркнула и тут же замолчала, чтобы отдать дань уважения таланту певицы, которая прелестно чистым сопрано затягивала знаменитые слова из цикла стихов поэмы Вальтера Скотта, которые Шуберт взял за основу своей песни. Осторожный, хрупкий, но протяжный голос исполнительницы завораживал и укутывал благоговейным трепетом. Клэр намеревалась насладиться всем пением до конца. Даже не смотря на то, что ее отвлекал самый невозможный из мужчин. Который, однако, продолжал смотреть не на сцену, а на нее.

— Ты ведь знаешь, что меня не волнует отсутствие у тебя титула, — проговорила она, следя за мерными движениями руки певицы, пока лилась чарующая мелодия ее голоса под аккомпанемент умелого музыканта, который играл на фортепьяно.

Клиффорд снова покачал головой.

— Жаль, что другие не думают так же, особенно в свете последних событий.

Клэр старалась не думать о том, что он имел в виду, упомянув события последних лет, пока шла ожесточенная борьба аристократии с буржуазией за право принимать участие в выборах.

Вот уже два года в Парламенте, где шли непрекращающиеся дебаты в пользу и против «Билля об избирательных реформах», пытались принять закон, который спровоцировал уход в отставку правительства герцога Веллингтона. За два года стране пришлось пережить немало волнений и восстаний, которые были жестоко подавлены, но настроение у всех было не самое лучшее, ведь настал глубокий кризис. Всё вокруг замерло в ожидании принятия решения. Говорили, со дня на день Парламент должен будет вынести приговор этому биллю. Палата Лордов была категорически против, и одному Богу известно, как закоренелых консерваторов и вековых владетелей земель английских заставят пойти на уступки. Общественность во главе с самыми яркими представителями буржуазии почти склонила всех на свою сторону. Но не Палату Лордов.

Клэр иногда не знала, что и думать, глядя на подавленного, а порой разгневанного отца, который возвращался из Парламента по вечерам. Маркиз Куинсберри и его близкий друг маркиз Ричмондский, принимая основные удары на себя, пытались унять бушующее пламя между соперниками, но им это было уже не под силу сделать, потому что пожар давно распространился по всей стране. Чему способствовало и правительство нынешнего премьер-министра. И даже финансовая поддержка влиятельного шотландского банкира, кому и приходился сыном Клиффорд, несколько не поднимала настроение отца.

Все усугубилось еще с прошлой осени, когда Палата Лордов отказалась утвердить билль о реформе, который уже был принят Палатой Общин. Это навлекло беду на тех лендлордов, которые особенно яростно отстаивали свою точку зрения против закона. Были совершены нападения на их родовые имения, замки, грабили фермы и дома арендаторов. Шайка особо опасных преступников под видом мстителей творили злодеяния, идя даже на убийства невинных людей, лишь бы перевалить чашу весов на свою сторону. Отец Клэр расставил охрану в каждом своем имении, охрана сопровождала их даже на балы и мероприятия, куда выезжала Клэр с сестрами и матерью во время сезона.

И все же ситуация ухудшалась с каждым днем.

Сегодняшний вечер был призван успокоить нервы, дать передышку и возможность насладиться дивной музыкой, которая могла позволить на время позабыть обо всем этом хаосе. Им нужен был мир, хотя бы временный. На мгновение закрыв глаза, Клэр позволила умиротворению и чарующим звукам музыки заполнить себя, не оставив места ничему. Это было удивительное ощущение: слушать дрожь в голосе исполнительницы, пропускать через него аккорды пианиста и не думать ни о чем. Ни о волнениях, ни о той разнице в положении между ней и Клиффордом, ни о напряженной ситуации в стране, которая в любой момент могла перерасти в настоящую гражданскую войну.

Была только мелодия, голос певицы и больше ничего.

— Ненавижу, когда музыке ты уделяешь больше внимания, чем мне. И боюсь, если я не заговорю с тобой, ты забудешь, что я вообще существую. Ты, конечно, живешь музыкой, но прошу тебя, не делай этого, когда я рядом.

Голос Клиффорда, немного грустный и в какой-то степени лукавый вторгся в ее сознание, не разрушив, однако, очарования. Клэр не смогла сдержать улыбку, ощущая щемящую нежность к этому поистине невероятному человеку, которого любила всем сердцем. Открыв глаза, она, наконец, чуть повернулась и заглянула в его светящиеся ответной любовью карие глаза. Сердце на мгновение замерло от восторга. Он смотрел на нее почти с тем же оглушительным восхищением, как и в тот первый день, когда их представили друг другу два месяца назад на загородном приеме. Тогда он показался ей невероятно

самовлюбленным, напыщенным типом, который оказался среди изысканного общества, но, побыв немного в его компании, Клэр поняла, как сильно заблуждалась.

Еще и потому, что он ей безумно понравился, но она не желала признаваться в этом до самого последнего момента, пока он не поцеловал ее в тот же вечер на террасе дома. С тех пор сердце ее безоговорочно было отдано ему, потому что более чуткого, доброго, умного и великодушного человека она в жизни не знала.

— Только не говори мне, что у меня короткая память, — проговорила она, не переставая улыбаться.

«Аве Мария» подходила к концу, но Клэр этого уже не замечала, захваченная силой его взгляда.

Клиффорд вдруг резко втянул воздух, а потом шумно вздохнул. Глаза его заволокла странная дымка, и он на придыхании молвила:

— Боже, какая ты сегодня красивая!

Ей хотелось рассмеяться, потому что он произнес это с такой комично-страдальческой миной, будто не знал, что вся она принадлежит ему. Удивительно, но ей досталось все самое лучшее от родителей. И все же, относясь к своей красоте как к данности и не более, Клэр, тем не менее, не переставала удивляться реакции людей на свою внешность. Особенно ей нравилось, как это делал Клиффорд, почти как сейчас. От чего ей захотелось немного подразнить его, потому что его потемневший взгляд означал именно то, чего нельзя было показывать в переполненном высокородными строгими представителями высшей знати зале. Взгляд, который заставлял ее испытывать то, что она никогда прежде не испытывала: нестерпимое желание прижаться к его груди и позволить его поцеловать себя.

— Когда ты смотришь на меня так, мне хочется пожалеть тебя, потому что у тебя такой вид, будто тебя сразила молния.

Он нахмурился, красивые черты лица исказились будто от боли, и он тише добавил:

— Действительно сразила, разве ты не знала? Два месяца назад, когда ты повернулась ко мне.

Клэр вовремя прикрыла рот рукой, чтобы не рассмеяться, потому что в этот момент «Аве Мария» как раз закончилась, и она могла бы привлечь всеобщее внимание. Вместе с песней завершился и музыкальный вечер, что немного расстроило ее, ведь она обожала музыку и никогда не упускала возможности послушать игру умелого пианиста, когда только выделялась такая возможность.

Зрители громко зааплодировали певице и музыканту и стали подниматься. Мать Клэр строго посмотрела на нее, затем перевела такой же взгляд на Клиффорда. Разумеется, она догадывалась о теплых отношениях своей дочери к сыну друга своего мужа, но маркиза не позволяла думать, будто поощряет эти отношения и всегда старалась держать Клэр в поле зрения, чтобы не дай Бог не произошло непоправимое. Дочь была благовоспитанной девушкой, которая никогда бы не перешла границы, и все же тревоги маркизы не стихали.

Клэр же старалась не допустить ошибку, но было безумно трудно устоять перед обаянием Клиффорда, который постоянно дразнил и провоцировал ее. Ради него она была готова на все, даже иногда в редких случаях выходила к нему посреди ночи в сад, чтобы в тишине и вдали от посторонних глаз насладиться его обществом. И короткими жаркими поцелуями, которые кружили голову и заставляли млеть от счастья.

Да, она была счастлива. И была уверена, что скоро Клиффорд предпримет все попытки для того, чтобы узаконить это счастье. Они еще не говорили об этом, но слова были

совершенно не нужны, потому что ради него Клэр делала то, чего никогда не позволяла другим. Эти тайные вылазки в сад могли навсегда погубить ее, нанести непоправимый ущерб ее репутации, но она не могла устоять, не доводя, однако дело дальше поцелуев.

Не могла устоять, как и сейчас, даже когда рядом стояла мама и так строго смотрела на нее.

— Пойдем, дорогая, — велела она со скрытым повелением, — здесь где-то поблизости должны были расставить прохладительные напитки. Мне нужно как можно скорее что-нибудь выпить. Здесь так душно, что можно задохнуться.

Она раскрыла свой веер из белой слоновой кости и стала обмахиваться им. Клиффорд тут же поднялся со своего стула и галантно поклонился.

— Миледи, позвольте принести вам лимонад. Я не могу допустить, чтобы с вами что-то случилось.

Высокая стройная женщина за сорок пять с тонкими чертами лица и светло-каштановыми волосами подняла к нему царственный взгляд, а потом снисходительно улыбнулась и, наконец, доброжелательно молвила:

— Позволяю. — Когда Клиффорд удалился, мать закрыла веер и посмотрела на дочь, которая тоже встала с места. — Какой галантный мальчишка.

Глядя ему вслед, Клэр не смогла сдержать тоскующего вздоха.

— Мама, он — не мальчишка.

Маркиза сжала свой веер. Улыбка сбежала с ее красивого лица, а глаза обеспокоенно смотрели на дочь.

— Клэр...

Клэр очень не понравился тон, которым мать обратилась к ней. В ее голосе было легкое, ничем не прикрытое осуждение, страх и что-то еще, что заставило девушку обернуться к ней. Она не хотела говорить с матерью о Клиффорде, потому что уже говорила с ней. И с Клиффордом маркиза беседовала, но ничего подозрительного не выяснила, потому что его помыслы были чисты. Поэтому Клэр была уверена, что матери не о чем волноваться, ведь они не совершали ничего предосудительного. Все шло своим чередом, и в скором времени должен был наступить ожидаемый финал. Который станет началом новой, более яркой и счастливой жизни. О чем еще могла мечтать маркиза для своей старшей дочери, которая уже третий сезон не могла выбрать себе пару по сердцу?

И все же, заглянув в зеленые глаза маркизы, Клэр с трудом подавила желание поежиться, потому что не понимала мрачного настроения матери.

— Да, мама?

— Девочка моя... — начала она, но Клэр быстро положила ладонь ей на руку, предотвращая беду. Боясь того, что мать может сказать.

Боже, почему мама решила именно сейчас заговорить тем самым своим тоном, от которого начинали трястись коленки?

— Мама, кажется, папа зовет меня. Он стоит вон в том углу, видишь? — Она указала на высокую колонну, рядом с которой стоял ее отец и близкий друг их семьи маркиз Ричмондский. — Прости, но мне нужно подойти к нему. Он хочет что-то сказать. — Напоследок храбро улыбнувшись, Клэр притворно весело добавила: — Желаю насладиться своим лимонадом.

Она ушла до того, как маркиза смогла вставить слово. У Клэр непривычно часто билось сердце от странного ощущения в груди, которое накапливалось и усиливалось по мере того,

как она удалялась. Что мама могла сказать ей? С какой стати собиралась что-то говорить? Она ведь знала Клиффорда, знала отношение своей дочери к нему.

Никто и слова не сказал против их дружбы, которая крепла с каждым днем их знакомства и превратилась в то, во что должна была превратиться. Они не нарушали ни одного установленного правила, за исключением ночных вылазок, когда она позволяла Клиффорду лишь невинные, но порой и жгучие поцелуи, которые заставляли ее слабеть, но все же не настолько, чтобы потерять голову. Клэр знала, что делает. И знала, что в этом нет ничего плохого, потому что Клиффорд любил ее. Он не мог расстаться с ней, поведал ей почти все свои секреты и переживания. Если это не достаточный повод, чтобы связать с человеком свою судьбу, тогда Клэр отказывалась понимать истинный смысл взаимоотношений и любви.

И все же, когда она подходила к отцу и маркизу, она не могла избавиться от странного беспокойства, которое никак не отпусало ее.

— Папа, — молвила она, не замечая, как нервно сжимает руки перед собой.

— Клэр, милая, — заговорил маркиз Куинсберри, повернувшись к дочери. Высокий темноволосый мужчина с зелеными глазами, цвет которых унаследовали все его дети, кроме Клэр, улыбнулся и взял ее за руку. — Тебе понравился вечер?

Клэр приказала себе не думать больше о странном поведении матери и попытаться сосредоточиться на разговоре с отцом, который непременно отвлечет ее любимыми разговорами о музыке. Музыка, в которой также заключалась вся ее жизнь.

— Изумительный вечер, папа. — Она повернулась к маркизу и присела. — Милорд.

— Клэр, дорогая, — улыбнулся ей в ответ такой же высокий и статный мужчина с благородной сединой, держа в руке бокал с вином. — Цветешь все больше с каждым днем. В чем твой секрет?

Клэр лучезарно улыбнулась ему.

— В самых лучших родителях, которые наградили меня своими достоинствами.

Маркиз рассмеялся.

— Вероятно, ты права, дитя мое, и мне следует допросить твоего отца на этот счет.

Отец Клэр поморщился.

— Джордж, ради Бога, избавь меня от разговоров о допросе хотя бы здесь. — Кивнув в сторону большого фортепьяно, которое уже давно покинули музыкант и певица, маркиз снова взглянул на друга. — Кроме того, моей дочери не нужны уловки, чтобы выглядеть красиво. Хорошая музыка творит с людьми невероятные вещи, а для моей дочери в музыке заключается вся ее жизнь. Ей достаточно исполнить одно из многочисленных прославленных произведений и не только, чтобы вокруг всё засияло.

Маркиз Ричмондский задумчиво посмотрел на Клэр.

— А ведь верно, я не раз слышал о том, как искусно ты играешь на фортепьяно, но никогда не слышал твоей игры.

Клэр стало неловко от его изучающего взгляда. Маркиз был добрым и веселым человеком, но и могущественным лордом, перед которым благоговели и тряслись от страха многие в Парламенте. Впрочем, как и от ее отца.

— Милорд, — кивнула Клэр, продолжая улыбаться, — буду счастлива как-нибудь сыграть вам, когда вы приедете к нам в гости.

Маркиз Ричмондский выпрямился, опустив бокал.

— А почему бы не сделать этого сейчас?

Клэр замерла.

— Сейчас?

Она огляделась, без слов давая понять, что сегодня не место и не время для этого, ведь был музыкальный вечер графини Девон, которая приходилась сестрой маркизу Ричмондскому, и сыграть на фортепьяно после того, как вечер закончился, было бы вопиющим проявление неучтивости. Но оглядевшись, Клэр обнаружила, что в комнате, кроме маркиза и ее отца, а также ее матушки и Клиффорда, которые тихо о чем-то разговаривали, стоя в другом конце комнаты, никого не было, а большие двери были прикрыты.

Маркиз Ричмондский, преисполненный своими словами, воодушевленно кивнул.

— Конечно, моя милая. Уверен, моя сестра завладела вниманием всех своих гостей и нашла им достойное занятие. Большинство вышли прогуляться по саду или сидят в уютных гостиных и обсуждают пение мадам Лэфрой, так что здесь нас никто не услышит. Что скажешь?

Желание маркиза услышать ее игру немного смутила Клэр, но она знала, что он сам любит музыку и имеет потрясающе красивый белый рояль, настроенный так искусно, что одно его звучание можно было сравнить с небесными звуками. Она часто играла на нём, когда гостила у маркиза, но он всегда бывал занят или его не было дома, так что действительно не слышал ее игры.

Расправив плечи, Клэр снова улыбнулась маркизу.

— Дядя Джордж, почту за честь сыграть для вас.

Улыбка маркиза стала шире. Он был необычайно красивым мужчиной, и даже седина не портила его обаяния.

— Что решишь продемонстрировать мне? Признайся, что любишь играть Россини, Моцарта или Шуберта, я угадал? Все в восторге от Серенады Шуберта Лебединая песня.

Клэр всегда восхищало то, что ей приписывали высокопарные увлечения, но ее забавляло то, что никто не мог угадать ее истинных предпочтений. Она медленно покачала головой.

— Нет, дядя Джордж, вы не правы. Я, конечно, люблю исполнять серенаду Шуберта, особенно когда об этом просит папа, но это не самое мое любимое произведение.

Отец Клэр рассмеялся, а маркиз Ричмондский внимательно посмотрел на нее.

— Ты меня удивляешь, дитя мое. И что же ты любишь играть больше всего?

Маркиз Куинсберри махнул рукой.

— Ни за что не угадаешь, Джордж. У моей Клэр необычный вкус.

Светло-голубые глаза маркиза засверкали любопытством.

— Ну, надо же, такая юная, но с особой глубиной. Вся в отца, нужно признать, верно, Грегори?

Отец Клэр снова рассмеялся и дружески похлопал друга по плечу.

— У тебя сегодня необычайно хорошее настроение. Вероятно, музыка так подействовала на тебя. — Он вдруг посерьезнел и тише добавил: — Я рад этому, мой друг. Тебе полезно испытать немного счастья.

Клэр озадаченно посмотрела на отца, и только тут заметила, каким напряженным и усталым выглядел маркиз Ричмондский, который мягко кивнул и снова посмотрел на нее.

— И чтобы мое впечатление от этого вечера стало незабываем, предлагаю тебе, Клэр, немедленно сыграть свою любимую композицию, иначе я умру от любопытства.

Смилостивись над ним, Клэр решила больше не томить его в неизвестности.

— Я не допущу этого, дядя Джордж, потому что больше всего я люблю играть Бетховена.

— Клэр просто одержима его Лунной сонатой, — вставил маркиз Куинсберри.

Маркиз Ричмонд был поражен.

— Удивительно, — после недолгой паузы заговорил он, нахмурившись. — Почему именно этот глухой безумец?

— Меня восхищает его жажда сочинять даже тогда, когда он перестал слышать. И даже надевая свою странную железную конструкцию на плечи, благодаря которой он собирал звуки так, чтобы расслышать собственную игру, он мог творить. Он боролся со своим недугом и сочинял до самой смерти. Как может такая немыслимая борьба с самим собой, а порой и с создателем, не внушать благоговейного трепета и восхищения?

— Удивительные вещи вы говорите, юная леди, — медленно проговорил маркиз, задумчиво глядя на Клэр. — Удивительные вещи, достойные юного дарования. Сыграй мне, дитя мое.

Клэр сделала шаг назад и присела в легком реверансе:

— С удовольствием, дядя Джордж.

Она направилась к красивому инструменту, наполненная предвкушением того, что должно было произойти, поэтому не расслышала слов отца, когда тот заговорил, глядя ей вслед:

— Клэр было шестнадцать, когда пять лет назад пришла весть о том, что умер Бетховен. До этого она упрашивала меня отвезти ее в Вену, чтобы она смогла присутствовать на одном из его концертов и хоть бы краем глаза увидеть его. Но потом... Она заплакала, когда увидела новость в газете, можешь себе такое представить?

Маркиз так же изучающе смотрел на Клэр, когда тише произнес:

— Не знал, что твоя дочь превратилась в такое очаровательное и мудрое создание.

Почему она до сих пор не замужем?

Грегори покачал головой и вздохнул:

— Ты не представляешь, скольких ухажеров мне пришлось осадить и отправить восвояси. Большинство из них не были достойны даже стоять рядом с ней.

Джордж хмуро повернул голову к другу.

— Отцовские чувства в тебе разыгрались? Не можешь найти достойного для нее?

Лицо Грегори оставалось серьезным, когда он ответил:

— Клэр — особенная, она тонкое, глубокое создание, которое может постичь все тайны вселенной, если только захочет. Я не хочу, чтобы какой-нибудь проходимец погасил в ней эту жажду жизни.

Переведя взгляд на молодую красавицу, маркиз Ричмондский кивнул:

— Ты прав, мой друг. Не позволяй, чтобы эта жажда угасла в ней. — Сделав наконец глоток из своего бокала, он неожиданно спросил: — Сколько ей лет?

— Двадцать один.

— Это ее третий сезон?

— С математикой у тебя никогда не было проблем, Джордж, — с улыбкой молвил Грегори, глядя на то, как дочь садится за красивый большой инструмент и готовится играть. В полной тишине они ожидали игру Клэр, но вспомнив о чем-то, маркиз Куинсберри тихо спросил: — Как Эрик?

Лицо маркиза Ричмонда потемнело, а потом побледнело. Он так крепко сжал бокал, что стекло чуть не треснуло. Заметив перемену в друге, Грегори обернулся к нему. Но маркиз так и не смог ничего сказать. Он лишь покачал головой и снова сделал глоток. Большой, болезненный. И вновь сосредоточился на Клэр, следя за грациозными движениями молодой красавицы, в которую превратилась дочь его лучшего друга. Которая сейчас садилась за фортепьяно, чтобы исполнить одно из самых необычных произведений Бетховена, которое он сочинил для Джульетты Гвиччарди. Соната, которую не любил сам автор, но которую обожал весь мир.

Клэр взглянула на белые клавиши, сделала глубокий вдох и на мгновение, закрыв глаза, чтобы наполниться предвкушением грядущего, подняла руки, распахнула веки и стала играть то, что всегда успокаивало ее, внушая трепет перед силой звучания произведения. Напор и мягкость мелодии чередовались с чарующими звуками мрачного предчувствия чего-то неизбежного. То тихая, едва слышная, то с буйством всей обреченности игра перерастала в магию совершенства, обретая формы, о которых никто до этого не знал. Форма причудливого бытия, сотворенного гением. Мелодия, которая всегда заставляла Клэр чувствовать то, что она никогда не чувствовала. В груди смешивалось буквально все, сжимаясь от щемящей боли, переходящей в восторг и сознание того, что на короткое мгновение можно коснуться чего-то столь совершенного. Разговора мастера и создателя, творца с бытием.

В такие минуты Клэр казалось, что она отрывается от земли и уносится туда, где не существовало никого. Она играла сонату, позабыв обо всем на свете. Играла танец мира теней и грусти, который длился, казалось целую вечность. Но, играя сегодня, Клэр вдруг ощутила странное беспокойство. Ей стало казаться, будто сегодня она не одна в этом мире. Что за ней следят. Но ведь за ней действительно следили. Отец, маркиз Ричмонд, мать и Клиффорд... Медленно повернув голову, она взглянула на Клиффорда, который внимательно наблюдал за ней, и улыбнулась ему, поняв, что впервые играет свою любимую сонату перед ним. Он выглядел ошеломленным. И очарованным. Сердце ее на миг наполнилось бесконечной любовью к нему, но что странно: беспокойство никуда не делось. Клэр могла поклясться, что дело было не только в Клиффорде.

Она быстро оглядела большую комнату, но никого больше не обнаружила.

В вечерней тишине Лунная соната лилась как магия небес до тех пор, пока не стихла на последних аккордах тоскливой неизбежности. С замиранием сердца Клэр подняла руки от клавиш и повернулась к своим слушателям, испытывая странное стеснение в груди. Будто бы вместе с игрой она явила всем то, что никогда прежде не показывала. Некое единение с миром, который принадлежал только ей. Взглянув на своих родных, Клэр все же поняла по выражению их лиц, что они ничего этого не заметили... И все же в груди поселилась странная грусть, переходящая в настоящую боль от того, что она только что играла. Такого никогда прежде не происходило с ней. Обычно после игры она ощущала полное удовлетворение, но не сегодня. Потому что что-то с особой силой давило ей на грудь и мешало дышать. Таинственная обреченность, которая продолжала надвигаться на нее.

Ей заплотировали, отвлекая внимание, маркиз Ричмондский похвалил ее изумительную игру, но Клэр не слышала его слов, продолжая ощущать беспокойство от того, будто бы за ней все еще наблюдают.

На нее смотрели довольный дядя Джордж, ее отец и мать. И Клиффорд. Она попыталась сосредоточиться на нем, когда он подал руку, чтобы увести ее из комнаты. Но, переступив

порог, Клэр не смогла сдержаться и оглянулась назад, ожидая увидеть того, кто скрывался в комнате. Но там, разумеется, никого не было. Покачивая головой, она решила, что это просто игра ее воображения. И все же, хоть Клиффорд был рядом с ней и крепко держал ее за руку, странное чувство в груди так и не исчезло.

Клэр не хотела посещать музыкальный вечер, который устраивал на этот раз маркиз Ричмонд. И все же согласилась поехать туда только потому, что было просто невозможно отказать дяде Джорджу.

Но больше всего она собиралась еще и потому, что туда также был приглашен Клиффорд. Ради него она была готова пойти на вечер даже в столь плачевном состоянии.

У нее болела голова, болело горло. Она чувствовала слабость во всем теле и боялась, что окончательно простыла, выйдя вчера на раннюю прогулку по Гайд-парку вместе с двумя сестрами Розалин, которая дебютировала в этом году, и Агатой, и единственной дочерью маркиза Ричмонда Рейчел, которая была одногодкой Агаты и ее лучшей подругой. Погода с самого утра не задалась, и Клэр боялась, что похолодает еще больше. Она всегда боялась холода и почти постоянно брала с собой на прогулку свою любимую теплую шаль из кашемира, но в тот день быстрые сборы отвлекли ее, и она забыла взять ее. И, вероятно, эта ошибка в виде наказания и наградила ее жуткой простудой, которая с каждой минутой усиливалась все больше и больше.

Она не представляла, как вынесет в таком состоянии целый вечер, но желание увидеться с Клиффордом победило. А еще теплое молоко на ночь с медом и яичным желтком сотворили чудо, и вот теперь она чувствовала себя намного лучше.

Но головная боль так и не прошла. Клэр всем сердцем надеялась, что приятное времяпрепровождение и хорошая музыка успокоят и отвлекут ее. К тому же рядом будет Клиффорд. Это должно было вылечить ее от любого недуга.

Она ждала с ним встречи. Еще и потому, что вот уже целых четыре дня не видела его и ужасно соскучилась по нему: по его голосу, по его улыбке. И веселым разговорам. Он был занят с ее отцом, решая вопросы, связанные с этим проклятым избирательным биллем и некоторыми финансовыми аспектами касательно банка Англии, который стоял на грани разорения только потому, что буржуазия в протест отказу принять закон, грозила немедленно вывести со счетов все свои сбережения. Клэр слышала разговоры отца и с трудом могла представить, какие меры могли предпринять власти, чтобы уберечь страну еще и от краха.

Поэтому и сегодня вечер был задуман как раз для того, чтобы вновь отвлечь всех собравшихся от плохих мыслей и на время успокоить натянутые нервы.

День выдался теплым, но Клэр все же захватила с собой шаль, предусмотрительно накинув ее на плечи. В горле продолжало неприятно першить, но она делала все возможное, чтобы проглотить болезненный ком. Слушая восторженные рассказы младшей сестры о том, что дядя Джордж для вечера пригласил самого знаменитого пианиста столицы, Клэр с трудом сдержалась от того, чтобы не поежиться, потому что ее начинало знобить. Боже, она действительно простыла и расклеивалась прямо на глазах. Не хватало только, чтобы поднялась высокая температура.

— Клэр, милая, ты в порядке? — послышался обеспокоенный голос матери. Маргарет взволнованно смотрела на дочь, которая прижалась к дальнему углу кареты и пыталась сглотнуть. — Не думала, что тебе настолько нехорошо. Ты могла бы сказать мне...

— Нет! — тут же оборвала ее Клэр, быстро вскинув голову. Она боялась, что если скажет хоть слово, ее действительно оставят дома. И тогда она не увидит Клиффорда. А она

не видела его невысказанно долгих четыре дня! — Я в полном порядке, мама.

— Ты уверена? — скептически спросила маркиза.

Клэр лучезарно улыбнулась, преодолевая дрожь во всем теле.

— Более чем. Расскажите мне, кто еще будет на этом вечере?

Ее вопрос отвлек мать и до самого Уортон-корта они доехали без происшествий.

Они прибыли раньше остальных гостей по просьбе маркизы Ричмонд, которая хотела познакомить их со своей новорожденной внучкой. Тепло встретив друзей семьи, тетя Лидия провела их в уединенную гостиную, где к своему удивлению Клэр обнаружила и Клиффорда, которого допустили до столь личного момента. У нее подпрыгнуло сердце, когда их глаза встретились. Он мягко улыбнулся ей, незаметно кивнул маркизу Ричмонду, с которым разговаривал, и направился к ней. Боже, как давно она не видела его! Как давно не касалась его!.. И сейчас, видя светящиеся обожанием темные глаза, Клэр понимала, как бесконечна ее любовь к нему.

Поздоровавшись с ее родными, он повернулся к ней. Клэр замерла, затаив дыхание. И тогда, взяв ее правую руку в свою, он медленно поднес ее к своим губам, пристально глядя ей в глаза.

— Боже, милая, как я рад тебя видеть! — прошептал он, чуть дольше затянув поцелуй.

У Клэр задрожали колени. Она все смотрела на него, борясь с отчаянным желанием коснуться его, прижаться к нему. Она любила его, любила так, как никогда никого не любила. Именно он и научил ее любить, даровал ей способность любить так, что становилось трудно дышать. Почти как сейчас.

— Я тоже, — молвила Клэр, мысленно умоляя его не отпускать руку.

Клиффорд выпрямился и улыбнулся, сжимая ее пальцы в своей теплой ладони.

— Прошла целая вечность с тех пор, как я касался тебя.

Его глубокий голос и пристальный взгляд заставили Клэр позабыть обо всем на свете.

— Действительно... — прошептала она, не заметив, как шагнула к нему.

Он собирался опустить ее руку, но взгляд остановился на ее большом пальце. Клиффорд нахмурился, заметив там маленький белый шрам.

— Что это за шрам? — спросил он тихо.

— Что?

Клэр не сразу поняла, о чем он говорит. Но Клиффорд внимательно смотрел на ее руку и снова спросил:

— Что это за шрам? Почему я его никогда не видел?

— Шрам? — Клэр, наконец, очнулась и взглянула на свой палец. — О, это... это было так давно. Ничего страшного...

— Страшного? — переспросил он, а потом нежно улыбнулся. — Конечно, ничего страшного, потому что даже этот шрам не портит твою красоту.

Портит? Клэр удивленно вскинула брови, не понимая, какое отношение шрам имеет к ее красоте. Она хотела сказать, как это произошло, пусть даже Клиффорд не спросил ее об этом, пусть даже сотни раз, держа ее за руку, не замечал шрама до сегодняшнего дня, но он быстро поцеловал большой палец, опустил ее руку и повел к дивану, где уже сидели ее сестры и дочь маркиза Ричмонда. Улыбнувшись Рейчел, Клэр позволила Клиффорду усадить себя в стоявшее рядом кресло.

Они говорили о предстоящем вечере, когда дверь открылась, и в гостиную вошли сын маркиза Алан со своей супругой Джослин и их новорожденной девочкой. Взволнованная

маркиза Ричмонд встала и пошла им навстречу, чтобы взять ребенка. Поднялись и все остальные присутствующие. Клиффорд встал рядом с Клэр и внимательно следил за тем, как маркиза, осторожно держа на руках новорожденное дитя, показывает ее маркизе Куинсберри и ее супругу.

— Какое крохотное существо, — проговорил Клиффорд слегка взволнованно, заведя руки за спину. — Разумно ли было приносить ее сюда?

Клэр едва удержалась от того, чтобы не чихнуть. Она обернулась к нему, испытывая какое-то необъяснимо щемящее чувство нежности, и улыбнулась.

— Ты что же, боишься ее? Она не укусит тебя, дурачок.

Клиффорд пожал плечами и поморщился.

— Не люблю маленьких детей. Они шумные и неуправляемые.

Его слова несказанно удивили Клэр, но она не успела пожурить его за предвзятое отношение, потому что маркиза со своей внучкой как раз подошла к ней. Клиффорд отошел в дальний угол комнаты, предварительно учтиво кивнув маркизе.

Через полчаса стали съезжаться гости. Повидав крохотную девочку, которая смотрела на мир маленькими красивыми глазками, Клэр теперь стояла в бальной зале и следила за тем, как снуют туда-сюда разодетые по последней моде в пышные наряды женщины и их кавалеры. Маркиз Ричмонд решил провести музыкальный вечер с пользой для всех и собрал гостей не в тесной комнате, а в зале, у которой была замечательная акустика, для того, чтобы молодым при желании было удобно танцевать под аккомпанемент известного пианиста и его музыкантов.

Пока музыканты настраивали свои инструменты, гости беседовали и пили лимонад. Клэр отчаянно хотела выпить теплого чая, который не успела выпить в гостиной, потому что ее отвлекал Клиффорд, а теперь перспектива пить холодный лимонад вызывала у нее неприятный озноб. Стоя возле большой картины известного художника, который с изяществом изобразил на холсте Озерный край, Клэр старалась слушать, о чем говорят ее сестры и Рейчел, мать и маркиза Ричмонд, когда к ней подошел Клиффорд.

— Сегодня ты подозрительно тихая, — проговорил он, глядя на нее.

Клэр в очередной раз попыталась проглотить болезненный ком в горле.

— А ты не хочешь спросить, почему?

Клиффорд нахмурился, но потом мягко улыбнулся.

— Что-то не так? Скажи, в чем дело, и я спасу тебя даже от огнедышащего дракона.

У нее растаяло сердце. Клэр чуть было не потянулась к нему. Ей до смерти хотелось обнять его и положить голову ему на грудь. Подумать только, они встретились всего два месяца назад, а ей казалось, что она знает его уже целую вечность.

— Не нужно меня ни от кого спасать, мне только...

— Что?

— У меня болит горло. Я боюсь, что простудилась.

— Простудилась? — Клиффорд фыркнул и выпрямился. — Это пустяки. Это можно легко исправить.

— Ты считаешь простуду пустяком?

Он снова широко улыбнулся.

— Да, если это можно вылечить.

— Лечить здесь? Собираешься позвать доктора?

Он оглядел большую залу, будто бы как раз в его поисках.

— С точностью до наоборот, радость моя. — Заметив что-то, он отошел от нее, а потом вернулся к ней с полным бокалом шампанского. — Вот, выпей это, и сразу же почувствуешь себя лучше.

— Шампанское? — Клэр поежилась, увидев, как по запотевшему хрустальному бокалу скатывается маленькая капелька. — Мне холодно, а ты просишь выпить ледяное шампанское?

В подтверждение своих слов она демонстративно чуть выше потянула на плечах свою шаль. Клиффорд нежно улыбнулся ей, продолжая протягивать бокал с шампанским.

— Это поможет, обещаю.

Клэр недоверчиво взглянула на бокал.

— Сомневаюсь.

— Когда это я подводил тебя?

Подводил? Клэр перевела удивленный взгляд на него, потому что поняла, что до этого мгновения не было ни одного случая, чтобы ей пришлось полагаться на него, поэтому у него не возникало повода подводить ее.

— Я не ела ничего с самого ланча и боюсь, если выпью алкоголь, я тут же опьянею.

Он подался вперед и прошептал так, чтобы слышала только она.

— Никогда не видел тебя пьяной.

Глаза его сверкали. Клэр вздрогнула и замерла, с трудом дыша от его близости.

— Какой ты бессовестный, — прошептала она, все же взяв бокал.

И снова поежилась, стоило дрожащим пальцам коснуться холодного хрусталя.

— Я пытаюсь помочь тебе, — жалобно пробормотал Клиффорд, не отходя от нее.

— А мне казалось, ты пытаешься напоить меня.

Он тут же выпрямился и отошел от нее.

— Ни в коем случае, потому что я собираюсь пригласить тебя на танец. Разумеется, после того, как ты выпьешь этот бокал, и тебе станет лучше. И когда, наконец, закончится этот музыкальный вечер, во время которого, я уверен, ты полностью забудешь обо мне. Не люблю, когда музыка захватывает тебя больше, чем я.

— Этого не произойдет!

Он выразительно взглянул на бокал.

— Пей.

Скептически глядя на бокал, Клэр одним махом осушила его содержимое, потому что знала, что цедить игристое холодное вино будет равносильно мучительной пытке. Ее тут же бросило в холод, так, что она с трудом сдержалась от того, чтобы не застонать. Затем ее бросило в жар. Так, что у нее заалели щеки. Клэр услышала, как рассмеялся Клиффорд, и грозно посмотрела на него. Он забрал у нее бокал, а потом...

Протянул ей новый.

Клэр остолбенела, не до конца отойдя от первого бокала.

— Ты в своем уме!

— Тебе ведь уже лучше, верно? Сделай еще глоток и простуду как рукой снимет.

Ее снова стало знобить. У нее начинала кружиться голова. Перед глазами закружилось, и Клэр побоялась упасть. Она схватила его за руку, стараясь дышать так, чтобы не задохнуться.

— Боже... — простонала она, прикрыв веки.

Клиффорд подхватил ее за локоть и держал так до тех пор, пока ее головокружение не прошло.

— Скоро все пройдет, поверь.

Ощущая гулкие удары своего сердце, Клэр обнаружила, что ей действительно становится теплее. Дыхание выровнялось, и когда она смогла снова вернуться к реальности, тут же столкнулась с нежной улыбкой Клиффорда.

— Все хорошо, любимая. Доверься мне.

В очередной раз у нее растаяло сердце. Как она могла не довериться, если вверила ему всю свою жизнь? У Клэр кружилась голова, но больше от его близости, нежели от алкоголя. Сжав ему руку, она тихо шепнула:

— Я боюсь упасть.

— Я не позволю, — пообещал он, вручив ей новый бокал. — Выпей это, когда немного успокоишься.

Их прервали подошедшая к ним Рейчел под руку со своим братом Диланом, который был на три года старше сестры. Высокий, черноволосый и очень обаятельный, он уже окончил университет и как раз собирался отплыть на континент для завершения обучения. Клэр была рада, что ее отвлекли от Клиффорда, потому что благодаря ему чуть было не позабыла, где вообще находится. С трудом ступая на ватных ногах, она отошла от него на почтительное расстояние и взглянула на красивых и нарядных друзей.

— Клэр! — радостно воскликнула Рейчел, остановившись перед ней. — Музыканты уже готовы, концерт вот-вот начнется. Тебе наверняка не терпится услышать игру мистера Питта, верно? Говорят, его игра настолько сильно восхитила короля Вильгельма, что он пожелал на время пребывания Питта в столице поселить его в Букингемском дворце, чтобы иметь возможность постоянно слушать его музыку. Можешь себе такое представить?

— У нас есть возможность убедиться в этом сегодня, разве нет? — сказала Клэр, борясь с туманом в голове и стараясь удержать бокал в дрожащей руке. — Кроме того, у дяди Джорджа великолепный вкус, так что нас ждет замечательный вечер.

Рейчел улыбнулась и, закрыв веер, задумчиво похлопала ею по свободной руке.

— Папа говорил, что на вечере тети Клары ты покорила его своей игрой.

Клэр нервно махнула рукой, чувствуя, как начинают дрожать колени. Боже, мало того, что она простыла, ко всему прочему она еще и опьянела! Так, что едва держалась на ногах. Бессовестный Клиффорд!

— Уверена, твой отец преувеличивает, — заговорила, наконец, Клэр, сжимая бокал.

— Он ведь никогда не слышал, как ты играешь, — заметила Рейчел. — Думаю, он еще не раз попросит тебя это сделать.

Клэр очень надеялась, что это произойдет не сегодня.

— Буду рада сыграть... для него. — Ей было не по себе от этих разговоров, поэтому она повернулась к Дилану. — Дилан, а когда ты уезжаешь? Ты уже решил, какую страну посетишь первой?

— Конечно, он уже решил, как в свое время решали мои старшие братья! — ответила за него Рейчел, тоскливо взглянув на брата. — Он мечтает поселиться во Флоренции и навсегда остаться там жить, но будь уверен, братишка, я не позволю тебе исчезнуть. Мы с Аланом и... — Она вдруг запнулась, на мгновение застыла, будто бы была не в силах произнести нужное слово, но быстро взяла себя в руки и закончила: — Мы с братьями приедем и заберем тебя домой.

Дилан расхохотался.

— Думаю, так и будет, потому что это станет для тебя отличным поводом увидеть свою обожаемую Флоренцию.

Рейчел погрузилась.

— Почему мужчинам разрешают так свободно путешествовать, а мы вынуждены томиться в четырех стенах? Клэр, ты бы хотела увидеть Флоренцию? Мы уже достаточно взрослые, чтобы после сезона хоть бы на месяц отправиться туда, что скажешь?

Клэр знобило, в горле пересохло так, что она была вынуждена сделать глоток этого холодного, неприятного напитка, который, по словам Клиффорда, обязан был помочь ей. Но ничего, кроме слабости не ощутила.

— Я... — она покачнулась. Клиффорд хотел было поддержать ее, но предостерегающим взглядом Клэр остановила его. Допив бокал, она вручила его Клиффорду и взглянула на Рейчел. — Дорогая, я бы хотела отойти на некоторое время. Ты не подскажешь, какую комнату тетя Лидия отвела для дам?

Рейчел нахмурилась.

— Тебе нехорошо?

— Я просто хотела... освежиться. Вы не против?

— Конечно, нет. Позволь проводить тебя.

Ей было так нехорошо, что она могла в любую минуту выплеснуть все содержимое своего желудка, состоящее из противного шампанского. Клэр покачала головой, не желая иметь свидетелей своей постыдной слабости.

— На втором этаже есть комната... — начала было Рейчел, но Клэр быстро оборвала ее.

— Я найду, спасибо.

— Леди Клэр? — обратился к ней взволнованный Клиффорд. — Позвольте...

— Не нужно, я смотрю, музыканты настроили свои инструменты, а гости уже занимают места. Идите и располагайтесь, я скоро... с-скоро вернусь.

Развернувшись, Клэр поспешила выйти из бальной залы, ощущая сильнейшее головокружение. Такое сильное, что она боялась упасть. И почему только позволила Клиффорду уговорить себя выпить шампанское? Ведь знала, что моментально опьянеет и ничего хорошего из этого не выйдет. Единственным утешением служило то, что она позабыла о боли в горле. Теперь ей предстояла задача куда более сложная: ей нужно было устоять на ватных ногах и добраться до второго этажа.

В коридоре было темно и безлюдно, что немало утешило ее. Клэр двинулась вперед, свернула налево и вышла к широкой лестнице, которая казалась такой длинной, что конца ей не было видно. У нее еще больше закружилась голова. Схватившись за лоб, Клэр остановилась и старалась дышать так до тех пор, пока немного не пришла в себя. Боже, она действительно была пьяна, и ей нужно было срочно выпить воды, чтобы вывести из организма алкоголь. Но где ей найти воду, если она не могла даже представить, как поднимается на второй этаж? О том, чтобы преодолеть эту адскую лестницу не могло быть и речи. И желания.

Поэтому, развернувшись, она направилась в другую сторону, подальше от бальной залы, чтобы никто не видел ее в таком состоянии. И вскоре набрела на приоткрытую дверь, откуда пробивался легкий свет. Не в силах сдержать вздох облегчения, она раскрыла дверь и вошла. И оказалась в музыкальной комнате маркиза, где он хранил свой белоснежный рояль с открытой верхней крышкой. Потрясающий инструмент, к которому Клэр испытывала невероятную слабость, и он мог бы захватить ее целиком и полностью, но сейчас она могла упасть от собственной слабости.

— Вод-да, — заплетающимся языком проговорила она и, шатаясь, вошла в комнату. —

Теб-бе сейчас нужна вод-да... а не рол-ля...

Внутри мерно горел только камин, но он был довольно большим, так что отбрасывал достаточно света, чтобы можно было в дальнем углу обнаружить буфет с графинами. Туда и двинулась Клэр, в надежде отыскать воду. Перебирая графины дрожащими руками, она, наконец, нашла воду, которой обычно разбавляли виски, налила себе щедрую порцию и выпила все до самого дна. И чуть не расплакалась от облегчения.

— Боже, — прошептала она, прикрыв на мгновение глаза. Вода, обычная прохладная вода смыла горький привкус во рту. Клэр по-прежнему дрожала, но теперь верила, что сможет привести себя в порядок. Вздвогнув, она выпрямилась и снова плеснула себе воды. И снова выпила все до самого дна. А потом тело ее ослабело так, что она чуть было не сползла на пол. Схватив бокал и графин, пошатываясь, она двинулась к двухметровому роялю на трех ножках и вовремя плюхнулась на мягкий пуфик, потому что ноги уже отказывались держать ее. — Какое счастье! — прошептала она блаженно, сидя на невероятно мягком стуле.

Здесь было так тихо и тепло, полумрак так приятно расслаблял, что ей захотелось замурлыкать, но разумеется она ничего подобного не сделала. Расположенная в левом крыле дома музыкальная комната находилась вдали от всех, так, что сюда не проникали даже звуки музыки, которую наверняка уже начали играть в бальной зале. В любое другое время ее бы огорчило то, что она пропустила такое событие, но сейчас Клэр было так хорошо, что ни о чем большем и не мечтала. Сделав еще один глоток, она взглянула на рояль, который стоял перед ней, и поняла, что не нужно жалеть о том, что можно было организовать и здесь.

Выпив еще немного воды, она опустила бокал и графин на пол, а потом медленно провела руками по отполированной малой крышке, под которой скрывались белоснежные клавиши, и медленно откинула ее назад. Дрожь восторга и предвкушения прокатилась по всему телу, едва Клэр поняла, что она наедине с этим произведением искусства. Черные и белые клавиши расплывались перед глазами, но она нашла клавишу «до» на малой октаве и нажала на нее. Густой знакомый звук тут же заполнил всю комнату. Клэр блаженно улыбнулась этому кристально чистому звучанию. Вот что могло бы помочь ей. Вот, что привело бы ее в чувство окончательно. Она ужасно сердилась на Клиффорда, но радость от единения с инструментом была столь велика, что она на время позабыла свое недовольство. И даже Клиффорда.

Были только она и рояль, на котором она собиралась играть. Как она могла устоять перед таким искушением?

Сладкое предчувствие чего-то незабываемого полностью охватило ее, не оставив места ничему. Расположив руки над нужными октавами, Клэр сделала глубокий вдох, и тихая мелодия Лунной сонаты полилась по всей комнате, касаясь самых дальних уголков и погружая всё в неосознанное бытие, в котором никто никогда не бывал. Сумрачная и скорбная песнь сердца лилась идеально до тех пор, пока ее мизинец не угодил на неправильную ноту.

Клэр замерла от ужаса.

— Что? — Она никогда не ошибалась и могла с закрытыми глазами сыграть сонату, и пусть ей взор всё еще заслоняла пелена тумана, это несколько не оправдывало ее неряшливой игры. Хмуро склонив голову к клавишам, Клэр попыталась разглядеть нужную ноту. — Где ты? — звала она ноту так, будто бы та могла откликнуться. — Ты ведь д-должна быть здесь! Выходи...

Алкоголь все еще бродил по телу приятной дрожью, кружа голову, но Клэр старалась не обращать на это внимание, выискивая свою ноту.

— Вот ты где! — воскликнула она, найдя, наконец, то, что искала. Восторженно улыбнувшись, Клэр снова выпрямилась и нажала пальцем по нужной клавише. И довольно кивнула. — Вот так, больше не уходи оттуда...

Приготовившись, Клэр вновь заиграла с того места, с которого прервалась. Блаженство накрыло ее с головой так, что она непроизвольно закрыла глаза, наслаждаясь обожаемой музыкой. Мелодия все лилась и лилась, унося ее далеко-далеко, туда, где не существовало ничего, кроме света, тепла и очарования. Шаль медленно соскользнула с плеч и упала на пол, но Клэр этого не заметила, погруженная в свою сонату. Она могла бы вечность вот так сидеть и играть на этом замечательном инструменте, не боясь никого и ничего. Не боясь...

Она вдруг нахмурилась, ощутив гулкие удары своего сердца. А потом какое-то невольное волнение охватило ее. Смутно знакомое... Чувство, которое накатывало на нее четыре дня назад, когда она играла для дяди Джорджа. Да, в тот день именно такая тревога поселилась в груди, пока она играла. Но что могло послужить тому причиной сегодня? Ведь в комнате никого не было...

Встряхнув головой так, что прядь золотистых волос качнулась и упала ей на лицо, и поведя плечами так, будто бы стряхивала с себя незримую тяжесть, Клэр попыталась отогнать от себя ненужные чувства и продолжала игру.

Но блаженные минуты длились недолго, потому что ее палец снова нащупал неверную ноту. Удрученно открыв глаза, Клэр вновь опустила голову к клавишам, грозно глядя на них.

— Вы что делаете? П-почему убегаете от меня? И заставляете меня фальш-ш... фашливить! — Воюя с незримым врагом, Клэр вскоре обнаружила, что все клавиши были на месте. Сильнее надавив на нужную клавишу, она держала палец так до тех пор, пока звук не стих. — Вот т-тут ты должен б-быть всегда, ясно тебе, ма-а-аленький проказник? А теперь я д-должна доиграть сон-нату, понятно?

Выпрямившись, она в очередной раз возобновила игру.

И вновь палец угодил на неверную клавишу. От досады глаза Клэр наполнились слезами.

— Я т-так б-больше не б-буду! — оторвав руки от пианино, она скрестила их на груди и гневно посмотрела на непослушные клавиши. — Вы гадкие и прот-тивные создания! Обещаю, что больше не буду играть!..

— Прошу вас, продолжайте.

Мягкий мужской голос, внезапно ворвавшийся в сознание, так сильно напугал Клэр, что она чуть не упала со своего стула. Резко вскочив на ноги, она покачнулась и снова упала обратно на пуфик. А потом подняла голову и взглянула на высокую фигуру, которая стояла у рояля.

— Господи, вы кто такой? — спросила она, прижав руку к груди в стремлении унять бешеный стук сердца. В комнате по-прежнему царил полумрак, а туман перед глазами мешал разглядеть незваного гостя. — Как вы вошли?

— Вы играете очень хорошо, — произнес он необычайно мягким, глубоким голосом, который не пугал, а лишь каким-то непостижимым образом успокаивал.

— Хорошо? — Клэр опустила раздосадованный взгляд на взбунтовавшиеся клавиши. — Эти паршивцы никак...

— Вы хорошо играли! — с мягкой убежденностью прервал ее мужчина.

Оторвав взгляд от рояля, Клэр попыталась разглядеть своего собеседника. Он был высоким, таким высоким, что она почувствовала себя невероятно крошечной рядом с ним.

На нем была дорогая одежда: темно-зеленый сюртук и белоснежная рубашка. Это все, что она заметила на фигуре, полу скрытой за роялем. Одну руку он положил на приоткрытую крышку, другую прятал за спиной. Подняв голову выше, Клэр надеялась увидеть его лицо, но черты расплывались, как бы отчаянно она не старалась разглядеть его.

— Что вы делаете? — спросил озадаченно мужчина.

— Что?

— Почему шуритесь?

— Щурюсь? — Клэр только тогда поняла, что действительно шурится, выпрямилась на пуфике и покачала головой. — Я пытаюсь вас разглядеть...

Мужчина шагнул к ней.

— Вам нехорошо? Вы плохо видите?

Клэр внезапно к полному своему стыду очень громко икнула. Резко прижав ладонь к губам, она взглянула на расплывчатый образ мужчины и покачала головой.

— Плохо вижу?

Он вдруг замер, а потом медленно спросил:

— Вы выпили лишнего?

Клэр на этот раз почувствовала, как пристыжено краснеет.

— Мне... — У нее по-прежнему заплетался язык, но она попыталась заговорить вновь. — Мне сказали, что шампанское поможет от боли... в горле.

— Поможет? Что за чушь? Кто вам сказал эту глупость? Все знают, что от боли в горле помогает теплое молоко и мед.

Клэр медленно отстранила руку от лица.

— Я уже п-пила молоко. И м-мед ела, но сегодня здесь, к сожалению, не предлагают ни молока, ни меда... — Она вдруг хихикнула, представив, как бы гости отреагировали, получив подобные угощения. Но поняв, какую бестактность допустила, снова прижала руку к губам и виновато взглянула на мужчину. — Простите... Я... — У нее закружилась голова. Прикрыв глаза рукой, она сделала глубокий вдох, чтобы взять себя в руки, и тише добавила: — Мне просто нужно было побыть одной и выпить воды... Скоро мне станет лучше.

— Вы уверены?

В голосе его было слышно такое неприкрытое беспокойство, что Клэр снова опустила руку и посмотрела на него. Но не смогла разглядеть лица. Кто был стоявший перед ней человек? И почему он так волновался за нее?

— Да... — Она изо всех сил пыталась разглядеть его. — Как вы здесь оказались?

— Вы снова шуритесь, — с какой-то пугающей нежностью проговорил он.

Клэр виновато покачала головой.

— Вы заметили.

Мужчина отнял руку от рояля.

— Заметил. Сложно этого не заметить, когда тебя пытаются разглядеть.

— Я пытаюсь вас увидеть. Разве это плохо? Просто это проклятое шампанское...

— Иногда может вскружить кому-то голову, — закончил он за нее.

— Никогда не любила его.

— Тогда зачем выпили?

— Мне сказали, что...

— Вам нужно меньше слушать других. Особенно тех, кто дает такие нелепые советы.

— Постараюсь запомнить. — Тяжело дыша, Клэр зажмурилась, силясь прогнать туман в

голове, но у нее ничего не вышло, потому что образ мужчины был по-прежнему размытым. — И все же... вы не ответили... Ик... — Клэр в ужасе прижала руку к губам. — Простите, — молвила она, проглотив ком в горле. — Не знаю, что со мной...

— Ничего страшного.

— Я...

— Что вы играли?

Вопрос мужчины так сильно потряс ее, что Клэр помимо воли неприлично вытаращила глаза.

— Вы... вы не знаете Бетховена?

Ей показалось просто невыносимым то, что кто-то может не знать Бетховена.

Мужчина продолжал с невозмутимым видом стоять рядом с роялем.

— Это ваш родственник?

— Мой... кто? — Она рассмеялась, но поспешно взяла себя в руки, поражаясь тому, о чем говорит этот человек. — Бетховен, он... он гений!

Она могла часами говорить о Бетховене и ни разу не запнуться.

— И кто он?

— Автор этого произведения!

— Которое вы играли?

— Ну, разумеется!

— И как же оно называется?

Клэр внезапно поняла, что больше не может сидеть на месте, поэтому медленно встала. К своему облегчению она оказалась не такой уж и маленькой рядом с ним, но все же его широкие плечи заслоняли все пространство.

— Вы никогда не слышали о Лунной сонате?

— О чем?

Его удивление было таким искренним, что это поразило Клэр в самое сердце. Выходя из-за рояля, она шагнула к нему.

— Надо же, никогда бы не подумала, что на свете кто-то не слы... — Она не договорила, потому что нога наступила на что-то. Клэр споткнулась, вскрикнула и, качнувшись и вскинув руки, полетела вперед. — Боже!

Полетела прямо в объятия своего собеседника, который никогда не слышал о Лунной сонате.

— Осторожно! — глухо воскликнул он и тут же подхватил ее.

Рядом раздался стук хрусталя о деревянный пол — это покатился бокал по полу, но Клэр не заметила этого, вцепившись в его плечи и уткнувшись подбородком прямо ему в грудь, так, что запрокинула голову. А он опустил свою голову к ней.

И она смогла, наконец, увидеть лицо своего собеседника.

— Надо же, — прошептала она, — теперь я вас вижу.

Она отчетливо видела его лицо. Такое необычное, такое... У него были густые темные волосы, очень темные, возможно даже черные, что было трудно разглядеть, учитывая царивший в комнате полумрак. Зато она видела все остальное. Ярко выраженные скулы, твердую линию подбородка, и прямые черные брови, сдвинутые над слегка покрасневшими серо-голубыми глазами, которые внимательно следили за ней.

— Вы в порядке? — осевшим голосом произнес он, а потом вздрогнул, и Клэр заметила, как он стал бледнеть. Причем так стремительно, что она решила, что, возможно, причинила

ему боль своим падением.

— Я причинила вам?.. — заговорила она, отстранив подбородок от его теплой, твердой груди и стала выпрямляться, но он тут же оборвал ее.

— Нет.

Он продолжал дрожать, ошеломленно поняла Клэр. Дрожал, но не думал отпускать ее, прижимая к себе. А она все никак не могла перестать смотреть на него. Не могла понять, кто он такой и откуда взялся. С серебристо-голубыми яркими глазами и чуть кривоватым носом, который, однако, никак не портил его горделиво-загадочной красоты. Он выглядел так необычно, что Клэр была уверена, что никогда не забудет его. Даже находясь в легком опьянении.

— Какое счастье... — выдохнула она с облегчением.

— Что?

— Я говорю...

Она запнулась, не зная точно, что хотела сказать.

— О чем?

— Вы показались мне очень высоким.

— Разве?

— Да, очень высоким, но теперь я вижу, что это не так.

— Это бы вас сильно расстроило?

Клэр вдруг обнаружила желание улыбнуться ему.

— Думаю, мне удобнее смотреть вам в глаза на одном уровне, а не снизу вверх. — Она все смотрела на него, не веря в то, что действительно видит его, а потом прямо спросила: — Почему у вас глаза покраснели? Вы что же, плакали?

К ее большому облегчению он перестал бледнеть.

— Нет, конечно... А вы почему продолжаете щуриться? Все еще плохо видите меня?

— Теперь уже хорошо... вижу, — произнесла Клэр, ощущая быстрые удары своего сердца. И непонятное беспокойство, которое охватывало ее уже дважды. Четыре дня назад и сегодня. Как странно... — А вы меня хорошо видите?

Он продолжал обнимать ее за талию и пристально смотрел на нее.

— Теперь да...

— А до этого? — Удивительно, если учесть, что из-за необычайной красоты Клэр замечали намного раньше ее самой. — Вы меня хорошо видели?

— Я... — Он с трудом договорил. — У меня аллергия. Я сейчас плохо вижу.

— И все же заметили, как я щурюсь, — почему-то напомнила она, продолжая сжимать его широкие плечи.

Он нахмурился, но его бледность полностью исчезла. Он стал дышать глубоко и ровно, будто бы успокаиваясь, а потом стал медленно отпускать ее.

— Это было невозможно не заметить.

Он помог ей выпрямиться, а потом отнял от нее свои руки. Глядя на него, Клэр вдруг осознала, что если бы он не выпустил ее сам, она бы ни за что не подумала отстраниться от него. Почему-то в его объятиях было тепло и очень уютно. Теперь ей нужно было устоять на ногах без его поддержки, и к счастью, ей это удалось. А затем выяснилось, что и туман в голове рассеялся!

— О Боже, я уже говорю связно! Какое облегчение! — вздохнула она, обнаружив, что алкоголь почти выветрился из нее. — Я прихожу в себя.

— Действительно, — пробормотал он.

Клэр взглянула на него и нахмурилась.

— И все же, как вы здесь оказались?

— Услышал вашу игру и пришел.

Почему-то ей было ужасно приятно услышать это.

— И вам... вам понравилась моя игра? Хотя, — она махнула рукой. — Можете не отвечать, я играла ужасно.

— Сегодня вы играли даже лучше.

Она резко вскинула голову. Волнение помешало ей полностью понять смысл его слов. Слова, в которых могла бы быть разгадка.

— Вы так считаете?

— Да.

Он смотрел на нее тяжело, пристально, так странно, что в груди снова стало возникать пугающее беспокойство. От которого ей стало не по себе. От которого хотелось зажмуриться. Что-то торопило ее уйти отсюда, но и что-то неумолимо удерживало ее, хотя Клэр давно должна была быть в бальной зале.

Ведь там шел концерт!

Внезапно вспомнив, куда она пришла и где находится, Клэр ахнула и прижала руку к груди.

— Боже мой, меня наверняка все ищут! Концерт ведь давно начался. Я должна идти.

Мужчина сделал шаг назад и выпрямился, заведя руки за спину.

— Желаю вам приятно провести время.

Ей действительно было пора вернуться, но она не могла сдвинуться с места, глядя в его чуть покрасневшие серо-голубые глаза.

— А вы? Не пойдете слушать игру мистера Питта?

Лицо мужчины было непроницаемым, когда он ответил:

— Я не знаю никакого мистера Питта.

Его слова позабавили Клэр настолько, что она не смогла сдержать улыбки и быстро покачала головой.

— Сперва Бетховен, теперь Питт... Вы из какого мира? — Он долго смотрел на нее, но так и не ответил. Придя в себя окончательно, Клэр теперь видела, как он старается взглянуть в черты ее лица, чтобы на этот раз разглядеть ее. С его глазами определено что-то было не так. Иначе он, как и все другие мужчины без исключения, потерял бы дар речи от ее красоты. А этот человек на самом деле плохо видел ее. — Вам действительно понравилось, как я играла?

К ее полной неожиданности красивые губы мужчины дрогнули, и он улыбнулся ей. Тепло, мягко и невероятно искренне.

— Очень.

Клэр ощутила, как теплеют ее щеки. Как что-то сладко сжимается в груди. Только от того, что ей улыбнулись и похвалили ее игру. И пусть ее и прежде хвалили, но это чувство возникло впервые в жизни. И оно было... особенным. Покачав головой и повернувшись, чтобы уйти, Клэр все же осталась стоять на месте и в очередной раз посмотрела на него.

— Через три дня будет музыкальный вечер в доме моего дяди, графа Шрусбери. Я буду играть там Лунную сонату. Если вам понравилось, можете прийти туда и послушать, как я действительно играю. Вечер может посетить каждый желающий без приглашения.

Клэр не понимала, с какой стати приглашать совершенно незнакомого человека в гости к своему дяде, но возможно в ней говорила уязвленная гордость от того, что она так неопытно играла перед ним свою любимую сонату.

Мужчина медленно кивнул. Развернувшись, Клэр направилась к двери, не заметив, что он так и не дал своего согласия, но у самого порога остановилась и оглянулась в последний раз.

— Кто вы? Как вас зовут?

Мужчина опустил руки, прищурился и тихо сказал:

— Меня зовут Эрик.

Клэр ушла, забыв свою шаль. Ведь теперь ей больше не было холодно.

У Клэр было тяжело на сердце.

Она с трудом доиграла Лунную сонату на вечере дяди Чарльза, едва сосредоточившись на игре. Она не хотела сегодня играть.

Потому что вчера Клиффорду пришлось уехать. Причем с такой поспешностью, что не сказал даже, когда вернется и как скоро напишет ей, разумеется, так, чтобы никто об этом не знал. Она увидела его лишь следующим утром, когда он заехал к ее отцу, чтобы забрать у него какие-то важные документы. Только тогда она смогла ненадолго повидать его.

У нее болело сердце, когда Клэр смотрела в его грустные глаза. Она не хотела отпускать его. У нее было беспокойно на душе. Ей казалось, что если он сейчас уедет, она больше никогда не увидит его.

— Что за глупости ты говоришь? — пожурил он ее ласково, сжав ей руку в кабинете отца, когда маркиз на время вышел, всё же оставив дверь приоткрытой. — Конечно, я вернусь, просто не знаю, когда это произойдет. Этот чертов закон мешает работе моего отца, и мне нужно срочно отправиться к нему, чтобы помочь с какими-то вопросами, связанными с нашим банком.

— Что я буду делать без тебя? — жалобно простонала Клэр, готовая расплакаться, потому что еще никогда с момента их первой встречи не расставалась с ним, особенно на такой неопределенный срок.

Клиффорд мягко коснулся кончика ее носа.

— Веселиться, радость моя. Ни в коем случае не грусти, иначе, если я узнаю об этом, у меня разобьется сердце.

Клэр проглотила ком в горле и на секунду прикрыла глаза.

— Ты говоришь невысказанные вещи. Как я могу веселиться, когда ты будешь так далеко от меня?

— Это не так уж и далеко, — улыбнулся он. — Вот достроят железную дорогу, и путешествовать по стране станет значительно проще. Я примчусь к тебе намного раньше.

Клэр в ужасе застыла.

— Ты будешь ждать, пока достроят железную дорогу? — Ей захотелось ударить его. — Ты смерти моей хочешь?

Он вдруг весь сник, заключил ее в свои объятия и прижал к себе.

— Конечно, нет, — тихо проговорил он. — Не унывай, уверен, время пролетит незаметно.

Но это было не так. Ему только шутки шутить, а Клэр было невероятно больно. От того, что он так легко уехал. С такой легкостью собирался пережить их расставание. Ей было горько от того, что она не знала его адреса, чтобы самой написать ему. У нее были отрезаны все пути. Она могла бы спросить об этом отца, но была уверена, что он ни за что не скажет ей, где живет Клиффорд, потому что, хоть и не препятствовал их дружбе, но никогда не поощрял их отношения.

И вот теперь Клэр всеми силами старалась взять себя в руки, чтобы не рассыпаться перед собравшимися гостями дяди. Еще и потому, что у нее снова начало болеть горло. К счастью не так сильно, и теперь она лечилась проверенным средством: теплым молоком и медом, а не холодным шампанским.

Внезапно она вспомнила человека, расплывчатый образ которого резко встал перед глазами. Серо-голубые глаза. И искреннее удивление от того, что он не знал, кто такой Бетховен. Губы ее дрогнули, и Клэр вдруг поняла, что улыбается. Улыбается впервые с тех пор, как уехал Клиффорд. Улыбается мыслям о человеке, которого пригласила на этот вечер. Резко вскинув голову, Клэр оглядела гостей, но его нигде не заметила. Какой же он забавный, думала Клэр, возвращаясь к игре. Как можно было не знать Бетховена? Он наверняка шутил, чтобы рассмешить ее. Но в тот момент было не похоже, что он шутит. Она решила, что обязательно спросит его об этом, когда он появится.

Если появится.

Но вот она доиграла Лунную сонату, зрители зааплодировали ей. Клэр встала и отошла от красивого рояля, не такого грандиозного, как у маркиза Ричмонда, уступая место следующей девушке, которая должна была сыграть собственную сонату. После этой игры собирались устроить танцы, и карточка Клэр была почти заполнена, но ей не хотелось танцевать. У нее не было настроения.

Отойдя в дальний угол комнаты, где сидели ее мать, сестры, тетя Гертруда, жена дяди Чарльза, маркиза Ричмонд и Рейчел, Клэр присела рядом с последней и тяжело вздохнула.

— Замечательная игра, — шепнула Рейчел, восхищенно глядя на нее. — Папа не зря хвалил тебя.

— Это единственная соната, которую я могу так хорошо играть.

Рейчел рассмеялась.

— Ты наговариваешь на себя. Я слышала и другие твои исполнения и в восторге от них. Клэр улыбнулась.

— Премного благодарна, — кивнула она, желая поскорее сменить тему. — Это последняя композиция на сегодня?

— Да! — радостно воскликнула Рейчел. — А потом будут танцы. Я собираюсь танцевать до упаду.

Рейчел была на год моложе ее, но порой Клэр ощущала себя рядом с ней вековой старухой. Потому что ее уже не интересовали невинные занятия, которые могли показаться захватывающими столь юным созданиям.

— Я прослежу за этим, — шутливо молвила она, заметив, как пианистка заканчивает и встает.

На этом музыкальный вечер закончился, и открылась ночь танцев. Слуги стали открывать двери. Клэр пришлось встать, чтобы лакеи смогли убрать стулья, освобождая место для танцев.

— Знаешь, кто меня пригласил на танец? — взволнованно спросила Рейчел, глядя на Клэр.

Клэр понятия не имела, о ком говорит подруга, поэтому машинально кивнула.

— Лорд Карлайл?

Щеки Рейчел тут же порозовели.

— Верно... Как ты догадалась?

Старший сын графа Хенсли был самым красивым из всех молодых людей, и стоило ему пригласить юную барышню на танец, как это становилось для нее событием года. Девушки млели перед ним и чуть ли не падали в обморок от одного его взгляда. Ходили слухи даже о том, что одна юная особа чуть не наложила на себя руки только потому, что этот глупец заболел и не пришел на вечер, на котором обещал пригласить ее на танец.

Повернувшись к Рейчел, Клэр надеялась, что хотя бы подруга окажется более рассудительной и не станет легкой добычей этого самодовольного красавчика.

- Рейчел, ради Бога, только не смотри на него так, когда будешь танцевать с ним.

— Иначе что?

— Иначе остальные решат, что ты влюблена в него, и никто больше не захочет с тобой знакомиться.

— Но это глупо!

— Поверь, если мужчина решит, что сердце дамы занято, он никогда не подойдет к ней.

Рейчел нахмурилась.

— Откуда ты знаешь?

Клэр раскрыла веер, почувствовав, как ей становится жарко. Сегодня она не взяла с собой шаль, но впервые не жалела об этом, радуясь тому, что у дяди Чарльза очень тепло.

— Просто предположение.

— Не верю! Признайся, что ты влюбилась.

Прежде такие разговоры нисколько не смущали Клэр, но сегодня... Без Клиффорда... Она не хотела говорить о любви, не хотела ничего.

Она внезапно вздрогнула и ощутила странную тяжесть в груди.

— Я просто старше тебя и кое в чем разбираюсь чуточку получше, чем ты, — уклончиво ответила Клэр, не собираясь ни с кем говорить о Клиффорде.

Который велел ей веселиться, пока его не будет. Наивный дурачок! Клэр оглядела большую залу в поисках укромного уголка, где могла бы переждать окончание вечера, не побеспокоенная никем.

— Не верю, — заулыбалась Рейчел, заинтригованная разговором. — Потому что знаю, что ты... — Она внезапно запнулась и застыла, взглянув через плечо Клэр. Прямо на вход. — О Боже, — прошептала она, потрясенно. — Что он здесь делает?

— Кого ты там увидела? — Клэр тоже обернулась, желая узнать, кто так сильно удивил Рейчел. А потом застыла сама, увидев того самого мужчину, который стоял у рояля в доме маркиза Ричмонда. Которого она пригласила на этот вечер. — О!

Который на самом деле пришёл.

— О — мягко сказано, — проговорила Рейчел, продолжая хмуро смотреть на него.

Он вошел в большую залу и огляделся.

— Ты знаешь его? — с трудом спросила Клэр, ощутив странное беспокойство в груди. — Кто он?

— Он? Он мой брат!

Клэр застыла. И в этот момент мужчина повернулся в ее сторону и посмотрел прямо на нее. Своими яркими серо-голубыми глазами. Так, что Клэр даже на таком расстоянии чуть было не сбила с ног сила его взгляда. Она крепче сжала веер, обнаружив, что у нее вот-вот может остановиться сердце от волнения. Что за странность? И все же...

— Твой брат? — пролепетала Клэр, не отводя от него потрясенного взгляда.

— Да, мой старший брат.

Невероятно, брат Рейчел, а Клэр его не узнала. Вернее, она никогда не была представлена ему, никогда не встречалась с ним. Единственный член семейства Ричмонд, которого никогда не бывало дома. Который, по словам самого маркиза, всегда был занят делами в Парламенте, помогая отцу с законопроектами. Будущий блестящий политик, как любил повторять маркиз. И ведь кроме всего прочего Клэр видела его портреты в картинной

галерее городской резиденции маркиза, правда старые, на которых ему было всего двадцать лет. А сейчас...

Он совсем не походил на того юного молодого человека, которого изобразил художник. И, кроме того, тогда ей было не до картин.

— Твой брат? — по-прежнему потрясенно молвила Клэр.

У него действительно были черные волосы. И он был невероятно высоким, возвышаясь над всеми остальными так, что с легкостью можно было в любое время определить его местонахождение. А он все стоял на том же самом месте возле входа и так же непрерывно смотрел на нее. Будто бы узнал. И глаза его сегодня не были красными. Неужели аллергия прошла?

— Да... Что он здесь делает?

— Что он здесь делает? — Клэр с трудом могла дышать, прижимая к груди веер. — Разве он не твой брат?

— Да, но... он ведь не любит музыку. Эрик ненавидит такие вечера. И в последнее время...

Действительно, Эрик. Клэр ведь знала, что имя старшего сына маркиза Ричмонда Эрик, но в тот день это даже не пришло ей в голову.

— Не любит музыку? — Она вдруг застыла и выпрямилась. Так вот как можно было объяснить его незнание Бетховена? Но разве на свете существовал хоть кто-то, кому не нравилась музыка? — Но как можно не любить музыку?

— Он...

Рейчел не договорила, потому что увидела, как покачав головой, ее брат отошел от входа и направился в их сторону. Прямо к Клэр. Она затаила дыхание, боясь дышать. Ей вдруг стало казаться, что если он приблизится, если окажется рядом с ней, у нее... у нее остановится сердце. Ее охватила такая парализующая паника, что она не могла пошевелиться.

А он все приближался, рассекая толпу, как волны в море до тех пор, пока действительно не оказался рядом с ней.

— Добрый вечер, — раздался его мягкий голос.

Клэр внезапно поняла, что у нее по рукам бегают мурашки. Потому что до дрожи хорошо помнила звучание его голоса. Вероятно потому, что обладала музыкальным слухом.

— Д-добрый вечер, — с трудом промолвила она, стараясь вспомнить, как нужно дышать.

— Что ты здесь делаешь? — послышался удивленный голос Рейчел.

Он, наконец, повернул голову в сторону, и Клэр смогла задышать.

— И тебе добрый вечер, сестра.

— Не увливай от вопроса! Ты...

— Эрик? — это был ошеломленный шепот маркизы Ричмонд, которая подошла к ним. — Глазам своим не верю, это ты! Как ты здесь оказался?

Клэр раскрыла веер и, стараясь унять нервную дрожь, стала обмахиваться им, следя за происходящим. Ее удивила реакция собравшихся, которые так ошеломленно реагировали на появление старшего брата Рейчел. Что такого странного в том, что он пришел? Сюда мог прийти любой желающий, разве нет? И кроме того, кажется сама Клэр поспособствовала этому...

Он остался стоять на месте и вежливо кивал всем, кто подходил к нему. Через пару

минут вокруг них собралась большая толпа из родственников Клэр и Рейчел. Которые так же бурно приветствовали Эрика. Заведя руки за спину, он вежливо кивал всем, но никому не подал руку, даже матери Клэр, близкой подруге его матери. Как того следовало ожидать. И никто не притронулся к нему. Даже его младший брат Дилан, который всегда приветствовал близких дружественным хлопком по спине, не подумал сделать того же самого с ним.

Клэр казалось, что происходит что-то странное, что-то очень важное, но она никак не могла понять, что именно, отчаянно борясь с нарастающим волнением.

Когда же, поздоровавшись со всеми, Эрик вновь повернулся к ней, у нее в очередной раз чуть не остановилось сердце от силы его взгляда. Веер застыл в ее руке. Клэр теперь было почему-то так жарко, что ей захотелось выйти на свежий воздух.

— Клэр, милая, — раздался рядом голос маркизы Ричмонд. — Ты ведь знакома с моим старшим сыном Эриком?

— Д-да, нас уже представили.

— Вот и отлично! — улыбнулась маркиза и строго взглянула на сына. — Эрик, это старшая дочь маркиза Куинсберри, леди Клэр.

— Да, — кивнул Эрик, продолжая смотреть на Клэр.

— Позаботься о ней, пока я не вернусь, хорошо?

Маркиза хотела было машинально стукнуть сына кончиком веера по руке, но в последний момент остановила себя так, что веер замер в воздухе. Перестав улыбаться, она резко выпрямилась и ушла.

И этот жест мог бы показаться Клэр странным, но ее отвлек тихий голос самого Эрика.

— Я, кажется, опоздал, — сказал он, когда толпа вокруг них немного рассеялась.

И тогда Клэр на самом деле поняла, что он пришел только потому, что она пригласила его. Пришел ради нее! Чтобы услышать, как она играет. Невероятно. И как Рейчел могла допустить мысль о том, что ему не нравится музыка?

Тяжесть в груди внезапно исчезла. Она сменилась какой-то непривычной легкостью. Клэр вдруг стало так хорошо, что она невольно улыбнулась ему.

— Да, музыкальный вечер закончился, и открылись танцы.

— А вы играли свою Лунную сонату?

Странное тепло разлилось по всему ее телу.

— Вы запомнили название.

Надо же, в его лице она обрела себе еще одного слушателя. Он вдруг мягко улыбнулся ей. Так мягко, что у нее что-то дрогнуло в груди. При ярком свете свечей он показался ей еще более красивым. Еще более отчетливо выделялись резкие черты его лица. И чуть изогнутый, вероятно, от давнего перелома нос. Который придавал ему особенный вид.

— Да, запомнил.

Он замолчал, улыбка сбежала с его лица, но даже без улыбки суровость лица не отпугивала, а располагала еще больше.

Сегодня он был одет даже строже, чем в прошлый раз, если только она помнила, в чем он был в тот день. Черный вечерний фрак, рукава которого, широкие на плечах, сужались у кисти. Клэр подумала, что ему не нужно было прибегать к ухищрениям и подбивать ватой плечи, как делали другие мужчины, чтобы подчеркнуть разворот своих плеч, потому что его плечи были... Она вдруг вспоминала, как цеплялась за них... Да, за такие плечи как раз и можно было уцепиться так, чтобы удержаться от падения. Белоснежная рубашка и черный жилет дополняли ансамбль, а белые панталоны, обтягивая длинные ноги, доходили до

черных туфель с золотистыми пряжками.

— Сегодня глаза ваши не красные, — невольно произнесла Клэр. И резко замолчала, решив, что допустила ужасную бестактность, но он снова улыбнулся ей.

— Вы заметили.

На этот раз улыбку не смогла сдержать Клэр.

— Да, это невозможно не заметить, — ответила она, внезапно поняв, что повторяет его давние слова.

— Моя аллергия... она прошла.

— Счастлива это слышать.

Он кивнул и вытащил руки из-за спины.

— А вы сегодня хорошо видите.

— Я почти всегда хорошо вижу.

Он склонил голову вперед, взгляд его стал лукавым, и он тише добавил:

— Почти.

Строгость его облика не могла обмануть Клэр, потому что он шутил, он дразнил ее! Клэр покраснела. Она ничего с собой поделать не могла, продолжая ощущать странную легкость, от которой закружилась голова. Было такое ощущение, будто она выпила целый бокал шампанского на пустой желудок.

— Не думаю, что еще когда-нибудь я...

Ее прервал поклонник, которому она обещала свой первый танец. Клэр с досадой взглянула на него, с трудом вспоминая его имя. Переведя взгляд на Эрика, она поняла, что не хочет уходить, но ей вдруг нестерпимо захотелось потанцевать. Поэтому виновато улыбнувшись ему, она тихо сказала:

— Прости.

И ушла вместе с кавалером, так и не вспомнив его имени. Что однако не помешало ей насладиться веселым танцем. Клэр кружилась по залу, не переставая ощущать нечто приятное, волнующее. И когда через четверть часа кавалер вернул ее на прежнее место, Клэр испытала настоящее облегчение, когда увидела еще издали, что Эрик не ушел.

Оказавшись рядом с ним, она улыбнулась ему и хотела что-то сказать стоявшей рядом сестре, когда он снова заговорил с ней:

— Как вы себя чувствуете сегодня? — Он опустил взгляд на ее шею и чуть тише добавил: — Ваше горло... больше не болит?

Невероятно, но он запомнил и это. Клэр внимательно смотрела на него и видела его искреннее желание услышать правдивый ответ. Будто бы это действительно заботило его. И хоть еще совсем недавно горло ее действительно болело, сейчас никакой боли она не ощущала. Поэтому честно ответила.

— Нет, благодарю, всё уже позади. — И поддавшись какому-то сиюминутному порыву, Клэр тише добавила, так, чтобы слышал только он один: — Я последовала вашему совету и выпила теплое молоко с медом. А еще, добавила туда яичный желток, и все как рукой сняло.

И снова он улыбнулся ей. Клэр не могла понять, что такого особенного в его улыбке, но могла поклясться, что она давалась ему не так уж и легко.

— И вы не взяли с собой сегодня шаль.

Господи, было ли в ней хоть что-то, чего он не заметил в ней в прошлый раз своими чуть покрасневшими глазами? Которые взирали на нее сейчас так, будто была еще сотня деталей, которые стоило запомнить.

— Здесь тепло, — произнесла Клэр, ощущая настоящий жар во всем теле.

— Да, сегодня...

Он не договорил, потому что к ним вновь подошел очередной кавалер Клэр, который тут же увел ее, не дав ей ни единой возможности проститься с Эриком. Клэр не могла понять, почему ей это нужно, но была слишком удручена, чтобы заметить, как прошел очередной танец. Который к ее облегчению быстро закончился.

Когда ее подводили к ее матери, на этот раз рядом с Эриком стояли маркиз Ричмонд и отец Клэр. Она заметила, с каким удивлением смотрят на него их родители. Они о чем-то говорили, пока она не подошла. И едва ее кавалер, поклонившись, ушел, как Эрик быстро повернулся к ней.

— Следующий ваш танец кому-то обещан?

Клэр растерянно моргнула.

— Что?

Вместо того, чтобы уточнить свой вопрос, он потянулся к ее правой руке, на запястье которой висел маленький блокнотик, потянул вверх, раскрыл и быстро изучил содержимое цепкими серо-голубыми глазами. Увидев это, их родители внезапно замолчали. Клэр ошарашено смотрела на Эрика, пока он вновь не взглянул на нее.

— Разрешите пригласить вас на танец, леди Клэр.

Клэр почему-то не могла пошевелиться. И услышала, как кто-то рядом с ней ахнул. Кажется, это была маркиза Ричмонд, которая потрясенно смотрела на сына, но Клэр была слишком занята им, чтобы на что-то обращать внимание.

— Следующий? — пролепетала она, будто бы в тумане.

Почти как в тот день в музыкальной комнате дяди Джорджа.

— Да, — мягко кивнул Эрик, опустив танцевальную карточку. — Вы позволите?

Клэр внезапно поняла, что хочет этого. Хотела, чтобы он пригласил ее. Потому что ей было с ним так хорошо, рядом с ним ей было... непривычно легко и свободно. Она могла не бояться ничего. И хотела, чтобы эти ощущения длились как можно дольше.

— Да.

Он взял ее руку, затянутую в кружевную митенку, и повел в центр танцевальной площадки. Поглощённая теплом его руки и им самим, Клэр не заметила, какими невероятно потрясенными выглядели его родители, глядя на то, как он коснулся руки Клэр. Коснулся тогда, когда не касался никого. И не позволял никому прикоснуться к себе.

Тихая мелодия вальса зазвучала в большом зале. Эрик осторожно обхватил ее за тоненькую талию, затянутую корсетом, а другой сжал дрожащие пальцы Клэр. Ощущая непривычное волнение, она положила свободную руку ему на плечо, и тут же невольно отметила, что он действительно не прибегал к ухищрениям и не подбивал сюртук ватой. Глядя ей в глаза, он умело закружил ее. Клэр с трудом могла представить, что он может танцевать. Не говоря уже о том, что он может танцевать вальс.

— Вы действительно не любите музыку?

Его прямые брови сошлись на переносице.

— Кто вам сказал об этом?

— Рей... — она запнулась, не желая выдавать подругу, и поспешно добавила: — То, что вы даже понятия не имеете о Бетховене.

— Разве? — на этот раз одна его бровь скептически поползла вверх. — Теперь я знаю, что он написал Лунную сонату.

Клэр в очередной раз не смогла сдержать улыбки, понимая, что невозможно на него сердиться только потому, что он не любит музыку.

— Почему-то теперь мне кажется, что вы запомните это на всю оставшуюся жизнь.

— Я не возражаю, — проговорил он, плавно ведя ее по паркету. — Думаю, знание этого факта когда-нибудь спасёт мне жизнь.

Клэр рассмеялась.

— Вы шутите, я полагаю? Как Лунная соната может кого-то спасти?

— Ну... — Он на мгновение задумался. — Спасла же соната самого Бетховена, сделав его еще более популярным и избавив от перспективы разделить жизнь с Джульеттой Гвиччарди, которая впоследствии предпочла его другому.

Его слова так сильно потрясли Клэр, что она споткнулась и чуть было не упала, но он мягко удержал ее и продолжил медленно кружить. Так, что она позабыла обо всех присутствующих.

— Вы знаете, кому посвятил Бетховен свою сонату? — Едва вопрос сорвался с губ, как она тут же поняла, откуда он узнал об этом. — Боже, вы читали его биографию!

Он даже не думал отрицать этого.

— Не смог удержаться.

Клэр обнаружила, что снова улыбается, испытывая какое-то непонятное и пугающее удовольствие от его признания.

— Только потому, что я играла его сонату?

Он ничего не сказал, а лишь улыбнулся ей в ответ. Клэр могла бы вновь споткнуться, но на этот раз ее вел инстинкт. Вел куда-то совершенно в другое место. Туда, где она еще не встречала таких людей, как Эрик. Который не любил музыку, но разузнал об этом только потому, что это многое значило для нее. Человек, с которым ей было так приятно беседовать.

— Когда вы стали увлекаться музыкой? — спросил он, сжимая ее руку.

На этот раз Клэр даже не задумывалась над тем, что ответить. Потому что внезапно обнаружила, что хочет сказать ему правду. На свете было очень мало людей, кому она могла бы рассказать об этом. Обычно в таких случаях Клэр ловко уводила собеседника от темы разговора, но сейчас... Ей показалось неправильным уводить его от того, что на самом деле интересовало его.

— Я была маленькой, кажется, мне было семь лет, когда папа пригласил к нам домой одного известного композитора. В тот день папа разрешил мне присутствовать в гостиной, а потом наш гость сыграл на мамином фортепьяно...

— Лунную сонату?

Ее почему-то не удивило то, как легко он догадался о самом главном.

— Верно.

— И соната настолько сильно покорила вас, что вы решили вырасти, научиться играть на фортепьяно и обязательно сыграть эту сонату.

Если бы Клэр не восхищали этот момент и этот разговор, она бы испугалась его чрезмерной проницательности и догадливости. Но ее не напугали ни его слова, ни тем более взгляд ярких выразительных глаз. Потому что ей было по-прежнему тепло и хорошо рядом с ним.

— Неужели я такая предсказуемая?

Он покачал головой.

— Нет. Вы похожи на человека, который следует за своей мечтой. Причем очень решительно. И надо отдать вам должное, вы преуспели.

Клэр нахмурилась, расслышав в его словах нечто странное, тревожное, но мгновение длилось недолго, потому что вальс закончился. Они остановились. Эрик сжал ей руку, и собирался было отпустить, но, что-то заметив, хмуро посмотрел на нее.

— Что это за шрам у вас на большом пальце?

— Шрам? — Ощувив странное дежавю, Клэр взглянула на свой палец. — О, это... Это пустяки...

— Вовсе нет, потому что его появлению предшествует малоприятное событие. Как это произошло?

Клэр вдруг поняла, что ему на самом деле важно знать, как появился этот шрам.

— Это было так давно. Еще в далеком детстве. Кажется, я лазила по дереву, но не удержала равновесие и упала.

— Вам было очень больно?

— Больно? — Какие странные вещи он говорит. И таким странным голосом. И взгляд его был странным: наполненным мягкостью и пониманием. — Полагаю, что да, ведь у меня шла кровь, но рану забинтовали, и она быстро зажила.

Вероятно, такой ответ удовлетворил его, потому что Эрик медленно опустил ее руку и, положив ее длинные пальцы на свой согнутый локоть, повел Клэр к ее родителям.

— С трудом могу представить себе, что вы лазили по деревьям.

Клэр снова не сдержалась и рассмеялась.

— В детстве я была очень проворной. И не пропускала ни одного дерева. Меня даже дразнили «Обезьянкой».

— Жуткая кличка, — произнес он поморщившись.

— А мне нравилось, потому что никто кроме меня не мог с такой ловкостью лазить по деревьям.

— Запомню на случай, если на дерево вздумает залезть несчастный кот. Боюсь, тогда без помощи профессионала нам не обойтись.

Смех снова сорвался с губ, поэтому Клэр не расслышала, что ему сказал маркиз Ричмонд, когда они приблизились к ним. Отпустив руку Клэр, Эрик повернулся к ней и поклонился.

— Благодарю за танец.

Клэр внезапно застыла.

— Вы уходите?

Ее охватила паника. Почти такая же паника, которая завладела ею в момент его появления.

— Мне пора.

— Но вы только...

— Уже поздно. Мне пора.

А ведь действительно, было уже далеко за полночь. Клэр не заметила времени, которое пролетело с такой молниеносной скоростью.

— Да? — прошептала она с такой грустью, что могла бы разбить даже каменное сердце.

Эрик вздрогнул и привычным жестом завел руки за спину.

— Был рад видеть вас в добром здравии.

— И я... Я тоже.

— До свидания.

— Д-до свидания...

Он развернулся и ушел. А Клэр стояла на месте и смотрела ему вслед, понимая, что не хотела, чтобы он ушел.

Придя сегодня сюда с тяжелым, почти разбитым сердцем, она даже не думала о том, что совсем скоро позабудет и тяжесть в груди. И разбитое сердце.

Было так трудно проснуться. Ей снился какой-то приятный сон, который она тут же позабыла. Потому что в сознание вторглась веселая трель птиц, которые собрались на дереве под окном. Клэр поморщилась и натянула на голову одеяло, но даже это не спасло ее от звонкого, почти оглушительного переливчатого щебетания птиц. Откуда они взялись? Почему так безбожно мешают ей спать?

Перевернувшись на другой бок, Клэр попыталась заснуть, но пение птиц продолжалось, и через пять минут стало очевидно, что она больше не сможет заснуть. Улегшись на спину, Клэр вскинула руки и открыла глаза. И почему-то улыбнулась.

Ей было так хорошо. Пусть они поздно вернулись домой, и она спала всего несколько часов, но Клэр чувствовала себя выспавшейся и полностью отдохнувшей. А еще на сердце было намного легче, чем вчера. Даже не смотря на то, что Клиффорд уехал. На мгновение что-то резко кольнуло сердце. Клэр поморщилась и закрыла глаза, вспоминая тепло его рук, его улыбку, блеск его темных, глубоких глаз... Когда он напишет ей? Когда он вернется? Он должен был вернуться. Не мог ведь вечность остаться с отцом, потому что знал, как сильно нужен ей. И она была ему нужна. Клэр знала об этом так же хорошо, как и то, что они будут вместе. Несмотря на все те препятствия, которые пыталась учинить им жизнь.

«Веселиться, радость моя. Ни в коем случае не грусти, иначе, если я узнаю об этом, у меня разобьется сердце».

Слова Клиффорда никак не выходили из головы. Которым она и последовала. И несколько не жалела об этом. Вероятно, поэтому ей и было так хорошо.

Через час, умывшись и одевшись с помощью своей горничной, Клэр спустилась на завтрак, который подавали в малой столовой, и обнаружила, что почти вся ее семья в сборе. Напольные часы пробили четверть двенадцатого. Усевшись за большой стол, Клэр стала накладывать себе любимые яйца пашот на листьях салата, жареный бекон и мягкие тосты, которые принялась намазывать клубничным джемом, пока лакей наливал ей теплый шоколад.

— Чудесно выглядишь, дорогая, — заметил отец, отложив в сторону утреннюю газету.

Клэр сделала небольшой глоток шоколада и улыбнулась отцу.

— Спасибо.

— Твоя игра вчера поразила всех собравшихся, — заметила маркиза, с гордостью глядя на дочь.

Клэр жевала тост, поэтому только кивнула.

— Клэр всегда хорошо играет, — вставила Розалин, допивая свой чай.

— Вероятно потому, что у нее хороший слух? — предположила Агата, протянув матери небольшую корзинку с тостами.

Занятая тем, что накручивала на вилку тоненький длинный ломтик бекона, Клэр снова предоставила матери ответить за себя.

— Клэр играет сердцем, поэтому ее игра восхищает слушателей.

Подобные разговоры никогда не нравились ей. Клэр поморщилась и опустила вилку, позволяя себе насладиться сладким вкусом бекона.

— Можно я позавтракаю без того, чтобы меня восхваляли?

Мать тепло улыбнулась дочери и покачала головой.

— Человека должны хвалить другие, и уж тем более хвалить, если это моя дочь.

— Мама! — простонала Клэр.

Маркиз повернулся к жене.

— Маргарет, позволь своей дочери спокойно позавтракать.

— Ну что ж, так и быть, — кивнула маркиза, ласково улыбнувшись мужу, но затем взглянула на младших дочерей. — Чем сегодня займетесь, девочки?

— Нас куда-нибудь приглашали сегодня? — спросила Агата.

— Нет, сегодня у нас свободный день.

— Какое счастье! — выдохнула Агата с облегчением. — Можно будет отдохнуть в тишине и спокойствии.

Розалин недовольно ткнула старшую сестру локтем в бок.

— Какая ты несносная! А как же кавалеры? Лучше бы веселиться и танцевать. Обожаю танцевать!

Клэр с улыбкой покачала головой.

— Тебе бы только танцевать и веселиться. Когда-нибудь твои ножки должны же отдыхать.

— Они отдохнут, когда я выйду замуж. — Все члены семьи рассмеялись, а Розалин, надувшись, сложила руки на груди. — Какие вы несносные! Зачем молодой девушке сидеть дома?

Маркиза с трудом спрятала улыбку.

— Разве ты сидишь дома?

— Сейчас да!

В разговор вмешался маркиз, покачав головой.

— Милая, но часто выходить из дома тоже нехорошо. Все решат, что тебе не терпится выйти замуж. А это дурной тон и повредит твою репутацию.

— Но я хочу веселиться! — с досадой произнесла она.

Клэр осторожно коснулась руки отца.

— Не спорь с ней, папа. Розалин все никак не может насладиться своим первым сезоном.

Младшая сестра в упор посмотрела на нее.

— Если бы я была маленькой, я бы показала тебе язык!

Маркиза повернулась к младшей дочери, и хотела было сделать ей замечание, но ее прервал вошедший в столовую дворецкий.

— Миледи, — обратился к ней Хопкинс, — простите, что беспокою, но приехали леди Рейчел...

— Рейчел? — прервала его Агата, вставая. — О, она не забыла о нашей договоренности погулять в Гайд-парке!

— Какая еще договоренность? — нахмурилась маркиза.

Агата повернулась к матери.

— Вчера в доме дяди Чарльза было так душно, что мы решили сегодня утром погулять в парке, чтобы очистить наши легкие. Это ведь полезно для здоровья, разве нет?

Отложив салфетку, маркиза тоже встала.

— Да, но гулять в парке в полдень? Обычно это делают днем, после ланча, моя дорогая.

— Именно сейчас там воздух самый чистый и свежий. Потом там будет многолюдно и шумно.

Не в силах возразить дочери, маркиза взглянула на дворецкого.

— Хопкинс, почему вы не проводили леди Рейчел сюда?

— Миледи, я предлагал, но она просила не прерывать вас, если вы еще не закончили. Я проводил ее в желтую гостиную и велел принести туда чай.

— Да, Хопкинс, вы все правильно сделали. Мы сейчас же ее примем, да, девочки?

Розалин тоже встала, счастливая от того, что не придется весь день сидеть дома.

— Клэр, милая, ты идёшь с нами? — спросила мать.

— Я допью свой шоколад и обязательно присоединюсь к вам.

— Хорошо.

Когда сестры и мать покинули столовую, воцарилась такая блаженная тишина, что Клэр с трудом удалось сдержать стон облегчения.

— Клэр, у тебя всё хорошо?

Неожиданный вопрос отца насторожил Клэр так, что она удивленно посмотрела на него.

— Да... Почему ты спрашиваешь?

Отец как-то странно пожал плечами.

— Вчера ты выглядела несколько... расстроенной.

— Вчера? — У нее вдруг что-то сжалось в груди, а потом сладкая волна прокатилась по всему телу. Она улыбнулась отцу. — У меня болело горло, но теперь всё прошло.

— Ты уверена?

— Абсолютно.

Станный обмен вопросами и ответами с отцом мог бы беспокоить ее, если бы не хорошее настроение. Допив шоколад, Клэр так же покинула столовую, оставив отца с утренней прессой.

Желтая гостиная располагалась в задней части дома и выходила окнами во двор на яркий ухоженный сад, за которым в свободное время любила ухаживать маркиза. Еще в коридоре Клэр слышала возбужденные голоса своих сестер и Рейчел, которые, определенно, планировали маршрут своей прогулки. Улыбнувшись, Клэр покачала головой, поражаясь их жизнерадостности и беззаботности. Юные и невинные, они трепетали перед любой возможностью встретить нового кавалера, который мог в будущем стать их мужем. Клэр утешало только то, что Агата была самой рассудительной из них и не допустила бы возникновения неприятных последствий, если вдруг самой Клэр не окажется рядом.

Лакей открыл ей дверь, и она с улыбкой вошла в светлую и красивую гостиную, в которой любила уединяться за чтением. Ей, как и Агате, сегодня хотелось тишины и покоя. И возможно немного чтения не помешает...

Но едва она переступила порог, как какая-то сила заставила ее резко остановиться. Приподняв голову, она тут же столкнулась с яркими серо-голубыми глазами и замерла, поразившись тому, что видела.

— Эрик? — удивленный шепот сорвался с губ, поразив ее и тем, что она назвала его по имени.

Высокий и одетый так же строго, как и вчера, только на этот раз в винного цвета сюртук, желтый жилет и кремовые бриджи, заправленные в начищенные до блеска сапоги, он стоял спиной к другим. И лицом к ней так, будто бы ждал ее появления. Знал, что именно она войдет в гостиную. Заведя руки за спину привычным жестом, Эрик склонил голову чуть вперед, так, что ему на лоб падала прядь черных волос, и пристально смотрел на нее.

— Добрый день, — произнес он тем самым низким глубоким голосом, который она так хорошо запомнила.

— Добрый день... — машинально кивнула она, не до конца веря в то, что это он. Что перед ней действительно стоит человек, чье присутствие вчера так приятно подействовало на нее.

Присутствие, которое приятно поразило ее и сейчас. Ей вдруг стало так хорошо, что сердце забилось быстрее, и Клэр признала, что рада его видеть. На самом деле рада видеть его!

— Что вы здесь делаете?

К ее полной неожиданности он ответил ей с пугающей прямоотой.

— Пришел пригласить вас на прогулку. Вы согласитесь прогуляться с нами по Гайд-парку?

Клэр казалось, что ее сбили с ног, и сейчас она падает. Падает в какую-то пропасть, но падение не сможет навредить ей. Потому что было такое ощущение, будто если Эрик поймет, что ей грозит опасность, он тут же подскочит и подхватит ее.

Продолжая стоять на месте, она ошеломленно моргнула.

— П-прогулка? — с трудом пролепетала Клэр.

— Сперва не поверили своим глазам, — задумчиво заметил он, — а теперь заикаетесь... Неужели снова шампанское?

Не в силах сдержаться, Клэр улыбнулась ему, ощущая, как теплеет на сердце. Боже, он ей нравился! Нравился даже тогда, когда не отрицал, что ему не нравится музыка.

— Клэр! — раздался голос Розалин, которая подбежала к ней. — Прошу тебя, соглашайся на прогулку. Будет весело! Нас будут сопровождать братья Рейчел.

— Братья? — Только тут Клэр огляделась и увидела в гостиной не только Рейчел, но и Дилана, который стоял рядом с Агатой и что-то говорил ей. — О!

Надо же, а она даже не заметила, что в комнате есть кто-то еще. Кроме Эрика. Ощущая странное волнение в груди, она снова взглянула на него. И снова легкая дрожь прокатилась по всему телу. Надо же, пришел так рано и приглашал ее на прогулку. Его взгляд, бархатистый, дружелюбный и такой яркий творил с ней странные вещи и внезапно заставил согласиться на то, на что она бы не решилась без Клиффорда. Ей захотелось пойти на прогулку. И не только потому, что об этом просила Розалин. Меньше всего на свете Клэр бы поддалась ее уговорам.

Ее влекло что-то в глазах Эрика, что не отпускало ее. Она хотела понять, что это. Откуда в ней взялись чувства, которые невозможно было объяснить, подавить...

— Хорошо, — медленно кивнула она, понимая, что действительно хочет этого. Хочет пойти на прогулку с тем, чьи глаза могли так необычно блеснуть. — Я пойду. — И почти по привычке добавила: — Только возьму свою шаль.

И тут же увидела, как медленно улыбается Эрик.

— Сегодня тепло.

Он помнил! Знал, что она должна обязательно взять с собой шаль. Поразительно!

Клэр улыбнулась ему в ответ и тише добавила:

— И все же я возьму свою шаль.

Он мягко кивнул ей.

Чувствуя гулкие удары своего сердца, Клэр развернулась и вышла из гостиной, поражаясь тому, что так внезапно и поспешно согласилась пойти на прогулку тогда, когда

этого не хотела. Но теперь она собиралась на прогулку. С человеком, которого была безумно рада видеть.

Через десять минут, обогнув Гросвенор-сквер, они уже шагали по Аппер-Гросвенор-стрит, которая бы привела их прямо в Гайд-парк, рядом с которым располагалась резиденция маркиза Куинсберри. Солнце светило невероятно ярко, но от ее лучей спасал маленький зонтик, который Клэр раскрыла, едва выйдя из дома. На улице действительно было тепло, но она все равно шла по улице, накинув на плечи свою любимую кашемировую шаль. Рядом с ней шагал человек, присутствие которого действовало на Клэр так, как не действовало ничье другое.

Надев шляпу, он выглядел еще более высоким и чуть более строгим, но и это несколько не тревожило Клэр, потому что она знала, какой он на самом деле. Да, они встречались всего два раза, но ей казалось, что она действительно знает, какой он. Такой симпатии Клэр никогда прежде не испытывала ни к одному из знакомых. Никто так не располагал к себе, как Эрик. Ей было невероятно хорошо, спокойно и свободно с ним. И легко. Было такое ощущение, будто она может говорить с ним почти обо всем на свете.

— Когда вы поняли, что не любите музыку? — не удержавшись, спросила она, глядя на идущих впереди Рейчел и Розалин, которые весело щебетали о чем-то друг с другом. А перед ними шли Агата и Дилан, едва обмениваясь словами.

В любое другое время такая расстановка удивила бы Клэр, и, зная привязанность Рейчел и Агаты, было удивительно, что эти двое не болтают друг с другом сейчас. Но ее мысли отвлек ее собственный спутник.

— Не люблю... — задумчиво повторил он, чуть повернув к ней голову. — Вы говорите это так, будто я совершил преступление.

Клэр быстро взглянула на него, не желая ранить его своими словами.

— Вы не похожи на человека, который может совершить преступление.

— Неужели?

Одна его черная бровь медленно поползла вверх.

Ей понравился этот простой и незамысловатый жест, потому что Эрик при этом хоть и выглядел невероятно сдержанно, уголки губ дрожали так, будто он едва сдерживал улыбку.

— Определенно, — молвила она, крепче сжимая ручку зонтика. Невозможно было долго выдерживать его пристальный взгляд, поэтому Клэр вновь посмотрела вперед. — Думаю, вы просто не пробовали слушать хорошую музыку. Вас наверняка сбили с пути безвкусным исполнением.

Она была слишком занята разглядыванием Агаты и Дилана, который склонился к ее сестре, чтобы что-то сказать ей на ухо, поэтому не заметила, как резко побледнел Эрик. Но он быстро взял себя в руки и лишь едва заметно поморщился.

— Музыка... у меня от нее болит голова.

Его слова отвлекли ее от созерцания странной парочки.

— Голова? Но от музыки не должно болеть ничего. Музыка исцеляет.

На этот раз он пристально смотрел вперед, но вздохнув, повернул голову и совершенно серьезно произнёс:

— Возможно, но прежде не доводилось слушать ничего исцеляющего...

Клэр оборвала его своим смехом.

— И все же вы не честны! А как же моя игра в доме... в вашем доме! — молвила она, признав, что в тот первый день действительно была в его доме. — Вам, кажется,

понравилась моя игра, даже несмотря на то, что некоторые ноты пытались от меня сбежать.

Суровость его лица исчезла, и он вдруг медленно улыбнулся ей.

— Вы нашли и поставили на место каждую ноту, — проговорил он с какой-то пугающей теплотой, будто бы каждая мелочь того дня была очень важна для него.

— Да, но мне обязательно нужно будет сыграть вам Лунную сонату целиком, чтобы вы по достоинству оценили истинное очарование этой мелодии. И посмотрим, как вы потом будете утверждать, что не любите музыку! — Клэр вдруг испытала настоящее удовлетворение, когда он кивнул, будто бы соглашаясь с ней. И ей стало непривычно спокойно от того, что она когда-нибудь сможет заставить его полюбить музыку. Такого строгого, сдержанного, почти неприступного... Она разглядывала его красивое лицо, и взгляд помимо ее воли остановился на его крупном носе с едва заметной кривизной, и слова сами собой сорвались с губ: — Что произошло с вашим носом? — Услышав свой прямой вопрос, Клэр ужаснулась своей бестактности и тут же спохватилась: — Простите, я не должна была...

— Все хорошо, — мягко заверил ее Эрик, качая головой. — Это...

Они переходили улицу Парк-лейн, чтобы войти в парк. Эрик остановился и взглянул на Клэр, будто бы о чем-то раздумывая, а потом медленно протянул ей руку. Клэр вложила свою руку в его широкую теплую ладонь без перчатки, и тут же отметила, как он при этом вздрогнул. Почти как в тот первый день их знакомства за роялем, но его замешательство длилось недолго, потому что, едва добравшись до другой стороны улицы, он поспешно отпустил ее руку. Они вошли в парк, где было тихо и почти безлюдно. Это приятно порадовало, но не отвлекло Клэр от того, на чем они остановились.

— Я могу все же узнать, что произошло с вашим носом? Только не говорите, что защищали честь оскорбленной дамы.

Эрик покачал головой, заведя руки за спину, как только отпустил Клэр.

— Определенно там не было дамы.

— Как интересно! — Клэр задумчиво посмотрела на него. — И не смейте утверждать, что лазили по деревьям. Судя по тому, как вы на это отреагировали в прошлый раз, это остается моей прерогативой.

Он несмело улыбнулся.

— Действительно, не стану посягать на святое.

Клэр рассмеялась, не помня, когда в последний раз смеялась так легко и часто.

— Что ж, раз мы расставили все приоритеты, откройте и вы свою тайну.

Он смотрел вперед, на длинную аллею, по которой они все шагали. Улыбка сбежала с лица. Губы были плотно сжаты, но он тихо ответил:

— Я упал.

— Упали? — Клэр нахмурилась его ответу. — Как это произошло?

— Было темно, я споткнулся и упал с лестницы.

Какая нелепая случайность для столь собранного и сосредоточенного человека.

— Как давно это произошло?

— Это... — Он покачал головой, будто бы отгоняя от себя непрошенные воспоминания, и поспешно добавил: — Два месяца назад.

— О, — прошептала Клэр, вдруг поняв, что для него это было не просто падение. — Мне очень жаль.

Он вдруг резко повернул к ней голову.

— Жаль, что мой нос кривой?

— Что? — Клэр была в ужасе от того, как неправильно истолковали ее слова. Став абсолютно серьезной, она быстро добавила: — Жаль, что от этого падения у вас на всю жизнь останется неприятное воспоминание. И ваш нос... он не кривой, а слегка изогнутый. Вот и всё.

Клэр только сейчас заметила, как сильно потемнели его глаза. Так сильно, что это не понравилось ей. Он стал похож на человека, охваченного сильными эмоциями. Которые она невольно вызвала. Ей не хотелось портить ему настроение. И себе тоже. И тем более задевать его чувства, намекая на то, что у него кривой нос! Потому что его нос действительно не был кривым. Возможно, слегка крупным, но он нисколько не портил его привлекательности.

И все же, ощущая горькое чувство вины, она остановилась и покачала головой.

— Эрик, простите, я не хотела...

— Вы ничего не сделали, — тут же оборвал он ее, опустив руки.

У нее было такое ощущение, будто он может дотронуться до нее. Но он не шелохнулся.

— Вы уверены? — недоверчиво спросила она.

Внезапно его глаза стали проясняться, и Клэр охватило несказанное облегчение от того, что они преодолели непонимание.

— Абсолютно, — тут же подтвердил Эрик тем своим мягким глубоким голосом, который действовал на нее странным образом, вызывая глубокий трепет в груди.

Вздыхнув, она несмело улыбнулась ему.

— Тогда попробуем догнать остальных? Мои сестры сегодня были весьма расположены к прогулке, особенно Розалин.

Они снова пошли по красивой аллее, вдоль которой росли высокие клены и вязы.

— Это первый сезон вашей сестры?

Клэр улыбнулась.

— Так заметно?

— Она полна жизни и нетерпения познать эту жизнь.

— Вы верно заметили, — кивнула Клэр, поражаясь тому, как точно его слова описали Розалин. — Полагаю, все девушки ее возраста такие.

— А каким был ваш первый сезон?

— Полагаю, таким же веселым. Он был так давно.

— Вы говорите так, будто вам сто лет.

Клэр рассмеялась.

— Упаси Бог! Я даже не представляю, как можно дожить до этого возраста.

Они свернули направо и увидели своих родных, стоявших возле небольшой тележки цветочника, который пытался продать им свои цветы.

— У вас только две сестры? — спросил Эрик, проследив за ее взглядом и увидев своих брата и сестру, которые оживленно о чем-то разговаривали.

— Еще младший брат, Руперт. Ему шестнадцать лет, он сейчас учится в Итоне... О! — прошептала она, увидев, как Дилан протягивает продавцу деньги, а в обмен берет три букета красных роз. А потом вручает Розалин, своей сестре и... слегка застывшей Агате. — Какая красота!

— Любите цветы?

Клэр рассмеялась.

— Какая девушка не любит цветы? — ответила она и тут же поняла, что почти что попросилась на такой же букет. Увидев, как Эрик решительно шагнул в сторону цветочника, она последовала за ним. — Эрик, постойте! Прошу вас, не нужно. Это всего лишь...

Он резко обернулся к ней. Так, что она чуть не налетела на него, но вовремя остановилась. Их сестры и Дилан уже отошли от цветочника, который катил свою тележку в их сторону, заметив в них будущих покупателей.

— Я хочу сделать вам подарок.

Клэр ощутила, как теплеют щеки.

— О, но право не нужно...

— Я хочу, чтобы у вас было что-то от... В память об этом дне.

— О... — снова выдохнула Клэр, пораженная до глубины души.

Тем временем Эрик обернулся к подошедшему цветочнику и принялся разглядывать его букеты, которые восхвалял их хозяин, убеждая, что выращивает их в собственном саду уникальным способом, благодаря чему цветы держатся дольше.

— Что вы больше любите? — спросил Эрик, оглядывая цветы. — Розы? Лилии?

Понимая, что он непреклонен, Клэр встала рядом с ним и взглянула на россыпь ярких красок, и заметила среди них то, что ей приглянулось больше всего.

— Ландыши.

Он удивленно посмотрел на нее.

— Что?

— Ландыши, майские цветы, благоухающие особым ароматом. Я люблю ландыши.

Эрик внимательно смотрел на нее, а потом медленно кивнул цветочнику.

— Букет самых лучших ландышей для леди.

— Ландыши? — Цветочник был сбит с толку. — Ваша леди так обворожительна, что достойна роз, лилий или орхидей, но не...

Эрик повернулся к нему и посмотрел на него таким неумолимым взглядом, что мужчина тут же замолчал.

— Хорошо, ландыши, я понял... — Он взял самый пышный из маленьких букетов и протянул Эрику. — Вот, милорд, прошу.

Эрик не спешил опускать руки.

— Положите, я сам возьму.

Клэр взглянула на него. И вдруг вспомнила, как вчера в доме ее дяди он не прикасался ни к кому. Кроме нее. Как и сегодня, когда совсем недавно помог перейти дорогу. Ей это не показалось. Это было... Что-то пугающее было в этом, но она не успела обдумать эту мысль, потому что он взял букет и протянул ей.

— Прошу.

Его глаза снова потеплели, и он смотрел на нее с такой будоражащей искренностью и желанием порадовать, что ответное тепло разлилось по всему ее телу. Клэр взяла букет и невольно прижала к груди, чувствуя, как колотится сердце.

— Благодарю, — молвила она почему-то осевшим голосом.

Краем глаза она заметила, что он отдал цветочнику больше, чем полагалось, и они снова двинулись в путь. К компании, которая на этот раз стояла и ждала их. Приблизившись, они услышали, как говорит Рейчел, глядя на старшего брата.

— Эрик, здесь недалеко есть кондитерская, где продают удивительно вкусные пирожные. Я ужасно хочу выпить чаю, давайте посидим там немного. Мы все хотим чаю.

— Ты уверена, что пирожные не навредят тебе?

Рейчел с улыбкой покачала головой.

— Какой ты бессовестный!

— Я волнуюсь о тебе.

— Не нужно, потому что я хорошо выгляжу, и даже сотни пирожных не навредят моей тонкой талии. — Она повернулась к Клэр. — Клэр, ты хочешь чаю?

— Охотно.

— Ты в меньшинстве, братец, так что мы идем в кондитерскую! — торжественно объявила она, развернулась и повела всех за собой, бросив через плечо: — Не мог купить Клэр букет побогаче?

— Я люблю ландыши, — тут же вставила Клэр, с улыбкой глядя ей в след, а потом покачала головой. — А ведь она права, там продают самые вкусные пирожные.

Они двинулись за молодыми. Клэр с необычайным теплом прижимала к груди свой маленький букетик.

— Чем вы любите заниматься в свободное время? — снова поддавшись некоему порыву, спросила она, поражаясь тому, как много хотела узнать о нем.

— Я изучаю историю.

— Да? — Клэр посмотрела на него. — Дядя Джордж говорил, что вы занимаетесь политикой. А это вероятно предполагает иметь знания в области истории, чтобы двигать страну в нужном направлении, я угадала?

Он нахмурился, встретив ее задумчивый взгляд.

— Вы верно сказали. Но историей я занимаюсь еще и для себя.

Клэр на мгновение поморщилась.

— Никогда не могла запомнить ни одной даты. Я даже не помню, сколько длилась столетняя война, и когда был коронован Генрих VIII.

— Сто шестнадцать лет. А Генриху было 17 лет, когда он стал королем после смерти своего отца, с 22 апреля 1509 года.

— О, — Клэр потрясенно взглянула на него. — Да вы и правда знаете историю! — И снова прижала пальцы к губам, поражаясь собственной нетактичности и допущенных сомнениях в его образованности. — Простите, я не сомневалась в этом, меня просто... Несколько пугают такие точности.

— Точность упорядочивает хаос.

— Верно, но за точностью невозможно разглядеть появление в жизни чего-то особенного, неожиданного. Не люблю, когда все расписано и запланировано. Так, будто бы в жизни не остается места для мечты.

— За которой нужно непременно идти. Как шли вы к своей музыке.

Клэр улыбнулась.

— Верно. — Быстро взглянув на его профиль, она все же спросила: — А как так получилось, что вы подались в политики? С одной стороны это ваша будущая обязанность, как наследника, но вы могли бы выбрать нечто другое, учитывая бурно развивающийся строй мира...

Он все смотрел вперед, раздумывая над своим ответом, будто бы подбирал слова, или решал, что можно ей сказать.

— Это один из путей, которые даются человеку для того, чтобы изменить мир к лучшему.

Клэр вдруг остановилась, настолько сильно удивили его слова. Какой глубинный смысл прозвучал в них.

— И папа часто так говорит, рассуждая о своем отношении к политике. Он, как и ваш отец, стремится многое изменить в нашей стране, но эти перемены зависят не только от него. Такое ощущение, будто люди вокруг них превратились в глухих и слепых глупцов, не желающих признавать важность грядущих перемен, которым нужно уступить. — Она покачала головой. — В последнее время люди, занимающиеся политикой, не сильно преуспели. Как одна, так и другая сторона.

Эрик тоже остановился и посмотрел на нее.

— Когда у человека появляется власть, — тихо заговорил он, — возникает вопрос, для чего ее использовать. Во благо или для разрушения. Наши отцы давно определились с выбором.

«Удивительно, какой серьезный оборот принял легкий разговор», — подумала Клэр.

— А другие? Они ошиблись при выборе? — несмело спросила она.

— Иногда человеку нужна помощь, чтобы сделать выбор, но многие предпочитают быть обманутыми потому, что в большинстве случаев власть развращает. Поглощает всю сущность человека, высасывает из него все хорошее, заменяя пороками и неправильными суждениями. И тогда он начинает действовать только в угоду собственным интересам. Остальные превращаются в оружие, которое помогает достигнуть цели.

— Таково лицо политики? — ужаснулась Клэр.

— Таков человек, верящий в собственную правоту и безнаказанность.

Она задумчиво изучала красивое, суровое лицо, а потому вдруг с кристальной ясностью поняла, о чем он говорит.

— Вы говорите о том, что сейчас пытаются сделать в Парламенте? Вы считаете, что Палата Общин во главе с премьер министром использует простых людей, подталкивая их к восстаниям и бесчинствам в угоду тому, чтобы прийти к собственной цели? Что в итоге простой народ ничего не получит?

Он потрясенно вскинул брови.

— Вы разбираетесь в политике?

— Я слежу за новостями, потому что меня волнует будущее нашей страны. И наши отцы... они сделали немало для того, чтобы погасить пожар между враждующими сторонами.

Эрик нахмурился и внезапно опустил руки, вытащив их из-за спины.

— А вы страстно преданы не только музыке.

Было нечто странное в этом разговоре. Что-то тревожащее, мрачное. Клэр не хотела мрака в столь солнечный и такой приятный день, поэтому улыбнулась и тихо молвила, ощутив, как снова краснеет:

— Можно это считать за комплимент?

К ее огромному облегчению он улыбнулся ей в ответ.

— И даже больше, — проговорил он внезапно осевшим голосом, глядя ей прямо в глаза, но затем резко моргнул и выпрямился, будто бы очнулся и кивнул в сторону выхода из парка. — Может, попробуем догнать их?

Улыбка Клэр стала шире.

— Давайте попробуем, иначе они съедят все пирожные в кондитерской, и нам ничего не останется. Вы любите пирожные? С заварным кремом или глазурью?

Он слегка поморщился, но все же ответил:

— Иногда их можно употребить с чаем.

Клэр звонко рассмеялась, ощутив былую легкость в груди.

— Определенно это произойдет сегодня.

Кондитерская представляла собой большой зал с круглыми столами и мягкими стульями, и витринами, заполненными самыми разнообразными пирожными местного кондитера. Внутри было не так многолюдно, и Клэр сразу же заметила в углу своих сестер, Рейчел и Дилана, которые устраивались за самым большим столом, способным вместить всю их компанию. Подойдя к ним, Клэр устроилась у окна, глядя на то, как перед ней садится Эрик. Аккуратно положив на стол свой маленький букетик из белых ландышей, она на мгновение закрыла глаза и сделала глубокий вдох, чувствуя, как по-прежнему быстро стучит сердце. Было такое ощущение, будто она пробежала целую милю. Какое-то странное волнение не отпускало ее, но оно не тревожило, а лишь заполняло сознание чем-то сладким и многообещающим.

Через десять минут принесли чай и пирожные. С глазурью, заварным кремом, с фисташками и миндалем. Клэр потянула к себе свою чашку, предварительно добавив туда две ложки сахара, а потом заметила, что Эрик наблюдает за ней, поставив перед собой свою чашку. Ему не положили ни одной ложки сахара. И не добавили ни капельки молока. Неосознанно она запомнила этот факт, помешивая свой чай.

Время в кондитерской пролетело совсем незаметно. Через час, когда они собрались обратно домой, Клэр снова пошла рядом с Эриком, прижимая букет ландышей к себе.

День выдался таким удивительным. И теплым. Солнце действительно сияло так ярко, что нужды в шали действительно не было, но Клэр все равно накинула ее на свои плечи, отчего чувствовала себя в еще большей безопасности.

— Вы были правы, — молвила она, придерживая правой рукой ножку зонтика. Другой придерживая букет ландышей, она подняла цветы к лицу и вдохнула их неповторимый аромат.

— О чем вы? — спросил Эрик, глядя на нее.

Они уже перешли Аппер-Гросвенор-стрит и шли к Гросвенор-сквер, где располагалась резиденция маркиза Куинсберри.

— День сегодня выдался на удивление теплым.

Он нахмурился и покачал головой.

— Вам действительно нравятся ландыши.

Клэр покраснела, решив, что уделяет слишком большое внимание простым цветам. Его подарку.

— Да, я с детства люблю ландыши.

— Чем же они вас пленили?

Его вопрос не был праздным. Потому что каким-то образом он понял, что эти цветы имеют для нее особое значение, нежели другие. И в очередной раз Клэр решила сказать ему правду. Как не поступила бы с другими. О чем не рассказывала даже Клиффорду.

— Ландыши... Однажды папа принес домой газету. — Она задумалась и взглянула на дорогу, которая вела к их большому городскому дому. — Там говорилось о талантливом композиторе, который собирался дать концерт в Вене.

— Бетховен, — тут же понял Эрик.

Она повернула голову в его сторону. Ей почему-то понравилось то, как он предугадал ее

мысли. Хотя, зная о ее слабости, любой бы это понял. И все же догадливость Эрика намного больше порадовала ее.

— Верно, — улыбнулась Клэр.

— Там был его рисунок?

Улыбка ее помимо ее воли стала шире.

— И снова вы угадали. Да, изображение великого композитора. Он ведь часто гулял по паркам, чтобы быть ближе к природе и услышать мелодию жизни, чтобы потом передать ее звучание своим слушателям. На лоне природы к нему приходило вдохновение. Так он сочинил шестую симфонию.

— Да.

Его тихий шепот заставил Клэр вспомнить о том, что и Эрик теперь знает о Бетховене, потому что читал его биографию. Потому что им интересовалась она! И глядя в его светло-голубые глаза, она так же тихо сказала:

— У него в руке был маленький букет ландышей.

Они остановились у порога ее дома, но Клэр не спешила подняться по лестнице. Она не могла оторвать взгляд от Эрика.

— Удивительно, какую большую роль этот человек сыграл в вашей жизни.

В его голосе не было осуждения. Лишь искреннее удивление и признание того, что ее увлечение — это данность.

— Я ведь мечтала съездить в Вену и послушать хоть бы один его концерт. Хоть бы краем глаза увидеть его. Но... сначала папа был очень занят, потом... пять лет назад Бетховена не стало...

Что-то тяжелое легло ей на сердце, грозя испортить впечатление о сегодняшнем хорошем дне. Вот только ее грусть длилась недолго, потому что Эрик поднял руку и, коснувшись ее подбородка, мягко поднял ее лицо к себе.

— Не стоит жалеть о том, что было, потому что жизнь может преподнести другие удивительные сюрпризы.

Глядя в его необычайно красивые глаза, Клэр вдруг поняла, что он прав. И что в ее жизни не происходило ничего удивительного.

До этого мгновения.

У нее сильнее забилося сердце. И дышать вдруг стало непривычно трудно. Но замешательство длилось недолго, потому что резкий порыв ветра сбил с головы Эрика шляпу и сбросил на дорогу. Вместе с тем ветер взлохматил его густые черные волосы и, принося с собой листок клевера, запутал его в черных прядях.

Внезапно поддавшись необъяснимому порыву, Клэр потянулась к нему и шепнула:

— Замрите! — Эрик застыл перед ней, не убрав от ее лица своей руки. Тогда, переложив букет ландышей в правую руку, которая удерживала зонт, Клэр запустила пальцы ему в волосы и стала освобождать бедный листок из плена. Она старалась делать это быстро, но ее неловкие попытки еще больше запутывали его волосы. Не сдержавшись, она подалась еще чуточку ближе к нему, не замечая того, что он почти не дышит, и вытащила-таки листок, невольно погладив его по голове. — Вот! — торжественно заявила она, подняв перед его глазами несчастный лист клевера. И только тогда заметила, каким слегка ошеломленным выглядит ее собеседник. — Эрик?

Он моргнул. И очнулся. И тут же убрал от нее руку. А потом сделал шаг назад и, выпрямившись, завел руки за спину.

— Я... — Клэр была растеряна, решив, что поступила фамильярно, но он вдруг прервал ее хриплым шепотом.

— Благодарю.

— За что?

Глаза его смотрели прямо на нее.

— За эту прогулку. За этот день.

На этот раз смутилась Клэр, ощутив странную робость перед ним, но все же сказала, испытывая ответную благодарность к нему.

— Вам тоже спасибо. За прогулку. — Она взглянула на свой букет и тише добавила: — И за цветы тоже. Спасибо! — И вновь, не понимая, почему так поступает, она вытащила из букета стебелек ландыша и протянула Эрику. Ей захотелось, чтобы и у него осталось что-то от этого дня. — Это вам, в память об этом дне.

Он изумленно смотрел на стебелек.

— Мне?

— Именно.

Она ждала, когда он примет ее подарок, то, что останется с ним от нее. Это было... Клэр не могла припомнить, чтобы хоть бы одному своему кавалеру дарила подарки в память о проведенном дне.

Эрик, наконец, протянул руку и взял стебелек ландыша.

— Благодарю, — молвил он, глядя на цветок.

— До свидания.

Развернувшись, Клэр вошла в дом, поэтому не заметила, что Эрик стоял там до тех пор, пока она не скрылась за дверью.

Пока не стало слишком поздно...

В гостиной царил умиротворяющая тишина, прерываемая порой глухим отдаленным раскатом грома и слабым треском поленьев в камине. Тиканье больших напольных часов казалось чем-то чуждым и неподвластным тем, кого не заботило время. По окнам били капельки дождя, который не прерывался вот уже два дня. Вынужденное заточение в доме довольно приятно успокоило и расслабило обитателей Гудвин-хауса.

Лежа на полу перед камином, Розалин что-то усердно рисовала в своем блокноте. Агата сидела рядом с ней в кресле и дошивала узор на своем платке.

Клэр устроилась на мягком диване недалеко от окна и, подложив под себя ноги, читала биографию Антонио Сальери, чьим учениками были не только Шуберт, но и ее обожаемый Бетховен. Удивительно, но теперь Клэр не могла думать о своем любимом композиторе без того, чтобы не вспомнить серо-голубые глаза. И не замечала улыбку, которая при этом появлялась у нее на лице. Удивительным было и то, что одно единственное воспоминание об Эрике вызывало в ней столь приятные, теплые эмоции.

«Не люблю... Вы говорите это так, будто я совершил преступление».

Да, он не любил музыку, но мало того, что он не отрицал этого, он не пытался уверить, будто полюбит музыку только для того, чтобы угодить ей. Клиффорд любил музыку и обожал танцевать с ней, но терпеть не мог, когда она начинала музицировать, утверждая, что она в такие минуты забывает о его существовании. Клэр порой казалось, что ее действительно поглощала мелодия настолько, что она забывает обо всем на свете. Но теперь... теперь нечто теплое наполняло все ее существо всякий раз, когда она думала о музыке. И это благодаря человеку, который не любил музыку.

Как такое возможно?

Тишину прервал щелчок замка, а затем в комнату вошла маркиза. Она стояла у порога, словно не решалась войти, и не отпускала ручку, пока не остановила взгляд на Клэр.

— Дорогая?

Клэр подняла голову от книги и улыбнулась, увидев мать.

— Мама? Что-то случилось?

Прижав свободную руку к груди, маркиза заговорила тихим голосом, при этом выглядела необычайно взволнованной и несобранной.

— Клэр, милая, к тебе пришли.

Слова и поведение матери удивили ее. Закрыв книгу, Клэр выпрямилась на диване и нахмурилась, перестав улыбаться.

— Ко мне пришли? В такую погоду? Но кто?

— Тебя хочет видеть старший сын маркиза Ричмонда.

На этот раз слова матери окончательно сбили ее с толку. Ощущая странную тревогу, она отложила книгу и медленно встала с дивана, не замечая пристальных взглядов сестер.

— Эрик?

Маркиза внезапно улыбнулась.

— Да. — Она взглянула на младших дочерей и быстро добавила: — Он хочет поговорить с тобой наедине. Так что, девочки, идемте со мной.

— Но!.. — У Клэр было такое ощущение, будто ее сбили с ног, и она падает. Так стремительно, что закружилась голова. Сердце стучало так громко, что она ничего не

слышала. Лишь только оглушительные слова матери. «Наедине!» — С какой стати ему видаться со мной наедине?.. — Когда она увидела, как подчинившись, сестры покидают гостиную, Клэр ощутила настоящую панику. — Мама, девочки, немедленно остановитесь! Куда вы? Что происходит?

Маркиза заправила прядь светло-каштановых волос за ухо и так же быстро ответила:

— Он в коридоре, Клэр. Я пошлю его к тебе.

— Но, мама! Постой!.. Ради Бога, что всё это?!..

Ее как будто не слышали. И когда маркиза исчезла за дверью, за ней выросла совсем другая более внушительная фигура.

Клэр не ждала его. Не ожидала увидеть в столь мрачный и дождливый день. И не предполагала, что он может приехать к ним. К ней! Чтобы поговорить... Но о чем?

У нее замерло сердце, когда его серо-голубые глаза остановились на ней. Такой приветливый, такой теплый и добрый взгляд, но в то же время решительный и открытый. Который мог быть только у человека, испросившего позволение поговорить с ней наедине. Клэр вдруг поняла, что происходит нечто неправильное. И когда заметила, как он закрыл дверь, (закрыл тогда, когда этого нельзя было делать наедине с незамужней девушкой!), самые дурные предчувствия охватили ее, заставив замереть от настоящего ужаса.

— Леди Клэр, — заговорил он тихим, глубоким голосом, который когда-то ей нравился. Но теперь Клэр всем сердцем взмолилась о том, чтобы он замолчал. Только он не собирался молчать. Чуть склонив голову на бок, Эрик улыбнулся ей той несмелой, но искренней улыбкой, от которой прежде сердце щемило в груди, и так же тихо спросил: — Как вы поживаете?

«Боже, прошу тебя, пусть он замолчит! Пусть ничего не говорит!»

Ей было трудно дышать, невероятно тяжело стоять на ватных ногах. Клэр сделала глубокий вдох, чтобы взять себя в руки и едва слышно молвила:

— Почему вы пришли?

Улыбка сбежала с его лица. Он выпрямился и завел руки за спину привычным жестом. Волосы его были аккуратно зачесаны на правый бок, но несколько прядей все равно падали на широкий лоб, делая его более земным. Дождь не тронул его волосы, вероятно потому, что он был в шляпе, которую снял еще в прихожей, но капельки дождя были видны на его черном сюртуке и даже на накрахмаленном белом шейном платке.

— Я хотел вас увидеть.

Внезапно Клэр поняла, что ей больше не нравится его открытость, его искренность. Она хотела, чтобы он развернулся и вышел из гостиной сию же секунду, чтобы былое спокойствие снова снизошло на нее. Чтобы все стало как прежде.

— Зачем?

— Я хочу вам кое-что скатать.

«Боже! О Боже! Не нужно! О, прошу тебя, не нужно!»

Едва дыша, Клэр прижала руку к груди, прямо туда, где в немом ожидании замерло ее сердце.

— Поверьте... вам... вам не нужно ничего говорить мне.

Он оглядел комнату и к ее полному ужасу заметил небольшую вазу с цветами, стоявшими на столе в углу рядом с ее фортепьяно.

— Не думал, что ландыши сохранятся так надолго.

Клэр внезапно ощутила почти невыносимое желание закричать.

— Эрик, что вы?..

Он вновь перевел на нее свой пристальный взгляд и мягко оборвал ее:

— Клэр, я хочу попросить вас стать моей женой.

Клэр и до этого не могла шевелиться и дышать, а теперь и вовсе застыла, как статуя, будто пораженная громом. Это было... Она не знала, как описать все то, что происходило сейчас. То, что происходило сейчас, было неправильно, ужасно! Просто невыносимо кошмарно. Боже, он ведь нравился ей, очень нравился, и она думала, что они стали друзьями! Ничего более. Но возможно ли, чтобы своей открытостью и дружелюбием она заставила его поверить, на малейшую секунду допустить, будто?..

— Но... это... это... — лепетала она, почти задыхаясь.

Эрик заметил ее резкую перемену и внезапную бледность. Глаза его обеспокоенно прищурились.

— Я уже говорил с вашим отцом, и он дал мне свое согласие.

На этот раз Клэр показалось, что разряд молнии ударил прямо в нее.

— Что?

Она должна была проснуться. Во что бы то ни стало проснуться от этого кошмара!

— Он дал мне свое согласие, но я хочу, чтобы вы сами ответили мне, Клэр. Я хочу, чтобы вы стали моей женой и разделили эту жизнь со мной. Вы позволите мне это сделать?

— Это... — Клэр боялась, что если придет в себя, она сойдет с ума от ужаса. — Это невозможно!

Лицо Эрика застыло. Он медленно опустил руки, но не сдвинулся с места.

— Невозможно? — повторил он так, будто никогда не слышал этого слова. — Почему?

Потому что у нее был Клиффорд! Потому что она до смерти соскучилась по нему. Ждала от него весточки всю эту мучительную, долгую неделю, и пока его не было, она пыталась уверить себя в том, что сможет прожить эти пустые дни без него. И что в итоге произошло?

— Я люблю другого.

Если до этого Клэр полагала, что молния ударила по ней, теперь она могла увидеть, как она бьет в стоящего перед ней человека. Лицо Эрика побледнело. Глаза потемнели. Он не шевелился какое-то время, а затем снова завел руки за спину и посмотрел на нее.

— Я не отказываюсь от своих слов, — наконец, заговорил он голосом, лишенном прежней теплоты.

У нее дрожали колени от силы его взгляда.

— А я не могу принять ваши слова.

Взгляд его стал почти непроницаемым, но он продолжал так же неумолимо смотреть на нее. Так пристально, что Клэр пожелала бы прикрыться от него.

— Вы связаны обещанием с другим?

— Нет, но это не меняет...

— Я не отказываюсь от своих слов!

Его решительность подействовала на Клэр отрезвляющее. Сковавшее оцепенение медленно отступило, заставляя Клэр ощутить весь ужас того, что на самом деле происходило. Что продолжало происходить. То, что ей нужно было остановить. Предотвратить. Немедленно.

— Я не могу... — прошептала она, находясь на грани.

Эрик шагнул к ней. Глаза его вновь потеплели, и он сказал тем самым бархатистым

голосом, от которого мурашки забегали по спине и рукам.

— Я найду тысячу способов сделать вас счастливой.

За короткое время знакомства она прониклась к нему глубокой симпатией, чего не испытывала прежде ни к кому. Ей было не просто приятно находиться в его обществе. Она доверила ему почти все свои тайны и сокровенные помысли, которыми не делилась ни с кем. Но его предложение вывело ее из некоего странного состояния, в котором она пребывала с момента встречи с ним. Состояние, в котором она позабыла обо всем, даже о Клиффорде, и допустила такую ужасную ошибку, заставив Эрика поверить в то, что между ними есть... может быть что-то большее.

И то, что он говорил сейчас... Это было так на него похоже, но так ужасно, что ей хотелось рыдать. Едва сдерживая себя, она сделала шаг назад и сказала почти убитым голосом:

— Эрик, это невозможно. Я не могу принять ваше предложение.

«Ради Бога, не портъ всё то хорошее, что мы разделили за время нашего знакомства!»

Ей было горько от сознания того, что их дружбе действительно пришел конец. Он не сделал ей ничего плохого, он позволил ей провести с ним удивительные мгновения, которые, она была уверена, никогда не забудет. Не забудет того, кто с такой легкостью мог назвать любую дату в истории, кто пожелал подарить ей ее любимые ландыши на память о прогулке, кто не стыдился того, что не знал Бетховена. У нее было такое ощущение, будто что-то очень важное отрывают от нее. Клэр понимала, что они больше никогда не смогут увидеться, и все же ей было больно от того, что он совсем скоро исчезнет из ее жизни.

Словно бы не понимая, в какой агонии она пребывает, Эрик продолжил своим бархатистым голосом, усиливая ее отчаяние.

— Я знаю, что у вас на большом пальце правой руки есть шрам. Я знаю, что в детстве вы любили лазить по деревьям, знаю, что в чай кладете две ложки сахара, знаю, что любите ландыши, любите свою кашемировую шаль, без которой никуда не выходите. Знаю, как сильно вы преданы музыке, и мне это нравится, нравится, как вы ловите каждую ноту, где бы они ни были. Я знаю, как шампанское действует на вас, и знаю, что мне этого было достаточно, чтобы захотеть видеть вас своей женой.

У Клэр было такое ощущение, будто ее обокрали.

— Но мне этого недостаточно! — в панике воскликнула она, понимая, что земля на самом деле уходит у нее из-под ног. — Я ведь совсем... вас не... — Она могла бы сказать, что не знает его, но она всё же знала его. — Эрик, — молвила она почти в отчаянии, — этого недостаточно... этого мне недостаточно!

Они знали друг друга всего несколько дней. Ей этого было недостаточно для того, чтобы согласиться связать свою судьбу с другим. Кроме того, был Клиффорд...

Эрик остановился в двух шагах от нее и смотрел на нее долго, задумчиво, будто пытался услышать ее мысли. Пытался понять, что она говорит, но не мог услышать. Глаза его потемнели и на этот раз стали такими темными, будто в них поселился весь ночной мрак. Что-то нехорошее исказило его лицо. Боже, подумала Клэр, в ужасе от того, что видела. Она не хотела ранить его после всего, что они разделили друг с другом. И все же, у нее не было выбора. Она не представляла, как еще уговорить его остановиться.

Но он упрямо шел к поставленной цели.

— Ваш отец дал свое согласие.

Его голос рассек густой воздух, словно лезвие ножа. Клэр вздрогнула и только тут поняла, что он не собирается принять ее отказ.

Господи!

— Вы не понимаете? Эрик, я люблю другого. Всем сердцем люблю. — Клэр никогда бы не подумала, что ей придется кому-то рассказывать о своей любви к Клиффорду, описывать свои чувства, особенно такому человеку, как Эрик. Но теперь, кроме как достучаться до него, дозваться до его рассудка, ей больше ничего не оставалось. — Уверена, мой отец...

— Он уже дал свое согласие, — произнес он голосом, наполненным почти таким же отчаянием, какое звучало в голосе Клэр, но она это не заметила. — И я не возьму свои слова обратно.

Он действительно не собирался отступать. Он не принял ее признания о том, что она любит другого. Он проигнорировал это, стремясь жениться на той, которая любила другого. Не понимая, что делает, Клэр ухватила за его руку выше локтя обеими руками.

— Эрик, прошу вас... Уходите. Мы не сможем больше с вами видеться.

Эрик вздрогнул в то же мгновение, когда она коснулась его. Внезапно лицо его потемнело, глаза сузились, и он сказал каким-то пугающе тихим, хриплым, шершавым голосом, полным такой боли, что Клэр охватил почти непередаваемый ужас.

— Вы — единственная женщина на свете, на которой я смогу жениться.

Это было похоже на признание умирающего человека. Которое не слышал никто. Такой сдержанный, такой рассудительный, он все же сказал то, что заставило Клэр буквально окаменеть. Она отпустила его, будто обжегшись. Потому что слова его были полны такого сакрального значения, смысл которых она не хотела знать. В серо-голубых глазах отражалась почти та же боль, которая прозвучала в его голосе. Она не хотела, Боже, на самом деле не хотела причинять ему боль, но он делал все, чтобы не оставить ей выбора.

— Прошу тебя, Эрик... Я люблю другого, — вновь повторила она, не представляя, как еще возможно донести до него свой отказ.

Свои желания. Свои мечты... И почему-то в это самое мгновение, будто бы насмехаясь над ней, почти сумасшедшая мысль пришла ей в голову:

«Я ведь даже не целовала тебя!»

Как можно было думать об этом сейчас?

Эрик не произнес больше ни единого слова. Сделав глубокий вдох, он развернулся и быстро покинул комнату.

Клэр покачнулась, дрожа с ног до головы. Она не могла допустить, чтобы произошло то, о чем говорил, просил Эрик. Зачем он это сделал? Они ведь были знакомы всего три дня! Порой этого недостаточно даже для крепкой дружбы, не говоря уже о том, чтобы жениться. По какой-то необъяснимой причине она прониклась к нему даже большим, чем дружба, он завоевал ее доверие, даже не приложив для этого особых усилий, и расположил к себе так, что она почему-то стала рассказывать ему то, о чем не говорила ни одной живой душе. И это стало ее ошибкой. Но о свадьбе не могло быть и речи. Он сошел с ума, если считал, что она согласится выйти за него замуж!

У нее был Клиффорд! Она любила его с той первой минуты, когда увидела его. И продолжала любить, даже когда он уехал. Особенно когда он уехал. Она не могла стать женой другого. Это было... С тех пор, как в ее жизни появился Клиффорд, она даже не допускала подобной мысли. Она не собиралась принимать предложения других. И никогда не давала повода другим думать, считать, будто она поощряет их! И лишь только однажды

поддалась сиюминутным чувствам, когда пригласила Эрика на музыкальный вечер своего дяди...

Это было сумасшествием!

Прижав руку ко лбу, Клэр старалась дышать, чтобы не задохнуться. Ей нужно было подумать! Решить, как быть дальше. Что ей делать?

Оглушительную тишину прервал звон напольных часов, которые стояли в кабинете отца.

Отец!

Ну, конечно! Ей следовало немедленно поговорить с ним. Объяснить ему все то, что произошло. Он поймет, уверяла себя Клэр, почти стремглав мчась в его кабинет, который находился в противоположной стороне от гостиной. Он всегда понимал ее. Только отец поощрял ее, когда она увлеклась музыкой, и всегда поддерживал в ней любовь к этому занятию. Клэр обожала отца и была уверена, что и сейчас он поддержит ее. И обязательно поговорит с Эриком. Да, они больше не смогут увидеться, как бы тяжело ей не было думать об этом, но для нее никого важнее Клиффорда просто не было.

Распахнув двери, она вошла в кабинет и, едва дыша, сказала:

— Это невозможно!

Маркиз перебирал какие-то бумаги, стоя у своего большого стола из массива дуба. Подняв голову и заметив невероятно бледную дочь, он отложил бумаги и широкими шагами направился к ней.

— Клэр? Что с тобой? Что произошло?

— Папа, это невозможно, — простонала она и к полному своему стыду расплакалась, не в силах больше сдержаться. Клэр была уверена, что если сейчас прижметесь к отцовской груди и закроет глаза, абсолютно всё встанет на свои места.

Маркиз притянул дочь к себе и крепко обнял.

— Милая моя, успокойся, — прошептал он, проведя рукой по ее волосам. — Что случилось? Кто тебя обидел?

— Я... — Она все никак не могла говорить, потому что ее душили рыдания. — Папа...

— Все хорошо, — говорил он, обнимая ее до тех пор, пока Клэр не успокоилась. А когда это произошло, он отстранил ее от себя и, приподняв ее лицо к себе за подбородок, обеспокоенно взглянул на нее. — Что произошло?

— Эрик... он приходил ко мне.

Глаза его сияли невероятной теплотой и пониманием.

— Я знаю, он просил моего разрешения поговорить с тобой. Вы поговорили?

Клэр отпустила отца, испытывая необходимость отойти от него, когда скажет ему все то, что собиралась сказать, вытерла щеки тыльной стороной ладони и сделала глубокий вдох.

— Папа, он просил меня стать его женой.

До сих пор не верилось в то, что это правда. Что он действительно сказал ей такое.

— Я знаю.

Клэр резко обернулась, уверенная в том, что вот сейчас отец улыбнется ей и скажет, как обычно это бывало прежде, что возьмет ситуацию с Эриком в свои руки, и что ей больше ни о чем не придется беспокоиться.

— Папа, я не могу выйти за него замуж.

— Не можешь? — повторил он почти уже знакомым тоном так, будто никогда не слышал этого слова. — Почему?

— Почему? — Клэр была удивлена его реакцией. Обычно ему было достаточно одного ее слова, чтобы распрощаться с нежеланными кавалерами. А теперь он смотрел на нее так, будто нуждался в ее объяснениях. — Я не смогу выйти за него.

Маркиз внимательно смотрел на нее, но при этом не выглядел удивленным, а лишь озадаченным. Затем медленно скрестил руки на груди и повторил:

— Почему?

Сбитая с толку, Клэр всё же осознала то, что должна объясниться. Чтобы он, наконец, понял, что произошло.

— Он... он... — она дрожала так, что не могла связать и двух слов. — Он необычный...

— Эрик — хороший человек и сможет позаботиться о тебе.

Клэр не могла поверить своим ушам. Отец что же, тоже пытается уговорить ее выйти замуж за Эрика? Он что, тоже сошел с ума?

— Но, папа... Я люблю другого!

Маркиз застыл.

— Что? — Он выпрямился и опустил руки. — Кого?

Маркиз был искренне удивлен заявлением дочери. Это еще больше напугало Клэр, потому что стало казаться, будто ей придется объясняться со всем миром.

— Клиффорда. Я люблю его. Отец... — Ее голос дрогнул от боли. — Я не смогу выйти за другого. Просто не смогу...

Выражение лица Грегори так и не изменилось. Он оставался по-прежнему таким же невозмутимым, как и до ее прихода.

— Клиффорд никогда не просил твоей руки.

Вот и все, что он сказал. Всего несколько слов, мощная сила которых разнесла в пух и прах не только ее любовь, но и всю жизнь. Если молния могла два раза бить в одно и то же место, она должна была снова угодить прямо в Клэр. Она всё смотрела на стоявшего перед собой человека, пытаясь найти в нем своего любимого отца, который всегда защищал ее и ограждал от всего мира.

— Папа... папа... — задыхаясь, шептала она.

Глаза маркиза внезапно потемнели.

— Клэр, милая, это ведь...

— Клиффорд уехал... Ему пришлось уехать... Он хотел... — бормотала она, изо всех сил пытаясь вспомнить все те обещания, которые давал ей Клиффорд, но так ничего и не смогла вспомнить.

И словно этого было мало, маркиз добавил то, что стало последней каплей:

— До этого он два месяца был здесь.

В повисшей тишине вся обреченность и тщетность попыток снежным комом обрушилась на нее.

— Что ты делаешь, папа? — убитым голосом молвила она, задыхаясь от боли.

Маркиз внезапно опустил взор и покачал головой.

— Я дал Эрику свое согласие. — Медленно подняв голову, он тише добавил: — И не возьму свое слово назад.

Земля медленно начинала уходить из-под ног. В ушах шумело, и Клэр боялась упасть, но ей пришлось приложить все свои силы для того, чтобы этого не произошло. Все силы для того, чтобы суметь вынести боль от разочарования в отце, которого боготворила.

— Ты сделаешь то, что навсегда разрушит мою жизнь? — прошептала она

потрясенно. — Тебе не может быть настолько наплевать на меня.

Маркиз вздохнул и устало провел рукой по застывшему лицу.

— Клэр, ты прекрасно знаешь, что мне никогда не был наплевать на тебя. Не говори так.

— Тогда что вы делаете? — выдохнула она, из последних сил взывая к его разуму, к чувству справедливости, которым так восхищалась. — Что ты делаешь, отец? Что ты творишь?..

Лицо маркиза побледнело, но он смотрел на дочь прямо, уверенно.

— Я устраиваю твою жизнь. Только пока ты этого не понимаешь...

Клэр сделала шаг в его сторону.

— Но я люблю Клиффорда. Папа, прошу тебя...

— Придется полюбить другого. Эрик хороший парень, и сможет сделать...

Резко остановившись, Клэр подняла руку и почти, не помня себя, процедила сквозь боль и отчаяние:

— Если ты это скажешь снова, я навсегда возненавижу тебя!

Отец вздохнул с горечью и едва заметной болью.

— Однажды ты скажешь мне спасибо за все то, что я делаю для тебя сейчас.

Клэр выпрямилась, сжимая руки в кулаки для того, чтобы сдержаться, но у нее ничего не вышло. И одинокая слеза, прочертившая ничтожную дорожку, стала олицетворением всей ее боли и одиночества в борьбе за то, что никто не хотел понимать. Даже ее отец.

— Мне сложно будет найти слова благодарности для того, кто разрушает мою жизнь.

Маркиз дернулся так, будто его ударили. Боль Клэр стала сильнее от того, что ей до сих пор приходилось причинять боль тем, кого она любила. Кто ей нравился. Кому она не желала боли...

— Хватит, — прошептал маркиз, качая головой. — Все уже решено, я дал благословение на этот брак, и Эрик станет твоим мужем.

Едва дыша, Клэр каким-то чудом нашла в себе силы поднять руку и вытереть со щеки очередную набежавшую слезинку.

— А что ты сделаешь, если я сбегу?

Взгляд зеленых глаз отца стал почти стальным. Он сжал руку в кулак, давая понять, что действительно всё решил и что ей не дается право голоса в том, что непосредственно касалось ее.

— С этой минуты ты будешь находиться под домашним арестом до тех пор, пока через неделю не состоится твоя свадьба!

— Ч-что?! — Клэр почувствовала, как у нее задрожали колени. Вцепившись побелевшими пальцами в спинку стоявшего рядом кресла, она на мгновение закрыла глаза. — Что ты сказал?

Лицо отца исказилось.

— Ты прекрасно меня слышала, потому что обладаешь превосходным слухом. Я не допущу вопиющих выходов с твоей стороны. Тебе придется забыть Клиффорда и принять Эрика. Я все сказал! А теперь ступай к себе в комнату. И без глупостей, Клэр. Я не хочу наказывать тебя за что бы то ни было.

И снова тишина, окутавшая комнату, зловеще улыбалась, глядя на Клэр. Тишина, в которой ей предстояло прожить остаток жизни. Тишина, которая разделила ее с обожаемым отцом, с миром, который никогда не будет прежним. С возлюбленным, которого она

никогда больше не увидит. И с другом, который стал причиной всех этих разрушений.

Отпустив спинку кресла, она развернулась и направилась к двери, не видя дороги. Не чувствуя ничего, кроме сокрушительной боли, которая должна была совсем скоро раздавить ее. Но у самых дверей остановилась и в последний раз взглянула на отца.

— За что ты меня так ненавидишь, отец? — прошептала Клэр, прижав руку к груди.

Маркиз весь сник и опустил голову, но все же ответил, почти таким же убитым как у дочери голосом:

— Я люблю тебя, Клэр, и хочу твоего счастья. Надеюсь, однажды ты поймешь, что я поступаю правильно.

Развернувшись, Клэр выбежала из кабинета и помчалась к ведущей на второй этаж лестнице, стремясь как можно скорее спрятаться в своей комнате, подальше от всех тех, кто ранил ее так, что она могла никогда не оправиться от этого.

Она не заметила стоявших в холле сестер и мать. Увидев плачущую дочь, на которой лица не было, маркиза тут же направилась за ней.

— Клэр, милая, что с тобой? О чем вы говорили с отцом?

Клэр не ответила.

Она убежала и спряталась в своей комнате, поражаясь тому, что однажды легкая простуда и один невинный бокал шампанского привели ее к человеку, который по какой-то необъяснимой причине понравился ей, а теперь должен был с благословения ее отца разрушить ее жизнь.

Не было ночи более мучительной и бесконечной, чем эта. Темнота сгустилась так, словно не собиралась рассеяться, дабы не позволить наступления светлого утра. Борьба света с тенью боролась в душе с таким же ожесточением, но поражение уже было объявлено.

Сидя на диване и глядя в пустоту ночи, Клэр старалась сбросить с себя оцепенение, чтобы не поддаться панике. Она должна была сделать хоть что-то, чтобы спасти себя. Спасти всё то, во что верила, что любила.

Она не могла выйти замуж за Эрика, потому что любила другого.

И не могла выйти замуж за Клиффорда, потому что его не было рядом. Потому что он не просил ее руки!

Горечь происходящего отравляла ей каждое мгновение и стало казаться, будто весь мир сговорился и загнал ее в ловушку, которую тщательно изготовили для нее.

Клэр было больно от того, во что превратилась ее последняя дружба. Ей было больно от того, что она теряла возлюбленного. И ей было ужасно больно от того, что ее предал самый близкий и дорогой ей человек, ее отец.

Клэр спрятала лицо в ладонях и заплакала, желая забыть слова отца. То, что навсегда перечеркнуло былые отношения.

Она не могла сбежать, даже если бы не было этого внезапного ареста, потому что со времен политических волнений дом охраняли хорошо обученные солдаты, и выйти на улицу незамеченной было бы просто невозможно. Клэр просчитала все возможные варианты и с ужасом признала, что побег просто не возможен.

Ей нужно было написать Клиффорду!

Решение пришло к ней под самое утро, когда уже не хотелось ничего решать. Невольный взгляд остановился на бюро где лежала стопка аккуратно сложенных бумаг и перо. И Клэр буквально ожила, увидев во всем этом лучик надежды. Бросившись к бюро, Клэр принялась писать Клиффорду, зная совершенно точно, что он тут же примчится и спасет ее, спасет их любовь и будущее, едва узнает, как нужен ей. Он поговорит с ее отцом, и тогда уже маркиз не сможет утверждать, будто Клиффорд не просил ее руки. Клиффорд должен был спасти ее.

Запечатав письмо, Клэр вручила его своей горничной, когда та пришла рано утром, чтобы помочь ей одеться.

— Люси, ты понимаешь, что от этого зависит вся моя жизнь? — прошептала Клэр, умоляюще глядя на девушку. — Прошу тебя, помоги мне.

Молодая девушка с опаской посмотрела на послание, но не спешила взять его, вероятно, потому, что уже знала о произошедшем, ведь слухи распространялись так быстро.

— Леди Клэр, вы уверены, что это хорошая идея? — заговорила она, с опаской глядя на свою хозяйку. — А если ваш отец узнает?..

— Ты скажешь, что собираешься забрать мою шляпу из магазина на Бонд-стрит, которую я заказала неделю назад. Только будь естественной. Ради Бога, прошу тебя!

Девушка судорожно вздохнула и покачала головой.

— Не знаю, миледи... Я...

Клэр едва сдержалась от того, чтобы не расплакаться.

— Люси, умоляю тебя, помоги мне! Когда мы с Клиффордом поженимся, я заберу тебя

с собой и назначу тебе такое жалование, что ты будешь жить в достатке всю оставшуюся жизнь.

Горничная удрученно покачала головой.

— Леди Клэр, вы ведь знаете, что я всегда помогу вам, что бы ни произошло, но сейчас...

Клэр шагнула к ней и, пока не стало слишком поздно, вложила ей в руки свое драгоценное письмо.

— Я никогда не забуду того, что ты сделаешь для меня!

Медленно кивнув, Люси взяла послание и вышла из комнаты.

Клэр не знала его адреса, но вспомнила название банка, которым владел его отец, и написала туда, всем сердцем надеясь, что письмо обязательно передадут ему.

«Господи, пусть поскорее Клиффорд получит мое письмо! — молила Клэр про себя, закрыв глаза и прижав руку к груди. — Никогда больше не попрошу у тебя ничего, если он получит мое письмо!»

Теперь ей не оставалось ничего иного, как ждать. Ждать того мгновения, когда он получит ее письмо и примчится спасать ее. Как однажды заявил, будто готов спасти ее даже от огнедышащих драконов. Глупенький, никаких драконов не нужно было убивать. Ему было достаточно приехать, и все встанет на свои места. А потом он обнимет ее, прижмет к груди, и всё страшное покажется ей лишь дурным сном.

Сон, который она никогда больше не будет вспоминать.

Сон, который однако не желал отпускать ее, потому что это был не сон, а самая настоящая реальность.

Клэр стояла у окна и ждала, когда же Люси выйдет из дома, но время шло, а никто так и не открыл входную дверь. Клэр решила, что Люси нужен подходящий момент, чтобы незаметно выскользнуть из дома, но внезапно раздались громкие шаги в коридоре, а через секунду дверь распахнулась и, обернувшись, Клэр увидела на пороге разгневанного отца.

— Клэр, я ведь просил тебя не делать глупостей!

К своему полному ужасу Клэр увидела, как отец сжимает в руке ее послание. Это был конец! Последняя надежда, которую она лелеяла, разбилась о непонимание и предательство отца, который действительно намеревался разрушить ее жизнь. До основания.

У нее не было выбора, у нее не осталось средств, чтобы бороться за свою свободу, за свою любовь! Клэр едва сдерживала жгучие слезы, но, собрав в кулак все свое достоинство, подняла голову так высоко, как только могла, чтобы дать отцу понять, что она не сломлена и ни за что на свете не сдастся.

— Ты полагал, что я покорно приму твои заявления, сяду тут и буду ждать, когда меня выдадут замуж против моей воли? Ты думал, я смирюсь с этим, да, отец?

Маркиз зарычал, но не произнес ни слова. Вместо этого он поднял ее послание и медленно разорвал его на мелкие кусочки, даже не подозревая о том, что так же легко рвет на части сердце собственной дочери.

— Если ты еще раз сделаешь подобное, — процедил он, бросив осколки неудавшейся жизни на мягкий ковер, — я уволю твою горничную и пошлю ее на все четыре стороны без рекомендательного письма. Думаю, тебе не нужно объяснять, чем это ей грозит. Я уволю любого, кто вздумает помочь тебе. А ты! — Он дышал так тяжело, что лицо его побагровело. — Ты будешь готовиться к свадьбе и через неделю пойдешь к алтарю вместе с Эриком, а этого Клиффорда... Имени его чтоб больше не произносили в моем доме, тебе

ясно!

Он вышел и хлопнул дверью, даже не заботясь о том, что на самом деле разрушает жизнь дочери. Что разбивает ее любящее сердце. Что навсегда может лишиться ее внимания и преданности.

Клэр боялась, что никогда не сможет простить его за то, что он сегодня сделал. И если она не сможет остановить грядущей катастрофы, она действительно не сможет простить отца.

Она больше не писала Клиффорду. Потому что в этом уже не было смысла. Как брошенные на полу разорванные кусочки послания, такой же разорванной была она. Разорванная и растоптанная.

Никому не было дела до того, что хочет она. С обеспокоенным выражением лица маркиза всё же стала готовиться к свадьбе дочери, которая должна была состояться ровно через неделю. Свою поспешность маркиз объяснил тем, что заключался союз по любви, и что молодые слишком долго ждали, что это было давно запланировано, и что теперь после возвращения Эрика в ожидании больше не было смысла.

Эрик...

Когда-то Клэр считала его добрым, невероятно интеллигентным, начитанным и умным другом, рядом с которым она чувствовала себя хорошо и так непривычно легко. С которым могла говорить о чем угодно. Который ей когда-то очень нравился. А теперь... она даже не представляла, как посмотрит на него снова. Она не желала видеть его, слышать его голос, заглядывать в его серо-голубые глаза. Не хотела видеть его большой кривой нос!

Почему ему взбрело в голову пойти на этот шаг и разрушить их дружбу? Разрушить ее жизнь и свою тоже? Как он собирался прожить с ней всю жизнь, зная, что она ненавидит его? Что всем сердцем любит другого и никогда не взглянет на него по доброй воле? Однажды она решила, что он справедливый и рассудительный человек, и что разговор с ним поможет, но он не стал ее слушать. Ему было все равно, кого она любит. Все равно, что она никогда не полюбит его. Об этом даже не было речи.

Клиффорд так и не написал ей. Ни единой строчки. Ни одного слова. Было такое ощущение, будто его и вовсе не существует. Что он был мечтой, которую развеял легкий порыв ветра. Клэр было ужасно больно от этого молчания. Она гневалась на него. Сердилась. По ночам, лежа в своей кровати, она звала его и проклинала. А потом в какой-то момент действительно признала, что его нет рядом. И что со всеми бедами справиться предстоит только ей одной. Никто не помог, не выслушал, даже не спросил, почему она выглядит как приведение, а не любящая девушка, которая выходила замуж. Ни мать, ни сестры, ни подруги, даже Рейчел не осмелились задать ей простой, возможно, самый необходимый для Клэр вопрос.

А потом наступило оцепенение и полное безразличие к тому, что происходило. Клэр казалась самой себе сторонним наблюдателем, который присутствует на плохом спектакле. Где все герои знали, что происходит катастрофа, но никто так и не пошевелил даже пальцем, чтобы предотвратить беду.

У них бывали гости, в доме всегда было суматошно и многолюдно. Для неё кроили и шили платье, ее подготавливали и наряжали. Подбадривали, радовались за нее и высказывали множество пожеланий. Кто-то даже с завистливым вздохом заметил, что ей несказанно повезло. В тот же вечер в комнате Клэр не досчитались одной невероятно красивой дорогой хрустальной вазы.

И вот настал тот день, когда ее так же нарядили, привезли в собор Святого Павла и повели под венец.

Был день ее свадьбы, а она чувствовала себя так, будто были ее похороны. Хоронили ее жизнь, ее несбывшиеся надежды. Все ее мечты и желания...

Клэр не чувствовала ничего, глядя на мраморный пол, по которому шла. Она не слышала восторженных речей в адрес обворожительной невесты, не замечала даже своего подвенечного наряда. Не слышала звуков музыки, слов отца и наставлений матери. Она не видела ничего, кроме пола, который подводил ее к последней точке. Откуда не будет больше возврата. Как она смогла вынести эту неделю? Как смогла смириться с тем, что делали с ней? Как могла позволить, чтобы так жестоко и безбожно разрушили всю ее жизнь? Все ее мечты и желания.

Клэр не обратила внимания даже на убранство собора, который за столь короткий срок превратили в настоящий цветник. Она не заметила собравшихся вокруг многочисленных родственников, и даже восьмидесятилетнюю бабушку, специально приехавшую их Корнуолла. У нее было такое ощущение, будто это ее последняя дорога, и когда она доберется до места, все будет кончено.

Дойдя до алтаря, отец остановился, посмотрел на нее и что-то сказал. Клэр могла поклясться, что не расслышала ни одного его слова. Ей было глубоко безразлично, что он скажет.

Ведь был день ее свадьбы. Обычно для свадеб такого масштаба уделялся долгий месяц. Чтобы подготовиться. Чтобы сшить невесте грандиозное платье, приготовить угощения. Сделать оглашение в церкви. Устроить бал в честь молодых... Все это выпало из ее жизни. Этот день должен был стать триумфом ее любви к человеку, которого она выбрала себе в мужа. Но руку ей подал совсем другой человек. Которого она не желала видеть. Которого ни за что не выбрала бы себе в качестве мужа.

И все же даже сквозь перчатку она почувствовала удивительное тепло его руки, когда он сжал ее дрожащие пальцы. Впервые за долгое время почувствовала хоть что-то. То, что не желала чувствовать. То, что не желала иметь в своей жизни! Гнев, обида, отчаяние внезапно захлестнули ее с такой силой, что, вздрогнув, Клэр подняла голову и посмотрела прямо на него. На своего будущего супруга. Увидела его впервые с тех пор, как он сделал ей свое ошеломляющее предложение и ушел.

Эрик... Человек, который подумал подарить ей ландыши, не навязав ей свой собственный выбор. Беседовал с ней на равных, не навязывая ей своего мнения.

Серо-голубые глаза смотрели на нее с неприкрытым беспокойством. Как будто ее будущему супругу было дело до того, что с ней происходило. Почувствовав, какая у нее холодная рука, Эрик опустил взгляд на ее пальцы, а затем снова заглянул ей в глаза. Такой высокий, такой неумолимый. И все же на одно короткое мгновение Клэр показалось, будто она увидела в его глазах раскаяние. Будто он только сейчас осознал всё то, что натворил. Неужели он осознал свою ошибку? Неужели ему стали важны ее чувства, ее слова? Клэр внезапно ощутила спазм в горле и поняла, что готова расплакаться.

День ее свадьбы.

День, который расколол ее жизнь на до и... И пустоту, в которой уже ничего не будет. Не будет ни света, ни любви. Ни даже музыки...

Эрик подвел ее к архиепископу, который начал венчание, и зал затих. Клэр не слышала ни единого слова, остро ощущая стоявшего рядом человека, который совсем скоро станет ее

мужем. И у нее не будет ни единого шанса избежать своей участи.

Шанс, который все же представился, когда архиепископ спросил, готова ли она взять в мужа Эрика Джеймса Артура Уортона, графа Бедфорда. Надо же, а он был к тому же графом, а в будущем мог стать и герцогом, когда унаследует состояние отца и деда, с горечью обнаружила Клэр, поражаясь тому, что не знает даже столь элементарных вещей.

Архиепископ ждал, как ждал и Эрик, который с твердой решительностью произнес «Да». Одно короткое, но такое сакральное слово, от которого зависело всё ее будущее. Повернувшись к ней, он смотрел на нее, затаив даже дыхание. Замер и весь зал. Замерло всё вокруг, давая ей шанс избежать неизбежного. Подняв голову, Клэр вновь посмотрела на Эрика. На человека, который пожелал взять ее в жены, но предпочел заплатить за это ее разбитым сердцем. Чем он тогда был лучше тех политиканов, которые шли по головам других в угоду собственным интересам, и которых он осуждал?

И все же, когда она заглянула в серо-голубые глаза, Клэр к полному своему ужасу ощутила не презрение или ненависть. Да, ей следовало ненавидеть его, презирать всеми фибрами души. И все же она никак не могла забыть, прогнать то приятно щемящее ощущение, которое испытывала всякий раз, когда они виделись в прошлом. То самое неуловимое чувство привязанности, которое нахлынуло на нее на музыкальном вечере ее дяди, когда он пригласил ее на танец. Странно паническое беспокойство, когда он собрался тогда уходить. Почему в тот день ей показалось, что если он уйдет, то заберет с собой всё то прекрасное, что происходило с ней, что она начинала ощущать в его присутствии? Что она не желала терять...

У Клэр сжалось сердце, потому что, стоя перед ним в соборе Святого Павла, на одно короткое мгновение она увидела в глазах Эрика отражение собственных страхов, тех же несбывшихся надежд. И боль, которая разрывала ее на части. Боль, которая охватила и его. Боль, от которой потемнели его красивые глаза.

Ей было так трудно дышать, что она не смогла ответить, и молча опустила голову. Архиепископ воспринял это как за ответ и огласил на весь зал, что теперь они муж и жена. И что жених может поцеловать невесту. Совсем позабыв об этом, Клэр вскинула голову, решив, что Эрик ни за что не посмеет сделать это. Особенно после того, что произошло между ними неделю назад.

Но он сделал.

Взял ее за локоть, и едва она собралась взглянуть на него, как он в то же самое время опустил голову и коснулся ее губ своими. Он застал ее врасплох, иначе она ни за что бы не позволила этому произойти. Клэр замерла, потрясенная тем, что он все же сделал это! Что осмелился поцеловать ее тогда, когда знал, что она отдала бы все на свете, лишь бы больше никогда не видеть его. Знал, что она любит другого...

Но даже не дерзость его поступка потрясла ее так, как собственная реакция на произошедшее.

Горечь, боль и разочарование от того, как несправедливо поступали с ее жизнью ввергли ее в кромешную тьму отчаяния, где она обрела, наконец, долгожданное оцепенение. Она заковала себя в надежные оковы безразличия, молча наблюдая за тем, как разрушают ее жизнь, потому что уже ничего не могла поделать. Клэр и дальше надеялась жить с этим безразличием, но стоило Эрику коснуться ее, как в груди у нее что-то с невыносимой болью дрогнуло и надломилось. Все ее барьеры разлетелись на мелкие осколки, как и ее жизнь, от которой ничего не осталось.

Нет, осталось, появилось то, что она не могла проигнорировать. Ошеломленная Клэр стояла перед Эриком и чувствовала то, что ни за что не ожидала почувствовать. Не должна была, и всё же она ощущала почти парализующее тепло его губ, его бережное прикосновение, какую-то затаённую нежность, с которой он это сделал. Касался ее так, как не касался ее никто.

«Я даже не целовала тебя...»

Ей вдруг стало больно от того, что это все же произошло. Он прижимался к ней своими мягкими губами всего несколько секунд, но этого было достаточно, чтобы Клэр обуял настоящий ужас. Потому что она была уверена, что ничего не почувствует, ничто не нарушит благодатного оцепенения, которое оберегало ее от боли. Но теперь...

Теперь Клэр была уверена в том, что никогда этого не забудет. Не забудет того, как он поцеловал ее и всколыхнул все ее чувства, перевернув их с ног на голову так, что она уже ничего не понимала.

Клэр не смогла сдержаться и заплакала, раздавленная собственными чувствами, которые предали ее. Когда же Эрик поднял голову и посмотрел на нее, она внезапно поняла, что все происходящее до этого мгновения проплывало мимо нее, но теперь она будет вынуждена участвовать в собственном разрушении. И словно бы в подтверждении этого, Эрик бережно, будто она могла развеяться как дым, дотронулся до бледной щеки и смахнул одинокую слезинку. Серо-голубые глаза мерцали какими-то сильными эмоциями, но он быстро справился с собой, взял ее за руку и вывел из собора, украшенного белыми ландышами.

Но и этого Клэр не заметила, пребывая в настоящей панике, когда до нее донёлся гул голосов. Звуки реальности, от которой ее ничто уже не могло уберечь.

Паника, которая усилилась, когда опустилась ночь.

Когда после свадебного завтрака в доме маркиза Ричмонда ее привезли в городской особняк графа Бедфорда. Теперь уже в ее новый дом.

Боже, еще неделю назад она и думать не смела о том, что выйдет замуж, а сегодня уже была ее брачная ночь! С человеком, которого она никогда бы не выбрала себе в мужья.

Сразу же после приезда ее привели в большую, красиво обставленную комнату, подготовили ко сну и оставили одну. Клэр сидела у туалетного столика и в ужасе смотрела на свои дрожащие ледяные руки, не представляя, что ей делать теперь. Что с ней станет, если она будет вынуждена подчиниться, чтобы консумировать этот брак? Как она вынесет это? Как другой человек (Господи, теперь уже ее законный муж!) сможет коснуться ее, зная, что ей это просто невыносимо?! Как она выдержит это испытание? Клэр боялась сойти с ума еще до того, как это произойдет.

В комнате горели лишь камин и одинокая свеча в красивом бронзовом подсвечнике, который стоял на туалетном столике. Свет свечи освещал бледное лицо девушки, которая находилась на тоненькой грани. Прежде ее спасением было оцепенение, но его больше не стало, и не стало больше защиты, которая бы уберегла ее от настоящей беды.

Во всем был виноват поцелуй. Зачем он это сделал? Как ей теперь жить с этим, с зияющей раной в сердце? Как она будет бороться и защищать себя, когда поцелуй сделал ее беззащитной и полностью одинокой в своей борьбе?

Клэр не представляла, где черпала свои силы, чтобы дышать. Она не обняла мать и сестер, когда настала пора уезжать. Она не взглянула даже на отца, впервые с готовностью вложив руку в ладонь своего мужа и последовав за ним, лишь бы уйти подальше от людей,

которые предали ее. Которых она не могла простить, даже если бы и захотела.

И вот теперь в одиночестве собиралась столкнуться с испытанием, которое и решит, останется она прежней или навсегда лишится того, во что верила, что любила и к чему стремилась.

Она не услышала, как щелкнул замок смежной с ее комнатой двери. Клэр лишь тогда заметила своего новоиспеченного супруга, когда он встал позади нее в нескольких шагах от туалетного столика. Пока она не увидела тень, а потом и его образ, возникший в большом зеркале с позолоченной рамой.

Клэр застыла, затаив даже дыхание, потому что впервые с момента знакомства они остались полностью одни. Она не могла пошевелиться, до ужаса боясь того, что вот сейчас Эрик подойдет к ней. Ей казалось, что если он дотронется до нее, у нее остановится сердце. Что она действительно никогда уже не будет прежней. Потому что не могла забыть его поцелуй. Ей было страшно. Так страшно, что она начинала задыхаться, едва представляла, что с ней станется, если он снова поцелует ее. Если... Ей даже в голову не приходило, что ее когда-нибудь будет целовать кто-то еще, кроме Клиффорда. Что кто-то другой будет дотрагиваться до нее, а не Клиффорд. Что может...

Эрик не произнес ни слова, лишь стоял и смотрел на нее серо-голубыми глазами, внушая ей такой всепоглощающий, леденящий душу страх, что задрожало все тело. На одно короткое мгновение Клэр вспомнила человека, которого повстречала в музыкальной комнате дяди Джорджа. Человек, который уберег ее от падения, который уверял ее в том, что она хорошо играет и подарил ей ее любимые цветы. Почему-то Клэр была уверена, что тот человек никогда бы не обидел ее, никогда бы не сделал того, что причинит ей боль. Тот Эрик помог бы ей, уступил бы, освободил бы ее...

Но в зеркале отражался образ высокого, неприступного мужчины, который пошел до самого конца. И теперь оставался последний шаг, чтобы утвердить то, что теперь всецело принадлежало ему.

Он снял парадный черный фрак и шейный платок и накинул на себя винного цвета халат, перевязанный поясом. Руки были заведены за спину уже знакомым для нее жестом, необычные глаза мерцали в приглушенном свете свечи и камина, внушая ей еще больший ужас.

— Как ты себя чувствуешь?

Нервы были натянуты до такой степени, что даже звук его тихого голоса мог запросто лишить Клэр самообладания, которое она теряла с такой стремительностью. Вцепившись в деревянную столешницу дрожащими руками, она на секунду прикрыла глаза, чтобы восстановить дыхание, потому что тихий шепот, нарушивший молчание, подействовал на нее сокрушительно. Голос, наполненный неуместным беспокойством за нее тогда, когда всему миру было наплевать на нее.

Удивительно, но теперь им не нужно было притворяться, будто все хорошо. Потому что, возможно, именно сейчас он понял, кого взял в жены: девушку, сердце которой было отдано другому.

Сделав глубокий вдох, Клэр медленно встала и обернулась к нему, чувствуя, как дрожит пол под ногами. Она не собиралась подчиняться, не собиралась допустить, чтобы растоптали последнее, что принадлежало ей. Глядя прямо в глаза своего мужа, она сказала то единственное, что было приемлемо для нее.

— Вы ведь понимаете, что все, что сейчас произойдет, будет происходить только в том

случае, если вы приложите для этого все свои силы, потому что добровольно я не стану делать больше ничего?

Клэр поразились тому, что сумела произнести всю эту длинную фразу, даже не запнувшись. Удивлялась смелости, с которой смотрела на него. Смелости, которая стремительно покидала ее по мере того, как длилось молчание.

Эрик по-прежнему стоял на своем месте. Не пошевелился. И лишь только приглядевшись, Клэр заметила, как непривычно он бледен. Нахмутив свои прямые брови, он медленно покачал головой.

— Не так я все представлял себе, — наконец, заговорил он.

Горечь, смешанная с болью, которая прозвучала в его голосе, напугала и вместе с тем разозлила Клэр настолько, что она перестала даже дрожать.

— Удивительно, что вы вообще могли себе что-то представить, учитывая наш последний разговор. Что вы хотели от девушки, которая любит другого?

Голова его едва заметно дернулась, будто его ударили. Лицо его стало почти белым, а глаза опасно потемнели. Он сжал челюсти так сильно, что на щеках задержались желваки. Никогда еще она не видела его таким неумолимым, таким напряженным, почти чужим. Незнакомым настолько, что это до смерти пугало ее.

— Я не знал, что вы любите другого, когда встретил вас.

Такое легкое и простое оправдание. Но он ведь знал это, когда просил ее руки, когда она отказала ему. Он знал всю правду, но предпочел не замечать этого и не принял ее отказа.

— И вы думаете, что теперь после свадьбы я могу по щелчку пальца разлюбить его?

У него было такое непроницаемое выражение лица, что невозможно было понять, что он испытывает. Как сильно сердится на нее за ее прямоту, но Клэр не собиралась молчать. Потому что ей нечего было терять. Вернее, у нее осталось последнее, что она могла потерять.

— Я не знал, что вы любите другого, когда встретил вас, — повторил он так, будто пытался донести до нее важную мысль, которую она до сих пор не понимала.

И ведь она не понимала, как могла одна нелепая ошибка привести к таким последствиям. Как мог стоявший перед ней человек захотеть испортить свою собственную жизнь, пожелав жениться на той, которая любит другого? Как могло приятное знакомство перерасти в кошмарное супружество?

— Да, люблю, — простонала Клэр и обессилено оперлась о столешницу туалетного столика, чувствуя, как холодеет у нее в груди. — Я не скрывала этого. Это вы предпочли не замечать очевидное.

Он побледнел еще больше, если только это было возможно. И внезапно Клэр поняла, что, наконец, достучалась до него, что он начинает осознавать все то, что совершил. Все то, что произошло по его слепоте и нежеланию видеть очевидное... Серо-голубые глаза потухли, лицо исказилось, и она вдруг поняла, что перед ней стоит тот самый Эрик, которого она повстречала в доме дяди Джорджа. Чуткий, рассудительный, внимательный к деталям мужчина с пугающей притягательностью, который никогда и не менялся. Который никогда не причинил бы ей боль.

Человек, который по непонятной причине заключил их обоих в эту страшную ловушку.

Клэр едва сдержалась от того, чтобы не заплакать. Боже, что он наделал? Зачем он женился на ней? Зачем разрушил их жизни?

Эрик опустил голову и какое-то время молча смотрел на пушистый ковер. Тишину

прерывало лишь тиканье каминных часов, которое никто из них не замечал. Тишина ужасала, она разделяла двух людей, которых связали священными узами брака, но которые никогда не смогут быть связанными друг с другом.

Едва живая, Клэр с трудом стояла на дрожащих ногах, ощущая болезненные удары своего сердца. А потом, когда Эрик вновь поднял голову и посмотрел на нее, у нее дрогнуло сердце от той боли, которая притаилась в его красивых глазах. Она вдруг испытала почти непреодолимое желание подойти к нему, коснуться его. Потому что даже сейчас не желала ему боли. Даже сейчас не могла ненавидеть человека, который действительно понимал, что наделал.

«Отпусти меня, — молила она, глядя на него. — Отпусти меня, ради Бога!»

Он смотрел на нее с таким раскаянием, что не осталось сомнений в том, что он осознает свою вину, вот только не спешит предпринять хоть что-то, чтобы разрешить ситуацию. Руки он по-прежнему держал за спиной, широкие плечи напряглись так, что было даже заметно, как он дрожит.

А потом... потом Клэр заметила то, что не должна была заметить.

Она увидела то, что никогда прежде не видела. Эрик невольно сглотнул, и в глаза бросился его ярко выраженный, небольшой, но с особой остринкой кадык, который дернулся от этого неуволимого жеста. Клэр как замороженная смотрела на его шею, не в силах отвести свой взгляд. У нее было такое ощущение, будто она видит то, что ей не следовало видеть. То, что не должен видеть никто. Что-то столь сокровенное и интимное, что невольный трепет прокатился по всему телу. И не было понятно, от страха ли это, или от чего-то еще.

С трудом оторвав взгляд от его шеи, Клэр посмотрела на потемневшее лицо стоявшего перед ней мужчины, внезапно начиная понимать причину, по которой он понравился ей. Он не пытался льстить, чтобы нравиться. Он не сделал ей ни одного комплимента, не дарил подарки, чтобы завладеть ее вниманием и доказать свое исключительное отношение к ней. Он не танцевал с ней только для того, чтобы потом хвастаться этим перед своими друзьями. Он говорил с ней обо всем на свете, не страшась вызвать ее на серьезные разговоры, не стыдясь своих недостатков и незнания музыкальных произведений. Он был открыт, искренен и невероятно честен с ней. Он был естественен с ней. Этим и расположил к себе, сам того не подозревая. Вероятно, поэтому она и допустила самую большую ошибку в своей жизни, поддавшись его обаянию и доверив ему почти все свои секреты.

Ошибка, которая стоила ей всей жизни и разбитого сердца.

«Зачем ты все это сделал? — с мучительной болью думала Клэр, видя свидетельство того, что он никогда не был жесток и действительно не собирался делать с ней ничего плохого. — Почему разрушил дружбу, которая могла бы длиться вечно?!»

— Я... — Он выглядел таким растерянным, что никак не мог собраться с мыслями. Эрик дышал тяжело, но не опустил голову и не отвел взгляда. И продолжал с каким-то упрямством стоять на прежнем месте. — Когда я сказал, что найду тысячу способов сделать вас счастливой, я на самом деле собирался предпринять все возможное, чтобы так и произошло. Но теперь, вероятно, ни один из этих способов вам не будет нужен, потому что вы... — Голос его дрогнул. Он перевел свой взгляд на горевший камин позади нее и, наконец, отошел в дальний угол комнаты. — Я думал...

Он сокрушенно покачал головой. А потом Клэр увидела, как он, высвободив одну руку, проводит ладонью по своему застывшему лицу. Почему-то этот жест отозвался в ней глухой болью. Потому что он был похож на человека, который был раздавлен осознанием

собственной вины, тяжестью собственных ошибок.

Клэр стояла, не шевелясь, когда Эрик обернулся, а потом медленно направился прямо к ней. Она перестала дышать вообще, когда он остановился в шаге от нее и, подняв руку, хотел было дотронуться до нее, но рука нерешительно застыла в воздухе.

Он смотрел на нее так странно, с такой мучительной лаской, что это вновь напугало ее, потому что ей стало больно от его взгляда. Потому что она была поражена до глубины души нежностью, с которой он продолжал смотреть на нее даже тогда, когда знал, что она никогда не полюбит его, не захочет добровольно быть его женой.

Внезапно Клэр вспомнила то, как он избегал прикосновений других. Как велел цветочнику положить букет, чтобы самому взять его. Клэр могла поклясться, что за все время их знакомства он не коснулся никого, кроме нее. И вот теперь несмело, почти боясь этого, но он все же дотронулся до ее щеки. Не властным жестом, не наказывая ее. В его прикосновении было столько тепла и нежность, что Клэр помимо своей воли вздрогнула, не удержав слез. Слеза, которую он мягко смахнул пальцем с бледной щеки. Черты его лица внезапно смягчились, взгляд прояснился, а голос стал мягким, до ужаса ласковым.

— Я никогда не собирался делать вас несчастной, — едва слышно прохрипел он, сглотнув. Так, что Клэр вновь заметила, как дернулся его кадык. Заметила то, что навсегда врезалось в ее память. — И я никогда не сделаю того, что может причинить вам боль. Обещаю. Вы... — Эрик на мгновение закрыл глаза, но затем резко убрал от нее свою руку, снова посмотрел на нее, а потом сделал шаг назад и в очередной раз спрятал руки за спиной. — Я не потревожу вас. Вы можете отдыхать. Спокойной ночи.

Сказав это, он развернулся и вышел из комнаты, оставив ошеломленную Клэр одну. Оставил тогда, когда никто другой на его месте не сделал бы ничего подобного. Эрик проявил понимание тогда, когда она меньше всего на свете ждала этого от него. Ноги подкосились, у нее не было больше сил сдерживать скопившееся за все эти долгие мучительные дни напряжение, страха и боль. Сползая на пол, Клэр закрыла лицо руками и заплакала.

Разбитая и совершенно одинокая в своем горе, она плакала до тех пор, пока не ощутила уже знакомую пустоту в груди. Пустота, с которой ей предстояло прожить остаток жизни. Пустота, в которую она была заключена только потому, что рядом не было Клиффорда.

Пустота, которая с такой легкостью разлетелась на осколки от мимолетного поцелуя, обнажив все ее чувства и раны.

Поцелуй человека, который должен был оказаться жестоким монстром, но проявил к ней великодушие и понимание тогда, когда мог этого не делать. Когда даже ее родные предпочли остаться глухими к ее страданиям. Почему ей показалось, будто Эрик не допустит, чтобы страдания полностью поглотили ее? Почему его обещание прозвучало как клятва?

Почему его мимолетное прикосновение всколыхнуло в ней чувства так, что они сделали ее совершенно беспомощной перед ним?

Боже, она действительно была беспомощна! Беспомощна перед ненавистью, которую так и не испытала к нему, потому что Эрик отпустил ее тогда, когда в этом уже не было никакого смысла.

Утро наступило так же внезапно, как и осознание того, что она теперь замужняя женщина. Клэр не могла вспомнить, как добралась до большой с балдахином кровати, не могла понять, как уснула, но едва проснувшись, увидела рядом с кроватью свою горничную Люси. Та смотрела на нее такими полными слез глазами, что Клэр с трудом поборолла собственные слезы.

— Что ты здесь делаешь? — хрипло спросила Клэр, приподнявшись на локтях.

Люси опустила голову.

— Меня послал к вам милорд. Он нанял меня, а сегодня сказал, что вам будет приятно увидеть рядом знакомое лицо.

Проснувшись окончательно, Клэр медленно присела на матрасе, повернув голову к окну.

На улице светило яркое солнце, как будто ничего необычного не произошло. И ведь правда, жизнь продолжалась, даже несмотря на то, что ее жизнь оборвалась неделю назад. А сегодня был первый день ее новой жизни с человеком, который подумал даже нанять и отправить к ней личную горничную, только чтобы ей «было приятно видеть знакомое лицо»!

Это не укладывалось в голове, но стоявшая рядом Люси была доказательством того, что она могла ошибиться.

Что она совершенно не знала своего мужа.

И все же Клэр была поражена до глубины души. Еще и тем, что он действительно не нарушил свое слово и не потревожил ее. Не поступил с ней бесчестно, как мог бы поступить любой другой на его месте. Это не должно было волновать ее, но она не могла остаться равнодушной к его странному поступку. Потому что, Боже, ей действительно было важно увидеть в свой первый день в роли замужней женщины хоть одно знакомое лицо. Теперь ей казалось, будто она больше не одна в своем горе. В своем одиночестве и борьбе с миром, который не желал пощадить ее.

Она не должна была ощутить благодарность к человеку, который разрушил ее жизнь, но сердце помимо ее воли сжалось от мучительной признательности. За то, что он не сгубил ее ночью. За то, что подумал даже нанять ее личную горничную, чтобы она не чувствовала себя одинокой.

Медленно откинув в сторону одеяло, Клэр встала и направилась к туалетному столику, ощущая дрожь во всем теле. У нее дрожала рука, но она все же взяла расческу.

Решив, что хозяйка не намерена больше пользоваться ее услугами, Люси заплакала.

— Миледи, вы когда-нибудь простите меня за то, что я не смогла вам помочь?

Расческа замерла в руке. Клэр обернулась к Люси, ощущая бесконечную благодарность и к ней. Ведь Люси помогла ей даже тогда, когда Клэр поставила под удар всю ее работу и будущее.

— Как ты можешь такое говорить? — едва слышно проговорила она, ощущая резь в глазах. — Ты сделала то, что не сделал бы никто другой из страха потерять свое положение. Как я могу осудить тебя за твою преданность?

Задохнувшись от слез, Люси внезапно бросилась к ней и порывистой обняла свою хозяйку.

— О, миледи! Благодарю вас! Я никогда не забуду этого.

— Я тоже, — молвила Клэр, закрыв глаза.

Ощущая почти удушающую потребность расплакаться, но так этого и не сделала.

Через полчаса Клэр спустилась вниз, где дворецкий, высокий средних лет мужчина, одетый в синюю ливрею, привел ее в большую столовую, где подавали почти королевский завтрак.

Ее первый завтрак после первой брачной ночи! Первый завтрак в качестве замужней женщины.

Клэр усилием воли заставила себя не думать об этом и присела у большого овального стола. Взволнованные слуги сновали туда-сюда, готовые любым способом угодить своей новой хозяйке. Дворецкий, кажется, даже представился, но Клэр не запомнила его имени, когда заметила то, что поставили перед ней. Она пристально смотрела на румяный тост, смазанный клубничным джемом, ее любимым джемом, и не могла понять, откуда он взялся. Кто узнал об этом? Возможно, Люси, которая считала себя виноватой перед ней?

Вскинув голову, чтобы спросить об этом дворецкого, Клэр так и не успела это сделать, потому что дверь столовой отворилась, и у порога появился Эрик.

У нее невольно замерло сердце, едва их взгляды встретились.

Он был одет во все черное. Даже платок, который скрывал всю его шею от постороннего взгляда, ее взгляда, был такого же мрачного оттенка, как беспросветная ночь. Выражение бледного лица было таким непроницаемым, что было трудно понять, что он испытывает сейчас. Он выглядел изможденным и уставшим, но держался с такой неприступной невозмутимостью, будто был совершенно чужим ей человеком.

Но он не был чужим. Невольная благодарность, которую она испытала к нему еще в своей комнате, вновь охватила ее, вытеснив из груди все остальные чувства. Благодарность, которая стала сильнее, когда он оказался в одной с ней комнате. Боже, такой сложный, такой замкнутый человек, и все равно подумал порадовать ее, особенно в первый день после свадьбы! Особенно после того, как оставил ее ночью. Как она сама отослала его прочь.

Особенно тогда, когда она ничего хорошего не ждала от этого дня.

Взглянув на дворецкого, Эрик резко велел:

— Оставьте нас. — Переведя взгляд на других своих слуг, он добавил еще более властно: — Уйдите! Все!

Никто даже не подумал перечить ему, и лишь секунды хватило им для того, чтобы тут же подчиниться и ретироваться. Клэр видела, как слуги спешно выходят из столовой, и только тогда вспомнила о том, что Эрик был политиком. Он заседал в парламенте. И отдавал приказания. У него была власть, которой он умел пользоваться. Власть, против которой никто не смел пойти. Властность, которую она прежде никогда не видела в нем.

Это должно было бы еще больше напугать ее, потому что Клэр снова осталась наедине с человеком, которого не понимала, но и сейчас сознание этого факта не внушало ей страха.

Как такое возможно?

— Вы смогли отдохнуть?

Его невероятно вежливый, после резкого обращения к слугам, вопрос поразил и озадачил. Клэр не знала, как ответить. Что она могла сказать? Что он ожидал услышать?

Вероятно, он понял это, поэтому не стал ждать ответа. Заведя руки за спину, он шагнул вперед, но не подошел к столу, за которым сидела Клэр.

— Как зовут человека, которого вы любите?

На этот раз Клэр действительно не представляла, что ответить ему. Потрясенная тем, о чем подумал заговорить ее супруг в первое же утро после свадьбы, Клэр медленно встала.

— Что? — с трудом прошептала она.

Он выпрямил спину, но продолжал с какой-то пугающей решительностью смотреть на нее.

— Как его зовут?

Клэр не была уверена в том, что ей следует ответить, и все же, было в нем нечто такое, что заставило ее подчиниться. Возможно то, что подчиняло и других.

— Клиффорд Эрскин.

Глаза его сузились, на щеке обозначился напряженный желвак.

— Где живет... этот человек? — вновь раздался его требовательный голос.

Голос, от которого мурашки побежали по спине. Клэр не понимала, что происходит, но и на этот раз ответила, не в состоянии справиться с силой взгляда серо-голубых глаз.

— В... в Шотландии.

— Где именно в Шотландии?

Клэр едва могла дышать. И смотрела на человека, на своего мужа, который действительно желал знать такие подробности.

— В Эдинбурге.

— Чем он занимается?

— Он... его отец владелец крупного банка «Эрскинз».

— Который спонсирует наше правительство?

Боже, неужели он знал Клиффорда? Но это казалось таким невероятным, что Клэр тут же отмела эту мысль. Эрик мог знать о банке отца Клиффорда только потому, что сам имел непосредственное отношение к правительству Англии. Но никак не мог знать Клиффорда лично.

— Д-да.

Лицо его потемнело. Клэр видела, что он не так уж бесстрастен к происходящему, каким пытался казаться. Когда он опустил голову, она успела заметить тень, пробежавшую по его лицу. Пусть он делал вид, будто совершенно спокоен, говоря о таких вещах, но Эрик начал разговор, который давался ему с трудом.

И это стало очевидно, когда он поднял голову, и, глядя на нее с еще большей решимостью, заговорил почти стальным тоном.

Сказал то, что потрясло ее до глубины души.

— Вероятно, вы считаете меня настоящим монстром после того, что я сделал. Я не стану убеждать вас в обратном, но не позволю считать, будто мне не было дела до вашего сердца. Я считал, что оно свободно, когда встретил вас. Я... — Его голос оборвался, но это был единственный раз, когда появился хоть какой-то намек на эмоцию. — Я долго думал и пришел к единственному решению. Мы не можем жить так и дальше, поэтому... Я вижу лишь один выход из ситуации.

Клэр ошеломленно смотрела на него.

— Что... О чем вы говорите?

На его лице не дрогнул ни один мускул, когда он ответил:

— Я отвезу вас к вашему... к тому, кого вы любите всем своим сердцем, и если он примет вас, если позаботиться о вас, я дам вам развод.

Какое-то время Клэр не могла пошевелиться, как громом поражённая. Она смотрела на человека, который был ее мужем, имел над ней безграничную власть.

И который говорил о таких немислимых вещах.

— Что?

Бесстрастное выражение его лица внушало какой-то необъяснимый ужас, ведь человек, пощадивший ее ночью, должен был хоть что-то испытывать, говоря о подобных вещах. И лишь резко обозначившийся желвак на его бледной щеке стал свидетельством того, что он не такой уж и бесчувственный.

— Мы выедем завтра утром. Поедем в моем экипаже, и, учитывая нынешнюю нестабильную ситуацию в стране, не будем пользоваться железной дорогой, потому что это небезопасно. Возьмите с собой только необходимое. Если все пройдет хорошо, я потом... потом отправлю вам всё остальное. Ровно в семь мы отбываем в Шотландию.

Повисла тишина, которую на этот раз даже тиканье напольных часов не посмело нарушить.

— Вы шутите? — обретая дар речи, заговорила Клэр. — Это шутка такая?

Серо-голубые глаза на этот раз опасно сузились.

— Я похож на человека, который шутит?

Клэр почувствовала головокружение и невольно прислонилась к столу, чтобы не упасть. С нее было достаточно потрясений, с нее было достаточно того, как безжалостно расправляются с ее жизнью.

— Вам недостаточно того, что вы сделали, теперь вы собираетесь унижить меня подобными заявлениями?

Он вдруг с угрожающим видом шагнул к ней.

— Я никогда не собирался унижить вас! Пора бы вам это уже понять!

Удивительно, но его вывело из себя не ее отказ от брака с ним и отрицание их брачной ночи, но ее предположение о его бесчестных намерениях по отношению к ней. И все же она не могла понять, чего он добивается. Как человек, позаботившись о том, чтобы нанять ее личную горничную, мог пожелать теперь всерьез заговорить о разводе?

— Зачем... почему вы это делаете? С какой стати отдавать меня другому после того, как с таким упорством добивались того, чтобы я стала вашей женой?

Он дышал тяжело, его широкие плечи напряглись так, будто он едва сдерживался.

— Мы выезжаем завтра утром, в семь.

— Но это... Развод! — Клэр никогда бы не подумала, что когда-нибудь произнесет это слово вслух. — Это ведь удар по репутации. Это отразится на наших семьях, на наших сестрах. Агата, Розалин, Рейчел — их будущее будет погублено, они не заслуживают... Что скажут ваши родные?

— Меня не волнует мнение других.

Клэр внезапно ощутила невероятную слабость во всем теле.

— Эрик, вы ведь не можете...

— Мы не возьмем слуг, — резко оборвал он ее, сделав шаг назад. — Никто не должен знать, куда мы едем. Это единственное мое условие. А теперь я должен уйти на какое-то время, но вернусь вечером. Не забудьте, ровно в семь утра мы уезжаем. Будьте готовы.

Сказав свое последнее слово, он развернулся и вышел из столовой, а Клэр продолжала тупо смотреть на дверь, за которой скрылся ее муж. Который, действительно, собирался сделать то, о чем только что сказал.

Который собирался вернуть ее Клиффорду и дать ей развод, если тот примет ее.

Боже, она вышла замуж за сумасшедшего!

Он действительно был сумасшедшим. Иначе это никак нельзя было объяснить. Объяснить то, что он намеревался сделать.

На улице было темно и безлюдно. Изредка раздавались приглушенные голоса жителей города, которые спешили укрыться в своих теплых домах. Погасили даже уличные фонари. Мощный ветер сгибал кроны деревьев с такой безжалостностью, будто стремился сломать их и подчинить своей великой силе. Ветер гулял по миру, стремясь подчинить все, что попадалось ему на пути.

Однажды Эрик решил, что так же может подчинить любую силу. Но не из жестоких побуждений, а лишь для того, чтобы изменить мир к лучшему, привести его к процветанию, к тому, что люди на самом деле заслуживали... В итоге эта сила подчинила и чуть было не раздавила его самого.

Сидя на ступенях дома своего отца и обхватив голову руками, Эрик закрыл глаза и пытался дышать.

Пытался смириться с тем, что собирался сделать. Безумный поступок настоящего безумца, как бросил ему вслед отец, когда Эрик выходил из его кабинета. Но он не понимал. И никто не поймёт, а Эрик не собирался никому ничего объяснять.

Даже Клэр.

Потому что сам не мог понять, как одна единственная мелодия могла перевернуть жизнь. Перевернуть до неузнаваемости. Перевернуть после всего, через что ему пришлось пройти.

Лунная соната.

На одно короткое мгновение замерли все звуки во вселенной. Не осталось ничего кроме мелодии, боль и обреченность которой были настолько похожи на его собственные, что невозможно было пошевелиться.

Эрик сидел тогда в кресле в дальнем углу музыкальной комнаты своего отца и слушал звуки, которые переворачивали его мир. Его сердце.

Он не должен был приходить туда. Особенно после своего возвращения. Месяц он прожил во мраке собственного дома. Глухая стена мрака, окутавшая его жизнь, не могла впустить туда ничего. Ничего, что могло бы дойти до него. Стена была такой толстой, что даже звуки не смогли бы проникнуть сквозь нее.

А Лунная соната смогла.

Причем с такой головокружительной легкостью, что даже сейчас Эрик не мог понять, когда точно это произошло. Как это возможно? Как невинной мелодии удалось сотворить с ним такое?

Он ненавидел музыку. И ни за что бы не поехал на музыкальный вечер, который устраивал его отец. Эрик хотел, чтобы его оставили в покое и был уверен, что просто не вынесет, если поблизости раздастся хоть бы один звук. Он хотел тишины. Господи, он так отчаянно нуждался в тишине!

Но мольба, с которой обратился к нему отец, не смогла оставить его равнодушным. В нем не погибло сострадание. Он не смог быть глух к той простой просьбе, о которой действительно молил его один из могущественных политиков Англии. Мольба, которая также отражалась в мокрых от слез глазах его матери.

— Тебе нужно забыть о произошедшем, и хоть бы немного отвлечься, — добавил скорбно отец.

И Эрик пришел.

Но не ради вечера, а ради спокойствия родных, которые нуждались в его присутствии. Эрик пришел, но только ненадолго, и не собирался встречаться с гостями отца.

Укрывшись в самой дальней комнате Уортон-корта, которая по иронии судьбы оказалась любимой музыкальной комнатой его отца, расположенной так, чтобы сюда не доносилось ни единого звука, Эрик понимал, что ему пора уходить. Он и так слишком долго просидел в одиночестве. И было совершенно небезопасно и дальше находиться здесь. Тем более уже давно опустилась ночь, мрак которой был его союзником. С мраком он мог потягаться. Мрак мог укрыть всё то, что он не желал видеть. То, что не должен был увидеть никто.

Эрик действительно встал, чтобы уйти, но так и не сдвинулся с места, когда в комнату кто-то вошел.

Даже по прошествии месяца он недостаточно поправился и плохо видел, но очертание пышного платья и силуэт женщины он всё же сумел разглядеть.

Женщина, которая не заметила его.

Эрик не шевелился, чтобы не привлечь к себе ненужное внимание. Еще и потому, что с момента возвращения не общался ни с кем, кроме родных. Он не представлял, как заговорит с кем-то еще, поэтому не должен был шуметь, чтобы женщина поскорее ушла.

Но она не ушла.

Быстро подойдя к буфету, она достала графин, налила себе щедрую порцию неизвестной жидкости и жадно припала к стакану. Эрик внимательно следил за ней, гадая, чего она была так непростительно лишена. А потом услышал ее голос, тихий, дрожащий голос:

— Вода.

Она пила воду? И только тут Эрик заметил, что женщину слегка пошатывает. Ей было нехорошо? Почему о ней никто не позаботился? Почему мать не уследила за своими гостями? Эрик не представлял, как эта женщина к тому же нашла самую дальнюю комнату в Уортон-корте. Ведь если ей было плохо, она должна была обратиться за помощью.

А потом Эрик понял, что ее просто мучила жажда, когда, выпив воды, она вздохнула с безграничным облегчением, но неужели в доме его отца не нашлось стакана воды для этой несчастной?

В любом случае это была не его забота. Эрик по-прежнему стоял возле кресла, ожидая, когда она всё же уйдет. Но она не спешила. Прислонившись к буфету, она обернулась к горящему камину, а затем заметила большой белый рояль. Какое-то время она молча смотрела на любимый музыкальный инструмент его отца, а потом, крепко держа стакан и графин, женщина направилась к нему. Оказавшись в свете неярких горевших свечей, она на мгновение остановилась, и Эрик обнаружил, что у нее светлые волосы. Почти такого же золотистого цвета, как свет свечи.

Шурша юбками, она опустилась перед роялем и поставила на пол графин и стакан. Эрик замер, не представляя, что она собирается делать. Не могла же она сыграть на отцовском инструменте. Она ведь не посмеет...

Но она посмела.

К его полному ужасу, женщина откинула крышку клавиш, провела по ним пальцами, а

потом...

Эрик почувствовал, как что-то с невыносимой силой ударило его прямо в сердце. Так, что он не смог дышать. Ошеломленный происходящим, он медленно опустился обратно в кресло, потому что у него подкосились ноги. Эрик все смотрел на то, как женщина играет на рояле. Играет так, что снова что-то почти с убийственной силой врезается ему в сердце. Сердце, которое должно было быть мертво. Эрик был уверен в этом, но мучительная мелодия, которая лилась из-под клавиш рояля, окутала его всего и заставила почувствовать то, что он не должен был ощущать. Ни при каких обстоятельствах.

Его сердце не было способно реагировать на что бы то ни было. Но оно сжималось сейчас от такой невыносимой боли, что он на самом деле задыхался. Закрыв глаза, Эрик вцепился в подлокотники кресла так, будто боялся упасть. Боялся того, что происходило. Того, что сбilo его с ног и повалило на землю. Перед чем он был совершенно беспомощен. С чем не мог справиться. Уже не мог...

Неосязаемая, невинная, до ужаса грустная мелодия, которая перевернула всю его жизнь. Которая заставила его ощутить боль тогда, когда внутри у него всё помертвело и заледенело. Он давно лишил себя способности ощутить хоть что-то. Боль не должна была вернуться в его жизнь. С момента возвращения он жил в пустоте, подавив абсолютно все свои порывы.

Только для того, чтобы с какой-то непостижимой легкостью стать добычей этой невероятной мелодии.

Это было невозможно. Не могла музыка сотворить с ним такое. Музыка, которая должна была вызвать в нем отвращение. Что угодно, но только не боль. Боль захватывала, обескураживала. Боль разрывала его на части и не отпускала до тех пор, пока не заставила его почувствовать себя вновь живым. Оказывается, в нем не всё умерло. В нем жило что-то, что приходило в ужас от того, через что ему пришлось пройти. То, что уцелело под руинами его собственной жизни. То, что было способно реагировать на жизнь.

То, что пробудила мелодия. Чего коснулась мелодия. И это прикосновение было таким обжигающим, что Эрик боялся свихнуться от боли. Но мелодия продолжала звучать, терзая его душу. Мелодия дурманила, парализовала.

И в итоге покорила.

Эрик не дышал до тех пор, пока пианистка не наткнулась на неправильную ноту и не остановилась. Как и остановилось его сердце до тех пор, пока она вновь не стала играть. А когда это произошло, Эрик сглотнул и сокрушенно понял, что этого уже не остановить.

Боже, он действительно был жив! Был жив даже тогда, когда не подпускал к себе саму жизнь. Когда сам отказался от жизни, перестав чувствовать что-либо еще. Он действительно ничего больше не чувствовал. До тех пор, пока не услышал мелодию. Ту самую, которая, казалось, плакала по его боли.

Которая заставила его вернуться к жизни тогда, когда для него все было кончено.

Которая заставила его ощутить то, что должно было непременно разбудить демонов прошлого, но и этого не произошло, потому что мелодия обладала какой-то поистине несокрушимой силой не подпускать к нему мучительно-жгучие воспоминания, облачив Эрика в совершенно новую броню. Броня, которая одновременно обнажала и оберегала его от прошлого. Броня, которой и стала для него мелодия.

Как такое возможно?

Как мелодия смогла пробудить в нем то, что должно было быть мертво?

Вся его жизнь повисла на хрупкой ноте мелодии, которая внезапно остановилась. И

Эрик понял, что не сможет уйти. Не сможет жить дальше, если мелодия не будет звучать вновь. И, словно бы зная это, пианистка смилостивилась и в очередной раз возобновила игру. И тогда, дрожа всем телом, Эрик медленно встал и направился к ней. Он должен был увидеть пианистку, которая сотворила с ним такое. Он шел за ее мелодией, куда бы она ни привела его.

Его глаза недостаточно зажили, но сквозь туман боли он сумел с ошеломлением разглядеть в пианистке золотоволосую девушку. Молодую, невыразимо прекрасную девушку, которая играла мелодию, перевернувшую его жизнь. Девушка, которая вновь ошиблась и на этот раз перестала играть вообще.

Но теперь это не имело значения. Даже сейчас, вспоминая то мгновение, Эрик признал, что не ушел бы оттуда, даже если бы не мелодия. Потому что мелодия заключалась в самой пианистке. Мелодия появилась только благодаря ей.

Эрик был ошеломлен тем, что вздумал показаться ей на глаза. Ошеломлен тем, что действительно подошел, но, когда она посмотрела на него большими темно-золотистыми глазами, это тоже стало неважным.

Было важно лишь то, что он стоял перед ней. Что она смотрела на него. Больше ничего не имело значения.

И она осталась, не побоялась и не ушла. Она так мило беседовала с ним. Задавала такие странные вопросы, что казалась ему явившейся из совершенно другого мира.

«Вы из какого мира?»

Они были из разных миров. И все же на одно короткое мгновение их миры столкнулись. Так, что это навсегда изменило их жизни.

Она... Ей действительно было не очень хорошо, потому что она слегка перебрала. Какой-то идиот посоветовал ей выпить шаманское, чтобы унять боль в горле... Вот почему она искала воду. Вот почему пришла сюда. Никто не подумал пойти за ней, никто не пришел, чтобы помочь ей.

Господи, он был совершенно один с девушкой, которая не просто перевернула его жизнь! Она заставила его улыбнуться даже тогда, когда он позабыл, как это делается!

Которая потом упала прямо в его объятия, сокрушив последние барьеры, которые стали рушиться под легчайшим натиском. Эрик обнимал ее и смотрел в завораживающие темно-золотистые глаза пианистки, не в состоянии перестать смотреть на нее. Не мог отпустить ее. Не мог перестать чувствовать то, что никогда не должен был почувствовать. Чувствовал то, что уже не мог отпустить. То, что стало частью его. То, что она с такой ошеломляющей легкостью продолжала внушать ему...

Эрик застонал от боли и прижал пальцы к вискам, чтобы сдержать очередной стон. Ветер пробирал насквозь, мрак ночи сгустился настолько, что ничего невозможно было разглядеть. Почти как в его омертвевшей душе, которая так внезапно ожила. Он не понимал, почему так произошло. К чему было пробуждать его к жизни? Он смирился и был готов прожить остаток жизни во тьме и пустоте. Он ничего не просил у жизни. Он так чертовски устал от этой жизни. Но и сейчас Эрик не мог пошевелиться. Почти так же, как в тот день две недели назад, когда встретил Клэр.

Даже сегодня, сидя на улице в кромешной тьме, Эрик до боли хорошо помнил, чем она пахла тогда. Тонкий аромат фиалок и ландышей, перемешанный с будоражащим шлейфом пачулей. Он никогда не обращал внимания на то, как пахнет женщина, но теперь запах ландышей преследовал его во сне и наяву. Еще и потому, что одинокий стебелек до сих пор

хранился в нагрудном кармане его сюртука...

Он так и не ушел тогда, и позволил загнать себя в еще более опасную ловушку.

Клэр... Она с такой будоражащей улыбкой смотрела на него и качала головой, не представляя, как можно не знать Бетховена.

«Теперь я вас вижу...»

Она не могла видеть его. Она не видела того, кем он был на самом деле, иначе ни за что бы не пригласила его на музыкальный вечер своего дяди.

Вечер, который он действительно не собирался посетить. После возвращения домой он почти ни с кем не общался, никого не мог видеть. Ему было больно даже видиться с родными. Физически тяжело находиться среди множества людей. Он начинал задыхаться, когда толпа окружала его. Эрик знал, что это невозможно для него, и всё же обнаружил себя стоявшим у дверей большого зала в доме ее дяди.

И лишь когда он увидел ее, увидел Клэр, только тогда Эрик понял, что пришел туда только для того, чтобы убедиться, что все это не снится ему. Должен был убедиться, так ли прекрасно касаться ее, как он помнил...

Это оказалось даже прекраснее, чем он мог себе представить. Прекраснее он ничего никогда в жизни не ощущал...

Сердце на мгновение сжалось от мучительной боли, когда Эрик вспомнил, какой ошеломляюще красивой она была тогда, стоя под яркими лучами хрустальных люстр, так что невозможно было перестать смотреть на нее. Клэр... Он не видел картины более прекрасной, чем она. И знал совершенно точно, что даже умирая, закрыв глаза, будет видеть только ее. Только в том самом белом с кружевами, расшитом жемчугами пышном наряде с узкой талией и глубоким вырезом, подчеркивающим идеальную линию ее груди.

У него замирало сердце, когда она обращалась к нему, Эрик не видел никого кроме нее. Поэтому и сумел остаться там. И снова сделал то, что не смог бы сделать после своего возвращения.

Родные, вероятно, были ошеломлены не меньше, когда он пригласил ее на танец. Но Эрик ничего не мог поделать с собой. Ее так часто уводили от него, что он просто не видел другого выхода. Он задыхался, когда ее не было рядом, и переставал дышать, когда она вновь оказывалась подле него.

Он не мог забыть потрясение, которое парализовало его, когда снова коснулся ее. Коснулся тогда, когда это было совершенно невозможно для него. И вновь Эрику пришлось убедиться в том, что он не прав. Касаться Клэр было не просто легко. Его охватил благоговейный трепет, когда он ощутил прижатое к себе девичье тело. Когда она сжала его руку в ответ так, будто это было самое естественное, что могло произойти с ними...

Эрик сокрушенно покачал головой.

Подумать только, но он признался ей в том, что читал биографию ее любимого Бетховена. Прочитал в тот же вечер, когда впервые увидел ее. Никогда бы Эрик не подумал, что глаза могут так ярко сверкать, но в тот момент, когда она это узнала, ее глаза вспыхнули таким неугасимым светом, будто он бросил к ее ногам целый мир. А потом он подумал о том, что, возможно, так бы и сделал, если бы она попросила его об этом... Даже если бы не просила...

Боже, он не должен был пойти на тот вечер! Ни за что не должен был узнать ее такой, какой она предстала перед ним. Открытая, искренняя, щедрая и притягательная до дрожи. Девушка, которая подумала признаться ему в том, что в детстве любила лазать по деревьям.

Только Клэр могла сказать такое. Эрик был уверен, что отныне никогда не сможет посмотреть на деревья без того, чтобы не вспомнить ее слова.

Эрик сжал руку в кулак и встал с холодных каменных ступеней, готовый ударить кого-нибудь. Желательно себя еще в тот день, когда переступил порог большой залы, лишь бы еще раз увидеть ее.

В тот день Эрик отчетливо понял, что не сможет забыть ее. Никогда не сможет. Не забудет ее мелодию, ее Лунную сонату, и блеск золотистых глаз, когда она увидела его среди множества гостей... Блеск, который потух, когда после танца он заявил, что должен уйти. Тогда Клэр посмотрела на него с такой безнадежной грустью, что это определило всю его дальнейшую судьбу. Эрик был уверен, что обязательно найдет повод, чтобы только увидеть ее вновь. И вновь...

Поэтому на следующий же день пришел к ней домой и пригласил на прогулку, не представляя, чем это обернется для нее.

Чем это обернется для них обоих.

— Боже, — выдохнул Эрик, облокотившись о каменные балюстрады лестницы.

Было уже поздно, очень поздно, он должен был вернуться домой. Где оставил свою молодую жену. Оставил затем, чтобы рано утром отвезти в Шотландию.

— Ты в своем уме? — вскричал отец, когда Эрик сообщил ему о том, что собирается сделать. — Ты смерти моей хочешь? Ты окончательно тронулся умом! Ради Бога, Эрик, ты ведь только вчера женился на ней!

— Почему никто из вас не сказал мне, что она любит другого? — с трудом произнес Эрик, глядя на отца.

Маркиз стукнул кулаком по своему большому столу.

— Девушки всегда кого-то любят, но выходят замуж за тех, кого выбирают им их отцы!

Отец заблуждался. Весь мир заблуждался и ввел его в такое же заблуждение, заставив его совершить самую большую ошибку в своей жизни. Эрик потерял бдительность, а теперь должен был потерять гораздо больше.

— Но Клэр... Она не такая! Она на самом деле любит... этого!..

Эрик не смог бы произнести это имя, даже под страхом вновь оказаться там, откуда чудом вернулся. Ни за что не мог. И будто поняв это, маркиз внезапно смягчился. У него дрогнул голос, когда он увидел почти пугающую черноту в глазах сына.

— Эрик, мальчик мой, почему бы тебе просто не заставить ее полюбить себя?

Едва дыша, Эрик отвернулся и закрыл глаза, но перед мысленным взором тут же встал образ плачущей Клэр у алтаря, когда их объявили мужем и женой. Когда он сделал то, что не должен был делать ни при каких обстоятельствах. Поцеловал губы, от прикосновения к которым перевернулась душа. Прикосновение, которое на мгновение вернуло его к жизни, а потом вновь отбросило туда, откуда не существовало возврата. Прикосновение, которое сразило его даже сильнее ее Лунной сонаты. Прикосновение, которое делало его совершенно беспомощным перед силой, которой обладала Клэр.

Прикосновение, на которое он не имел право, потому что заполучил его нечестным путем! Эрик был уверен, что никогда не забудет плачущую Клэр, смело глядящую на него вчера ночью, когда она заявила, что их брачная ночь может состояться только в том случае, если он возьмет ее силой! Такая почти нереальная в своей волшебной красоте с распущенными золотистыми волосами, в почти прозрачной шелковой рубашке и накинутом поверх пеньюаре, которые при свете свечей почти ничего не скрывали от него. Мерцающий

свет свечей и горевшего камина отбрасывали удивительные тени на нее, позолотив кожу так, что она мерцала манящим бархатом. У него сердце чуть не выскочило из груди, когда он увидел ее. Такую восхитительную, что задрожали даже колени.

Он не мог перестать смотреть на нее. Эрик был готов сделать всё возможное, чтобы облегчить ее страдания.

Глупенькая, неужели она действительно ожидала, что он применит силу?

Но что она еще могла сделать, когда ее заставили выйти за него замуж? Чего он ожидал от своей брачной ночи? Чего ждал от убитой горем девушки, которую предали и склонили к нежеланному браку? Девушки, которая всем сердцем любила другого. И никогда не скрывала этого от него. Это он пожелал не замечать очевидное.

Девушка, которая буквально воскресила его, и чем он отплатил ей? Что сотворил с ее жизнью, с ее мечтами?

Господи, что он наделал!

— Я решил, отец, — тихо заговорил Эрик, не оборачиваясь. — Я отвезу ее туда, и если он... если ее примут, и она будет в полной безопасности, я дам ей развод...

Маркиз снова громко ударил кулаком по столу.

— Этому не бывать! Ты хоть понимаешь, что тем самым затронешь честь семьи? Обоих семей.

Удивительно, но об этом говорила и Клэр. Она подумала об их родных и последствиях, но не о тех выгодах, которые сулил ей развод. Не подумала сразу же уцепиться за возможность, которую он дал ей. Она была ошеломлена так же, как и его отец, ну, а он... Он должен был сделать то, что считал правильным. Что должно было быть правильным после всего, что произошло.

— Я найду способ сделать так, чтобы все прошло безболезненно для всех вас.

Маркиз смотрел на широкую спину сына, а потом раздался его хриплый шепот:

— А как же ты? Для тебя это будет так же безболезненно?

Эрик не ответил. Просто потому, что ему нечего было сказать. Сейчас его волновало что угодно, но только не его сердце.

Видя непреклонность сына, маркиз обессиленно рухнул в свое кресло и тяжело вздохнул.

— Я был так счастлив, когда ты сказал, что хочешь жениться, — заговорил он глухим голосом. — Твоя мать не спала по ночам после того, как ты сообщил эту новость. Мы все были так рады за тебя. Ты что-то захотел, захотел эту девочку, особенно после того, как вернулся. Я бы сделал всё возможное, чтобы исполнить твоё желание, сын, но сейчас... — Маркиз взглянул на застывшую спину сына. — Я поддержу тебя во всем, что ты решишь. Эрик... Только возьми с собой надёжных людей. Я не вынесу, если с тобой произойдет что-то ещё...

Эрик поспешно покинул отцовский дом, но дальше входной лестницы так и не ушел.

Ноги не слушались его. Он прислонился к каминной балюстраде и пытался дышать, чтобы набраться сил и вернуться домой. Он пришел сюда только ради того, чтобы держать отца в курсе истинных дел на случай, если с ним что-то случится, если ему понадобится помощь, учитывая события последних двух месяцев. Эрик не собирался подвергать жизнь Клэр опасности.

Как бы сильно она ни ненавидела его.

А она должна была ненавидеть его. За все то, что он сделал. Что продолжал делать...

Открыв глаза, Эрик отпустил балюстраду, развернулся и спустился по лестнице, а потом, бросив несколько слов своему кучеру, шагнул по безлюдной улице, надеясь пешей прогулкой оттянуть возвращение домой.

Возвращение к Клэр. К той, которая принадлежала ему всего на один день.

Которая никогда не принадлежала ему. Как бы отчаянно он ни желал этого.

Сжимая в руке свою трость, в которой был спрятан невероятно острый меч, подарок его троюродного брата, который увлекался самурайскими мечами, Эрик гадал, собрал ли Клэр свои вещи. Ждет ли она поездки? Ну конечно, ждет. Как можно не ждать встречи с тем, кого любишь всем сердцем! Сердце, которое все это время принадлежало другому, а он решил, так наивно полагал, что когда-нибудь сможет сам претендовать на это сердце.

Сердце, которое заставило его испытать то, что он никогда прежде не испытывал. То, что могло бы спасти и излечить...

Сердце, которое он погубил, а теперь должно было погибнуть собственное сердце в ответ на ужасное злодеяние, которое совершил.

Пройдя по широкому тротуару, Эрик пересек улицу и свернул направо. Он должен был вернуться, но на этот раз замер у входной двери собственного дома, не представляя, как войдет внутрь. Как снова взглянет на свою жену. Как увидит ее упакованные сундуки. Символ крушения всех его надежд. Символ ее спасения...

Обессилено привалившись к двери, Эрик на мгновение закрыл глаза, чтобы взять себя в руки.

И внезапно вспомнил мрачновато-осторожную, пронзительно грустную мелодию, которую слышал впервые почти целую вечность назад. Мелодию, которая пробудила его к жизни и заставила ощутить то, что совсем скоро исчезнет из его жизни. То прекрасное, ради чего он мог бы жить.

То, что отныне он должен был подавить. Чего бы это ему ни стоило.

Всё это оказалось иллюзией. Все было обманом. Клэр по-прежнему была честна с ним, предельно честна. И всё, что было до свадьбы... Это была простая вежливость и радушие. Ничего больше. А он подумал, будто...

Сделав глубокий вдох, Эрик открыл дверь и вошел в дом. В холле, стоя на некотором расстоянии, его встретил вышколенный лакей, который подождал, пока хозяин положит свои плащ, шляпу, трость и перчатки на столик, чтобы потом забрать их.

— Вы желаете поужинать, милорд? — спросил возникший напротив дворецкий, обеспокоенно глядя на хозяина.

Было уже за десять вечера. Эрик не хотел есть, у него не было аппетита. Он и пить не хотел, потому что достаточно напился вчера ночью, сидя в своём кабинете и принимая самое мучительное решение в своей жизни. Устало покачав головой, он двинулся в сторону гостиной, где хотел немного посидеть, а потом подняться к себе и попытаться хоть немного поспать, чтобы завтра...

Черт, он не хотел думать о завтрашнем дне! Этот день наступит и без его вмешательства, а торопить его наступление у Эрика не было ни малейшего желания!

Он сам открыл дверь гостиной, опередив лакея, и вошел в слабо освещенную большую красиво обставленную комнату. Внутри призывно горел камин, к которому Эрик и направился, вытянув вперед руки, и только тогда обнаружил, что они у него заледенели. Он замерз, но это не имело значения, потому что огонь мог согреть его конечности. Огонь мог помочь, но у огня не было силы исправить то, что он наделал. Вина лежала полностью на

нем. Он был в ответе за все то, что произошло, что продолжало происходить. И завтра... Завтра он попытается исправить это, но только не сегодня. Только не сейчас. Он устал, так чертовски устал. Он должен был хоть на время...

Эрик вдруг замер у камина, ощутив странное покалывание в затылке. Резко обернувшись, он застыл, увидев стоящую в дальнем углу Клэр. Которая смотрела прямо на него.

На ней было одно из тех простых домашних платьев из желтого ситца, которое могло бы бледнить любую другую особу, но только не ее. Она была прекрасна в чем бы то ни было, настолько, что у него захватывало дух. Эрик как громом пораженный стоял и смотрел на ту, которая на короткое мгновение всё же принадлежала ему. Что бы ни говорили небеса и она сама.

Одно короткое мгновение, но он имел право ощутить вкус ее губ. Прикосновение, которое перевернуло всю его жизнь. Которое изменило его. Придало ему силы дышать тогда, когда он не хотел больше дышать.

Прикосновение, которое он никогда не забудет.

Ее темно-золотистые глаза смотрели на него внимательно и слегка озадаченно, словно она до сих пор не могла поверить в то, что он собрался сделать. Почему, ради всего святого, почему она не собрала свои вещи и не требует, чтобы он немедленно доставил ее в Эдинбург, если любила того всем своим сердцем?

Это почему-то вызвало глухую боль. И пугающую ярость. Эрик медленно завел руки за спину, сжав челюсти.

«Черт тебя побери, я ведь завтра отвезу тебя к нему, что еще тебе нужно от меня?» — гневно думал он, не отрывая от нее взгляд. Эрик решил, что не заговорит с ней первым. Если ей есть что сказать, пусть начинает сама, потому что, черт бы все побрал, он не собирался облегчать ей эту проклятую задачу. Она даже понятия не имела о том, чего ему стоило принятое вчера ночью решение отправиться в Шотландию.

Ей не следовало оставаться с ним наедине. Ей вообще не нужно было искать с ним встречи, она не должна была хотеть заговорить с ним. Все было кончено! Черт побери, всё действительно кончено. Тогда какого черта она делала здесь?

— Вы вернулись, — наконец, прервала Клэр затянувшееся молчание до боли знакомым голосом.

Голос прозвучал спокойно, без дрожи. И ненависти.

Голос, в котором звучало облегчение. Почти как в тот день, когда он пришел пригласить ее на прогулку. Когда она, едва увидев его, прошептала его имя так, будто ничего больше не имело для нее значения...

Эрик выпрямил спину и усилием воли отогнал от себя ненужные воспоминания, приказывая себе сосредоточиться на том, что сейчас имело первостепенное значение... Им вдруг овладело нечто темное и мрачное. Он не хотел больше ее радушия. Не хотел от нее ничего. Поэтому не придумал ничего лучше, чем резко спросить:

— Вы собрали вещи?

Она вздрогнула, но быстро взяла себя в руки и шагнула в его сторону. Эрик застыл, понимая, что если она подойдет к нему, он может... Он не мог допустить, чтобы она сейчас подошла к нему! Впервые он действительно этого не хотел.

— Я хотела поговорить с вами об этом, поэтому ждала...

О, небо, неужели она все же ждала его?! Эрик едва мог дышать, но заговорил тем же

ледяным тоном.

— О чем еще вы хотите поговорить? Время отъезда я называл вам. Напомнить?

Она поморщилась от его грубости. Да, возможно он был непочтителен с ней, но она ведь не ожидала, что он будет улыбаться, провожая ее к своему возлюбленному!

— Вы ведь не серьезно говорите об этом, Эрик?

Эрик на секунду прикрыл глаза, до сих пор не привыкший к тому, с какой неприкрытой лаской она называла его по имени. Так, будто всю свою жизнь только это и делала. Будто у нее было право так спокойно называть его по имени.

Теперь это ужасно сердило его. Сердило то, что она не поверила ему. Не верила в то, что он на самом деле отвезет ее в Шотландию. Какой-то частью сознания Эрик понимал, что ее сомнения обоснованы, но никак не мог перестать сердиться на нее.

— Я вполне серьезен, мадам.

Она нахмурилась и, к полному его облегчению, остановилась возле дивана на приличном расстоянии от него.

— И вы действительно отвезете меня в Шотландию?

Он что, должен еще раз дать ей клятву? Эрик вдруг понял, что не вынесет, если она вздумает поблагодарить его за это.

— Отвезу.

Голос его прозвучал холодно, отчужденно и бесстрастно, хотя один Бог ведал, чего ему стоило в сотый раз повторить то, что разрывало его на части.

Она продолжала смотреть на него полными боли и изумления глазами. И снова шагнула к нему.

— Почему?.. Почему вы...

Эрик сделал шаг назад, почти в гневе прорычав:

— Стойте, где стоите!

Она замерла.

— Что?

Эрик дышал так тяжело, что почти задохался.

— Стойте там, где стоите! А еще лучше, идите наверх и пакуйте свои вещи. Нам предстоит долгая дорога, потому что мы поедем другим путем. — Он замолчал и отвернулся от нее, не в силах больше говорить об этом. На следующий же день после своей свадьбы. Свадьба, которую он превратил в катастрофу. Эрик больше не мог находиться здесь. Впервые в жизни он захотел оставить Клэр. На самом деле хотел уйти от нее. Поэтому широкими шагами направился к двери и едва слышно бросил через плечо: — Спокойной ночи!

Он вышел и даже не позаботился о том, чтобы закрыть дверь. За него это сделают слуги. За него уже все сделают... А ему... ему не оставалось ничего другого, как снова исчезнуть, причем так, чтобы больше никого не видеть.

Даже Клэр.

Особенно Клэр!

С давних пор он боролся за то, во что верил, что считал правильным. В детстве отец часто говорил ему, что в этом и таится великая сила человека. Идти до конца по пути к тому, во что веришь, потому что вера способна толкнуть человека на такие поступки, которые он бы никогда не совершил без нее.

У него была вера в дело, за которое он боролся, пока в нем не сломили эту веру.

Он считал, что в жизни больше ничего не осталось, но пустоту заменила мелодия. А потом и нечто такое, что было сильнее веры.

Но теперь он сам собирался уничтожить эту великую силу. И одному Богу известно, что тогда будет с ним, если он лишится и этого.

Когда он лишится этого...

Моросил легкий, но неприятный дождь, когда Клэр, закутавшись в тёплую накидку, села в черную карету с гербом льва на лакированной дверце, и они тронулись в путь.

Ровно в семь утра.

В это было трудно поверить, но Эрик не солгал. И не шутил. Он тщательно спланировал весь путь, выбрав точное время и маршрут.

У нее не укладывалось в голове, но Эрик действительно вознамерился доставить ее к Клиффорду!

Тяжело вздохнув, Клэр откинула назад капюшон и рассеянно огляделась.

Разве она могла представить себе, что ее жизнь переменится настолько? За неделю ей пришлось выйти замуж, а через день столкнуться лицом к лицу с возможностью развода. Это действительно было похоже на шутку, злую шутку, которая продолжала разорять ее жизнь. От ее жизни почти ничего не осталось, а теперь... Она даже понятия не имела о том, что ей делать теперь.

И все же, факт оставался фактом: ее муж собирался придерживаться первоначального плана и довести дело до конца.

Если Клиффорд примет ее.

В том, что Клиффорд примет ее, Клэр не сомневалась, но он сейчас беспокоил ее меньше всего. В какой-то степени она все еще сердилась на него, ей было больно оттого, что он оставил ее и даже не подумал написать, чтобы хотя бы поинтересоваться, как она поживает. Чтобы написать, как он сам. Она допускала, что он, возможно, очень занят, раз отец так поспешно вызвал его к себе, и все же...

Все же, сидя в карете, которая действительно держала курс на Эдинбург, Клэр признала, что даже не представляет, как встретится с Клиффордом. Потому что не могла избавиться от мыслей о собственном супруге. Безрассудный, сумасшедший человек, который «готов был найти тысячу способов, чтобы сделать ее счастливой!»

О каком счастье могла идти речь?

Как он представлял себе хоть намек на счастье, когда разрушил всю ее жизнь, камня на камень не оставил?

Клэр казалось, что она, будто ослепшая, почти так же как и их карета бредет по хлипкой, глухой, извилистой дороге в поисках хоть бы крохотных частичек своей прежней жизни с тем, чтобы собрать их и склеить, но ничего не могла найти. Ее словно обворовали, оторвали от привычной жизни, отняли все ее права и возможности, и не позволяли ей принимать решения, которые вернули бы ей хоть иллюзию того, что она владеет своей жизнью.

Ей больше ничего не принадлежало. И она никому не принадлежала. У нее не было больше дома, не было больше тех, к кому она могла обратиться за помощью. Не осталось друзей, не осталось подруг. У нее не осталось даже музыки, которая питала и поддерживала в ней веру в хорошее. Впереди была глухая неизвестность, а позади остались одни руины.

Всё, что сейчас у нее было — это два сундука вещей и дорога. Настоящая, долгая, чужая дорога, которая могла бы привести ее к спасению, но Клэр не хотела этой дороги. Она не просила об этом. Клэр готова была умолять оставить ее в покое, чтобы она смогла собраться с силами и понять, как ей теперь жить. Как ей справиться с выпавшей на ее долю ролью

жены Эрика.

Эрик...

Понимал ли он, в какие руины превратились их жизни? Зачем на эти руины он подумал взгромоздить еще и тяжесть развода?

Он не потревожил ее и во вторую ночь, держась от нее так далеко, как только это было возможно. И это могло означать только одно: единственный повод заполучить развод — не консумировать брак.

Но зачем? Почему ему в голову пришла эта сумасшедшая мысль?

События последних дней выбили ее из колеи так сильно, что Клэр уже ничего не понимала. Ей казалось, будто она сходит с ума. Сходит с ума оттого, что ищет ответ там, где его просто невозможно найти. Со всех сторон она была окружена глухой стеной непонимания, брошенная на произвол судьбы, и полностью зависела от человека, который вез ее в Шотландию.

Голова раскалывалась на части так, что Клэр застонала и привалилась к спинке мягкого сиденья, закрыв глаза.

Боже, зачем вообще ему нужно было жениться на ней, если сейчас он вез ее в Шотландию? Неужели человек мог осознанно причинить себе такую боль?

Ведь ему не могло быть настолько безразлично всё это, как он пытался показать вчера утром, когда объявил о своем решении. Человек, который коснулся ее ночью с какой-то пугающей нежностью и пообещал не беспокоить ее, а потом подумал о том, чтобы отправить к ней ее бывшую горничную, не мог с таким равнодушием решиться отдать ее другому. Он был очень замкнутым и невероятно сдержанным, но на одно короткое мгновение она все же увидела то, что, вероятно, не должна была увидеть.

То, что он не сумел скрыть от нее, когда вчера вечером, по возвращению домой, обернулся и посмотрел на нее.

Его глаза... Она не могла забыть выражение его глаз. Эрик был бледен, сильная эмоция, какую она прежде никогда не видела, исказила его лицо, а глаза потемнели и пылали от такой невысказанной боли, что было трудно смотреть в них. Глаза, в которых отразились страдания куда более сильные, чем она могла себе представить. Страдания, которые заставили его сгорбиться так, будто от тяжести он мог упасть. Неосознанно она стала частью этих страданий, только он сам вынудил ее поступить так, как она не хотела бы поступать.

Клэр вдруг вспомнила, что видела почти такую же боль в его глазах, когда спросила о его носе. Когда он признался, что упал.

Страдания, которые были с ним еще тогда, когда, не обремененные ничем, они могли свободно общаться и даже поделиться друг с другом самым сокровенным. Тогда она не обратила на это внимания, потому что боялась испортить мгновение, которое они разделили друг с другом во время прогулки.

Даже сегодня, вспоминая о том дне, Клэр поражалась тому, как естественно было общаться с ним, как приятно было находиться рядом с ним. Было удивительным и то, что она решилась поведать ему почти все свои тайны, но даже сейчас, думая об этом, она понимала, что не могла не поддаться его обаянию. Было в нем нечто такое, что расположило ее к нему почти без остатка. Отчего у нее кружилась голова, когда она видела его улыбку, от чего мурашки бегали по спине, когда она слышала его глубокий голос.

Человек, который стремился жениться на ней, но который вчера запретил ей приближаться к себе.

Клэр не спала всю ночь, беспокойно меря шагами свою комнату и глядя на два уложенных сундука, которые собиралась взять в дорогу. Удивительно, но теперь вся ее жизнь уместилась всего в двух сундуках. Она взяла самое необходимое, как и велел Эрик. Клэр не хотела усложнять поездку еще и количеством своего багажа. По правде говоря, это мало заботило ее. Она лишь... Она лишь гадала, что будет дальше. И не прикажет ли Эрик повернуть обратно?

Но они всё ехали. Дождь в какой-то момент усилился, заслонив дорогу густой стеной. Клэр чувствовала себя разбитой и невероятно уставшей. Ей казалось, что она никогда больше не сможет отдохнуть, никогда не сможет прийти в себя. Никогда не вернет покой, который отняли у нее.

Эрик всё это время скакал на своем гнедом, то проскакивая мимо кареты, то совсем исчезая из поля зрения. Вода пробегала по краям его черной шляпы и стекала вниз на серый дорожный плащ, который зловеще развевался за его спиной. Вот и сейчас, открыв глаза, Клэр тут же увидела его через закрытое окно кареты, и не могла понять, что двигало им. Что управляло ее супругом? Почему он это делал? Почему предпочел оставить ее в брачную ночь, а сейчас с такой решимостью и почти хладнокровием вез ее в Шотландию?

Почему вчера он запретил ей подойти, когда она шагнула к нему? Впервые с момента их встречи он запретил ей приблизиться к себе, и, вероятно, намеревался держать эту пугающую дистанцию до конца пути. Будто они были совершенно чужими. Будто она не доверила ему свои тайны, свои помыслы, свои мечты.

Клэр вновь и вновь мысленно возвращалась к музыкальному вечеру своего дяди, когда туда пришел Эрик. К которому никто не осмелился дотронуться. Который тогда коснулся только ее. А теперь и ей велел держать дистанцию... Возможно, после случившегося он имел на это право, вот только это почему-то ранило ее. Потому что было ощущение, будто она отдала ему все свои мечты, а теперь он не позволял ей приблизиться даже к ним.

Отобрал у нее почти все ее мечты, а теперь собирался дать ей развод. Развод! Даже находясь в столь плачевном состоянии, Клэр понимала, что это, несомненно, отразится не только на ней. Если брак не будет консумирован, а он не собирался этого делать, развод навсегда заклеит и Эрика. Никто никогда не пожелает выйти за него замуж, а он ведь был наследником маркиза, наследником герцогства.

«Вы — единственная женщина на свете, на которой я могу жениться...»

Вздрагнув, Клэр отвернулась от окна, опустила голову и только тогда заметила, как дрожат руки. Сжав пальцы, она попыталась дышать, но не могла этого делать, охваченная ужасом от того, что вспомнила. Его слова... Они действительно заставляли ее ужасаться. Она не хотела их вспоминать, не хотела думать об этом. Это могло означать, будто она ищет оправдания для Эрика в том, что он сделал. А она была слишком опустошена, чтобы искать какие бы то ни было оправдания. Особенно ему.

Всего этого можно было бы избежать, если бы он вовремя уступил и взял назад свое предложение. Теперь они были женаты, но даже это не останавливало его, потому что он собирался исправить ситуацию таким мучительным способом.

После полудня, когда дождь зарядил с еще большей силой, стало очевидно, что они не смогут продолжить путь. Они уже давно оставили позади Лондон и ехали по другой северной дороге, двигаясь в сторону Кембриджа, когда карета свернула направо и сделала остановку у небольшого постоялого двора близ местечка Пакеридж.

Шел такой сильный ливень, что невозможно было разглядеть дорогу. Не было видно

ничего уже на расстоянии двух шагов. Утешало лишь то, что природная стихия не сопровождалась оглушительным громом и молнией.

Клэр помогли выбраться из кареты и, держа над ней большой зонт, довели до дверей, которые тут же распахнул перед ней хозяин заведения.

— Какой небывало сильный ливень! — сказал высокий мужчина лет сорока, пропуская Клэр. — Добро пожаловать в «Розу и короля», миледи. Здесь вы сможете согреться и немного подкрепиться в дорогу.

— Б-благодарю, — запинаясь, молвила Клэр, обнаружив, что действительно замерзла.

Стряхнув со своей накидки капельки дождя, она откинула назад капюшон и огляделась по сторонам, в поисках своего... мужа. Но его нигде не было видно. Рядом стояли двое из их сопровождающих, которые взволнованно смотрели на нее.

— Миледи, вам что-нибудь нужно?

Клэр внезапно поняла, что не может ехать дальше и быть такой же безразличной к тем, кто окружал ее. Да, у нее ничего не осталось, но ни слуги Эрика, ни владельцы постоянных дворов не были виноваты в ее бедах. Эти люди заботились о ней, и она могла бы проявить к ним хоть немного уважения.

— Как вас зовут? — спросила она у высокого темноволосого мужчины, который стоял ближе к ней.

Мужчина улыбнулся и быстро снял свою шляпу.

— Меня зовут Гарри, миледи, Гарри Шоу.

— А вас? — Клэр повернулась к рыжеволосому кудрявому парню лет двадцати, который держал для нее зонт. — Как ваше имя?

Парень улыбнулся так широко, что стали видны даже выпавшие задние зубы.

— Алан Паркер, миледи. К вашим услугам.

У Эрика были очень приветливые и доброжелательные слуги, подумала Клэр, вновь взглянув на старшего мужчину.

— Мистер Шоу, как долго мы здесь задержимся?

— Как только Купер и Уайт починят зашатавшееся колесо кареты, миледи. Дороги нынче очень плохие, их размыло дождем.

Да, она это видела, но к чему так много людей для этой поездки? И это в то время, как Эрик просил никому ничего не говорить? Как странно... И где он сам?

Ее мысли прервал хозяин заведения, который развернул Клэр к лестнице.

— Пойдемте, миледи. У нас есть очень хорошая комната для вас. Там недавно затопили камин, так что вы согреетесь, пока накрывают ланч.

Как предусмотрительно, подумала Клэр, поднимаясь по лестнице. Она не выносила холода. И как удачно, что камин уже затопили. И еду скоро принесут. Она ужасно проголодалась и хотела хоть немного отдохнуть. Голова раскалывалась от усталости. И все же... Остановившись на верхней площадке, она обернулась и взглянул на входную дверь, надеясь увидеть внизу Эрика, но его там, естественно, не оказалось.

Они выехали через два часа, когда ливень немного утихомирился, перейдя в моросящий дождь. Колесо починили, и можно было снова тронуться в путь. Вот только дороги уже размыло настолько, что было трудно держать хоть какую-то скорость.

Клэр так и не увидела Эрика, сумев даже вздремнуть, пока ждала отправления в отведенной для нее комнате. Зашел ли он в гостиницу, чтобы согреться и перекусить? В какой-то степени ее это не должно было волновать, и все же она не могла не думать о том,

где он.

Она увидела его только под самый вечер в небольшой гостинице на выезде из Кембриджа, где они остановились на ночлег.

Он выглядел уставшим, невероятно мрачным и таким неприступным, будто даже ветер не имел права коснуться его. Он взглянул на нее и спросил ничего не выражающим голосом: — У вас всё хорошо?

«Спросил так, как будто мы совсем незнакомы», — удрученно подумала Клэр. Это почему-то задело ее, но она постаралась скрыть свои чувства, глядя на человека, который знал, почему она полюбила ландыши, но который смотрел на нее сейчас так, как будто видел ее впервые. Будто не мог больше смотреть на нее.

— Да, благодарю.

— Вам уже приготовили комнату на втором этаже. Там накрыт ужин. Если вам понадобится что-то еще, дайте знать мистеру Шоу. Доброй ночи.

Он развернулся и широкими шагами вышел из гостиницы, прикрыв дверь. Так поспешно, что Клэр не успела даже возразить. Но что она могла сказать, если он велел ей обращаться к мистеру Шоу? И где всё это время будет он?

Если в самом начале пути ей казалось, что поездка будет ужасной, теперь Клэр понимала, что она будет просто невыносимой. Еще и потому, что Эрик был единственным человеком, который теперь связывал ее с жизнью, от которого она полностью зависела, но и он не желал больше иметь с ней ничего общего, стремясь как можно скорее избавиться от нее.

От нее действительно избавлялись. Как от ненужной вещи. Отец сплавил ее с рук, считая, что ей пора устраивать свою жизнь. Клиффорд уехал, не посчитав нужным даже написать ей. А теперь человек, который так отчаянно стремился женить ее на себе, спешил с таким же отчаянием отделаться от нее. Сплавить с рук.

Едва сдерживая слезы, Клэр поднялась в отведенную для нее комнату, поужинала и легла спать с невыносимой тяжестью в груди.

Утро не принесло ей ничего хорошего. Лишь осознание того, что дорога продолжится, какой бы разбитой и несчастной она ни чувствовала себя. Никто не поинтересовался, чего хочет она. Никому и в голову не пришло спросить, что ей на самом деле нужно. Шел четвертый день со дня свадьбы, свадьбы, которая должна была стать триумфом любви, уважения и искренней привязанности. Вот уже четыре дня, как она была замужем, два дня из которых провела в дороге, но это принесло ей только горечь и разочарование.

Сам Бетховен сыграл с ней злую шутку, вернее, его Лунная соната, с горечью думала Клэр, готовясь к новому дню. Вероятно, это и погубило ее.

«Как Лунная соната может спасти?»

Вспомнив тот далекий день, когда она танцевала с Эриком, Клэр вдруг поняла, что именно соната, которую она так обожала, в итоге и сгубила ее, потому что она не могла представить, чтобы хоть кто-то не слышал эту божественную мелодию. Ей не должно было быть дела до того, что Эрик прочитал биографию Бетховена только потому, что она так страстно любила его. И все же, сидя на кровати и глядя на свои дрожащие пальцы, она понимала, что не могла остаться безразлична к поступку, который тронул ее до глубины души.

А теперь не осталось и Лунной сонаты. Она не представляла, как сыграет ее вновь. Ей даже стало казаться, что она забывает ноты.

Клэр оделась с помощью молодой служанки, а потом ей принесли завтрак.

Перед ней поставили яйца пашот, жареный бекон, теплый шоколад и тосты с клубничным джемом. Клэр застыла в немом изумлении, глядя на то, чем обычно любила завтракать. Она могла поклясться, что даже шоколад пах именно так, как она любила. Это так сильно удивило ее, что она тут же повернулась к служанке.

— Кто приготовил этот завтрак?

Молодая девушка, заправлявшая постель, быстро выпрямилась и взглянула на Клэр.

— Миссис Ходжс, миледи. Вам что-то не нравится?

Что-то все же насторожила Клэр, но что именно, она так и не смогла понять. Нахмурившись, она снова взглянула на накрытый перед ней стол.

— Всё... всё хорошо, но... Вы всегда подаете своим гостям яйца пашот? Я ведь не говорила, что люблю яйца, приготовленные именно так. И горячий шоколад... Откуда у вас клубничный джем?

Девушка выглядела озадаченной, будто ее спрашивают о том, о чем никогда никто и не думал спросить.

— Миссис Ходжс всегда заготавливает много клубничного джема. У нее он получается отменным. Уверена, вам понравится.

Сказав это, она присела в реверансе и удалилась, оставив удивленную Клэр одну, которая никак не могла понять, что же только что произошло. Ее снедало странное беспокойство. Неужели в постоянных дворах подают именно такие завтраки? Но откуда она могла знать наверняка, если никогда не останавливалась в подобных местах?

Клэр все же съела завтрак, а потом спустилась вниз, и они вновь тронулись в путь так же по расписанию, ровно в семь.

Эрика нигде не было видно. Не было видно даже его коня. Было такое ощущение, будто он стал почти невидимой силой, которая и управляла всей этой процессией. Силой, которая управляла и ее жизнью. Клэр не могла понять, почему ей было так важно увидеть его, хотя бы мельком, но ей казалось, что вместе с ним она потеряет связь с реальностью, растеряет и все свои мечты, которые с такой беспечностью отдала ему. Отдала человеку, который когда-то внушал ей доверие, а теперь от всего этого не осталось и следа.

Дождя не было, но небо было затянуто такими же тяжелыми серыми тучами, как и вчера. И не успели они проехать и двух часов, как снова зарядил проливной дождь. Когда еще через два часа дождь усилился настолько, что вновь стало трудно разглядеть дорогу, их карета, наконец, свернула с главной дороги. Ветер завывал так сильно, что лошади испуганно ржали. Колеса едва катились по абсолютно размытым дорогам. Они с трудом подкатили к небольшому домику близ деревушки Кониингтон, куда с поспешностью завели Клэр.

Домик оказался местной гостиницей, где обычно по пути в Питерборо путники могли передохнуть и подкрепиться. Комнаты в гостинице были свободны, но Клэр почему-то испытала облегчение, когда узнала, что камин еще не затопили. И поесть еще не приготовили. Но все это сделали для нее с такой молниеносной быстротой, что она даже не заметила этого.

Погода портилась прямо на глазах. Все же засверкала молния, и загремел сильный гром так, что порой тряслись стекла в рамах. Было трудно представить, что в такой дождь можно продолжить путь. Клэр оставалась в своей комнате до тех пор, пока не стало очевидно, что к ней никто не придет, чтобы сообщить, когда они выедут и выедут ли вообще. Она

чувствовала себя не только брошенной на произвол судьбы. Было такое ощущение, будто о ней и вовсе позабыли. Будто она пустое место, вещь, которую без спроса можно передвигать, перемещать или оставить...

Разве такой жизни она хотела? Разве этого добивалась? Разве этого просила у своего супруга, который спешил от нее избавиться? Его отчужденность и нежелание видеться подтверждали ее опасения. Он действительно спешил избавиться от нее, спешил доставить ее к человеку, которого она любила. И пусть это могло бы стать ее спасением, Клэр вдруг поняла, что задыхается от этой поездки. От этой бесконечной дороги.

Она не могла больше сидеть в комнате. Накинув на плечи свою любимую кашемировую шаль, Клэр шагнула к двери, распахнула ее, готовая шагнуть вперед, но столкнулась с мистером Шоу, который, вероятно, собирался постучаться, и остановилась.

— Мистер Шоу?

— Миледи? — спросил он обеспокоенно. — Что-то случилось? Вам что-то нужно?

— Нет, но... — Она огляделась по сторонам, надеясь хоть где-то увидеть Эрика. Но его и сейчас нигде не было видно. — Когда мы выезжаем?

— О! — Шоу замаялся. — Я как раз пришел для этого. Сегодня мы останемся здесь. В такую погоду милорд не планирует двигаться в путь.

Ее не удивило то, что за нее уже всё решили. Клэр удивилась тому, как это подействовало на нее. Ей было так горько, и вместе с тем ее возмущало то, как с ней продолжали обращаться. Возможно, она не должна была гневаться на Эрика, потому что он пытался исправить то, что сам же натворил, но она не просила развода, прекрасно зная, что это ничего не решит.

Клэр даже не думала, что здравый смысл посетит ее тогда, когда она была растеряна и полностью раздавлена. Но неужели Эрик полагал, что, игнорируя ее, тем самым решит их проблемы?

Она была раздосадована и сердита на него. Клэр до боли сжала ручку двери, желая поскорее закрыть ее, но мягкий голос Шоу остановил ее.

— Миледи, если вам что-то понадобится, пошлите за мной.

Клэр горько покачала головой.

— Мне ничего не будет нужно.

И закрыла дверь, отрезая себя от мира, который больше не понимала. Мира, который продолжал быть враждебным к ней. Что бы она ни делала.

Но что она могла поделать, чтобы хоть как-то вернуть душевное равновесие? Подумать о Клиффорде, который забыл о ней? Который должен был принять ее, чтобы ей дали развод? Чтобы она, наконец, обрела долгожданное счастье?

Боже, сейчас она не счастья хотела! Клэр хотела, чтобы ей вернули ее жизнь, дали ей право дотронуться до своей жизни, хоть какой-то части ее собственной жизни, которая больше не принадлежала ей, потому что земля медленно уходила у нее из-под ног.

Сжимая в руке биографию Сальери, которую взяла в дорогу, Клэр смотрела на страницы и не могла разобрать ни единого слова. У нее разрывалось сердце, у нее туманилось перед глазами от невыплаканных слез. У нее не было сил даже для того, чтобы выплакать свою боль. Потому что и это не поможет. Она даже не знала, что теперь может ей помочь.

Отложив в сторону книгу, которую так и не смогла прочитать, все еще в платье из темно-желтого тяжелого атласа, которое так и не сняла, Клэр подошла к окну и взглянула на крошечную тьму ночи. Дождь продолжал лить как из ведра, но он не мешал какой-то особой

тишине окутать землю. Тишина, которая должна была хоть на время помочь Клэр, но даже это не помогало. Тяжело вздохнув, она направилась к столу, чтобы выпить воды, но графин оказался пуст. Она уже выпила всю воду.

Было уже поздно. Часы на стенах показывали полночь. В гостинице все давно должны были лечь спать, поэтому Клэр не смогла бы позвать к себе служанку. Взяв в одну руку графин, а в другую одинокую свечу, она двинулась к двери, горя желанием хоть бы на некоторое время выбраться из своего убежища, которое стало похоже на настоящую тюрьму. Хотя бы сейчас она могла что-то решить и сделать сама, хоть что-то, что-то доказывающее, что какая-то часть жизни все же принадлежит ей.

В коридоре было темно и пусто. Подняв повыше свечу, Клэр повернула направо и пошла по длинному коридору, надеясь, что сможет найти кухню или человека, который наполнит ее графин водой. Не жажда вела ее. Вода стала необходима только для того, чтобы доказать, что она все еще на что-то способна.

Клэр уже было дошла до лестницы, по которой полагалось спуститься вниз, когда дверь напротив распахнулась и в проеме появилась большая мужская фигура. Это напугало ее так сильно, что она попятилась и чудом не уронила графин и свечу.

— Боже, — прошептала Клэр, дрожа всем телом.

— Клэр? — Это было Эрик. И он изумленно смотрел на нее. — Что вы делаете?

Что она делает? Клэр не могла унять бешеные удары своего сердца. Не потому, что страх не покидал ее. Она не видела его со вчерашнего дня и была невероятно сердита на него, но не понимала, откуда на нее нахлынуло облегчение.

Облегчение от того, что она вновь видит его. Пусть даже такого хмурого, неприступного, почти чужого...

— Я... — она не договорила.

Свеча осветила стальное выражение лица мужчины, который вышел в коридор и шагнул прямо к ней. На нем не было плаща, на нем не было ни сюртука, ни шляпы, ни жилета, ни даже шейного платка. Одна лишь белая рубашка, которая в темноте ночи выделяла его невероятно широкие плечи. Когда-то Клэр гадала, подбивает ли он свою одежду ватой, чтобы подчеркнуть свою мужественность и силу, но теперь отчетливо видела, что в этом не было абсолютно никакой необходимости. Он был невероятно сильным и таким большим, что она почувствовала себя совсем крошечной рядом с ним.

Он казался большим еще и потому, что его тень, отбрасываемая за ним ее свечой, увеличивала его в размерах, делая его просто огромным.

— Что случилось? — спросил он уже с беспокойством, продолжая приближаться. — Почему вы не послали за Шоу?

Вот опять, почему он считает, что она не может обойтись без посторонней помощи?

— Может быть потому, что мне не нужна помощь. Я могу справиться сама.

Он остановился в шаге от нее и выглядел таким рассерженным, что Клэр даже испугалась его. Еще и потому, что черные растрепанные волосы падали ему на лоб, делая его еще более устрашающим.

— Вам следовало кого-то позвать.

Жесткая требовательность в его голосе привела Клэр в чувство достаточно, чтобы она перестала съеживаться.

Выпрямив спину, она подняла голову так, чтобы заглянуть ему в глаза. Но Боже, он действительно был высоким. Таким огромным, почти как в тот первый день, когда она

увидела его в музыкальной комнате его отца рядом с роялем.

— Я не нуждаюсь в помощи, когда хочу выпить воды.

Эрик смотрел на нее непреклонно, почти угрожающе, но к ее немалому изумлению он вдруг вздохнул, а потом его плечи опустились. И все негодование разом улетучилось из него.

— Клэр, — с некой тревожной беспомощностью прошептал он, подняв руку, а затем провел ладонью по застывшему лицу.

А когда опустил руку, Клэр поразились перемене, которая произошла в нем. Она с каким-то благоговейным ужасом узнала в стоявшем перед собой человеке того самого, которого повстречала в музыкальной комнате его отца. Одинокого, замкнутого, чуткого мужчину, который не позволил ей упасть. Грусть на его лице не могла остаться незамеченной. Грусть глухая и затаенная, похожая на усталые страдания, при виде которых у нее невольно сжалось сердце. Это потрясло ее до глубины души, потому что только начинало казаться, будто они совсем чужие друг другу, как перед ней являлся человек, которому она отдала свои секреты.

Человек, в чьих руках ее секреты могли бы быть в полной безопасности.

Как и она сама.

— Я хочу просто выпить воды.

Взгляд его смягчился. Эрик внезапно подошел к ней почти вплотную, протянул руку и незаметно отобрал у нее графин.

— Стой здесь и никуда не уходи, пока я не вернусь.

Сказав это, он развернулся и стал спускаться вниз по лестнице. И только когда он скрылся за поворотом первого этажа, Клэр поняла, что затаила дыхание и замерла, не в состоянии пошевелиться. Она не могла в это поверить, но снова он проявлял заботу о ней тогда, когда ей казалось, будто он совсем позабыл о ней. Когда было очевидно, что он не желает иметь с ней ничего общего.

Ей пришлось ждать недолго, потому что вскоре Эрик вернулся с полным графином воды. Ее потрясение медленно сменилось замешательством. Она не знала, где он набрал воду, но сейчас не это имело значение. Клэр не могла оторвать взгляд от его сурово-сосредоточенного лица, которое в свете свечи казалось таким... Она не могла этого объяснить, ведь видела его лицо много раз. Прямые черные брови, чуть кривоватый нос, который несколько не умалял его мужественности, выразительные скулы, мягко ниспадающие на широкий лоб черные густые волосы и четко очерченные губы...

Губы, которые ее когда-то поцеловали. Почему-то память сохранила об этом такое яркое воспоминание, будто это произошло только что. Легкий трепет внезапно охватил ее с ног до головы, вернув почти забытые ощущения.

И глаза... серо-голубые, иногда мерцающие, иногда пылающие, глубоко посаженные под хмуро надвинутыми бровями глаза, которые она видела сотни раз.

Клэр не могла дышать, уверенная, что сердце ее сейчас выпрыгнет из груди. Она не могла понять, что происходит, но ей казалось, будто она впервые видит того, кого видела сотни раз, но кого никак не могла узнать. А возможно слишком хорошо знала, слишком хорошо помнила, чтобы забыть.

— Клэр? — послышался его тихий, встревоженный голос. Он еще ближе подошел к ней. — Всё хорошо?

Хорошо? Почему он подошел так близко? Так близко, что она почувствовала запах сандалового дерева и специй. А потом ошеломленно поняла, что так пахнет Эрик.

— Вы... вы принесли воду? — прошептала Клэр, продолжая до дрожи хорошо чувствовать этот непостижимый запах.

— Да... вот. — Он опустил взор на графин, который держал длинными пальцами, затем снова взглянул на нее. А потом вновь сделал то, что поразило Клэр. Он отобрал у нее еще и свечу, затем развернулся и кивнул ей через свое широкое плечо: — Пойдемте, я провожу вас. Здесь может быть небезопасно.

Небезопасно? Боже, он действительно волновался за нее! А теперь собирался позаботиться о том, чтобы она благополучно скрылась в своей комнате. Это не укладывалось в голове, но это было так. И Клэр пошла за ним не просто потому, что у нее не было выбора. Высокая фигура с длинной тенью поманила ее за собой так, что она не смогла противиться ему. Не смогла так же, как на музыкальном вечере ее дяди, когда Эрик пригласил ее на танец. Как и на следующее утро, когда пригласил на прогулку. Она не смогла отказать ему даже сейчас и понятия не имела, почему так поступает.

Она просто не могла отказать ему...

Оказавшись у дверей ее комнаты, Эрик вошёл внутрь и направился к столу, на котором лежала биография Сальери, а потом поставил туда графин и свечу и обернулся к ней. На этот раз горевший позади него камин освещал его фигуру так, что Клэр снова обнаружила, что не может отвести от него взгляда. Еще и потому, что свет просвечивался сквозь тонкую батистовую материю рубашку, высвечивая его большую фигуру.

— Вам нужно что-нибудь еще? — спросил он, пристально глядя на нее.

Зачем он продолжает стоять и так странно смотреть на нее? Зачем заговорил так, что напряглась его шея? Так, что невозможно было не заметить его выразительный кадык. Клэр замерла у порога, не в состоянии пошевелиться. И как замороженная смотрела на его кадык, который дернулся еще раз, когда он что-то сказал. Но она не услышала его. И не видела ничего, кроме этой небольшой выпуклости, которая так забавно подергивалась, приковывая к себе всё ее внимание. Такая крошечная, но она вызывала в ней такое сильное смятение, что Клэр даже позабыла о том, что ей следовало сделать.

На этот раз вид кадыка не удивил ее. Она уже знала точно, как он выглядит. На этот раз нечто большее тревожило ее. Какое-то странное чувство охватило ее, не позволяя даже дышать. Клэр чувствовала гулкие удары своего сердца. Чувствовала, как дрожат руки и слегка кружится голова. Поэтому и не заметила, когда Эрик подошел к ней. Встал перед ней так, что заслонил собой всё вокруг. Вскинув голову, она заглянула в его мерцающие глаза, понимая, что сейчас от волнения у нее выскочит сердце.

Боже, что с ней такое?

— Клэр, вам нужно что-то еще?

Да, она бы хотела понять то, что происходило с ней. Что происходило сейчас. Хотела знать, с какой стати он помогал ей, если собирался отдать другому, а потом развестись. Человек, стремящийся к разводу лишь для того, чтобы исправить собственные ошибки, не стал бы заботиться о жажде той, с кем собирался развестись. И уж тем более не стал бы смотреть на нее с такой неподдельной щемящей болью, от чего защемило ее собственное сердце.

Инстинктивно подняв руку к горлу, Клэр покачала головой.

— Нет.

Кивнув, Эрик развернулся и вышел из комнаты. Взявшись за ручку двери, он стал прикрывать ее, но не сделал этого до конца.

— Закройте дверь на ключ. Здесь действительно может быть небезопасно. Спокойной ночи.

Сказав все это, он стал выжидающе смотреть на нее до тех пор, пока Клэр не поняла: он хочет, чтобы она при нем заперла дверь на ключ. Едва дыша, она подошла к двери на дрожащих ногах, и когда он прикрыл ее, повернула ключ в замочной скважине. А потом обессилено привалилась к двери и закрыла глаза, ощущая такую слабость в коленях, что боялась упасть.

Боже праведный, что сейчас произошло? Почему она до сих пор ощущала запах сандалового дерева и специй?

Утром, когда ей подали горячий шоколад и тосты с клубничным джемом, Клэр поняла, что происходит что-то странное. О чем она не могла больше промолчать. Особенно после того, что произошло ночью.

На время, отбросив в сторону все мысли о Клиффорде, Клэр попыталась сосредоточиться на настоящем. И на человеке, который продолжал делать вещи, на которые она не могла не обратить внимания. Которые не могла игнорировать.

Выйдя на улицу и увидев карету, Клэр стремительно направилась к ней, ища Эрика обеспокоенным взглядом.

— Миледи, доброе утро, — улыбнулся ей молодой Алан, открывая дверь кареты.

Клэр остановилась.

— Доброе утро, Алан. Как поживаете?

Парень вдруг покраснел и смущенно убрал от двери руку.

— О, миледи, благодарю, все хорошо. А вы как?

— Всё... всё хорошо, Алан, — рассеянно ответила она и снова не сдержавшись, огляделась по сторонам, ощущая волнение во сто крат сильнее того, что испытала ночью, когда в проеме двери появилась внушительная фигура ее мужа. — А где... милорд?

— Он встал очень рано и поскакал вперед. Сказал, чтобы мы не ждали его и ехали, как только вы будете готовы.

— О, — молвила Клэр, не замечая, как разочарование охватывает ее. Надо же, а она решила, что после того, что было ночью, он не станет избегать ее. Но что произошло ночью? Он просто принес ей воды. Ничего необычного не произошло. За исключением того, что она не могла забыть запах сандалового дерева. И уж тем более не могла оставить без внимания то, что ей уже в который раз приносят ее любимый завтрак. Она внезапно вспомнила тост с клубничным джемом, который лежал перед ней наутро после свадьбы. И только сейчас поняла, что это мог сделать только Эрик. Он с пугающей решительностью увозил ее в Шотландию, чтобы дать ей развод, но сам при этом делал то, что не стал бы делать никто. Заботился о ее завтраке, о ее самочувствии и безопасности тогда, когда это действительно не должно было больше заботить его. Ощувив почти непреодолимое желание поговорить с ним, Клэр твердо взглянула на Алана. — Когда увидите своего хозяина, будьте добры, передайте ему, что я желаю его видеть. И как можно скорее.

Когда она села в карету, и дверца закрылась, Клэр вдруг с ужасом поняла, что не представляет, как начнет разговор, когда Эрик действительно придет к ней.

Если придет.

Эрик не помнил, бросил ли монету уличному мальчишке из Питерборо, который доставил ему газету, но едва Алан догнал его и передал послание, как Эрик развернул коня и помчался обратно к своей карете.

Клэр хотела его видеть?

Господи, что-то случилось?

Он был уверен, что ничего не может произойти. Ничего и не должно было произойти, потому что они благополучно выехали из гостиницы.

Ничего не имело право произойти. Особенно после того, что было ночью.

Что было ночью?

Эрик не мог уснуть, сидя в своей маленькой ничем не примечательной комнате и глядя на игру витиеватых теней, которые отбрасывала свеча на столе. Свеча подрагивала и скоро обещала догореть, являя собой дух уходящего времени, которое с такой стремительностью ускользало от него. Время, которого почти не осталось. У него не было ничего, кроме времени. Но и оно должно было закончиться, рано или поздно.

И тогда наступит тишина, которая прежде казалась исцеляющей. Тишина, потревоженная чарующей мелодией, уже будет не та. Тишина полностью поглотит его и тогда не останется даже времени.

Совсем скоро они подъедут к границам Шотландии и, если повезет, через день окажутся в Эдинбурге. Все шло по плану, все шло так, как должно было идти.

За исключением того, что в этом не было ничего хорошего.

Эрик должен был испытать облегчение от того, что скоро выполнит возложенную на себе миссию и, наконец, исполнит желание Клэр. Сумеет вернуть ей потерянную любовь. Вот только никакого облегчения он не испытывал. Всё, что угодно, но только не облегчение.

Перед глазами мелькнул образ прелестной девушки в лучах дневного солнца, которая смотрела на него и улыбалась. Улыбалась так, будто в мире не существовало никого, кроме него. Смотрела так, как не смотрел никто до нее. На одно короткое мгновение Эрик поверил в то, что существует нечто более целебное, чем тишина. Теплота от улыбки могла согреть те омертвевшие части его души, до которых не добирался бы ни один крохотный лучик надежды.

Надежда... что он знал о надежде? Разве он мог положиться на это хрупкое, ненадежное создание? Надежда однажды уже поработила и разрушила его. Разрушила всё то, что внезапно появилось. И внезапно исчезнет.

Скоро должна была наступить тишина. Тишина, которая уже поднимала свою отяжелевшую ногу. Только для того, чтобы потом раздавить его.

В тишине не было ничего хорошего.

Он не мог пошевелиться, скованный немymi цепями. Не мог даже поднять руку, чтобы погасить свечу, фитиль которой еле мерцал в расплавленном от жара воска. Эрик ничего не ощущал, какое-то пугающее онемение остановило в нем пульс жизни, почти так же, как два месяца назад разрушилась вся его жизнь.

Пустота нагнала его и вновь собиралась подчинить своей глухой силе.

Он смотрел на игру света и теней и пытался смириться с тем, что должен был сделать.

Дорога в Эдинбург была неизбежна, и он должен был доставить туда Клэр. И ни в коем

случае не должен был попадаться ей на глаза. Это было опасно. Очень опасно. Эрик слишком хорошо понимал это, поэтому держался от нее как можно дальше. Иначе все благополучие миссии окажется под угрозой, а он не мог этого допустить. Он слишком много сил приложил для того, чтобы эта поездка состоялась, вот только...

Только Эрик не предполагал, что всё будет настолько сложно.

Потому что ему приходилось прикладывать почти нечеловеческие усилия для того, чтобы не искать встречи с Клэр. Чтобы даже не вздумать остановиться по дороге, чтобы увидеть ее лицо, мельком выглянувшее из окна кареты.

Поэтому нужно было выбирать самую дальнюю комнату в гостиницах, самое неприметное место подальше от нее, чтобы пообедать наспех и тронуться в путь.

Так было бы легче примириться с дорогой. Так будет легче для них обоих вынести эту дорогу. Она должна была бы обрадоваться этому. Эрик никак не мог позабыть ее заплаканное лицо в брачную ночь, когда она ждала, действительно ждала, что он применит силу.

Глупенькая, какая она все же глупенькая...

Он обещал, что сбережет ее сердечко. Вот только...

В какой-то степени Эрик не мог полностью игнорировать ее. Она зависела от него, и он должен был быть уверен в ее безопасности. Должен был знать, что она доставлена в надежное место, что за ней ухаживали как следует, приносили вовремя еду, что ей не холодно, что она...

Иногда, он всё же должен был лично убедиться, что она в безопасности.

Но эти мимолетные встречи отнимали у него почти все силы, делая его совершенно беспомощным. В первый же вечер, когда он появился, чтобы пожелать ей спокойной ночи, она с такой невыносимой грустью посмотрела на него, что у него едва не разорвалось сердце. Господи, ее взгляд! Он творил с ним невероятные вещи. Она выглядела такой одинокой, такой разбитой и несчастной, что Эрик с трудом удержался от того, чтобы не подойти и не обнять ее. Она выглядела так, будто никто в мире не смог бы помочь ей. Он задыхался от потребности коснуться ее, утешить и заверить, что никогда больше не обидит ее, ни за что на свете не расстроит, что сделает всё возможное, чтобы она была счастлива.

Но не сделал этого, до ужаса боясь того, что коснувшись, он не сможет потом отпустить ее, не сможет забыть ее...

Вот, в кого он превратил ее, некогда цветущую, полную жизни и мелодии девушку, которая сама того не ведая озарила его пустую жизнь, а теперь от той девушки не осталось и следа.

Он должен был держаться от нее подальше, потому что не смог бы еще раз увидеть ее затравленные, полные ужаса и боли глаза.

Глаза, которые снова посмотрели на него, когда он увидел Клэр в пустом коридоре, куда вышел, едва услышав шаги. Увидел во мраке ночи. Ей нужна была вода, но почему она никого не послала за водой? Почему не подумала, что это может быть опасно!

Но как он мог рассердиться на нее, если его сердце замерло в груди, когда свет одинокой свечи осветил до боли знакомое лицо? Темнота проглотила всё ненужное вокруг, оставив только Клэр. Боже, она была так красива в темно-желтом, расшитом кружевами у овального выреза, платье с короткими пышными рукавами, что вся его выдержка и решимость держаться от нее подальше полетели ко всем чертям. Он был настолько захвачен волшебным видением с большими глазами и полуоткрытыми губами, которые однажды уже

целовал, что не мог думать ни о чем, кроме как еще раз прижать ее к себе. Как он мог сделать ей выговор за безрассудство? Как он мог вообще сердиться на нее?

Потребность дотронуться до нее, чтобы убедиться, что она настоящая, что не выдумка его жизни, была столь сильна, что Эрик не смог устоять. Еще и потому, что хотел убедиться, что может касаться ее. До сих пор может. Сумеет сделать то, что не смог бы сделать с кем-либо другим.

И снова она так странно смотрела на него, будто не понимала, кто стоит перед ней. Выглядела слегка растерянной и сбитой с толку. Но глаза... Клэр смотрела на него так, будто пыталась по-настоящему увидеть его. Будто хотела что-то увидеть.

Она не должна была смотреть на него так.

Ведь он разрушил ее жизнь. Она должна была ненавидеть его. Эрик был уверен, что она ненавидит его. Ненавидит так, как делала это, стоя в спальне его городского дома и заявляя, будто он только силой может чего-то добиться.

Разве такого он хотел? Разве хотел, чтобы все обернулось кошмаром?

Покачав головой, Эрик спрыгнул со своего коня и, оказавшись у кареты, распахнул дверь, вошёл внутрь, и карета снова тронулась в путь. Обернувшись, он тут же увидел застывшую, почти съезжившуюся Клэр на противоположном сиденье, которая удивленно смотрела на него.

— Вы звали меня?

Она смотрела на него так, будто не ожидала, что он на самом деле придет.

И это внезапно рассердило его. Он не спал всю ночь, у него было скверно на душе. У него болело все тело, болело всё, что только может болеть. Эрик собирался ускакать еще дальше от кареты, чтобы только не столкнуться с ней. Чтобы позаботиться об их следующей остановке. Ночное столкновение с Клэр так сильно подействовала на него, что Эрик боялся новой встречи. Его страшила мысль о том, что при свете дня, когда все недосказанности и сомнения отпадут, он на самом деле увидит в ее глазах презрение, ничем не прикрытую ненависть за всё то, что сделал с ней.

Он знал совершенно точно, что не вынесет ее ненависти, хотя полностью заслужил этого. Но к своему полному ужасу Эрик даже при свете дня никакого презрения не обнаружил в глубинах темно-золотистых глазах.

Ее взгляд был полон негодования, будто она не могла что-то понять. С ней что-то было не так. Она выглядела взволнованной. Это обеспокоило его настолько, что Эрик подался вперед.

— Клэр? Что такое? — спросил он уже более мягко.

Она вздрогнула, выпрямилась на месте и опустила голову. Эрик заметил, как она теребит в руке края красивой кашемировой шали, которую накинула на плечи. На ней было всё то же вчерашнее тёмно-лимонное платье, в котором она казалась такой юной, такой невинной и ранимой, что у него сжалось сердце. Блестящие золотистые волосы были собраны и уложены на макушке, оголив изумительную линию шеи и плеч. Она дышала тяжело, так что было заметно, как округлая грудь медленно поднимается и спадает. Клэр выглядела столь захватывающе, что невозможно было оторвать взгляд от нее. Еще и потому, что до него донесся сладкий запах ее духов. Ландыши! Боже, она всегда пахла ландышами так, что у него начинало туманиться в голове!

— Что-то случилось? — спросил он осевшим голосом, чувствуя бешеные удары своего сердца. Боже, он так давно не касался ее! Так давно не ощущал ее тепла, не ощущал ничего

хорошего!

Клэр неожиданно подняла голову и заглянула ему прямо в глаза.

— Вы знали, что на завтрак я люблю яйца пашот, жареный бекон и пью теплый шоколад с клубничным джемом? Клубничный джем я люблю больше всего на свете. Вы знали об этом?

Господи, она заметила! Эрик был поражен. Она не заметила самого главного в день свадьбы, а эта мелочь не ускользнула от нее. Но, черт побери, она ведь была его женой. И предугадывать ее желания было его долгом. Чего еще она ожидала от него? Что он совсем забудет о ней и спокойно довезет до Эдинбурга? В последнее время она выглядела такой несчастной, будто жизнь безвозвратно покидала ее, поэтому ему захотелось хоть как-то порадовать ее.

И уже не думал, что она когда-нибудь обратит внимание на его поступки.

И все же она заметила.

Это почему-то отдалось в груди глухой болью. Не такой невыносимой, но эта боль не сводила с ума. Не терзала, как прежде.

Откинувшись на спинку сиденья, Эрик внимательно смотрел на нее, не представляя, какого ответа она ждет.

Он вспомнил день прогулки по Гайд-парку. То, с каким радушием и легкостью она общалась с ним. С какой головокружительной щедростью и теплотой делилась с ним своими воспоминаниями, своими мечтами, несбывшимися надеждами. Было в этом столько сокровенного смысла, нечто столь бесценное, что он ни на что не променял бы ни одно мгновения того дня.

Но сейчас, глядя ей в глаза, Эрик вдруг с горечью осознал, что она никогда больше не посмотрит на него так, как смотрела в тот день. Открыто и искренне, с какой-то пугающей доверчивостью, когда пожелала рассказать ему о газете, в которой увидела Бетховена с букетом ландышей.

«Для меня этого недостаточно...»

Для него было достаточно уже то, что она появилась в его жизни. Достаточно того, что пока она находилась рядом с ним, толстые стены мира не обрушивались на него.

И внезапно Эрик ощутил потребность ответить ей так же искренне. Как это делала она.

— Знал.

Глаза ее расширились от удивления, граничащего с изумлением. Поразительно, но она действительно не ожидала, что он ответит. Ответит искренне.

— Знали? — выдохнула Клэр, отпустив края шали.

Эрик устало вздохнул, поборов желание провести ладонью по голове.

— Да, знал.

— Но откуда?

Вероятно, ей даже в голову не пришло то, что он мог бы позаботиться о ее завтраке, но чего она ожидала от него?

И почему, ради всего святого, почему она смотрит на него сейчас так, будто это имело для нее значение?

— Мне сказали, — вновь ответил Эрик предельно честно, не понимая, для чего это делает.

И для чего ей эти ответы.

— О, — прошептала Клэр, нахмутив брови, а потом вновь опустила голову и сжала края

шали.

Такая одинокая, такая хрупкая, до боли прекрасная. И запретная...

Ему больше нечего было сказать. И нечего добавить. Не сегодня. Не сейчас. Возможно, никогда. Ведь ей этого не нужно было знать.

Не в силах больше смотреть на нее, Эрик отвернулся, поднял руку и обнаружил, что все еще держит газету. Он развернул страницы, оторвав взгляд от дороги, которая еще ближе приближала свободу Клэр.

И его конец.

— Что пишут в газетах? — раздался ее тихий, неуверенный голос, в котором прозвучала нотка отчаяния.

Будто она не хотела этой тишины. Будто цеплялась за любую возможность, чтобы отдалить молчание. Побороть тишину. Да, только у Клэр была возможность сразиться с тишиной. Перед глазами снова встал образ улыбающейся девушки, которая с таким живым интересом общалась с ним на прогулке, задавая многочисленные вопросы. Девушка, которую он так отчаянно хотел увидеть вновь.

Было безумно тяжело вспоминать тот день. Эрик не мог сейчас говорить. Что-то сжимало ему горло. Что-то сильно давило на грудь.

Вместо ответа, он вытащил пару листов газеты и протянул ей в надежде, что это займет ее.

Какое-то время она молча изучала содержимое газеты, а потом снова раздался ее голос, но на этот раз такой потрясенный, что он тут же опустил газету.

— Ландыши? — спросила она так, будто впервые слышала это слово.

Эрик нахмурился.

— Что?

Она подняла к нему газету.

— Собор святого Павла... он был украшен ландышами?

Эрик опустил глаза, а потом с ужасом заметил, что случайно отдал ей светский раздел, где было написано об их свадьбе:

«Грандиозная свадьба графа Бедфорда и дочери маркиза Куинсберри.

Невеста была настолько взволнована, что на ней лица не было. Сложно сказать, насколько счастлива она была, учитывая поспешность этой свадьбы, которая закрепила многолетнюю любовь молодых. Сложно так же угадать, по какой причине весь собой Святого Павла был украшен не розами, лилиями или орхидеями, а простыми белыми ландышами...»

Эрик вновь заглянул ей в глаза. И ему очень не понравилось то, как она смотрела на него на этот раз. Ему вдруг стало невыносимо больно от этого взгляда. В ее глазах застыли изумление, негодование и какая-то тайная мука, которая делала всё это особенным. Значимым. Будто для нее было важно то, чем украсили собор.

Собор действительно украсили ландышами по его велению, и когда маркиза Куинсберри, узнав об этом, приехала к нему, чтобы вразумить его, Эрик спокойно дал понять матери Клэр, что никаких других цветов не потерпит. Потому что... потому что у него была «аллергия» на все остальные цветы!

Потому что, черт возьми, он надеялся хоть бы так порадовать Клэр. Но она ничего этого не заметила. Эрик сокрушенно покачал головой. В тот день она вообще ни на ничего не обращала внимания, ничего не хотела, потому что продолжала любить другого... Как и

сейчас. Мысль об этом причиняла почти обжигающую боль. Эрик очень старался не думать об этом, но в последнее время невозможно было игнорировать то, что он однажды так беспечно проигнорировал. То, что привело к таким печальным последствиям.

Боль боролась в нем с гневом, разрывая его на части. Будь все проклято, но он действительно добивался не этого!

День их свадьбы... День, который мог бы стать особенным днем. День, с которого началось окончательное падение мира.

— Почему это вас так удивило? — почти ледяным тоном спросил он, начиная задыхаться.

Черт побери, было безумием приходить к ней. И тем более оставаться здесь. О чем он только думал, ведь прекрасно знал, что пребывание рядом с ней ничего хорошего не принесет ему. Им обоим!

Клэр вздрогнула от его тона. Сжав руки, она всё же смело встретила его взгляд. Почти так же, как смотрела в их брачную ночь, с молчаливым вызовом давая понять, что не покорится.

— Я была уверена, что собор украшали белыми розами и лилиями. Мама часто говорила, как сама выбирала цветы.

Удивительно, что она знала что-то об их свадьбе. В любом случае это уже не имело значения. Эрик с горечью опустил голову, понимая, что теперь ничего не имеет значение. Он должен был уйти. О ней заботились и без него, она была в безопасности, а его главная задача — доставить ее до места назначения целой и невредимой.

Не так он всё представлял себе. Но теперь нечего было больше представлять.

Она ждала его ответа. Эрик до дрожи хорошо чувствовал ее взгляд. Он мог бы не ответить, чтобы оставить частичку того дня в себе. Но снова поддавшись глупому порыву, ответил, решив, надеясь, что этот ответ когда-нибудь будет ей нужен. Когда-нибудь это станет для нее важно.

— Я заменил все цветы ландышами.

Ее губы раскрылись от изумления, но она так ничего и не сказала. Эрик опустил взгляд на ее губы, а потом потрясенно замер. Легкая дрожь прошла по спине, от чего перехватило дыхание. Он всё смотрел на губы, которые однажды уже целовал. Губы, вкус которых до сих пор помнил. В день свадьбы он коснулся их не потому, что об этом попросил архиепископ. В тот момент Эрик был ошеломлен силой собственного желания. Он вдруг понял, что не сможет жить дальше, если не поцелует ее. Его притягивало к ней так сильно, что он не смог устоять. И сделал это, сделал то, что было почти невозможно для него. Что мучило и терзало его днем и ночью.

Но сейчас, глядя на ее губы, Эрик отчетливо понял, что поцеловал ее тогда еще и потому, что какой-то частью сознания знал, что у него никогда больше не будет повода коснуться ее. Как сейчас, когда вновь ощутил ту почти удушающую потребность вновь поцеловать ее, но знал, что не осмелится это сделать.

Тонкий благоухающий запах ландышей и пачулей заполнял карету так, что теперь он ничего больше не ощущал. Каким-то чудом он удержал свои руки при себе, глядя в потрясенные темно-золотистые глаза. И когда она посмотрела на него так, будто если бы узнала об этом заранее, это могло что-то изменить, Эрик почувствовал почти невыносимую потребность выбраться из кареты. Потому что задыхался. Потому что, черт бы побрал все на свете, она любила другого, но могла быть тронута тем, что сделал для нее ее нежеланный

супруг!

И всё же она ответила. Почти так, как он не ожидал. Так, как не должна была ответить.
— Я никогда не хотела, чтобы мы были врагами, Эрик.

На этот раз отчаяние в ее голосе нельзя было спутать ни с чем. Эрик заметил, как она слегка побледнела. Боль, которая не пробилась сквозь отчаяние ее голоса, замерла в ее прекрасных глазах. На одно мгновение Эрик подумал о том, что перед ним та самая девушка, которая гуляла с ним в парке. Которая ловила каждое его слово, каждое его изречение, каждый ответ...

Он не мог дышать. Он хотел коснуться ее. Господи, он так отчаянно хотел коснуться ее!
Но не пошевелился.

— Мы никогда не были врагами, Клэр.

Глаза ее потемнели еще больше. Руки задрожали, и она быстро опустила голову. Отвернув от него свое лицо, Клэр глухо молвила:

— Я думала, мы — друзья.

На этот раз он не смог бы заговорить, даже если бы и захотел. Потому что был потрясен тем, что она считала, верила в то, что они друзья. И это после всего, что он сделал? После того, как она предположила, что он применит силу, чтобы склонить ее к чему-то против ее воли? После того, как заявила, что не полюбит никого, кроме того... шотландца? Она думала, они друзья? Она считала его другом? Не врагом, которого стоило бы ненавидеть? Которого нужно было каждую секунду винить в том, что он натворил...

Эрик подумал о том, что если еще немного останется в карете, он просто свихнется. Или, того хуже, снова дотронется до нее.

Поразительно, но прежде он никогда с таким отчаянием не желал коснуться другого человека.

Бросив на сиденье газету, он стукнул по крыше кареты и, когда та послушно остановилась, Эрик молча вышел из нее и закрыл дверь.

Вечером, когда стало смеркаться, карета повернула в сторону города, где им предстояло переночевать. День выдался пасмурным и унылым, но по крайней мере, не было больше дождя. Сквозь тяжелые серые тучи не пробивался ни единый лучик солнца, словно бы еще больше усугубляя страдания.

Этот день не сулил ничего хорошего так же, как и все предыдущие.

Клэр было так горько на сердце, что она с трудом сдерживала слезы. Встреча, которой она так боялась, еще на несколько дюймов пошатнула ее мир. Мир, который давно накренился, но по какой-то непонятной причине пока еще не падал в бездну.

Мир, который мог пошатнуться и развалиться на части в любой момент.

«Знал».

Одно маленькое, короткое слово, но какую колоссальную мощь оно имело! Клэр действительно не думала, что он ответит, ответит честно. После ночного столкновения ей казалось, что он станет еще более замкнутым и, несомненно, будет сторониться ее.

Но вновь заблуждалась.

Она не думала, что сможет вынести встречу с Эриком. По правде говоря, она даже не знала, чего ждать от очередной встречи.

Но уж точно не того, что произошло на самом деле.

Клэр не могла побороть трепет, который охватил ее и держал в заложниках до тех пор, пока карета не остановилась. Трепет перешел в сокрушительное волнение, а потом всё снова замерло, когда в карету вошёл Эрик. Когда вместе с ним появился и запах сандалового дерева и специй. Запах, который она не могла забыть. Запах настолько приятный, что легкая дрожь снова охватила ее. Но теперь уже от его близости. От его присутствия. Разве такое возможно?

Ей казалось, что она никогда больше не забудет этот запах. Куда бы она ни шла, ей всюду мерещился аромат корицы. И гвоздики.

И вот Эрик сидел перед ней, явился сразу же, как только она позвала его.

Взволнованный почти так же, как и ночью, когда увидел ее в коридоре.

Клэр старалась не думать о прошлой ночи, чтобы не потерять самообладание. Ей было трудно сосредоточиться, когда она вспоминала его в одной рубашке, надетой так неряшливо, что оголилась шея и верхняя часть груди. Его взлохмаченные густые волосы, которые падали ему на лоб, разрушая образ неприступного человека, каким он пытался казаться. Вчера ночью он выглядел более земным, более простым и таким притягательным, что она не могла перестать смотреть на него.

Вот почему она не узнала его! Вернее, не могла понять, что в нем изменилось. Неожиданная встреча явила ей человека, который не был облачен в непоколебимую сдержанность, которая держала весь мир на расстоянии от него, и на короткое мгновение она увидела его настоящего. Того самого, кто ей так сильно понравился в музыкальной комнате его отца. Человека, которого она пожелала пригласить в дом своего дяди. Мужчину, который притягивал ее так сильно, что она не могла допустить и мысль о том, что больше не увидит его.

Вот в чем было дело, думала Клэр, глядя на нахмуренного мужа в карете.

Муж, который всё же ответил ей. Она боялась, до ужаса боялась того, что он вообще

ничего не скажет. Или того хуже, просто развернется и уйдет. Но он остался.

И это так много открыло. Открыло то, что продолжало потрясать ее.

Эрик не только не скрыл от нее того, что расспрашивал о ней, стремясь знать, что она любит. Глядя ему в глаза, пока ждала его ответа, Клэр ошеломленно поняла, что это было важно для него. Так важно, что он, возможно, расспрашивал даже ее мать.

Но даже это не так сильно потрясло ее.

Он заменил все цветы в соборе ландышами!

Удивительно, с какой бережливостью он поступил с ее маленькой тайной. Столь сложный человек, который почему-то пошел против всех, лишь бы в соборе были только ее любимые цветы.

Клэр не могла перестать смотреть на Эрика, пораженная тем, что узнавала о нем. Постепенно начинала хоть как-то понимать человека, за которого вышла замуж. Человека, которому она доверилась в прошлом, доверилась так безрассудно, а теперь убеждалась в том, что ее тайны действительно были в надежных руках. Он не предал ее секреты, не развеял их, как дым. Он сделал то, что придало им еще больший смысл.

Не в силах перестать думать о ландышах, которыми он заменил все цветы в соборе, Клэр так и не смогла вспомнить хоть бы одного случая, когда бы Клиффорд подарил ей ее любимые цветы, объясняя это тем, что она заслуживает лучшего. Другие не придавали особого значения ее любви к столь простым цветам, но не Эрик. Потому что он знал, почему она питает слабость именно к ландышам. И его попытка показать это не просто тронула ее. Это даже пугало, потому что в какой-то степени он знал тайны ее души. То, что она не показывала никому. Ей даже в голову не приходило рассказать о давней и такой важной статье в газете, которую увидела в детстве, Клиффорду, но Эрик...

Она почему-то вспомнила его слова, сказанные еще в тот день, когда он попросил ее руки. Когда он говорил, что найдет тысячу способов, чтобы сделать ее счастливой. От этих воспоминаний у нее сжималось сердце. Очень сильно, болезненно сжималось то, что всегда так остро реагировало на него. Реагировало даже тогда, когда она любила другого... Потому что до сих пор не встречала человека, который бы с такой поразительной решимостью воплощал свои обещания в реальность.

И вновь ей не должно было быть дела до этого, но Клэр не могла игнорировать значимость его признания. Она так отчаянно пыталась понять, с какой стати когда-то доверилась ему. Но теперь понимала, что уже тогда инстинктивно распознала в нем надежность, с которой могла бы положиться на него. И еще она увидела в его глазах то, что и позволило ей довериться ему.

Он смотрел на нее так, будто каждый ее секрет, каждая тайна, каждая мечта имели для него такое колоссальное значение, что он не отдал бы их никому.

Господи, о Господи!

И сегодня утром в карете он смотрел на нее почти так же, ошеломляя и ужасая одновременно, потому что, рассказав ему все свои тайны, она тем самым сделала себя совершенно беспомощной перед ним.

Тяжело вздохнув и повернув голову, Клэр выглянула в окно и тут же нашла взглядом Эрика, который ехал чуть впереди кареты, и, глядя на него, вновь ощутила мучительное раскаяние от того, что никогда не стремилась ранить или обидеть его. Но вся эта ситуация принесла им только раны и обиды.

Как она могла обидеть того, кого считала другом? Кого никогда не считала своим

врагом, что бы ни произошло. Логика диктовала ей поступать иначе, но она не могла... Даже сейчас она не могла ненавидеть его. Потому что не могла забыть то тепло и ощущение чего-то сокровенного, чем они невольно поделились тогда на прогулке.

А теперь ей приходилось сталкиваться с его собственными признаниями. Она не должна была испытать такого облегчения, но когда он сказал, что не считает ее врагом... Клэр с трудом удалось сдержать слезы, потому что только тогда поняла, как это было важно для нее.

Как нелогично: радоваться тому, что ты не враг для человека, который разрушил твою жизнь, и жизнь которого разрушила ты сама. Но факт оставался фактом. Клэр не собиралась забывать его слова. Она до ужаса боялась потерять их. Будто вместе с этим могла потерять и нечто ценное, что удерживало ее в этой жизни.

И снова прежде, чем выйти из кареты, Клэр успела заметить в его глазах ту самую боль, которую видела еще вчера ночью, и тогда в гостиной их городского дома, когда он просил ее стать его женой, и в парке тоже... То, что он так редко показывал, что казалось, всегда живет в нем. И впервые Клэр ужаснулась тому, что всю эту бездну боли возможно причинила ему она одна. Ей было не по себе, особенно после того, как он признался в том, что именно он выбирал ее завтрак и цветы в соборе.

Когда-то Клэр собиралась обвинить его во всем, что произошло, но теперь не нашла в себе силы осудить его за то, что он... За что она могла осудить его? Как она могла сделать это сейчас, когда, возможно, сама была виновата в его страданиях? Вина, которую она никогда не должна была обнаруживать в себе. Вина, которая легла тяжким грузом на сердце, ведь она в какой-то степени внушила ему надежды, пусть и напрасные, но именно это привело их к этим последствиям.

Он знал о ее сердечной привязанности, и всё равно женился на ней, а у нее не было выбора... Получался замкнутый круг, из которого они не могли выбраться.

Карета медленно катилась по выложенной булыжниками мостовой, въезжая в небольшой городок.

Клэр видела через окно кареты высокую гордую фигуру Эрика, восседавшую на коне, который неожиданно замер на дороге. Неприступный, как обычно, отчужденный, почти чужой. Когда он выглядел так, он действительно становился чужим, почти неузнаваемым, но постепенно Клэр стала понимать его. Теперь понимала, что, когда его начинали обуревать сильные чувства, он никого не подпускал к себе. Даже ее. Особенно ее.

Вся эта ситуация не могла не иметь последствий и для него. И впервые Клэр подумала о том, как всё это затрагивает его, как это отражается на нем. Господи, он ведь женился на ней! Не могло решение о разводе пройти для него без последствий!

Под полями шляпы были видны его густые черные волосы, которые падали ему на лоб, скрывая хмуро надвинутые складки между бровями. Губы были плотно сжаты, серо-голубые глаза пристально смотрели на дорогу. На нем был черный каррик, черный сюртук и белая рубашка, которая выглядывала из-под ворота сюртука, и белоснежный шейный платок, скрывающий его такой выразительный и необычный кадык. Клэр вздрогнула, с трудом отгоняя непрошенные мысли.

Рукой в кожаной перчатке он властно держал поводья, подчиняя своей воле коня, который послушно стоял, даже не подняв голову.

Клэр не зала, чего они ждут. Карета подкатила к нему так, что Клэр поравнялась с Эриком, а затем и они остановились.

Они стояли на широкой дороге Грентэм-роуд небольшого городка Слифорд, которая собиралась стать железнодорожным центром, связывающим север и юг.

И только тогда Клэр поняла причину их остановки. К ним приблизилось ландо с откидным верхом, управляемое умелым кучером. Старше Эрика лет на семь, крепкий коренастый мужчина с пассажирского места спрыгнул на тротуар и направился к нему, широко улыбаясь.

Эрик не сводил глаз с мужчины, будто знал его. И внезапно Клэр поняла, что это на самом деле так, когда мужчина заговорил.

— Я глазам своим не поверил, когда увидел тебя здесь! — воскликнул он изумленно, остановившись рядом с конем Эрика. — Это ты, Бедфорд?

Эрик нахмурился еще больше. Перекинув ногу поверх коня, он медленно спешился, но не шагнул к нему.

— Добрый вечер, Генри!

— Боже мой, — выдохнул Генри. — Это действительно ты!

Сказав это, он шагнул вперед. Прямо к Эрику, который тут же поднял руку.

Жест, который Клэр моментально узнала.

— Пстой! — Когда Генри остановился, Эрик быстро добавил, сделав шаг назад: — От меня... от меня неприятно пахнет. Я не хочу, чтобы твоя жена решила, будто ты побывал в сомнительных местах!

Клэр могла поклясться, что от него по-прежнему пахло сандалом и специями. И это никак нельзя было назвать плохим запахом.

Генри запрокинул голову и рассмеялся.

— Скажешь тоже, дружища! Моя жена не подумает об этом просто потому, что у нее нет на это причин.

— И все же... — непреклонно добавил Эрик.

Клэр изумленно смотрела на Эрика, не представляя, что у него есть друзья.

Друг, которого он запретил приблизиться к себе!

Генри покачал головой.

— Черт возьми, дружища, я не знал, что ты вернулся!

Клэр удивили его слова, но она не успела подумать об этом, потому что увидела, как мужчина снова шагнул к Эрику, позабыв его просьбу, но Эрик с какой-то пугающей решительностью вновь поднял руку и чуть резче велел:

— Генри, не подходи. От меня действительно несет навозом!

Клэр не могла перестать смотреть на него, впервые открыто видя то, как он запрещает другим приближаться к себе. Но не ей. Он сделал это лишь однажды, вечером перед их отъездом. До этого и после он спокойно мог подойти к ней, и так же позволял ей приближаться к себе. Когда только она осмеливалась. И вчерашняя ночь была тому явным доказательством.

А сейчас, глядя на эту картину, Клэр испытала настоящее беспокойство. Беспокойство от того, что это могло означать, потому что вспомнила, как даже его мать не осмелилась дотронуться до него кончиком своего веера. Почему? Почему даже его родные не приближались к нему? Почему они делали это так, будто понимали, что не следует этого делать, что он не позволит им этого?

Беспокойство Клэр могло бы усилиться, если бы ее внимание не отвлекли.

Озадаченно вскинув брови, Генри все же остался стоять на месте и быстро кивнул.

— Действительно... — Он не договорил, потому что, наконец, заметил ее и полностью обернулся к ней. — О, мой Бог! — простонал он потрясенно. — Кто она такая? Она... она с тобой?

Клэр вдруг почувствовала, как замирает сердце от того, что Эрик поворачивался к ней. Ей почему-то казалось, что она не сможет заглянуть ему в глаза. В глаза человека, для которого ее красота осталась почти незамеченной, — вдруг удрученно подумала Клэр.

И все же Клэр вздрогнула и замерла, когда он посмотрел на нее своими пронзительными серо-голубыми глазами.

— Это... Генри, позволь представить тебе мою жену, графиню Бедфорд. — Он не переставал смотреть на нее, когда добавил: — Клэр, этой мой хороший друг, член Парламента, Генри Хэндли.

Местный почетный житель города, Генри Хэндли (*реальная личность с реальными достижениями, описанными в книге — прим. автора*), который с этого года стал заседать в Парламенте от Южного округа Линкольншира, был большим сторонником парового двигателя. Он с завидным рвением развивал здесь железную дорогу, обещая дать Слиффорду сильную промышленность и новые рабочие места. Генри был весьма целеустремленным и многообещающим политиком, который действительно мог принести Слиффорду почёт и процветание.

Генри даже присвистнул.

— Я читал в газетах о твоей свадьбе, но не поверил этому... А теперь... О Боже, я так рад за тебя! — Он шагнул к карете и через опущенное стекло взял Клэр за руку. — Графиня Бедфорд, безмерно счастлив познакомиться с вами!

Клэр впервые слышала свое новое имя, которым Эрик обратился к ней, как и его друг. Будучи старшей дочерью маркиза, она привыкла к тому, что ее называли «моя леди», но не графиня. До этого дня она не до конца осознавала свое новое положение, а теперь...

Ее смутили и еще больше озадачили слова мистера Хэндли. Почему он смотрел на Эрика так, будто ни за что не подумал бы, что он может жениться?

И снова порывистый жест члена Парламента отвлек ее внимание.

— Рада знакомству с вами, мистер Хэндли, — проговорила Клэр так, чтобы голос ее не дрожал, а потом тепло улыбнулась ему. — Я не знала, что в таком отдаленном месте может жить член парламента.

— Вы очаровательны, миледи. — Опустив ее руку, Генри повернулся к Эрику. — Что занесло вас в наши края? Вот уж не думал увидеть тебя здесь, тем более с женой.

Эрик выпрямился и завел руки за спину. Его лицо, до этого непроницаемое, теперь стало почти каменным.

— Мы едем в Шотландию, а сюда заехали, чтобы переночевать в гостинице.

— Ни о какой гостинице не может быть и речи! Вы едете ко мне!

Эрик спокойно покачал головой.

— Это невозможно, друг мой. Я не хочу стеснять тебя, к тому же... Я обещал жене показать вашу местную достопримечательность: церковь Сен-Деву.

И снова Клэр удивленно посмотрела на него. Он отказывал другу в радушном приеме, это можно было воспринять за прямое оскорбление, и все же он отклонил его приглашение. Он не просто не подпустил друга к себе, он вообще сторонился людей! — вдруг изумленно поняла Клэр, вспоминая все те встречи, которые сталкивали их друг с другом. В доме своего отца, где давали концерт, он сидел в самой дальней комнате. И в парке они гуляли только

там, где было мало людей. На музыкальный вечер он пришел только потому, что его пригласила она. Тогда он ни с кем не общался, потанцевал только с ней и ушел.

Удивительно!

— О, — Генри выглядел разочарованным. — Я помню, как часто рассказывал тебе о нашей церкви. Но ты точно уверен, что не можешь?..

Эрик дипломатично оборвал его.

— Мы побудем здесь недолго и выедем рано утром. Поверь, я бы принял твое приглашение, если бы мы не торопились.

— Но ведь твоя свадьба была... — Он вдруг замолчал и красноречиво посмотрел на Эрика, а когда отошел от кареты, тише добавил: — У вас же медовый месяц! Черт побери, а я пристаю к тебе со своими приглашениями!

Прямота его друга несказанно смутила Клэр, которая покраснела до корней волос и отвернулась от окна, поэтому не заметила, как Эрик сжал челюсти.

— Благодарю, — голосом, лишенным всяких эмоций ответил он, не глядя на карету.

— Прости, если задерживаю тебя вдали от твоей очаровательной жены. Она самое милое создание, какое я когда-либо видел!

Эрик взялся за поводья своей лошади.

— Передай мои наилучшие пожелания своей супруге.

— Обязательно...

Генри хотел было шагнуть к нему, чтобы обнять напоследок, но Эрик вновь предостерегающе вскинул руку. Генри в ответ примирительно поднял свои руки.

— Запах навоза, помню-помню. — Генри улыбнулся и заговорщицки кивнул в сторону кареты. — Не забудь умыться, когда пойдешь к ней. Счастливого вам пути. Прощайте, миледи, — помахал он Клэр и удалился.

Однако Клэр не успела ответить ему. Вскинув голову, она увидела, с какой молниеносной скоростью Эрик вскочил в седло и промчался мимо кареты.

Он не взглянул на друга. Не взглянул даже на Клэр.

Когда они подъехали к постоялому двору «Маркиз Грэнби», там их уже ждали. Для Клэр приготовили большую красивую комнату, где был накрыт даже ужин. Клэр это не удивило, теперь уже не удивляло, потому что она знала, кто всё это делает.

Ее не удивило и то, что Эрик с такой же поспешностью исчез. Лишь бы не столкнуться с ней.

Ее удивила горечь, с которой она обнаружила его исчезновение. Горечь, которая оставалась с ней с самого утра после разговора с ним, усилилась и теперь так сильно давила на грудь, что ей стало даже больно.

Больно от того, что он скрылся даже после того, как признался, что они не враги.

Непростое состояние усилилось настолько, что сидя перед камином и глядя на свой почти королевский ужин, состоявший из густого супа с креветками, куриного рулета, лосося в соусе из красного вина и трюфелей, и клубничного суфле, Клэр поняла, что не может проглотить ни кусочка.

Она не хотела есть. У нее дрожали руки, и Клэр не могла понять, отчего. Оттого, что она вновь осталась одна на всем белом свете? Что жизнь загнала ее в такую мучительную ловушку, из которой не было выхода? Оттого, что человек, державший на расстоянии весь мир, но допускавший ее к себе, теперь и ее не подпускал к себе? Это не должно было заботить ее, но вся эта ситуация ранила ее настолько, что Клэр едва сдерживала слезы.

Резко встав с кресла и бросив на стол салфетку, она отошла к горевшему камину и, взглянув на огонь, обнаружила, что дрожит. Дрожит так, что даже огонь не может согреть ее.

Она не могла больше выносить этого. Холодного, почти пренебрежительного отношения к себе. Ее рассердило то, что Эрик заботился о ее завтраках, ужинах, комнатах, остановках, и один Бог знает, о чем еще, но вновь скрылся так, будто это все не имело значения.

Черт бы всё побрал! — в сердцах подумала Клэр, смахнув влагу со щеки, а потом развернулась и двинулась к двери.

Она не могла больше находиться в этом заточении. Не могла позволить, чтобы ее жизнь даже сейчас развалилась на части. Жизнь, с которой нужно было что-то делать. Немедленно. Иначе она просто сойдет с ума.

Выйдя в коридор, Клэр на мгновение застыла, вспомнив о том, что произошло вчера почти в таком же пустом коридоре. Но в «Маркизе» не было темно. Горели маленькие фонарики со свечами, аккуратно приделанные в стенах. Клэр побрела по коридору, спустилась вниз и, повернув направо от записной стойки, оказалась в большом зале, где, вероятно, проходила общая трапеза. В зале не было никого кроме четырех мужчин, которые сидели за столом и играли в карты.

Это были мистер Шоу, Алан Паркер, мистер Купер и их кучер мистер Уайт.

Едва они заметили ее, как тут же бросили карты и встали.

— Миледи? — заговорил Шоу, взволнованно нахмурившись. — Что-то случилось?

Клэр уже ненавидела этот вопрос, всем сердцем желая хоть на время позабыть всё то, что происходило. Она хотела бы сейчас не думать о своей жизни, об Эрике... Даже о Клиффорде!

— Можно... можно мне присоединиться к вам? — прошептала она, понимая, что поступает просто недопустимо, навязываясь собственным слугам, но кроме них у нее сейчас никого не было.

Мужчины удивленно переглянулись между собой, затем Шоу вновь посмотрел на нее.

— Вы хотите играть в... карты?

Вопрос Шоу уже должен был вразумить ее и давал ей шанс отказаться от сумасшедшей затеи, но Клэр не смогла удержаться, вспомнив пустую комнату, куда ей не хотелось возвращаться.

— Вы позволите?

Голос ее дрожал так, будто она умоляла. Умоляла своих слуг! Но она была в отчаянии.

И будто поняв это, Алан отошел в сторону и выдвинул ей свой стул.

— Конечно, миледи. Будем счастливы составить вам компанию.

От благодарности Клэр чуть не расплакалась, ощутив почти непереносимое облегчение. Ей давалась отсрочка, чтобы еще ненадолго отгородиться от своих проблем. От всего того, что непременно овладеет ею и причинит боль. Но только не сейчас. Сейчас она хотела небольшой передышки.

— Благодарю, — кивнула она и быстро присела, пока не передумала. Пока не передумали другие. — Вы очень любезны.

Мужчины сели за стол, сконфуженно глядя друг на друга и не представляя, что им делать.

Ситуацию спас молодой Алан, который собрал карты и повернулся к Клэр.

— Во что бы вы хотели сыграть?

И вновь его вопрос вызвал в душе такую мучительную благодарность, что Клэр с трудом поборол слезы.

— Во всё, что вы пожелаете сыграть со мной.

Алан улыбнулся ей.

— Тогда сыграем в простую мушку?

Клэр не смогла побороть улыбку, признательная за то, что он выбрал самую незамысловатую карточную игру, разновидность обычной мушки, только попроще, которая не заставляла напрягаться, думать или волноваться. Игра, в которую можно было играть от трех до семи человек, где сдачи, прикупы и розыгрыши были самыми незначительными. Клэр часто играла в мушку с сестрами, когда ездила домой в деревню или возвращалась обратно в Лондон. По дороге игра расслабляла и помогала отвлечься, а сейчас ей как раз нужно было именно это.

— Вам известно, что мушка пришла к нам из Франции, кажется, в XVI веке? — заговорил Алан, тасуя колоду и аккуратно сдавая каждому по очереди по пять карт. — Замечательная игра, вот только не помню, в каком году точно в Англии стали играть в эту игру.

Перед глазами внезапно встало хмурое, сосредоточенное лицо человека, который с удивительной легкостью мог назвать любую дату в истории. У Клэр почему-то сжалось сердце, когда она подумала об Эрике. Он мог бы назвать эту дату. И любую другую, какую можно было пожелать.

Но его не было рядом. И она пришла сюда как раз для того, чтобы не думать о нем.

Карты раздали, игра началась, но Клэр не могла избавиться от тяжести в груди, и когда на стол полноватая добродушная хозяйка маркиза поставила большие кружки с пивом, Клэр, не задумываясь потянулась к одной из них, чтобы проглотить ком в горле. Ей ужасно хотелось пить, поэтому она сделала достаточно большой глоток. Терпкий солодовый напиток прошелся по горлу и опустился в пустой желудок, внезапно согрев ее так, как не мог этого сделать даже огонь в камине.

Фишки, которые дали ей и которые стояли рядом, стали таять по мере того, как Клэр делала ставки, но ей было все равно. Пиво разморило ее, на короткое мгновение избавив от тяжелых мыслей, и так как она ничего не съела за ужином, быстро ударило ей в голову так, что она моментально опьянела.

Заметив это, Шоу быстро встал.

— Миледи, позвольте проводить вас наверх. Вам нужен отдых.

Его спокойный голос почему-то вывел Клэр из себя. Она никуда не хотела идти. И ни в чьей помощи не нуждалась. У нее кружилась голова, но она смогла взглянуть на Шоу снизу вверх.

— Н-не хочу!

— Но вам нельзя оставаться здесь. Уже поздно.

Ей было все равно.

— Н-не х-хочу... — прошептала она на этот раз тише, почти устало, а потом опустила голову на сложенные на столе руки. Ей вдруг стало так плохо, что даже сдвинуться с места не было больше сил. — Не хочу...

— Что это вы пристаёте к своей хозяйке? — раздался рядом голос хозяйки «Маркиза», миссис Бетани, которая строго посмотрела на Шоу. — Не видите, что она хочет оставаться

тут?

— Но ей нельзя сидеть здесь одной! Уже поздно! — повторил Шоу строгим голосом.

Однако это не смутило миссис Бетани. Она взглянула на сгорбленную фигуру своей гостьи, которая почти лежала на столе, и печально покачала головой.

— Идите, я присмотрю за ней, а потом помогу подняться к себе и лечь.

— Но...

— Идите, — мягко повторила она, качая головой. Давая понять, что это не то, что сейчас нужно молодой графине.

Предупреждающе посмотрев на хозяйку «Маркиза», мужчины послушно удалились, но у лестницы Шоу обернулся, чтобы убедиться, что с миледи ничего не произошло.

Клэр ничего этого не видела. Она даже ничего и не слышала, чувствуя, как прежнее отчаяние медленно завладевает ею. Еще и потому, что алкогольные пары расслабили ее, сделав совершенно беспомощной перед теми мыслями, от которых она пыталась убежать.

От которых так и не убежала.

Миссис Бетани опустила на стул рядом с Клэр и осторожно коснулась ее своей теплой рукой.

— Миледи, что с вами? — заговорила она тихим, проникновенным голосом. — Вам нехорошо? Я могу вам чем-то помочь?

Клэр застонала, почувствовав как горло перехватил мучительный спазм. Подняв голову, она заглянула в добрые карие глаза женщины, которая проявила к ней участия тогда, когда она больше всего на свете нуждалась в этом.

С тех пор, как Эрик попросил ее руки, у нее не осталось никого, с кем она могла бы поговорить, поделиться, попросить хоть о каком-то совете. Клэр больше не понимала, как ей поступить. Что ей теперь делать? Ее жизнь развалилась на части, а она даже не знала, нужно ли собрать осколки или это уже не поможет.

Эрик с пугающей решимостью увозил ее в Шотландию, навязав дорогу, которая отнимала последние силы.

Как он мог додуматься до развода? Развод ведь отразится на их семьях, не останется без огласки, особенно после столь поспешной свадьбы, которую они сыграли в присутствии множества людей, и еще больше усугубит ситуацию, как он этого не понимает! Как она могла покрыть позором Агату, Розалин и ни в чем не повинную Рейчел? Они были молоды, полны надежд, романтических иллюзий и таких больших ожиданий от жизни. Как она могла рисковать их счастьем? Как Эрик мог подумать о том, что это может быть приемлемо для нее?

И снова логика подсказывала ей, что всё это не должно волновать ее, ведь совсем скоро она окажется рядом с Клиффордом. Клэр должна была думать о нем и считать дни до встречи с ним. Но и этого не могла сделать, потому что даже мысли о Клиффорде уже не были способны утешить ее.

Человек, которого она любила, так и не вспомнил о ней и оставил в беде, а человек, от которого теперь зависела вся ее дальнейшая жизнь, решил избегать ее, особенно тогда, когда она призналась, что не считает его своим врагом. Даже после того, что он наделал.

На мгновение прикрыв веки, Клэр увидела серо-голубые глаза, наполненные болью. Глаза, которые смотрели на нее так, что у нее сжималось сердце. И оно сжималось даже сейчас, не позволяя ей дышать. Потому что даже в таком плачевном состоянии Клэр понимала, что никогда не желала причинить ему боль. Как она могла причинить боль тому,

кому доверила почти все свои секреты? Доверила секреты тому, за кого не собиралась замуж. Боже, где тут логика?

Она только не хотела, ужасно не хотела, чтобы он и дальше вёл себя с ней так отчужденно, не хотела, чтобы они продолжали вести себя друг с другом как чужие!

Ей было так плохо, что хотелось положить голову на стол и расплакаться.

Миссис Бетани осторожно сжала ей руку. Клэр медленно открыла глаза, пытаясь дышать. Пытаясь побороть подступившие к горлу слезы.

— Не переживайте, — сказала миссис Бетани с ласковой улыбкой. — Всё наладится.

Клэр покачала головой, а потом опустила взгляд на свои дрожащие пальцы.

— Не... не думаю... — едва слышно молвила она, ощущая почти невыносимую боль в груди.

Понимая, что не может поговорить даже с этой добрейшей женщиной.

— Вы поссорились с милордом? — Она почему-то посмотрела на входную дверь, а потом еще тише добавила: — Он у вас очень видный мужчина, путь и нос слегка кривоват, но...

Клэр так резко вскинула голову, что потемнело перед глазами, но нашла в себе достаточно сил, чтобы отдернуть руку и с глубоким возмущением посмотреть на женщину, которая посмела так нелестно отозваться о носе Эрика! Господи, кому она собиралась изливать душу?

— Вы что себ-бе позволяете! — с трудом заговорила она заплетающимся языком. — У Эрика... у него зам-мечательный нос!

Миссис Бетани внезапно побледнела и встала.

— П-простите, миледи, я не хотела! Простите... — Она посмотрела через плечо Клэр и побледнела еще больше. — Простите...

Она ушла, оставив разбитую и разгневанную Клэр одну. Клэр прикусила губу, понимая, что теперь еще и защищает человека, который бросил ее тут и куда-то ушел.

— Боже, — простонала она и, снова сложив руки на столе, положила на них голову.

Ей было так горько... Она уже не могла, на самом деле больше не могла выносить всё это. Клэр чувствовала себя такой уставшей, что почти разваливалась на части. Вновь застонав, она закрыла глаза и попыталась дышать, чтобы хоть как-то взять себя в руки.

Она была одна. Всегда была одна в борьбе за свою жизнь, свою судьбу. За будущее, которого уже не было. У нее вообще ничего не осталось. И никого не осталось: ни любящего отца, ни всё понимающей матери, ни близких сестер, которые могли бы понять и облегчить ее страдания.

Была лишь огромная, зияющая дыра в груди, которая причиняла такую ужасную боль, что сейчас она на самом деле разрыдается. И никогда не сможет остановиться...

Потому что единственный человек, который связывал ее с реальностью, и тот пожелал оставить ее, бросил тут совсем одну...

— Что ты здесь делаешь?

Раздавшийся рядом до боли знакомый мужской голос так сильно испугал ее, что Клэр чуть не свалилась со стула. Дрожа всем телом, она оперлась о стол и попыталась поднять голову.

Перед ней сидел Эрик. В своем черном одеянии, с взлохмаченными черными волосами, он пристально смотрел на нее. Так пристально, что на одно короткое мгновение ей показалось, будто все это ей снится. Не мог же он оказаться рядом в тот момент, когда она начала думать о нем? Но присмотревшись, поняла, что это не сон. Он на самом деле сидел за одним с ней столом.

Глаза его мерцали, но в них не было холода, осуждения или недовольства. Он смотрел так странно, так мягко, с такой затаенной болью, что внезапно запершило в горле. Клэр была так рада видеть его, даже не представляла, как отчаянно хотела, чтобы он вернулся, что действительно чуть было не расплакалась.

— Эрик? — прошептала она глухим надломленным голосом.

Он выпрямился на стуле, положив на стол свою красивую резную трость.

— Что ты здесь делаешь? — повторил он таким мягким голосом, что ей стало даже больно.

Больно оттого, что он делал вид, будто не было утреннего разговора. И его бегства сразу же после приезда в «Маркиз». Делал вид, будто они совсем чужие, хотя даже после всего случившегося не считал ее своим врагом.

— Я... — ей вдруг стало непросто смотреть ему в глаза, поэтому Клэр опустила голову. Ей было непросто вновь убеждаться в том, что он будет относиться к ней по-прежнему отчужденно, будет держать ее на дистанции. Это ранило ее, ужасно ранило. — Как ты здесь оказался?

— Ты не ответила на мой вопрос.

Она не могла. Боялась, что выдаст ему гораздо больше того, что было на сердце. Когда он смотрел на нее так, она... она ничего не могла утаить от него.

— Я сижу здесь, — снова прошептала она, почему-то задрожав.

— Почему? — спросил он терпеливо и стал ждать ответа, но когда этого не случилось, он вдруг подался вперед и накрыл ее руку, лежащую на столе, своей теплой ладонью. — Клэр, что случилось?

Клэр вздрогнула и на этот раз подняла голову. Потому что не ожидала, что он пожелает дотронуться до нее. Дотронется тогда, когда никого не подпускал к себе. Даже ее. Она посмотрела на красивую мужскую руку, лежащую на ее руке. Рука, которая останавливала так много людей, прикасалась сейчас к ней с такой осторожной нежностью, что стало почти невозможно дышать. Как он это делал? Как могло одно короткое прикосновение значить так много?

Осмелев, Клэр всё же заглянула ему в глаза, не в состоянии отказаться от его прикосновения. Она должна была, но не могла. Сейчас ей казалось, что если он уберет руку, она действительно упадет, упадет в беспросветную глубокую пропасть.

— Я... — она не знала, что сказать ему. Как сказать ему... В глазах его не было холода, не было отрешенности. Всё это время он так старательно избегал ее, а сейчас смотрел на нее так, будто важнее ее ничего не было на свете. В его глазах притаилась нежность и что-то

еще, от чего у нее защемило сердце. Даже сейчас она с ужасом осознавала, как важно было для нее, чтобы он смотрел на нее вот так... Клэр вдруг поняла, что если еще чуть дольше будет находиться рядом с ним, она не сможет сдержаться и действительно расплачется, потому что даже не думала, как ей важно, чтобы он вернулся. Поэтому медленно встала, чувствуя, как ее рука осторожно выскользывает из-под его ладони. Теплой, надежной ладони. — Я хочу уйти отсюда.

Эрик тоже поднялся.

— Клэр?

Он был сбит с толку, вероятно, не понимая, что происходит. А Клэр была слишком измучена, чтобы попытаться понять еще хоть что-то. Сейчас она отдала бы всё на свете, чтобы немного унять боль в своем сердце.

— Мне... м-мне нужно... хочу подняться к себе...

Она не договорила, потому что пошатнулась. Эрик в ту же секунду оказался рядом и придержал ее за руку.

— Клэр, — прошептал он в каком-то ужасе.

Подняв голову, она посмотрела на него. Посмотрела на удивительно красивое лицо, искаженное сильными чувствами. Но даже в таком состоянии он прикасался к ней. Делал то, что не позволял никому.

Господи, она должна была уйти, но не могла сдвинуться с места!

— Эрик, — в отчаянии прошептала она, почувствовав, как по щеке бежит слеза.

Глаза его потемнели, он вдруг глухо застонал, а потом... Потом нагнулся, подхватил ее на руки, и Клэр оказалась прижатой к его груди.

У нее что-то оборвалось внутри. Не было больше сил бороться, не было и желания бороться. Она и не хотела, Боже, она так устала от борьбы! Теплота, исходившая от Эрика, в ту же секунду окутала ее, заставив задрожать еще больше, на этот раз от того, что это согревало ее. Клэр ошеломленно смотрела на него, а потом страхи, сомнения куда-то исчезли. И даже боль... она не ушла совсем, да это было и невозможно, но теперь терзала ее не так сильно.

Клэр смотрела на человека, чье тепло и прикосновения помогли ей тогда, когда казалось уже ничего не может помочь. Ей помог человек, который разрушил ее жизнь, но сейчас обнимал ее так, будто собирался защитить ее от всего на свете.

Остался только Эрик, непостижимый человек, который подумал прийти и помочь ей. И почему-то этого оказалось достаточно. Сейчас ей было достаточно того, что когда она могла упасть, он удержал ее от падения. Как почти вечность назад в музыкальной комнате своего отца.

Это стоило гораздо больше того, что она уже потеряла, потому что он, будто поняв это, удержал от падения последнее, что у нее осталось.

Надежда. Надежда, что когда-нибудь всё наладится. Она не представляла, как это произойдет, но продолжала отчаянно в это верить.

Эрик и прежде поражал ее, а теперь... теперь он был так близко, так невероятно близко, что Клэр не смогла отказаться от этого. Чувствуя себя беззащитной перед миром, где был только Эрик, который не позволил ей упасть, она медленно обхватила его шею руками и положила голову ему на плечо, а потом закрыла глаза и замерла. И тут же почувствовала запах сандала и специй. Невероятно будоражащий запах, который обволакивал. И каким-то непостижимым образом позволил ей расслабиться, прогнав горечь и отчаяние.

У нее было такое ощущение, будто она оказалась в самом надежном в мире месте.

— Боже...

Не было понятно, кому принадлежит раздавшейся в тишине шепот. Но и это было неважно. Клэр не заметила, как ее одинокая слезинка скатилась по щеке и упала на его черный сюртук. Сейчас она не хотела думать ни о чем, кроме того, что он был рядом. Кроме того покоя, который он внушал ей.

— Клэр, — прохрипел Эрик с какой-то мучительной болью, зарывшись в ее душистые волосы. Крепко прижимая ее к себе, он тоже дрожал. И совсем не двигался. — Что ты здесь делала?

Ей вдруг стало так хорошо, так невероятно хорошо от его объятий, что еще одна слезинка прочертила ту же дорожку по щеке. И чем дольше он держал ее так, чем дольше обнимал, тем покойнее становилось у нее на душе. Боже, как давно она не ощущала покой! Оттого, что рядом есть тот, кто сможет удержать ее мир от падения. Кто готов был помочь тогда, когда этого не смог бы сделать никто... Она даже не думала, что его помощь будет ей так необходима. Что она может в этом так нуждаться.

— Я... я иг-гр-рала в карты, — прошептала Клэр, не открывая глаза.

Он еще теснее прижал ее к себе.

— Какие карты?

Она вдруг вспомнила слова Алана.

— Обычные... Мы играли в мушку. Игра... Ты знаешь, когда эта игра появилась в Англии?

Какое-то время не было слышно ничего. В тишине Клэр могла различить лишь его глубокое дыхание. Дыхание человека, которого ни за что бы не выбрала себе в мужа, но Эрик был единственным человеком, чье дыхание она слышала. И ощущала. До дрожи хорошо ощущала на своей щеке его теплое дыхание.

— Мушка... она появилась в 1660 году с реставрацией монархии.

Тихий, но уверенный ответ почти покорила ее тогда, когда у нее разрывалось сердце. Она повернула голову так, чтобы еще теснее прижаться к нему. Такому сильному, такому надежному. Он действительно был самым сильным и надежным из людей. Ее лицо упиралось ему в шею. Пряный аромат специй и сандала убаюкивал, внушая ей ощущение надежности, чего-то невероятно знакомого, родного...

Как давно она не ощущала этот запах!

— И ты знаешь, когда появились игральные карты? — тихо спросила она.

— Знаю, — вновь прошептал Эрик, не шелохнувшись.

Ей нравилось задавать вопросы, на которые ему так же нравилось отвечать. Клэр не могла перестать вжиматься в него, испытывая почти непреодолимое желание раствориться в его тепле. В том единственном, что могло сейчас отогреть ее.

— Прости, но я проиграла много денег... — сокрушенно покачала она головой.

Эрик судорожно вздохнул.

— Неважно.

Было такое ощущение, будто ничего уже на самом деле не важно. Как для нее, так и для него. Мир будто застыл, погрузив все вокруг в какую-то особенную тишину, от которой Клэр не могла оторваться. Как не могла оторваться от Эрика.

А потом почувствовала, как Эрик шагает. Идет куда-то. Ей было всё равно, куда он шел до тех пор, пока он прижимал ее к себе. Удивительно, как с его объятиями всё на свете стало

неважным и совсем ненужным. Сейчас имело значение только это. Совсем недавно Клэр казалось, будто она совершенно одна в этом мире, а теперь рядом оказался тот, кто восстановил равновесие ее мира.

Она вдруг подумала о том, что никто еще до Эрика не носил ее на руках. Она крепко обнимала его за шею, понимая, что готова жить так вечно, потому что боль отступила. Действительно ушла. На ее место пришло то, что пока не поддавалось объяснению, но этого сейчас тоже было достаточно.

Клэр обнимала его до тех пор, пока Эрик внезапно не отстранил ее от себя и не стал укладывать на что-то мягкое. Это перепугало Клэр. Ее охватила такая паника от того, что он может уйти и лишит ее своего тепла, что открыв глаза, она тут же схватила его за руку.

— Не уходи.

Она не могла понять, почему не может отпустить его, но действительно не могла позволить этому случиться.

Он осторожно присел рядом с ней, сжав ее руку.

— Клэр, что с тобой? Тебе нехорошо?

Его голос прозвучал с тем же беспокойством, которое отражалось на его красивом лице. Лицо, которое она не могла забыть. Как бы ни старалась. Лицо человека, который заставил ее выйти за него замуж против воли, а сейчас смотрел так, будто не позволит даже ветру коснуться ее.

Такой сложный, такой противоречивый человек. Были ли у него какие-то мечты, какая-то тайна, сокровенные воспоминания?

Такой невероятно красивый! Она не могла перестать смотреть на него, и внезапно, подняв руку, коснулась его лица. Сначала мягко провела пальцами по теплой щеке, будто бы заново знакомясь с ним, понимая, что никогда не касалась его, затем палец коснулся его губ. Таких мягких, почти как она запомнила. Губ, которые уже целовали ее. Губ, которые она не могла позабыть. Губ, которые больше не раздвигались в улыбке, заставляющей ее сердце замереть в груди. Она так хорошо помнила его улыбку! Улыбку, от которой ничего не осталось.

Клэр вдруг с горечью поняла, что он ни за что больше не улыбнется ей. Она сделала всё возможное, чтобы этого никогда не произошло.

— Клэр, что ты делаешь?

* * *

Эрик дрожал так сильно, что боялся пошевелиться. Под ее нежными, ласковыми пальцами он буквально таял, позволяя ей изучать свое лицо так, будто она никогда прежде не видела его.

Позволял ей делать то, что она никогда прежде и не делала. Что пожелала сделать по какой-то сумасшедшей причине.

Она не должна была этого делать! Господи, как теперь он это забудет? Как будет дальше делать вид, будто ничего не произошло? То, что происходило сейчас, разрывало его сердце на части, врезалось в сознание так крепко, что невозможно будет потом игнорировать произошедшее.

— У тебя есть мечта? — раздался ее тихий, озадаченный голос.

Когда она посмотрела на него, продолжая касаться его губ дрожащими пальцами, Эрик задохнулся от мучительного желания податься вперед и поцеловать ее. Господи, он никогда прежде никого не желал поцеловать так, как ее! Никогда не хотел коснуться никого так, как ее. Он умирал от боли ее будоражащего прикосновения и знал, что никогда не забудет этого. Что бы ни произошло.

— Мечта? — прошептал он, загипнотизированный ее взглядом, ее голосом. Ее прикосновениями.

Она убрала от его губ свои пальцы, но не отняла от лица. Эрик сидел перед ней, почти затаив дыхание, и не мог пошевелиться, когда ее пальцы дотронулись до его носа. Его разбитого носа.

Она снова заглянула ему в глаза. И Эрик внезапно увидел там отражение собственной боли. Похожее на безысходное желание, которое она еще не до конца осознала.

Боль, смешанная с глубоким отчаянием, сводящая с ума, пока он блуждал по темным улицам Слифорда в надежде хоть как-то вернуть себе самообладание. Стараясь быть как можно дальше от Клэр, которая сидела в карете и, пока он беседовал с Генри и предпринимал попытки удержать его на расстоянии, смотрела на него, Эрика, так, будто поняла всё то, что он пытался сделать. Она увидела слишком много. Слишком многое она могла понять, и, возможно, это насторожило или даже напугало ее, но она не могла понять всего. Это было невозможно, а Эрик никогда ничего не смог бы объяснить.

Он думал, что сможет держаться от нее подальше и сегодня, но ноги сами собой привели его обратно в «Маркиз». И будь все проклято, но он не мог оставить ее здесь одну. Еще и потому, что боялся, что ей ночью может что-то понадобиться, а его не будет рядом. Как он мог допустить это, зная, что ей может хоть что-то угрожать?

Измученный и невероятно уставший, он вернулся в гостиницу, но совершенно не ожидал увидеть Клэр такой, какой обнаружил почти лежавшую на столе в большом зале гостиницы «Маркиза».

Первым его желанием было отыскать своих слуг и избить их до полусмерти за то, что те посмели оставить ее одну. А потом он увидел рядом с ней хозяйку «Маркиза» и понял, что его ребята ни за что не оставили бы Клэр, если бы рядом с ней не было надежного человека. И всё же, рядом с ней должен был быть кто-то из своих.

Эрик наивно полагал, что оставив ее и лишив своего нежеланного общества, сделает то, что будет лучше для нее, но даже не предполагал, что добьется противоположного результата. Ему казалось, что Клэр непременно вздохнет с облегчением и, лишённая его притязаний, начнет думать о скором воссоединении со своим возлюбленным.

Вот только... она не считала минут, не думала о другом. Вместо этого, опьянев, она сидела у стола, положив голову на сложенные руки так, будто пыталась спрятаться от мира. Эрик был потрясен, увидев ее бледный, искаженный болью и страданиями профиль, а когда она посмотрела на него, когда одинокая слезинка упала на нежную щеку... Эрик понял, что больше не может сдержаться. Было выше его сил видеть ее такую и не попытаться утешить. Он обнял ее, поражаясь тому, с какой сокрушительной силой она продолжает действовать на него. Эрик дрожал, ощущая слабость во всем теле, поглощённый ею настолько, что не ожидал ответной реакции. А она, это волшебное видение, сперва сразила его невероятно печальным взглядом, а потом положила голову ему на плечо и прижалась к нему с такой доверчивостью, что сломила последние барьеры.

Это не укладывалось в голове, и все же она обнимала его. Обнимала так, будто не могла больше отпустить. Эрик не мог дышать, изумленный тем, что ее объятия, которых он не заслуживал, которые возможно возникли под воздействием алкоголя, всё же на короткое мгновение принесли утешение и ему. Обнимая ее так, как не обнимал почти вечность никого другого, Эрик с ужасом понимал, как сильно всё это время нуждался в ней и какими жалкими были его попытки бороться с собой. И она... она тоже обнимала его так, будто он сам был нужен ей. Даже после того, сколько горя он принес ей.

И это подтвердилось, когда она стала цепляться за него, не позволяя уходить, и говорила вещи, от которых у него разрывалось сердце.

— Да, мечты, — повторила Клэр, не переставая дотрагиваться до него. Делая его совершенно беспомощным перед силой своего прикосновения. Вновь заставляя его чувствовать то, что он и не надеялся ощутить. — Я бы хотела знать хоть одну твою мечту. У тебя есть мечта?

Боже, какие опасные вещи она говорит! Клэр даже понятия не имела о том, что ей опасно так смотреть на него, так дотрагиваться до него. Это... это была ошибка с ее стороны, потому что теперь он не мог отказаться от ее прикосновений, не смог бы этого забыть. Он даже не знал, что сможет дотронуться до кого-то еще, пока не встретил ее.

Эрик не мог дышать до тех пор, пока воздух не вышел из него скорбным шепотом:

— Есть.

Глаза ее потемнели. Клэр еще ближе подалась вперед.

— Какая? — молвила она жадно, будто готовая принять от него всё, что он пожелает дать ей.

У него закружилась голова. От того, что она продолжала делать.

— Ты знаешь... Я говорил тебе о ней.

Глаза ее ошеломленно расширились. Рука ее застыла на его носе.

— Да? Но... я бы такое запомнила. Такое нельзя забыть. — Она вдруг убрала от его лица свою руку, опустила голову и печально добавила: — Ты ведь не забыл мои...

Эрик потянулся к ней и, мягко взяв ее за подбородок, повернул ее лицо к себе, потрясенный тем, что она понимала это. Знала, что он украсил собор и посылал ей завтраки не просто так.

— Не забыл...

«Как я могу забыть такое?»

— А мне... почему мне не хочешь рассказать о своих?

Она смотрела на него с такой грустью, что запросто могла бы разбить ему сердце.

— Тебе нужно отдыхать. Ты устала.

Она медленно покачала головой.

— Пстой, — прошептала она, снова схватив его за руку так, будто боялась, что он уйдет.

Мог ли Эрик представить себе такое? Чтобы Клэр была не в состоянии отпустить его?

— Что тебя тревожит?

Вместо ответа она снова потянулась к нему. Эрик сидел перед ней, едва живой, когда она снова коснулась его щеки, а потом осторожно провела своими пальцами по его носу. С такой удивительной лаской, что он испытал почти невыносимое желание зарыться лицом ей в ладошку.

— У тебя замечательный нос. Тебе наверно было больно, когда он сломался?

Эрик не мог перестать смотреть на нее, вспомнив ее слова, сказанные хозяйке «Маркиза», когда он приближался тогда к ней. Когда его пьяная жена подумала защитить его нос! Подумала сделать то, что никогда не должна была делать!

— Больно? — едва дыша молвил он. — Я... я не помню...

— Нав-верняка, было больно, — говорила она тем самым тягучим голосом, вызывая столь сокровенные и далекие воспоминания. — Я помню, как тебе было неп-приятно вспоминать об этом. Думаю, тебе следует запомнить что-то приятное, чтобы сгладить неприятное.

О Господи! Она помнила их разговор на прогулке! Помнила, о чем они говорили! Сохранила эти воспоминания и пронесла через всю ту боль, которую он заставил её испытать.

— О чем ты говоришь?

— Тебе ведь приходилось чихать в ту пору? Это было... Наверняка было больно. Но и забавно... Признайся, разве я не права?

Эрик внезапно вспомнил, как действительно чихал, пока заживал его нос. И мало того, что это было больно. Он всегда полагал, что это самое худшее наказание в его жизни. И самое забавное!

Пугающая нежность сжимала ему сердце, пока он смотрел на свою жену. И внезапно понял, что напуган. Напуган почти до смерти тем, что позволил себе остаться рядом с ней. И снова увидеть ту самую Клэр, которая играла на рояле его отца. Которая гуляла с ним в парке, танцевала на вечере своего дяди... Клэр, к которой он мог бы привязаться еще больше.

Клэр, которую у него не было сил отпустить. Даже сейчас.

— Кажется, ты права, — сделав над собой усилие, произнес Эрик, ощущая поглаживания ее пальчиков. Мысленно умоляя ее не убирать от себя руку, которая заставляла его сердце биться так, как оно никогда прежде не билось. И никогда не забьется вновь, когда она уйдет. — Это было очень забавно.

Она подалась еще чуточку ближе. Так, что от ее близости мурашки побежали по спине. Ее лицо оказалось так мучительно близко, что он видел даже золотистые крапинки в ее волшебных темно-золотистых глазах. А еще, он не мог перестать смотреть на слегка раскрытые губы, которых мечтал коснуться еще хоть бы раз. Губы, которые никогда добровольно не прижмутся к нему.

— У тебя замечательный нос, — пробормотала она, пристально глядя на него. — Самый необычный нос самого необычного человека.

Она даже не представляла, что сидела перед ним и спокойно переворачивала ему всю душу своими словами, одним своим прикосновением...

— Клэр, — прошептал он, умирая от желания обнять ее, прижать к себе и забыть о том, что она не принадлежит ему.

И словно всего этого было мало, она вдруг взяла его лицо в свои ладони.

— Эрик? — прошептала она, словно бы хотела что-то сказать ему. Что-то важное.

— Да? — молвил он, задыхаясь.

Она закрыла глаза и привалилась к нему свои лбом. Эрик так хорошо чувствовал ее, чувствовал запах ландышей и пачули, ее теплое дыхание, что задрожал вновь.

— Эрик... Эрик... — бормотала она, так ничего и не сказав, только лишь обжигая его своим теплым дыханием.

Было выше сил сдерживать себя. Эрик обнял ее за худенькие плечи свободной рукой, притянул к своей груди, в которой буквально все переворачивалось вверх дном, и держал ее так до тех пор, пока не понял, что она засыпает. Уставшая и истощенная. Он должен был отпустить ее, ведь она нуждалась в отдыхе. И все же он не мог побороть панику от того, что если это сделает, мир снова обрушится на него.

— Тебе... тебе нужно спать, — прошептал он больше для себя, чем для нее, а потом с величайшей осторожностью опустил ее на подушки. Она легла с закрытыми глазами и было понятно, что она уже спит. — Клэр...

Высвободив руку из-под ее головы, он не удержался и, погладив нежную кожу ее щеки, осторожно заправил за ушко шелковистую прядь золотистых волос. Она даже не пошевелилась. Его жена. На одно кроткое мгновение ему было позволено обнять ее и прижать к своей груди. Она сама прильнула к нему так, что он поверил, будто на одну короткую вечность она принадлежала ему. Будто он был нужен ей...

Ее удивительная красота сочеталась с удивительной красотой души, которые в итоге и сокрушили его. Настолько, что он уже не представлял, что будет делать без нее. Без того, что заставляла его чувствовать Клэр.

— Почему ты женился на мне? — внезапно раздался ее хриплый голос. — Почему хочешь отдать другому?

Она никогда не поймет. И не захочет понять, почему он женился на ней.

И уж тем более, почему он хотел отдать ее другому. Он не хотел, но должен был, потому что у него не было выбора. Как однажды без выбора он оставил ее.

Эрик снова погладил ее по щеке. На этот раз она пошевелилась и, не открывая глаза, повернула лицо в сторону его руки, будто ища его. Эрик не мог больше сидеть рядом с ней.

Его чувства к ней перерастали в нечто иное, опасное, такое глубокое, что нельзя будет потом отпустить. То, как его тянуло к ней, влечение, которое он запрещал себе испытывать к ней, усиливалось настолько, что в самый неожиданный момент могло поглотить его. И воскресить прежние кошмары. Чего он боялся больше всего на свете.

Тяжело дыша, он встал, чтобы укрыть ее одеялом. А потом потрясенно застыл, когда увидел ее левую руку. Руку, которую прежде никогда не замечал, поэтому не замечал того, что было на ней.

Его обручальное кольцо!

Кольцо, которое со слезами на глазах дала ему мать в тот же вечер, когда он приехал сообщить им, что собирается жениться на дочери маркиза Куинсберри. Это было фамильное кольцо рода Уортонов, всех герцогов Рочестерских, которое передавалось из поколения в поколение. Кольцо было отдано его бабушке матерью его деда, когда тот женился. Бабушка хранила кольцо до тех пор, пока не передала кольцо своему сыну, отцу Эрика, когда тот собрался жениться. Лидия берегла кольцо до того дня, когда смогла отдать его своему старшему сыну, своему первенцу. И Эрик догадывался, что на самом деле испытывала его мать, когда вручила ему это кольцо. Особенно после всего, что произошло с ним.

Красивое золотое кольцо с аккуратным бриллиантом по центру, обрамленным двенадцатью мелкими рубинами, камнями судьбы, камнями монархии. Рубин, который достался основателю их рода от самого Черного Принца Эдуарда, когда принц за помощь королю Кастилии получил в качестве вознаграждения особенный рубин. Рубин, который был вставлен в Корону Британской Империи. По преданию считалось, что был один рубин, но их было два. Второй долго хранился в резиденции всех предков Эрика, где сейчас жил его дед,

герцог Рочестерский, пока однажды во время ограбления рубин не раскололся. Тогда останки аккуратно распилили на двенадцать частей и вставили в фамильное кольцо.

Кольцо, которое теперь носила Клэр!

Он не мог поверить своим глазам. Переведя ошеломленный взгляд на спавшую Клэр, Эрик всё смотрел на нее, чувствуя, как сердце переворачивается в груди. На самом деле переворачивается.

Он даже не смел надеяться, что она сохранила кольцо, не говоря уже о том, чтобы носить его. Она с такой болью говорила о своих мечтах, которые отдала ему, которые, как она считала, он предал и разбил. А теперь оказалось, что она сама с какой-то пугающей бережливостью отнеслась к его кольцу, которое ей следовало выбросить еще в день свадьбы. Проявила уважение тогда, когда он этого не заслуживал, когда разрушил ее жизнь, разлучив с возлюбленным.

Она носила его кольцо, а сегодня хваталась за него так, будто боялась, что он исчезнет. Касалась его и спрашивала о мечтах, не понимая, что это на самом деле означало для него.

Эрик был напуган больше, чем мог себе представить.

... Солнце буквально ослепляло. Поморщившись, девушка подняла руку выше, чтобы разглядеть стоявшего недалеко от нее молодого человека. Приятный теплый ветер ласкал кожу, даруя прохладу, но от взгляда карих глаз мужчины, глядящих прямо на нее, становилось жарко и как-то по-особенному волнительно. Не хотелось лишаться этого сладкого томления, подумала девушка, шагая к нему с учащенным сердцебиением. Она хотела как можно скорее оказаться рядом с ним, поэтому прибавила шаг.

И не заметила камушка, который попался под туфельку. Она поскользнулась и упала. Так, что больно приземлилась на мягкое место. Задохнувшись от неожиданности, какое-то время она не могла даже пошевелиться. Сердце замерло на мгновение, но постепенно девушка смогла прийти в себя и открыть глаза. И увидела в нескольких шагах его.

Карие глаза озорно смотрели на нее.

— Что ты там ищешь, радость моя? — раздался его веселый голос.

Ей не было весело от этого падения. У нее болела спина и то самое место, на которое она так неуклюже приземлилась.

— Помоги мне подняться, — попросила она, морщась от боли.

— А что мне будет за это?

Карие глаза светились лукавством, почти, как она любила.

— Ты не станешь помогать мне, если взамен не получишь ничего?

Он улыбнулся.

— Признаться, такая мысль приходила мне в голову. Но ведь я должен быть вознагражден за спасение дамы. Что мне за это будет?

Он желал поцелуя, которым она еще не одарила его сегодня. Это было более, чем очевидно, и он шутил, но ей почему-то не стало от этого легче. Понимая, что у нее не было выбора, девушка опустила голову и тихо проговорила:

— Ты знаешь.

Утешением ей служило то, что в столь ранний час в Гайд-парке не было почти никого, кто мог бы увидеть это позорное падение.

Молодой человек с карими глазами шагнул к ней и, оказавшись прямо напротив, склонился и медленно протянул ей свою руку.

— Тогда, к вашим услугам...

Девушка встала и последовала за ним, но былой радости она больше не испытывала...

Как и желания поцеловать его...

* * *

Странный сон разбудил Клэр, хотя она и не хотела просыпаться. С какой стати ей приснилось это? Приснился Клиффорд... У нее было такое ощущение, будто в последнее время она стала забывать его, и вот сегодня она увидела его во сне. Будто провидение хотело напомнить ей о нем. Или напомнить о том случае... Напомнить тот день, когда он должен был помочь ей. Помог, но попросил что-то взамен. Всегда просил за все свои поступки, даже

если это было что-то незначительное.

Просил тогда, когда другой на его месте даже словом бы не обмолвился. Она вспомнила Эрика, который не позволил ей упасть в доме своего отца, когда подарил ей цветы на прогулке в Гайд-парке, когда посылал ей ее любимые завтраки и украсил ландышами собор... Он никогда не просил что-то взамен. Клэр было трудно представить себе, чтобы Эрик поступил расчетливо.

Он... Он делал всё совсем иначе. И это... почему-то это казалось правильным. От того и важным и таким значимым. И искренним.

Клэр не хотела просыпаться. В последнее время она могла встать только после того, как ее будили. В последнее время она так мало спала, а сегодня...

Ее никто не разбудил! Никто не пришёл за ней, чтобы разбудить и помочь собраться в дорогу. Значит, она опоздала...

Клэр резко открыла глаза и присела на кровати.

Господи!

Почему никого не послали за ней, почему?.. Ей было тяжело думать, тяжело вспоминать, потому что резкая головная боль тут же отрезвила ее, вернув в реальность. Приложив руку ко лбу, Клэр застонала, ощутив еще и неприятно горький привкус во рту. Она не могла понять, что с ней такое. Что произошло?

Дверь ее комнаты отворилась, и Клэр, опустив руку, увидела хозяйку «Маркиза», которая с подносом двинулась к небольшому столику, стоявшему перед камином.

— Добрый день, миледи. Как спалось?

— День? — ошеломленно простонала Клэр, медленно повернув голову к окну. — Боже, который сейчас час?

В ясном небе светило яркое солнце. И ветер лишь трепал листья на деревьях, видневшихся за окном, а не пытался с яростью сорвать их, как все предыдущие дни. И беззаботные маленькие птички... Они звонко щебетали под окном почти как в давние времена. Вот что, вероятно, и разбудило ее, думала потрясенная Клэр, вновь взглянув на миссис Бетани, которая поставив поднос на стол, повернулась к ней.

— Сейчас полдень, миледи.

Клэр снова застонала, борясь с головной болью, которая мешала думать.

— О Боже, я опаздываю!

Сказав это, она спустила ноги с кровати с намерением встать, но голова закружилась так, что она упала обратно на кровать.

Увидев это, миссис Бетани тут же направилась к ней.

— Куда вы спешите?

— Мы должны были выехать в семь утра. — Она вдруг резко посмотрела на миссис Бетани. — Где все?

— Если вы имеете в виду вашего мужа, то он внизу, читает газету.

Клэр застыла с еще большим потрясением.

— Газету?

Она не понимала, что происходит. Что все это значит? А как же их график? Как же... ее ошеломлённый взгляд остановился на себе, и только тогда Клэр обнаружила, что сидит в ночной рубашке. И совершенно не помнит, как готовилась ко сну.

— Как я переделась? — спросила она едва слышно.

Остановившись возле кровати, миссис Бетани мягко улыбнулась ей.

— Я помогла, миледи, когда ваш муж попросил об этом. Вы не помните?

И внезапно на нее нахлынул калейдоскоп воспоминаний. Как она, беспокойно меря шагами свою комнату, пошла искать хоть кого-то, чтобы отвлечься. Господи, вчера она играла в карты и пила пиво вместе со своими слугами! Самый позорный поступок в жизни молодой графини! Какой ужас! Что она наделала? Что теперь о ней подумают ее слуги?

Что о ней подумает Эрик?

Это почему-то так сильно напугало ее, что она опустила руку.

— Боже мой... — с сокрушительным раскаянием пробормотала она, закрыв глаза.

Потому что вспомнила, как прижималась к его груди, когда он так неожиданно появился в большом зале «Маркиза».

Она помнила, как крепко он обнимал ее. Так крепко, что она чувствовала запах сандалового дерева и специй. Его запах. Такой терпкий, такой... почти неповторимый. До сих пор чувствовала. И чувствовала силу его рук, его плеч... Его всего...

Это так сильно потрясло ее, что у нее задрожали руки. И сердце забилось так быстро, что было трудно дышать.

Клэр отчаянно пыталась вспомнить, что говорила ему вчера и как оказалась в своей комнате, но всё это было подернуто такой густой дымкой, что она ничего не помнила. Боже, что произошло вчера?

— Миледи, вам нехорошо? — раздался обеспокоенный голос миссис Бетани.

Нехорошо?

Клэр уже не знала, что и думать. Она напилась вчера самым непростительным образом, играла в карты со своими слугами и проиграла много денег. Ей было так стыдно! Но Эрик... Он не подумал отругать ее за это. И даже попросил миссис Бетани переодеть ее, потому что, вероятно, она была не в состоянии сделать это сама. Проявил к ней снисхождение тогда, когда мог вполне заслуженно отчитать.

Всё, что Клэр могла вспомнить сейчас, были его объятия, удивительно будоражащий запах и тепло его тела. Тепло, которое не покидало ее до сих пор. От которого было как-то непривычно волнительно на душе. И одновременно спокойно. Вчера разрываемая болью и сомнениями, теперь никакой горечи Клэр не ощущала. Это и пугало. Больше всего на свете, потому что стало очевидно, что вчера что-то произошло. Нечто большее, чем простые объятия. Объятия, в которых она так отчаянно нуждалась. Будто одно его объятие было способно помочь ей больше, чем любые слова утешения.

Клэр судорожно покачала головой, не в силах произнести ни слова.

— Хотите, я помогу вам переодеться?

Да, она хотела одеться, чтобы хоть так почувствовать себя защищенной. От того, что ждало ее в этот необычайно солнечный, яркий день.

Когда Клэр кивнула, миссис Бетани вновь улыбнулась.

— Нужно одеться и приступить к завтраку, иначе ваш горячий шоколад может остыть.

Она вскинула голову, ощущая, как нечто совершенно неожиданно заставляет сердце щемить в груди. Это было... Она не ожидала этого после того, что произошло вчера. Она вела себя недопустимо и проспала всё утро, а Эрик вместо того, чтобы рассердиться на нее, вновь посылал ей ее любимый завтрак.

Как такое возможно?

— А клубничный джем вы тоже принесли? — вдруг тихо спросила она, почувствовав, как теплеет на душе.

Миссис Бетани тут же кивнула.

— Да, мидели.

Он ведь знал, как сильно она любила этот завтрак. И даже несмотря на то, что она вытворяла ночью, послал ей ее любимый клубничный джем. Это тронуло ее до глубины души.

Не в состоянии побороть себя, Клэр задала еще один вопрос:

— И яйца пашот?

— Да. И жареный бекон...

— И мягкие тосты, — добавила Клэр потрясенно, а потом снова взглянула на миссис Бетани. — А как я оказалась здесь?

Улыбка миссис Бетани стала мягкой, почти пугающе понимающей.

— Вы не могли стоять на ногах. — Это она хорошо помнила. — И ваш муж принес вас сюда.

Так вот почему он обнимал ее вчера. Клэр внезапно вспомнила, как чуть было не упала. А Эрик тотчас же подхватил ее, не позволив упасть.

В очередной раз, — почему-то с болью подумала она.

Он ведь ушел из «Маркиза», лишь был не столкнулся с ней, но по какой-то причине вернулся. Клэр вспомнила и облегчение, перемешанное с радостью, когда увидела его в зале «Маркиза». Он всё же вернулся, не позволил ей упасть и принёс в её комнату. Он позаботился о ней тогда, когда другой на его месте отчитал бы ее и оставил бы там внизу в качестве наказания.

Его поступки... Они были нелогичными, противоречивыми и... и пугали, потому что Клэр не могла их игнорировать, не могла позабыть, испытывая нескончаемую благодарность к нему. И что-то еще, чему не могла пока дать название. Она отчаянно старалась понять Эрика, но это было практически невозможно сделать. То он делал вид, будто ее вовсе не существует, а то прижимал к себе так, будто отпустить не мог...

Клэр медленно встала, продолжая ощущать дрожь в коленях.

— Помогите мне, — пробормотала она в смятении.

Она действительно была в смятении. Еще и потому, что не понимала, как теперь встретиться с Эриком. Ей казалось, что она сгорит от смущения...

А может быть, ее вело другое чувство?

* * *

Головокружение прошло, и благодаря вкусному завтраку и клубничному джему, горький привкус во рту тоже исчез. Ей стало лучше физически, но было беспокойно на душе.

Через час, позавтракав и одевшись в один из своих легких простых нарядов из синего шелка с овальным вырезом и не с такими пышными юбками и рукавами, Клэр спустилась вниз, чувствуя гулкие удары своего сердца. Потому что ожидала немедля столкнуться с Эриком. Ей почему-то казалось, что сегодня он будет ждать ее. Она одновременно ждала и боялась этой встречи. Еще и потому, что не знала, что сказать ему.

Поправив свою кашемировую шаль и соломенную шляпку с синими лентами, Клэр почти замерла у дверей большого зала, боясь обнаружить там Эрика. На одно короткое

мгновение ей показалось, что сердце от волнения выскочит из груди.

Зал оказался пустым. Там никого не было.

Клэр не могла понять, принесло ли это ей облегчение, но радости она тоже не испытала. Вздохнув, она направилась к двери и вышла на улицу. Где так же никого не оказалось. Не было видно даже их кареты.

Удивительно, хоть кто-то готовился к их отъезду, или они собирались остаться здесь навсегда?

День и впрямь выдался чудесным. Таким неприлично теплым и светлым, как будто всё самое страшное осталось позади. Но, разумеется, это было не так. Тяжесть в груди осталась. Она никуда не исчезла, вот только на этот раз она не сводила с ума, не парализовала как прежде. Теперь Клэр казалось, что она может с ней справиться. Будто бы у нее появилось некое оружие против боли и отчаяния.

Будто бы своими объятиями Эрик вчера забрал себе часть этой тяжести.

Вдохнув свежий дневной воздух, Клэр прикрыла глаза, пытаясь пропитаться царившей вокруг тишиной и покоем.

А потом тишину нарушил детский плач.

Открыв глаза, Клэр прислушалась. Плач раздавался совсем рядом. Ребенок плакал где-то очень близко.

Не думая ни секунды, Клэр шагнула налево и, обогнув небольшое здание «Маркиза», оказалась во внутреннем дворике. Где росла большая раскидистая ива с тонкими, сочно-зелеными листьями. К своему удивлению Клэр обнаружила под деревом плачущую девочку. Малышке могло быть четыре-пять лет, не больше. На ней было милое платьице желтого цвета, расшитое цветами. Золотистые волосы разделенные на аккуратный пробор и заплетенные в две очаровательные косички. Милое лицо было искажено.

Вид страдающей девочки так сильно тронул Клэр, что она тут же шагнула к ней.

— Добрый день, моя милая. Что произошло? Кто тебя так обидел?

Малышка вздрогнула и повернулась к ней. Глаза ее были полны слез, но взгляд с опаской смотрел на незваную гостью. Клэр остановилась в нескольких шагах и улыбнулась, не желая пугать бедного ребенка.

— Всё хорошо, я не обижу тебя. Что с тобой случилось?

Малышка опустила голову и снова заплакала. На этот раз Клэр шагнула ближе и присела на корточки прямо перед ней.

— Почему ты плачешь? Я могу тебя чем-то помочь?

Девочка горько покачала головой.

— Ты уверена? — Клэр отчаянно пыталась придумать, как предложить помощь этому несчастному созданию. — Знаешь, я ведь графиня, а мой отец очень влиятельный маркиз. Неужели, никто из нас не сможет помочь тебе?

Девочка снова так же горестно покачала головой. Клэр всё смотрела на малышку, понимая, что теперь было делом чести помочь ей. Неужели даже влиятельные связи не могли пригодиться в столь нужный момент?

Осторожно коснувшись нежной щеки, она вытерла слезы и подняла голову девочки так, чтобы заглянуть ей в глаза.

— Давай для начала ты расскажешь мне, что произошло, а потом я обязательно придумаю, как помочь тебе, хорошо? Как тебя зовут?

— Анна, миледи, — шепнул тоненький детский голосок.

Сердце Клэр дрогнуло.

— Анна... Расскажи мне, кто тебя обидел?

Девочка снова опустила голову.

— Никто.

— Никто? — Клэр удивленно приподняла брови. — Тогда почему ты плачешь?

Девочка подняла руку и маленьким пальчиком указала... прямо в небо!

Клэр была в замешательстве.

— Небо?.. — Она старалась понять, что это могло означать. — Ты... тебя испугала недавняя гроза?

Девочка в очередной раз покачала головой. Клэр вздохнула и сдалась, признавая, что бессильна против детской логики.

— Тогда что же?

— Посмотрите туда, — прошептала Анна.

Клэр запрокинула голову, но кроме кроны дерева и голубого неба ничего не увидела.

— Я не понимаю, Анна, что это?.. — Она не договорила, потому что, вероятно потеряв терпение, девочка взяла своими маленькими ладошками ее лицо и повернула голову Клэр так, чтобы она увидела. — О, — прошептала Клэр, заметив, наконец, маленького котенка, съездившегося на очень высокой ветке на самом верху дерева. — Как она взобралась туда?

Девочка отпустила Клэр и снова захныкала.

— Мы играли, а потом Дори убежала и залезла на дерево. Как я теперь сниму ее оттуда? Она не хочет спускаться, — горестно добавила она и снова заплакала.

Клэр сделала глубокий вдох и на мгновение закрыла глаза. Потому что впервые за очень долгое время могла самостоятельно принять участие в спасение заблудшей души. Впервые со дня замужества ей представилась возможность хоть что-то решить самостоятельно. К ней вернулась былая уверенность и способность управлять своей жизнью, не завися ни от кого.

Даже от своего мужа.

Ощувив небывалый прилив сил и энтузиазма, Клэр торжественно объявила:

— Я же говорила, что обязательно придумаю, как помочь тебе!

Девочка даже перестала плакать, когда с негодованием посмотрела на Клэр.

— Как графиня может помочь мне в таком деле? Разве им позволено это?

— Видишь ли, моя милая, перед тобой не просто графиня. — Она снова взглянула на дерево и съездившегося котенка на верхней ветке, а потом заглянула в глаза Анны. — Я не говорила тебе, что в детстве я обожала лазить по деревьям?

После этих слов почему-то перед глазами возникло изумленное лицо Эрика, когда на музыкальном вечере она раскрыла ему еще одну из своих тайн. Призналась в том, о чем не знал даже Клиффорд. Особенно он. А Эрик знал. То самое странное чувство, от которого щемило в груди еще там в ее комнате, тут же нахлынуло на нее, заставив гулко биться сердце. У Клэр было такое ощущение, будто она уже не может думать ни о чем без того, чтобы не вспоминать своего мужа.

«Запомню на случай, если на дерево вздумает залезть несчастный кот. Боюсь, тогда без помощи профессионала нам не обойтись».

Клэр почему-то захотелось улыбнуться. Впервые с тех пор, как он попросили ее руки. Еще и потому, что сейчас ей как раз представился случай доказать и Эрику, и тем более себе, что она всё еще на что-то способна.

Слезы девочки почти высохли.

— Правда? — с такой надеждой спросила она, что вновь дрогнуло сердце.

Клэр потрепала девочку по голове и встала.

— Ну конечно, моя милая! И, чтобы доказать это, я сейчас же помогу твоей Дори вернуться к тебе.

Взгляд девочки стал скептическим.

— Вы уверены, что сможете? Там так высоко... — Она взглянула на насыщенно синего цвета с короткими рукавами наряд Клэр и добавила. — У вас такое красивое платье. Вы не боитесь испортить его?

— Если я помогу тебе, это будет стоить того! — с воодушевлением проговорила Клэр, стягивая с плеч шаль, и вручая ее Анне, затем развязала ленты шляпы и, сняв ее, так же вручила девочке. — Подержи пока мои вещи, хорошо? — Вздохнув, Клэр решительно шагнула к дереву. — Кроме того, ты должна знать, что никогда нельзя сомневаться в способностях графини, особенно в моих.

Подойдя к толстому стволу дерева, Клэр прикинула, как ей лучше осуществить задуманное. И как действительно залезть на дерево в платье. Она не лазила на деревья с тех пор, как ей исполнилось восемь. Не такое уж и большое достижение, чтобы хвастать этим перед другими, особенно перед Эриком. Клэр вдруг поежилась, вспомнив, что выдала ему даже свою детскую кличку! Господи, вероятно тогда он подумал, что она сумасшедшая. Сумасшедшая, на которой он потом захотел жениться. И женился...

Боже, она должна была сосредоточиться на том, что собиралась сделать, а вовсе не думать об Эрике! Анне нужна была помощь, и слава небесам, что Клэр до сих пор помнила, как иногда в детстве лазила на дерево. Нужно было ухватиться за надежную ветку, и поставить ногу на другую такую же прочную. И повторить это до тех пор, пока не доберешься до вершины. Она почему-то не могла вспомнить, как потом спускалась, но сейчас это было неважно.

Сделав глубокий вдох и собравшись с духом, Клэр приподняла подол платья и, взявшись за ближайшую ветку, потянулась наверх.

Прикладывая невероятные усилия, и с трудом дыша, она вскоре взобралась на необходимую надежную ветку. Крепко держась за толстый шероховатый ствол, Клэр обернулась, чтобы увидеть, где находится, и чуть было не упала, когда ощутила легкое головокружение. Три метра — не шутки!

— Господи... — простонала она, на секунду закрыв глаза. — У меня ведь раньше не кружилась голова. — Сделав пару глубоких вдохов, она попыталась взять себя в руки и снова посмотрела перед собой. — Это же не так сложно, Клэр! — бормотала она, подбадривая себя. — Еще немного, и ты доберешься до несчастного котенка. Думай о том, сколько радости доставишь бедной Анне.

Словно бы почувствовав ее волнение, девочка крикнула ей вслед.

— Миледи, вы точно уверены, что справитесь? Может, не нужно? Вы такая красивая, я не хочу, чтобы вы упали и ушиблись.

Клэр нервно хмыкнула, упрямо потянувшись за следующей веткой.

— Конечно, справлюсь, солнышко! И естественно я... — Она хотела сказать, что не упадет, но запуталась в подоле платья. Нога съехала вниз, и она чудом удержалась на месте, вовремя уцепившись за толстую очередную ветку. — Боже, — выдохнула она, чувствуя, как колотится сердце и испарина выступает на лбу. Прядь непослушных волос упала ей на лоб. Набрав в грудь достаточно воздуха, она попыталась сдуть волосы, но чем усерднее она это

делала, тем чаще прядь попадала ей в глаза. Решив, в конце концов, не обращать на это внимания, она стала взбираться выше. — Конечно, я не упаду! Как говоришь, зовут твоего котенка?

— Дори, миледи.

— Дори, — прошептала она, поднимаясь еще выше, чтобы добраться до съездившегося котенка. — Как тебя угораздило подняться так высоко, а, крошка? Ты знаешь, что это дурно, лазить так высоко? Я ведь действительно могу... — Приподнявшись еще чуточку выше, Клэр к своему облегчению оказалась как раз у той самой ветки, на которой сидело несчастное, перепуганное создание. — Боже, — простонала она, переводя дух. — Такое ощущение, будто я добежала до Лондона и обратно.

— Миледи, вы в порядке? — донесся снизу голос Анны.

— Да, я как раз рядом с твоей Дори. А она послушная?

— Она ведь маленькая, миледи. Я еще не успела научить ее быть послушной.

— Чудесно, — горестно молвила Клэр и, крепко держась одной рукой за ствол дерева, другой потянулась до пушистого комочка. — Иди ко мне, моя хорошая. Тебе ведь здесь так же неудобно, как и мне, верно? Давай спустимся вниз. Я бы чаю выпила. Могу угостить тебя клубничным джемом, которым снабжает меня мой муж. Думаю, тебе тоже понравится, правда, Дори?

Рыжий в пятнах котенок смотрел на нее маленькими темными глазками, не сдвинувшись с места.

— Ну же, иди сюда, — звала ее Клэр, уже начиная терять терпение. Котенок приподнялся и в страхе попятился назад. Клэр последовала за ней, стремясь, во что бы то ни стало, дотянуться до нее. — Я уже начинаю сердиться, Дори. Иди сюда...

— Миледи, вы...

Анна хотела что-то сказать, но запнулась. Внизу раздавались быстрые шаги. Клэр почти дотянулась до котенка, но не успела схватить ее, потому что ее перепугал громкий разгневанный мужской голос.

— Господи, Клэр, что ты там делаешь?!

Клэр чуть было не упала вновь, зацепившись о подол платья. Котенок отскочил еще дальше, а Клэр вовремя успела ухватиться за ветку, которая угрожающе закрипела. Ветка, на которой она буквально повисла.

Встреча, которой она так боялась, не могла состояться при более худших обстоятельствах.

— Боже, — выдохнула она, сумев удержаться и не упасть. — Ты мог бы быть более вежливым, Эрик, не видишь, чем я тут занимаюсь?

Внизу действительно стоял Эрик, вернее, не стоял, а прирос к земле, с побелевшим лицом глядя на жену, которая буквально висела на дереве. Которая ужасно хотела взглянуть вниз, но не посмела этого сделать из страха свалиться прямо ему на голову.

— Вежливым? — пробормотал Эрик, не веря своим ушам. — Ты хочешь, чтобы я был вежлив с тобой, когда ты залезла на дерево?!

Клэр перевела дыхание и всё же, не удержавшись, взглянула вниз. У нее снова закружилась голова и задрожали ноги, когда она обнаружила, что находится на высоте более пяти метров. И все же даже отсюда, сквозь ветки и листья заметила, каким потрясенным выглядел Эрик. Так, будто его сейчас хватит удар.

На нем не было сюртука. Он был в одной белоснежной рубашке и черном жилете с

черными длинными панталонами, заправленными в высокие сапоги. На нем не было даже шейного платка, что невероятно взволновало и смутило ее, вызвав совсем неуместные воспоминания о его шее.

Совершенно растерявшись, Клэр попыталась дышать, чтобы унять дрожь во всем теле и еще раз взглянула на невероятно потрясённого Эрика. Теплый ветер трепал его густые черные волосы, набрасывая ему на лоб, но даже этого он не замечал, пристально глядя на нее.

— Я ведь говорила, что умею хорошо лазить по деревьям, помнишь? — дрожащим голосом произнесла она, не в состоянии унять сумасшедший бег сердца. Потому что только теперь поняла, какую глупость совершила, взобравшись на дерево. — И помнится, ты как-то говорил, что прибежешь к помощи профессионала, если увидишь несчастного котенка на дереве.

Глупость, которая теперь могла стоять ей жизнь. Страх и паника готовы были охватить ее, и чуть было не приковали к месту, когда Клэр увидела, как Эрик стремительно зашагал к дереву.

— Не шевелись, слышишь меня? Я сейчас поднимусь и помогу тебе спуститься!

Клэр сомневалась, что это хорошая идея, и еще теснее прижалась к стволу дерева.

— Не д-делай этого, — прошептала она уже чуть менее уверенным голосом.

Не так она представляла себе их встречу. Собственно, она вообще не представляла, как это произойдет, а теперь не знала, что ей делать.

Эрик застыл внизу. Его лицо исказилось и побледнело еще больше.

— Что? — Он вдруг провел рукой по своим черным волосам и с дрожью в голосе добавил: — Клэр... Господи!

У нее ёкнуло сердце. Его тихий шепот был наполнен таким неподдельным страхом и тревогой, что она еще раз посмотрела вниз, преодолевая головокружение.

— Я не упаду!

Он с недоверием покачал головой.

— Я очень на это надеюсь!

Он был сердит, изумленно поняла Клэр по выражению его бледного лица. Не рассердился за то, что она вытворяла вчера, играя и проигрывая в карты, а сейчас сердился! Самый нелогичный человек, которого она когда-либо встречала.

Самый нелогичный человек, которого и сегодня она была рада увидеть. Так рада, что теперь сердце билось вовсе не от страха.

Удивительно, но его присутствие, которое поначалу смутило, теперь придало ей силы продолжить и завершить то, что она с таким безрассудством начала.

— Я справлюсь, ведь... я совершаю благородный поступок. Спасая котенка...

Эрик вздрогнул и снова провел рукой по своим уже растрепавшимся волосам.

— А кажется, что спасать нужно тебя. — Эрик всё же взялся за ствол дерева. — Ради Бога, только не шевелись! Я уже иду...

Клэр на мгновение зажмурилась и едва слышно попросила:

— Не нужно.

Эрик вскинул голову.

— Что?

На этот раз страхи и сомнения вернулись, извещая о шатком положении, в котором она находилась. Шатком и очень опасном.

— Ветка не выдержит нас обоих. — Когда она услышала, как он чертыхнулся, Клэр быстрее добавила, чтобы не пугать его еще больше: — К тому же я уже рядом с Дори.

— С кем?

Вздыхнув, Клэр, расправляя плечи. Ей нужно было действовать быстро, иначе она останется ночевать на этой проклятой ветке.

И никогда не узнает, что произошло вчера. Что-то, что теперь позволяло им обращаться друг к другу на «ты» без прежней натянутости.

— Это котенок, так зовут котенка.

Клэр сделала глубокий вдох, и, крепко держась за ствол дерева, вновь начала тянуться к котенку.

— Клэр... — раздался внизу едва слышный голос Эрика, наполненный ужасом.

У нее почему-то сжалось сердце оттого, как он назвал ее по имени. С такой неприкрытой болью, будто она уже падала в пропасть. Будто бы он собирался нырнуть туда за ней.

Он волновался! Волновался так сильно, что действительно был готов забраться за ней на дерево.

— Я не упаду, — повторила она, на этот раз больше для него, нежели для себя, охваченная решимостью довести дело до конца.

Не он один мог быть несгибаемым. Она тоже была упряма и собиралась сдержать данное маленькой девочке обещание.

— Ради Бога, будь осторожна!

И снова осознание того, что он рядом, придали ей силы действовать решительнее. Удивительно, как прежнее ощущение надежности и уверенности вернулось к ней. Клэр могла поклясться, что теперь у нее не дрожат ноги и не кружится голова, поэтому она смогла дотянуться до котенка и взять ее за шерстку. Котенок шикнул, но не сдвинулся с места, послушно вжавшись ей в ладонь.

— Поймала! — торжественно воскликнула она. Но радость ее длилась недолго, потому что тут же услышала, как треснула ветка. Эрик что-то громко сказал, но она уже ничего не слышала. — Ой!

Она даже не успела вскрикнуть. В какой-то момент Клэр сильнее надавила на хрупкую ветку, за которой цеплялась. Ветка не выдержала ее веса и надломилась.

И Клэр со своей драгоценной ношей полетела вниз.

Сердце замерло от ужаса. Задыхаясь, она падала, минуя ветки и листья, прямо в объятия смерти...

Но угодила в совершенно другие объятия. Ее поймали. Прямо в воздухе. Какое-то время из-за громко колотившегося сердца она ничего не могла расслышать, но затем уловила потрясенный хриплый голос Эрика.

— Ты жива? Клэр, ради Бога, открой глаза! С тобой все в порядке?

Она медленно открыла глаза и обнаружила, что прижата к твердой груди Эрика. Который поймал ее на лету! Спас ей жизнь, но сам при этом побледнел так, будто пострадал он сам.

У нее тряслись руки, она едва могла дышать, но, заглянув в до боли знакомые серо-голубые глаза, поняла, что безумно рада видеть его. Особенно так близко.

— Я не разбилась? — виновато молвила она.

И внезапно произошло то, чего она ожидала меньше всего: застонав, Эрик притянул ее к

себе и так крепко обнял, что ей стало даже трудно дышать. Обнял так, как не делал этого даже вчера!

— Господи, Клэр! — шепнул он, зарывшись побелевшим лицом ей в растрепанные волосы.

Клэр была поражена его поступком, его ловкостью так сильно, что ей даже в голову не пришло возразить ему. У нее и желания не было возражать. Против его объятий... Это было так удивительно. И так сокровенно, будто никогда прежде ее никто не обнимал. Не обнимал так крепко, как это делал Эрик. Обнимал так, будто она была ему дороже всего на свете. Будто кроме нее ничего больше не существовало. Это действительно было удивительно... Его объятия были самым удивительным переживанием в ее жизни.

Эрик дрожал так сильно, что его дрожь передалась ей. Внезапно весь ужас того, что могло произойти, если бы не он, охватил Клэр. Если бы не его молниеносная реакция, она могла бы уже лежать на земле со сломанной шеей. Она была напугана, но и так благодарна ему за то, что он спас ее и не позволил разбиться. В который раз.

Клэр не смогла устоять, ощущая почти такую же непереносимую потребность обнять его в ответ. Обхватив его шею свободной правой рукой, она прижалась к нему, положила голову ему на плечо и закрыла глаза. И тут же почувствовала, как неистово бьется его сердце. Она никогда прежде не ощущала биения чужого сердца. Даже когда обнимала Клиффорда. Но сейчас так отчетливо чувствовала биение сердца Эрика, что это поразило ее до глубины души. Будто ей явилось нечто особенное. Сердце человека, который обнимал ее так, будто сам не смог бы пережить последствия ее падения.

Его горячее дыхание касалось ее щеки, будоража и потрясая. Клэр потерлась щекой о мягкую материю его жилета, поражаясь тому, как просто и легко было обнять его. Какие удивительные ощущения это вызывало в ней. Ощущения, которые она не испытывала даже когда обнимала Клиффорда. Ощущение покоя и облегчения снизошли на нее, прогнав страх и успокоив обезумевшее сердце. Еще и потому, что она тут же ощутила его запах, неповторимый запах сандала, кожи и специй, который всегда исходил от него. До боли знакомый запах, который она не могла забыть.

Запах, с которым перемешался легкий аромат клубники.

Клубника? Клэр нахмурилась, вспомнив далекий день прогулки, когда они зашли в кондитерскую. Когда он сказал, что не любит сладкое, и она точно помнила, как он пил чай без сахара. И без молока. И все равно запах клубники невозможно было спутать ни с чем. Удивительно...

Удивительно, как хорошо она помнила его вчерашние объятия. Но недостаточно хорошо помнила, какая сила таилась в нем, какое тепло исходило от его большого напряженного тела. А теперь она чувствовала это. Так хорошо чувствовала, что легкий трепет прокатилась по всему телу.

Ей стало так удивительно хорошо, что она не хотела разомкнуть объятия. Не желала, чтобы он отпустил ее.

— Клэр, — пробормотал он глухим голосом.

Голос который привел ее в чувства, и когда она подняла голову и взглянула на него, только тогда обнаружила, какой он невероятно бледный.

Оттого, что был действительно до смерти напуган происшедшим!

Он был так напуган, что даже смерть не страшила его так, как вид падающей Клэр.

Никогда прежде Эрик не видел картины страшнее этой. У него заледенела кровь, покрылось коркой льда сердце... На одно короткое мгновение он все же подумал о том, что его жизнь вот-вот оборвется... Но он сумел поймать Клэр. Каким-то чудом подхватил в воздухе, а теперь прижимал к своему обезумевшему сердцу, не в состоянии поверить в то, что страшное позади.

— Господи, — пробормотал он, едва дыша.

А потом почувствовал, как она шевелится у него в руках. Эрик еще теснее прижал к себе Клэр, боясь того, что она может снова упасть. Боясь отпустить ее.

— Эрик? — раздался ее тихий, встревоженный голос.

Он сделал глубокий вдох, чтобы взять себя в руки, затем открыл глаза и поднял голову. И тут же столкнулся с самыми восхитительными, невероятно напуганными темно-золотистыми глазами.

— Ты в порядке? — спросил он, чувствуя, как она дрожит.

Она смотрела на него так удивленно, будто видела впервые в жизни. И прижималась к нему так, как делала это вчера.

— А ты... ты в порядке? — слышался ее несмелый голос.

Ее вопрос застал его врасплох, потому что стало очевидно, что Клэр поняла, в каком он состоянии. Ему следовало лучше скрывать чувства, но Боже, он был так напуган, что никак не мог прийти в себя.

— Я задал вопрос первым, — почему-то хрипло молвил Эрик, не в состоянии отвести от нее своего взгляда.

Она нахмурилась, продолжая обнимать его за шею одной рукой.

— Ты спас мне жизнь, — прошептала Клэр, потрясенно. — Как тебе удалось так быстро поймать меня?

Он вдруг снова ощутил дрожь в коленях, едва представил ее развивающиеся юбки и оголенные тоненькие щиколотки, затянутые в белые чулки. Глубоко вздохнув, Эрик обессиленно привалился к ней своим лбом.

— Если бы я этого не сделал...

Было просто невозможно представить, что бы произошло, если бы он вовремя не подхватил ее. Она понимала это. Глаза ее внезапно потемнели. Скользнув рукой, которой хваталась за его шею, Клэр к полному изумлению Эрика незаметно погладила его по шее и тихо спросила:

— А ты сам в порядке?

Его буквально парализовало от ее легчайшего прикосновения. Эрик не мог дышать, но когда это сделал, тут же ощутил тонкий аромат ее восхитительных терпких духов. Запах ландышей дурманил так, что закружилась голова.

Был ли он в порядке?

— Эрик? — раздался ее обеспокоенный голос.

Он снова вздохнул. Запах ландышей теперь заполнил его без остатка.

— Теперь... теперь да.

Удивительно, что она волновалась за него больше, чем за себя.

— Миледи? — раздался рядом третий голос, о котором они совсем позабыли. — Вы спасли моего котенка!

Клэр встрепенулась, оторвалась от него и повернула голову в сторону маленькой девочки.

— Кажется, твоя Дори... — начала было она, но так и не договорила, потому что ощутила резкую боль в левой ладони. Таковую острую, что содрогнулась, вскинула руку и раскрыла пальцы. — Ой!

Из ладони выпрыгнул напуганный котенок и побежал прямо к Анне, которая заботливо взяла ее на руки.

Клэр взглянула на свою ладонь, ободранную местами о ветки дерева и поцарапанную острыми коготками котенка, которого при падении слишком сильно сжала в руке.

— Миледи, я вам так благодарна! — восхищенно молвила девочка, придерживая одной рукой котенка, а в другой шляпку и шаль Клэр. И зашагала к ней. — Спасибо, что вы...

Она была достаточно близко, чтобы дотронуться до них. Заметив это, Эрик испытал почти ту же панику, которая охватывала его всякий раз, когда кто-то приближался к нему. Резко сделав шаг назад, он строго посмотрел на крохотное дитя:

— Не подходи!

Девочка замерла на месте. Замерла и Клэр в его руках, а потом медленно повернула к нему голову и посмотрела на него. Почти так же, как вчера, когда он запретил Генри подходить к себе. И она будто бы что-то поняла, поразился Эрик, когда увидел, как смягчаются ее глаза, как некое пугающее понимание появляется в темно-золотистых глубинах.

Черт побери, он действительно слишком многое позволил ей увидеть.

К его немалому удивлению, Клэр вновь повернулась к девочке. Ее рука, скользнув по его шее и груди, отпустила его. Эрик ощутил глухое разочарование, боясь того, что она попросит поставить ее на ноги, но она лишь взглянула на девочку и... Эрик никогда бы не позабыл того, что она сделала потом.

Подняв правую руку, она растопырила пальцы почти в том жесте, каким он вчера запретил Генри приближаться к себе.

— Солнышко, действительно... не подходи, иначе я могу тебя испачкать...

Эрик был потрясен до глубины души, не в состоянии отвести взгляд от Клэр. Она сделала то, что не делал до нее никто другой. Никому и в голову не приходило остановить мир до того, как он приблизится к нему. Никому не было ведомо то, как это может быть невыносимо для него. Никто не придавал этому значения, полагая, что скоро отпадет необходимость так поступать. Но Клэр... каким-то образом она догадалась, как мучительно всё это может быть для него. Разумеется, она не могла понимать всего, и всё же пожелала встать между ним и миром, который мог сокрушить его.

У него сжималось сердце, так сильно, что он едва мог дышать. Едва мог поверить в то, что она действительно сделала. Для него. Для того, кто разрушил ее жизнь, сделал ее настолько несчастной, что она напилась с горя. Вместо того, чтобы торопить его доставить ее до Эдинбурга, сейчас она прижималась к нему и не позволяла миру разрушить его окончательно.

— Миледи, что с вашей рукой?

И снова голос девочки вывел его из оцепенения. Сделав глубокий вдох, Эрик посмотрел

на руку Клэр. А потом застыл в ужасе, увидев, что вся ее ладонь в крови.

— Господи!

Клэр тоже увидела свою руку и потянулась к ней правой рукой, поморщившись от боли.

— Ничего страшного, это...

Не думая ни секунды, он развернулся и направился в гостиницу, крепко держа ее на руках. Если он до этого не мог отпустить ее, теперь об этом не могло быть и речи.

— Эрик? — спросила Клэр, повернув к нему свое встревоженное лицо. — Что ты делаешь?

Он сжимал челюсти, едва дыша от охватившей его паники, когда еще раз быстро взглянул на ее окровавленную руку. Черт побери, если бы он пришел раньше, ничему этому не позволил бы произойти!

За его спиной раздался грустный голос Анны.

— Спасибо, миледи. Теперь я никогда не буду сомневаться в графинях.

Клэр хмуро смотрела на него, а потом вдруг опустила голову.

— Она ведь даже не знает, что не все графини могут лазить по деревьям.

Ее слова вызвали глухую боль в сердце. Он знал об этой ее слабости, вот только не думал, что она на самом деле залезет на дерево в своем длинном наряде, рискуя жизнью, лишь бы спасти котенка. В любое другое время ее смелость непременно вызвала бы восхищение, но только не сейчас.

Потому что сейчас он должен был заняться ее рукой и остановить кровь до того, как случится непоправимое.

Господи, подумать только, его жена на самом деле залезла на дерево! И чуть не разбилась, падая вниз! Сможет он когда-нибудь забыть такое?

Войдя в гостиницу, Эрик широкими шагами направился в большой зал, бросив через плечо застывшей у входа миссис Бетани, чтобы она принесла ему бинты и спиртовой раствор, и осторожно усадил Клэр за тем же столом, за которым застал ее вчера. Сам присел перед ней, а потом все стихло.

— Дай мне свою руку, — глухо попросил он, протянув к ней свою руку.

Его удивила та легкость, с которой она подчинилась, вложив ему в ладонь свою дрожащую руку. И тут же поморщилась.

— Очень больно? — спросил он так, будто была разбита его собственная рука.

Какое-то время она молча смотрела на него, затем опустила голову и прикусила губу.

— Терпимо.

Раны должны были саднить, щипать и болеть. Ей, конечно же, было больно. Эрика поразило то, с какой отвагой она переносила свои невзгоды. Почти как в их брачную ночь, когда была готова бороться за себя, если бы он вздумал причинить ей боль.

Их прервало появление миссис Бетани, которая поставила на стол поднос с необходимым.

— Что произошло? — спросила она, глядя на раненую руку Клэр.

— Я... — хотела было заговорить Клэр, но ее оборвал резкий голос Эрика.

— Оставьте нас!

Миссис Бетани удивленно посмотрела на него, но подчинилась и удалилась.

Эрик понимал, что поступает дико, но ничего не мог поделать с собой. Взяв свободной рукой чистое полотенце, он повернулся к руке Клэр и осторожно дотронулся до одной глубокой раны прямо в центре ладони, откуда сочилась кровь.

Клэр вздрогнула, шумно втянула воздух и зажмурилась. Осторожно вытерев кровь, Эрик вдруг заметил на ее безымянном пальце свое обручальное кольцо. Которое она продолжала носить. Даже сегодня. Даже сейчас.

И снова это поразило его настолько, что он не смог сдержаться. Взглянув на ее слегка бледное лицо, Эрик тихо спросил:

— Почему ты до сих пор носишь мое кольцо?

Клэр открыла глаза и удивленно посмотрела на него. Будто до этого ей даже в голову не пришло снять кольцо. Будто она сама была потрясена тем, что продолжала это делать. Клэр вздохнула и отвернула от него свое лицо, так ничего и не сказав.

Эрик снова взглянул на ее ладонь. Исцарапанную до невозможности.

— Я должен снять кольцо, чтобы обработать твою руку.

Клэр судорожно вздохнула.

— Хорошо...

Эрик попытался сделать это очень аккуратно, и все же, держа ее за руку, чувствовал, как она дрожит. Взглянув на кольцо, которое он снял, Эрик вдруг ощутил странное давление в груди. Будто отрывал что-то от себя. А потом снова взглянул на Клэр, не до конца понимая, что ему теперь делать с фамильным кольцом. Теперь уже кольцо Клэр.

— Дай его мне... — раздался ее тихий голос.

Вскинув голову, Эрик столкнулся с встревоженными темно-золотистыми глазами.

— Что?

Клэр протянула к нему здоровую руку.

— Кольцо... дай его мне.

Еще раз взглянув на кольцо, он молча протянул его ей. Клэр забрала кольцо, сжала в ладони, и снова отвернула от него свое лицо.

Не представляя, зачем ей это было нужно, Эрик всё же испытал какое-то облегчение оттого, что кольцо снова вернулось к ней.

Взяв с подноса раствор, он осторожно обработал глубокие раны, вздрагивая всякий раз, когда дрожала она. Черт побери, зачем она так ужасно истерзала свою руку! Зачем ей понадобилось так рисковать своей жизнью! Перед глазами снова встала падающей Клэр. Картина, которую он не забудет до конца жизни. У него снова перехватило дыхание. Эрик зажмурился, пытаясь взять себя в руки. А потом потрясенно почувствовал прикосновение нежных пальцев к своей щеке.

Почти как вчера ночью.

Открыв глаза, он увидел, как Клэр обеспокоенно смотрит на него. И действительно прижимает свою ладошку к его щеке. Так, будто от падения теперь приходилось спасать его.

— Эрик? — прошептала она удивленно. — Что с тобой?

Страх, который чуть не свел его с ума еще там под деревом, вновь охватил его, когда он представил, что чуть было не потерял ее.

— Клэр, — прошептал он глухо, а потом накрыл ее руку своей холодной ладонью. — Зачем ты это сделала?

Она так пристально смотрела на него, будто могла увидеть всё то, что терзало ему душу.

— Мне нужно было спасти котенка.

— Ты могла позвать кого-нибудь на помощь, — мягко возразил он.

— Но ведь это моя прерогатива, помнишь?

Как он мог усомниться в силе духа, которая таилась в ней? Как мог не восхищаться

смелостью, с которой она спасала котенка? Никто из его знакомых никогда бы не сделал такого.

У него растаяло сердце. И вместе с тем болело. Оттого, как она смотрит на него, как касается его. Как воскрешает их общее прошлое, которое казалось, не должно было иметь значения для нее. И всё же она смотрела так, будто имело. Имело гораздо больше, чем он мог себе представить.

Как имели для нее значение мечты, которыми она просила поделиться с ней.

— Помню... — выдохнул он, на мгновение закрыв глаза. Каким-то чудом ему удалось вернуть себе самообладание, но он не спешил отпустить ее руку. Рука, которая еще немного дольше помогала биться его сердцу. — Я не хочу, чтобы ты впредь так рисковала собой. Пообещай, что не станешь больше этого делать. Если только не хочешь, чтобы... чтобы мое сердце остановилось.

Глаза ее потемнели. Клэр выпрямилась и медленно отняла от него свою руку. Эрик тоже выпрямился, ужасаясь тому, что говорит. Что делает... еще немного, и он скажет слова, которые никогда больше не сможет забрать обратно.

— Обещаю.

Такое тихое, легкое признание, которое чуть не разбило ему сердце.

Опустив взгляд на ее руку, он осторожно замотал чистой материей красные раны на ее ладони, посыпав их сыпучим порошком для скорейшего заживления. Закончив, он должен был отпустить ее руку, но внезапно подумал о том, что теперь она еще не скоро сыграет на рояле. Если сыграет вообще.

С тех пор, как он попросил ее руки, из Клэр будто бы ушла сама жизнь. Потому что ушла и музыка. Эрик потрясенно смотрел на все то, что произошло по его вине. На то, что не просто разрушило ее жизнь. Он украл у нее и ее музыку. Ему было не по себе оттого, что она больше никогда не сыграет. Никогда не подумает сыграть для него, как однажды обещала, даже не представляя, что это значило для него.

— Эрик?

Обеспокоенный голос Клэр вновь вернул его в реальность, где последствия его поступка были почти невыносимыми. Заглянув ей в глаза, он на самом деле ужаснулся того, что натворил. Через что заставил ее пройти. Но даже после всего этого, она попросила обратно его кольцо, желала касаться его. И смотрела так, будто не он разрушил ее жизнь.

«Смогу ли я когда-нибудь искупить свою вину?» — с мукой думал он, тяжело дыша.

— Думаю, мы теперь можем ехать. Ты... ты сможешь продолжить путь?

Путь, который приведет ее к спасению.

Путь, который приведет его к гибели.

— Да... — кивнула она, инстинктивно потянув руки к плечам в знакомом жесте поправить свою шаль. Но Клэр вдруг замерла, оглядела свои плечи будто бы в поисках чего-то. — Моя шаль! — Она перевела взгляд на окно, из которого была видна улица. — Кажется, я оставила шаль у Анны.

Эрик не думал, что ребенок остался там с шалью.

— Я куплю тебе новую.

Клэр посмотрела на него, а потом медленно покачала головой.

— Это... это был подарок моего отца.

В ее голосе было так много боли. И Эрик понял, почему. Маркиз Куинсберри однажды разговаривал с ним о том, что произошло после того, как ушел Эрик, попросив ее руки.

Маркиз так сильно переживал по этому поводу. Эрик никогда прежде не видел маркиза в таком состоянии: подавленным, почти разбитым. Это потрясло его до глубины души, особенно потому, что Эрик знал, как сильно отец и дочь были привязаны друг к другу. А пока он должен был записать в счет своих грехов еще и отречение дочери от отца за то, что ему когда-то вздумалось жениться на ней.

Проведя рукой по застывшему лицу, Эрик встал, видя, как это важно и для Клэр. Как эта шаль дорога ей даже после того, как она отреклась от отца.

— Я принесу ее... — начал было он, но Клэр тоже поднялась на ноги.

— Я пойду с тобой. — Она спокойно встретила его удивленный взгляд. — Если ты так же сурово посмотришь на нее, бедный ребенок подумает, что ты обвиняешь ее в краже, а это смерти подобно. Ведь я сама вызвалась помочь ей. Она ни в чем не виновата.

Она была права, но когда они вышли на улицу, возле дерева никого не обнаружили. Ни забытую шаль или шляпку Клэр. Вернувшись в гостиницу, Эрик узнал от миссис Бетани, что Анна — дочь местного аптекаря, который живет в конце улицы. Эрик не хотел брать с собой Клэр, которая еще не оправилась от падения, но не мог привести доводов против ее аргументов.

Домик аптекаря был небольшим. Сам хозяин открыл дверь, и когда узнал, кто пришел к ним и зачем, немедленно послал за дочерью. Которая бледная и напуганная появилась в небольшой гостиной, куда проводили графа и его жену.

Увидев Клэр, девочка вдруг застыла и расплакалась.

— О, миледи, вы пришли...

Клэр шагнула к ней.

— Анна, как поживает Дори? Она в порядке? — спросила Клэр дружелюбно, чтобы успокоить плачущего ребенка.

Анна вытерла носик тыльной стороной ладони.

— Простите меня, миледи, я не собиралась ничего красть. Дори испачкала вашу красивую шаль, и я подумала, что нужно вымыть ее, прежде чем вернуть вам. И вашу шляпку.

Эрик заметил, что передняя часть юбки этого юного создания и правда была мокрая.

— О, какая ты умница. — Клэр мягко погладила девочку по голове. — Я и не думала тебя в чем-либо обвинять. Просто... эта шаль очень дорога мне. Ты принесешь ее? Я переживу, если на ней останется пятно...

— Я всё выстирала, — с улыбкой сказала Анна, убежала наверх, а потом явилась вместе с намоченной шалью и шляпкой Клэр. — Вот, миледи. Возьмите. Я так вам признательна за вашу помощь!

— Миледи, — заговорил застывший аптекарь, строго глядя на дочь. — Я должен извиниться перед вами за то, какие неудобства причинила вам моя дочь. Это непростительно!

Клэр встала и обернулась к нему, сжимая свою шляпку и шаль.

— Мистер?..

— Мэтьюз.

— Мистер Мэтьюз, я не думаю, что ваша дочь заслуживает наказания за то, что попыталась отстирать мою шаль. У вас замечательная дочь, и она достойна восхищения.

Эрик не мог налюбоваться своей довольной, даже несколько счастливой, невероятно красивой женой, которая стояла в тесной гостиной с забинтованной рукой и защищала девочку от наказаний. Девочку, которая действительно ни в чем не была виновата. Клэр

просто захотела вспомнить заветы девичества, не в состоянии оставить в беде ребенка. И почему-то эта мысль согрела его, впервые вызвав желание улыбнуться.

Но он не улыбнулся, а шагнул к своей жене. Встав рядом с ней, он строго взглянул на аптекаря, который бы даже не посмел приблизиться к нему.

— Моя жена права, сэр, ваша дочь поступила весьма мудро для столь юного создания. И сберегла шаль, которая так дорога моей жене. — Повернувшись к девочке, он заглянул в заплаканное несчастное личико и, нырнув в карман жилета, достал оттуда золотой соверен. — Спасибо тебе, Анна.

Он положил соверен на стол, кивнул, и они вместе с Клэр покинули дом аптекаря, который еще раз пожелал извиниться.

Но Эрик уже ничего не слышал, идя вслед за женой. Она хмурилась, будто не могла что-то решить для себя, что-то понять. А потом вдруг обернулась к нему. Так резко, что он чуть не налетел на нее. Он замер в шаге от нее, глядя в ее невероятно красивые темно-золотистые глаза.

А потом подул сильный ветер.

Не слишком сильный, но ветер оторвал от стоявшего рядом дерева листок и бросил его прямо на них. Эрик поднял голову до того, как листок мягко опустился и застрял в его волосах. Он застыл окончательно, а потом снова взглянул на Клэр.

Которая так же ошеломленно смотрела на него. Смотрела так, как целую вечность назад, когда закончилась прогулка по Гайд-парку. Он все смотрел ей в глаза, чувствуя, как перехватывает горло от мучительных воспоминаний. Которые несомненно вспоминала и она. Это было понятно по ошеломленному выражению ее лица, будто бы она не могла поверить в то, что это снова повторялось.

Воспоминания, которые так много скрывали. Так много значили для него.

Он не должен был позволять этим воспоминаниям отравлять еще и этот день. День, когда Клэр даже без алкогольного опьянения коснулась его, вызвав в нем те самые чувства, которые он отчаянно пытался позабыть.

Но ему не суждено было этого делать.

Эрик поднял руку, готовый смахнуть проклятый листок и двинуться дальше, как раздался тихий голос Клэр.

— Замри.

И он замер, замер почти так же, как и вечность назад у дверей ее дома. И потрясенно смотрел, как она сделала последний шаг вперед, шаг, который и отделял их друг от друга.

«Господи, умоляю тебя, не подходи! Не делай этого! Не прикасайся ко мне!» — в ужасе думал он, чувствуя, как замирает сердце.

Он вообще перестал дышать, когда она оказалась настолько близко, что запах ландышей заполнил все вокруг. И едва мог соображать, когда Клэр подняла руку и сама смахнула листок. Точно так же, как в тот далекий день, невольно погладив его по голове.

Именно это и определило тогда всю его дальнейшую жизнь. Именно тогда Эрик и понял, что не сможет отпустить ее. Ни за что на свете. Уже тогда он отчетливо понимал, что просто пропадет без нее. Когда в тот день Клэр с такой же осторожной лаской вытаскала из его волос, кажется, листочек клевера, она даже понятия не имела о том, что навсегда перевернула его жизнь.

Клэр вздохнула, а потом произнесла просто невероятные слова.

— Спасибо за сегодняшний завтрак...

Эрик был так сильно потрясен, что не заметил, как она медленно убрала от него свою руку. Он не мог дышать и как замороженный смотрел в глаза девушки, которая продолжала переворачивать его мир.

Так, что вокруг всё гроыхало и рушилось, но никто этого не слышал. Даже она. Особенно она.

— Не за что, — сумел он как-то произнести, полностью захваченный ею.

Она отошла от него, но не спешила отвернуться, не спешила уйти, будто сама была захвачена моментом. Будто хотела сказать что-то еще. И сказала, навсегда разбивая ему сердце.

— И спасибо, что поймал меня.

Лучи солнца, выглянувшие из-за воздушных облаков осветили стоявшую перед ним девушку. В простом платье с тончайшим кружевом, расшитом по округлому вырезу, обрамляющим белоснежную грудь. Волосы ее, с утра собранные сзади и аккуратно разделенные посередине и заплетенные, слегка сбились, несколько золотистых прядей упали ей на лицо. Самое красивое лицо, которое он когда-либо видел. Она была так восхитительна сейчас, что он не мог перестать смотреть на нее. Не мог поверить в то, что она настоящая.

Девушка, переполненная искренней благодарностью к нему. Девушка, которая пожелала сохранить кольцо своего нежеланного мужа. Которая пожелала коснуться его для того, чтобы помочь ему прогнать страх. Которая должна была ненавидеть его, но вместо этого пожелала вернуть им их прошлое с такой щемящей лаской, что едва не разбила ему сердце.

Ради которой он был готов на всё. Он до смерти хотел коснуться этой новой Клэр. У него так громко бухало сердце, что Эрик мог оглохнуть. И не помня себя, шагнул к ней. Она замерла, словно не ожидала этого. Тогда Эрик осторожно заправил за ушко шелковистую прядь золотистых волос, вернув ей толику того чуда прикосновения, которое навсегда останется с ним.

— Ты — моя жена, Клэр. Я всегда поймаю тебя.

Ей не следовало касаться его, она не должна была ни при каких обстоятельствах вытаскивать сегодняшний листок из его волос, потому что это было невероятно опасно. Опаснее, чем залезать на дерево.

Потому что на этот раз она окончательно и бесповоротно перевернула его жизнь.

Сделала то, что не смог бы забыть никто из них. И кажется, она сама это понимала.

Стоя возле окна и обхватив себя за плечи, Клэр невидящим взглядом смотрела в темноту ночи, понимая, что поздно, что ей следует лечь и попытаться хоть немного отдохнуть. Но она не могла спать. Сердце было охвачено такой волнительной тревогой, что она была не в состоянии даже пошевелиться.

Гонясь за малейшими попытками понять Эрика, Клэр упустила из виду способность понять саму себя. Настолько, что не представляла, что ей делать теперь. Как ей относиться ко всему, что происходило? Происходящее не поддавалось объяснению, в этом не было логики. Но стоило Эрику оказаться рядом с ней, как всё оказывалось таким... правильным, что объяснений уже не требовалось. Будто рядом с ним сам мир становился другим, не таким, каким виделся ей прежде. Клэр иногда даже казалось, что она видит мир совсем иначе. Мир перестал быть прежним. Или она перестала быть прежней?

Клэр действительно не понимала себя. Таких странных, противоречивых чувств она никогда прежде не испытывала. Ни к кому. Даже Клиффорд... Его было легко понять, легко общаться с ним... Но у нее не замирало сердце с таким ошеломлением, когда он оказывался рядом. Ее не охватывало пугающее оцепенение, когда он говорил с ней. У нее не переворачивалось ничего внутри, когда он касался ее. А вот Эрик... С ним всё обстояло совсем иначе. Это и пугало и вселяло благоговейный трепет одновременно.

Как можно было объяснить всё то, что творилось с ней, если она любила другого? Как можно было испытывать всю эту гамму чувств, если в ее сердце жил другой? Как она могла желать прикосновений другого, как она могла дорожить прикосновениями другого, если?..

Клэр застонала, понимая, что начинает сходить с ума. Потому что теперь даже ее поступки были нелогичными. Ей не следовало залезать на дерево, и всё же, если бы она снова увидела плачущую девочку, вероятно, поступила бы точно так же.

Чего Клэр не ожидала, так это того, что произошло потом.

Эрик мог не прийти ей на помощь, но он пришёл. Ему не должно было быть дела до нее, особенно после того, как она опозорила и его и себя перед слугами. Но даже слуги ничего не сказали ей и ни единым намеком не дали понять, что разочарованы в своей хозяйке, которая осмелилась выпить с ними. Даже Шоу был настолько любезен и обходителен с ней на протяжении всего дня пути, что в какой-то момент от обострившегося чувства раскаяния Клэр даже была готова извиниться перед ним.

И Эрик...

Клэр вздрогнула и прикрыла веки, вспоминая его бледное лицо, когда оказалась прижатой к его груди. И снова он должен был рассердиться на нее за поведение, не достойное леди, не достойное жены графа, но он смотрел на нее такими перепуганными глазами, будто... будто не смог бы пережить, если бы с ней что-то случилось.

Его потемневшие глаза не могли оставить ее равнодушной к его переживаниям. Он волновался за нее настолько, что лица на нем не было. Он едва перебинтовал ей руку. Клэр вообще позабыла обо всем на свете, испытывая почти неизъяснимую потребность коснуться его. И она коснулась... Коснулась так, как не коснулась бы никого другого.

И если бы не провидение, она, вероятно, не смогла бы... не смогла бы удержаться от того, чтобы не обнять его!

Из горла вырвался очередной отчаянный стон, перемешанный с болью. Ради всего

святого, что она творит? Как смеет желать обнять человека, который разрушил ее жизнь? Как смеет думать о другом, когда ее везут к Клиффорду! Но даже эти мысли не отрезвляли. Клэр просто ничего не могла поделать с собой, разрываясь на части от охвативших ее противоречий, и сильнее сжала здоровую руку, которая, казалось, до сих пор хранит тепло Эрика. Как будто она даже сейчас касалась его. И это было... Это было удивительно, почти как вчера ночью, когда ей хотелось прижаться к нему и никогда больше не отпустить.

Открыв глаза, Клэр привалилась лбом к холодному стеклу.

Ей было тяжело дышать, ей было невероятно тяжело думать обо всем, что произошло, но произошедшее оставило такой глубокий след в ее жизни, что это невозможно было забыть.

И только теперь Клэр начинала понимать, что порыв немедленно коснуться его был продиктован не просто желанием помочь ему. Помочь тогда, когда он сам помог ей, ничего не прося взамен.

Господи, ее продолжало тянуть к нему! С такой отчаянной силой, что когда Эрик оказывался рядом с ней с листочком в волосах, она ни о чем другом не могла думать. Она чувствовала лишь его присутствие, его запах, его взгляд... Его всего. Это становилось похожим на наваждение. Это начинало преследовать ее во сне и наяву. У Клэр было такое ощущение, будто она заболела. Если прежде влечение к нему было едва осознаваемым, теперь от этого никуда невозможно было деться, потому что оно поглотило ее целиком и полностью.

Вот что заставило ее пригласить его на музыкальный вечер своего дяди, пораженно думала Клэр, вспоминая первые дни их знакомства. Вот, что толкнуло ее согласиться на прогулку с ним. Боже, уже тогда ее влекло к нему настолько, что она ничего не могла поделать с собой! Желая ощущать те удивительные чувства, которые охватывали ее, когда он оказывался рядом, она, будто лишившись воли, шла за ним, лишь бы еще чуточку побыть возле него. Никогда прежде она не ощущала такой сильной тяги к другому человеку. Клэр была вынуждена признать, что таких чувств она не испытывала даже к Клиффорду, когда выбегала к нему на тайные свидания.

Вот что вело ее уже с тех самых дней, когда она, не понимая происходящего, списывала всё на радость и симпатию от встречи с Эриком.

Теперь было более чем очевидно, что это не так. Далеко не так. Дело было не просто в симпатии. Ее влекло к Эрику так безудержно, что она не могла даже бороться с этим. И сила притяжения могла в любой момент сломить ее, предать, заставить отречься от всего того, во что она прежде верила.

Клэр была напугана. Настолько, что не знала, что ей теперь делать. Как теперь встречаться с ним и подавлять свои чувства? Клэр почему-то была уверена, что если вновь представиться случай, она... она не сможет устоять и непременно коснется его. Чтобы еще раз ощутить то парализующе сладкое волнение, от которого трепетало всё тело. От которого перехватывало дыхание. Клэр не могла даже здраво мыслить, когда была рядом с ним. Почти как тогда под деревом, когда поддавшись очередному порыву, вытащила листок из его волос.

Странное чувство, похожее на сгусток робкого томления заполняло ее всякий раз, когда мысли об Эрике теснили сознание. Чувство, похожее на то самое предвкушение чего-то особенного, почти волшебного, которое она испытывала всякий раз, когда садилась играть за фортепиано!

Боже!

Застонав в очередной раз, Клэр отвернулась от окна и подошла к мерно горевшему камину, надеясь, что сумеет взять себя в руки. Рука... Подняв повыше забинтованную руку, Клэр ощутила легкую саднящую боль, но это не очень беспокоило, ведь совсем скоро всё это пройдет. Рука заживет, а вот воспоминания никуда не исчезнут.

Особенно те, которые невозможно было объяснить.

Невозможно было объяснить, зачем она пожелала оставить у себя кольцо Эрика. То самое кольцо, которое он надел ей на палец в день свадьбы. Невероятно красивое тяжелое кольцо, которое она продолжала носить, и до сегодняшнего дня ей даже в голову не приходило снять его. Кольцо, которое хранилось сейчас в маленькой шкатулке для драгоценностей. Днем Клэр показалось неправильным, если Эрик заберет его. Не так она хотела вернуть ему кольцо. А она должна была вернуть кольцо, ведь он вёз ее к Клиффорду для того, чтобы дать ей развод, чтобы освободить ее. Но вместо того, чтобы думать о Клиффорде, Клэр изнывала мыслями о том, чье кольцо пожелала сберечь.

Кого не взяла бы себе в мужа добровольно... Вот только теперь она не была в этом настолько уверена!

И в этом заключалась вся ирония ситуации, в которой она оказалась.

Вместо того, чтобы держаться от него подальше, она не могла перестать думать о том, чтобы защитить его. Защитить от того, чего пока не могла понять. Защитить тогда, когда мир неосознанно причинял ему боль. Анна... Маленькая девочка, которая не смогла бы причинить ему вреда, но когда она приблизилась к Эрику, который, побледнев, отступил назад, не в состоянии терпеть чужую близость, вместе с тем прижимая жену к своей груди, Клэр отчетливо поняла, что готова защитить его от мира, который так странно пугал его. Защитить так же, как он защищал ее.

Глядя тогда на его бледное застывшее лицо, Клэр впервые подумала о причинах, которые вызывали в нем эти страхи. Почему он так боялся близости, прикосновений других? В этом было что-то не так и теперь беспокойство снесло ее настолько, что она не могла найти себе места.

Клэр была растеряна. И сбита с толку. От того, что стала испытывать. От того, что не должна была испытывать. И делала то, что никогда бы не сделала, будь на его месте кто-то другой. Она не могла объяснить свой поступок с листочком, но даже тогда Клэр не смогла сдержаться. Она была заморожена его пристальным взглядом. Смотрел так, что ее пробирало насквозь. Она не смогла сдержаться еще и потому, что увидела в его глазах нечто похожее на отчаяние. Он ведь помнил. Помнил всё то, что произошло в прошлом. Прошое, которое воскресил невинный листочек. Прошое, которое связало их.

И Клэр подошла. Так же как в тот далекий день. Подошла, чувствуя, как неистово бьется сердце, как почти подгибаются колени. И когда коснулась его, когда вытащила листок, только тогда ошеломленно поняла, что это было так же важно и для нее. Важно то, что произошло в прошлом. И то, что она сделала сегодня. То, что она должна была сделать. Чего она не смогла бы не сделать.

А когда в ответ он сам подошел и коснулся ее... Клэр до сих пор не могла унять дрожь от его прикосновения. Словно он вручил ей тогда нечто особенное. Чего она не хотела терять, что собиралась сберечь и хранить возможно до конца жизни.

«Ты — моя жена, Клэр. Я всегда поймаю тебя...»

Клэр отвернулась и отошла от камина, не находя себе места.

Они снова остановились в красивой и уютной гостинице, где предстояло переночевать.

Эрик проводил ее до самых дверей комнаты и, пожелав спокойной ночи, ушёл к себе. В тот момент Клэр была так сильно взволнована тем, что он сам решил проводить ее, что не смогла вымолвить ни слова. Боже, он ведь спас ей жизнь, забинтовал руку, вернул ей любимую шаль, а она не смогла пожелать ему даже спокойной ночи!

Что он подумает о ней? Несомненно, решит, что она самая неблагодарная из людей.

Угнетало еще и то, что недавно ей помогли помыть голову, но из-за рассеянности Клэр отпустила горничную, а теперь не представляла, как с забинтованной рукой заплетет волосы на ночь.

Смятение переросло в отчаяние, а отчаяние — в крайнюю степень безысходности.

— Господи, да что со мной такое? — в сердцах воскликнула Клэр.

И тут же замерла.

Потому что раздался стук в дверь. Тихий, но очень отчетливый.

Кто-то в полночь стучался в ее дверь!

Она застыла у камина, не в состоянии пошевелиться. Кто мог так поздно прийти к ней? Не мог же... не мог же Эрик вздумать... так поздно...

— Клэр, ты спишь?

Клэр ошеломленно смотрела на дверь, не веря своим ушам.

Потому что это действительно был Эрик.

Так поздно? Но... Что-то случилось?

— Клэр?

Она встрепенулась. Сердце на мгновение замерло в груди, а потом забилось так быстро, что она не могла дышать, не могла заставить себя заговорить. Понимая, что нужно отреагировать, Клэр сделала глубокий вдох и зашагала к двери, не представляя, почему он пришёл.

Едва дверь открылась, как Клэр тут же столкнулась с тревожным взглядом серо-голубых глаз. Обеспокоенное выражение лица осветил свет свечей, стоявших на столике за ее спиной. Он выглядел взволнованным, как будто до сих пор не смог прийти в себя от того, что произошло днем.

— Ты в порядке?

У нее снова задрожало сердце. Растрепанный и уставший, он всё равно был таким невероятно красивым, даже не смотря на его чуть кривоватый нос, что ей снова захотелось дотронуться до него.

— Эрик, что случилось? — спросила Клэр, обретая дар речь.

— Я хотел знать, как ты. Как твоя рука?

Боже, он пришёл так поздно только для того, чтобы узнать, как ее рука? Какая-то почти оглушительная нежность к нему затопила ее, а желание обнять его стало просто невыносимым. И чтобы хоть как-то сдержаться, Клэр сильнее сжала ручку двери, а потом поморщилась, поняв, что напрягла раненую забинтованную руку.

Что не укрылось от пристального взгляда Эрика.

— Что-то не так?

— Нет, всё... всё хорошо, — неуверенно пробормотала Клэр.

Он нахмурился.

— Ты уверена?

Он не верил. И если бы она ответила отрицательно, Клэр была уверена, что Эрик не ушёл бы, пока не выяснил, что ее тяготит.

Удивительно, на что был готов для нее человек, который собирался развестись с ней... Отдать другому... Почему-то сейчас эта мысль еще больше угнетала ее... Но Клэр усилием воли отогнала непрощенные мысли, глядя на человека, с приходом которого стало совсем иначе биться ее сердце.

На нем как и два дня назад была лишь белоснежная рубашка, расстегнутая на одну верхнюю пуговицу так, что обнажала не только его шею и небольшую впадинку под ней, но и верхнюю часть груди, откуда на этот раз виднелись мелкие черные волоски. Клэр была захвачена этой картиной так сильно, что не могла отвести от него зачарованного взгляда. Она даже не представляла, никогда бы не подумала, что на груди могут расти волосы...

— Клэр?

Она снова вздрогнула, но не могла перестать смотреть на него. Еще и потому, что взгляд остановился на ярко выраженном кадыке, притягивая и будоража сознание. Всё, что она видела сейчас, была его шея и эта невероятная выпуклость, которую она так часто видела. Которая начинала сводить с ума... Которой так отчаянно хотелось коснуться. Клэр понимала, что действительно сходит с ума, но не могла забыть, какой теплой и гладкой была кожа его лица, когда сегодня касалась его, и не могла не гадать, возможно ли, чтобы кожа на его шее была такой же гладкой и теплой?

— Клэр, ты меня слышишь?

Она не могла дышать и уже теряла голову, а он даже еще не подошел к ней!

«Господи, дуручка, что ты делаешь? Возьми себя в руки, скажи, что всё хорошо и пожелай ему спокойной ночи, как того и хотела! И отпусти его! Закрой дверь, иначе ты окончательно опозоришься!»

Но когда их взгляды встретились, Клэр не смогла сказать ничего из того, что диктовал ей разум.

Почему иногда сложно поступить так, как правильно, чтобы было легче жить дальше, но не можешь этого сделать, потому что нечто сильнее твоей воли диктует тебе новые правила?

— Со мной... всё хорошо, — наконец, заговорила она, не представляя, где взяла силы, чтобы произнести так много слов. Клэр не могла перестать смотреть на Эрика, понимая, что должна отослать его еще и потому, что на ней не было ничего, кроме ночной рубашки и шелкового пеньюара. И это внезапно напомнило ей то, как она стояла перед ним почти в таком же одеянии в их брачную ночь.

Взгляд Эрика стал скептическим, недоверчивым, но голос прозвучал невероятно мягко.

— Почему я тебе не верю?

Почему ей вдруг захотелось провести рукой по его растрёпанным волосам, чтобы пригладить черные пряди? Клэр еще сильнее сжала ручку двери.

— Не з-знаю... Но у меня... действительно всё хорошо.

В серо-голубых глазах по-прежнему мерцало недоверие. Он смотрел на нее так, будто понимал, что с ней. Но это... это не могло быть правдой, иначе Клэр провалилась бы в землю, если бы он узнал, как неодолимо ее влечет к нему.

— Что тебя тревожит?

Взгляд ее вдруг остановился на его носе...Его нос... Клэр вдруг нахмурилась, вспомнив образы, выплывающие из тумана... «Самый необычный нос самого необычного человека»... Боже, это же были ее слова! Слова, сказанные вчера ночью, когда он принёс ее в её комнату... Клэр задрожала сильнее, вспомнив, как даже касалась его тогда... Гладила его

суровые черты лица, хмурый лоб, прямые брови, его замечательный нос... Господи, она кажется прикасалась даже к его губам! У нее почему-то подгибались колени. Ощущая невероятную слабость во всем теле, Клэр испытала почти болезненное желание прислониться к его груди. У нее было такое ощущение, будто она действительно упадет, если не прижмется к нему.

Она ужасно хотела, чтобы он обнял ее. Как сегодня днем. И вчера ночью... Она не могла вспомнить ничего из того, что говорила ему, но отчетливо помнила все те ощущения, которые испытывала, когда он держал ее в своих руках. Так, будто ничто в мире не смогло бы обидеть, сломить или коснуться ее.

Продолжая ошеломленно смотреть на Эрика, Клэр вновь, поддавшись какому-то необъяснимому порыву сделала то, что не должна была делать ни при каких обстоятельствах. Она снова сказала ему правду.

— Я не могу заплести волосы.

Было такое ощущение, будто он вовсе не дышал всё время, пока ждал ее ответа. А потом... потом Эрик глубоко вздохнул, и всё напряжение разом покинуло его.

Глядя ей прямо в глаза, он тихо спросил:

— Хочешь, я помогу?

У нее кружилась голова. Сила, которая притягивала к нему, была уже неподвластна ей. И Клэр внезапно испугалась. Испугалась того, что творит. Она должна была отпустить его... Но, Боже, она не хотела, чтобы он ушел!

Решив, что сходит с ума, Клэр медленно отошла от двери и раскрыла ее так, чтобы впустить его.

— Хочу.

Эрик какое-то время задумчиво смотрел на нее, будто не ожидал, что она примет его помощь, но потом медленно перешагнул порог ее комнаты. Едва шевелясь, она всё же закрыла дверь, и только когда обернулась к нему, осознала, что на самом деле наделала!

— Что я должен сделать?

Легкий трепет прошелся по всему ее телу от звука его глубокого голоса. Не в состоянии смотреть на него, Клэр направилась к туалетному столику, на котором стояла шкатулка для драгоценностей. Где лежало его кольцо. Эта мысль еще больше смутила ее, поэтому, быстро схватив красивую расческу с густой щетиной, она развернулась и едва ступая на дрожащих ногах, подошла к Эрику. Он стоял на прежнем месте и внимательно следил за ней.

Клэр вновь подумала о том, как ему нелегко подпустить к себе весь мир, а ее... В этом было одновременно нечто пугающее и сокровенное, потому что это делало ее... Он своим поступком делал ее особенной.

Рассеянно сжимая дрожащими пальцами расческу, Клэр подошла к нему так близко, что легкий запах сандалового дерева и специй тут же захватил ее.

— Вот, — прошептала она, протянув ему расческу. — Для начала расчеши мои волосы.

Когда он взял расческу, Клэр быстро отвернулась и направилась к камину, чувствуя, как горят щеки. Господи, она едва могла пошевелиться и не помнила, как опустилась на мягкую банкетку. Обострившийся слух пытался уловить каждый звук, каждый шорох, который бы известил ее о том, что он приближается.

И он приблизился, остановился позади, а потом уселся в кресле, стоявшее за банкеткой. Эрик был так близко, что мурашки забегали по спине, а сердце и вовсе остановилось, когда он взял одной рукой густую массу волос, а другой держа расческу, стал их расчесывать. Клэр

затопила такая неизъяснимая волна радости и облегчения, что глаза закрылись сами собой. От этого его прикосновения ощущались еще острее. И вновь воспоминания о прошлой ночи настигли ее, напомнив все те сладостно будоражащие ощущения, которые нахлынули на нее тогда. Которые она испытывала и сейчас. Которые усиливались по мере того, как он расчесывал ее волосы, превращаясь в чарующее удовольствие.

С ней происходило нечто волшебное, нечто настолько восхитительное, с чем она могла бы жить так вечно.

— Что... что мне делать дальше?

Голос Эрика вторгся в затуманенное сознание, но Клэр не могла открыть глаза, замороженная этим таинством, расслабленная тяжелой негой, от чего не могла пошевелиться.

- Клэр?

Она вздрогнула, но не смогла открыть глаза. Вместо этого Клэр испытала желание откинуться назад. Потому что знала, что тогда непременно прижмется к его груди. Невероятно широкой, твердой груди. Ей казалось, что если она сделает это, она... никогда больше не сможет отпустить его.

— Раздели... мои волосы на три части, — с трудом, но всё же заговорила Клэр, — а потом по очереди заплети их крест накрест. Сможешь?

Он ничего не ответил. Следуя ее указаниям, Эрик отложил в сторону расческу, осторожно разделил ее волосы, а потом стал заплетать. При этом порой касался своими теплыми пальцами то шеи, то оголенных плеч так, будто невольно ласкал ее. Клэр перестала замечать что-либо вокруг, задыхаясь от того, что он делал. От того, что заставлял ей испытывать.

Боже, когда всё переменялось? Как так вышло?

Когда волосы были убраны, полностью оголив ее плечи, она вдруг почувствовала прикосновение теплого воздуха к своей коже, а потом изумленно поняла, что это дыхание. Дыхание Эрика, который оказался так невероятно близко. Так близко, что стоило сделать одно незначительное движение, и она бы тут же оказалась прижатой к его груди.

Она, вероятно, не смогла бы сдержаться и подалась назад, если бы...

Если бы Эрик так неожиданно не встал.

— Я закончил.

Он так быстро вскочил и отошел от нее, что Клэр даже стало больно. С трудом открыв глаза, она медленно обернулась, не понимая, что произошло.

А потом увидела, как он, едва стоя на ногах, привалился к столу, в который вцепился напряженными пальцами так, будто мог упасть. Наклонив голову к груди, он зажмурился так, будто и вовсе не дышал. И его лицо, искажившееся и застывшее...

Оно было почти белое!

Клэр так сильно потрясла эта картина, что она тут же пришла в себя. Совсем недавно он выглядел совершенно здоровым, а сейчас... Так он не выглядел даже после ее падения! Волнение перешло в беспокойство, а беспокойство в настоящую панику. Сейчас он побледнел так, будто... будто ему грозила опасность.

Не раздумывая ни секунды, Клэр встала и направилась к нему, позабыв обо всем на свете.

Он не должен был приходить сюда!

Ни в коем случае не должен был видаться с Клэр. Особенно так поздно. Особенно, когда на ней были только ночная рубашка и белый пеньюар, которые ничего не могли укрыть от него, обрисовав изящные изгибы стройного тела так, что у него перехватывало дыхание всякий раз, когда он смотрел на нее в свете свечей и камина.

Было непростительной ошибкой постучаться в ее дверь. Сумасшествием, которое обернулось против него.

Но как он мог остаться в своей комнате, когда страх душил его, являя образ падающей с дерева Клэр? Он до ужаса боялся того, что с ней снова может что-то произойти. Боялся, что ей может понадобиться помощь, а его не окажется рядом. Он не смог бы уснуть, не узнав, всё ли с ней в порядке. Шагая к ее двери, Эрик обещал себе, что непременно уйдет, если станет очевидно, что она спит.

Но в ее комнате горел свет.

Это могло означать всё, что угодно, но беспокойство за нее так сильно завладело им, что постучался.

Когда дверь отворилась, когда перед ним предстала Клэр с распущенными до пояса золотистыми волосами и широко раскрытыми бархатными глазами, Эрик понял, что не сможет уйти от нее. Не потому, что должен был позволить ей отдохнуть. Едва только он увидел ее, Эрик осознал, как отчаянно хотел быть рядом с ней. Он был захвачен ею настолько, что не мог даже двигаться.

Облегчение от того, что она цела и невредима, быстро сменилось другим, поистине неконтролируемым чувством, перед которым он был беспомощен.

Он, вероятно, спятил, но когда стало очевидно, что ей нужна помощь, Эрик сделал то единственное, что в тот момент пришло в голову. Он понятия не имел о том, как заплетать волосы. Он никогда прежде никому не заплетал волосы. Но Эрик не смог устоять. Он вообще никогда не мог устоять перед ней. Еще и потому, что она выглядела почти так же, как и в их брачную ночь. Только на этот раз глаза не были полны слез. Она не боялась его. И она... не прогнала его! Позволила касаться себя...

Эрик просто потерял голову.

Потерял тогда, когда меньше всего на свете ожидал этого. Особенно после того, как вернулся с того света. Особенно после того, что произошло. С ним. Но Клэр... Только рядом с ней начинало биться его сердце, только рядом с ней он мог забыть о том, что преследовало его каждую ночь. Она была лучшим, что случилось в его жизни. И навсегда останется. Даже когда уйдет.

Он не мог, не имел права... И всё же, рядом с Клэр он ощущал то, что не должен был ощущать, то, что казалось бы никогда не должно было вернуться в его жизнь. Ощутил тогда, когда Клэр заново научила его человеческому прикосновению, простым объятиям, и он на одно короткое мгновение подумал, что для него будет возможно нечто большее, чем простое существование. Поверил в то, что рядом с ней исчезнут и воспоминания.

Но они никуда не исчезли. Они будто дремали и ждали подходящего случая, чтобы напасть на него и разорвать на части. Прежде это бы обрадовало его, но теперь он не мог позволить этому случиться. Потому что должен был оберегать Клэр! Потому что она была

рядом и не должна была видеть всё это.

Но у него ничего не вышло!

Черт бы побрал всё на свете, но ему было суждено погибнуть у нее на глазах!

Ему нужно было уйти отсюда, но Эрик по-прежнему не мог пошевелиться.

Человек, переживший то, что пережил он, не мог, не должен был иметь никаких способностей реагировать на то, что происходило. И все же он отреагировал. Отреагировал так, как в тот первый день, когда Клэр упала в его объятия, перевернув весь его мир.

Эрик до такой степени остро реагировал на нее, что волосы на затылке становились дыбом. Сперва чарующее, затем волнительное ощущение переросло в нечто почти неконтролируемое, в то, что охватило его целиком и полностью.

Теперь, расплачиваясь за допущенную ошибку, он был вынужден стоять посреди комнаты Клэр, цепляясь за стол, задыхаясь, и бороться, изо всех сил бороться со своими демонами, чтобы прийти в себя.

Но не мог...

Расчесывая благоухающие, шелковистые волосы, которые в свете мерно горевших свечей и камина переливались всеми оттенками золота, Эрик чувствовал тонкий, упоительный, неповторимый запах ландышей. И тепло Клэр, которое манило его как капелька воды измученного жаждой путника. Он старался не касаться ее, но всё же порой пальцы невольно проходились по оголённой коже шеи и плечам, такой нежной и бархатистой, что ему стоило огромных усилий не наклониться и не коснуться ее губами.

Когда же волосы были собраны, взору предстала удивительно изящная линия шеи, мягко перетекающая в хрупкие плечи. Эрик всё смотрел на эту захватывающую картину, понимая, что до смерти хочет дотронуться до нее. А потом обнаружил, как тело его напрягается и наливается совершенно определённой тяжестью. Какое-то время он не мог дышать, ошеломленный тем, что это могло означать. В голове что-то щелкнуло, жаркая волна проползла по позвоночнику прямо вниз, угнездившись в самом опасном месте и заставив его замереть, а потом...

Потом он вовремя встал и отошел от нее, пока не стало поздно.

Потому что потом стало поздно делать что-либо еще.

Перед глазами встали образы, которые вот уже два месяца преследовали его во сне и наяву. Его трясло так сильно, что Эрик боялся упасть. На грудь давила невыносимая тяжесть, в ушах звенели жуткие голоса...

Ему мерещился гнусный оскал, ржавый смех и торжествующая улыбка... Голоса... то тихие, то громкие... Так громко, что он едва не оглох. И лица... лица расплывались и становились все менее отчетливыми, но они продолжали появляться друг за другом, терзая сознание... И на фоне всего этого играла какая-то зловещая, громкая, скрипучая музыка, заглушая его стоны...

Эрик попытался прогнать их, но добился совершенно другого результата. Мгновения, проведенные рядом с Клэр, настолько расслабили его, что он был совершенно беспомощен перед прошлым, которое так внезапно ожило...

В последний раз, когда воспоминания вернулись, ему понадобилось две недели, чтобы от них избавиться. А теперь... Теперь он даже не помнил, как это делал. Как он с этим справится сейчас?

Впервые за очень долгое время его охватило желание столь сокрушительное и очевидное, что он едва мог дышать. Не мог пошевелиться. Желание, которое могло разорвать

его на части и окончательно уничтожить, потому что воскресило то, что он старался забыть. Желание, с которым прежде ему удавалось совладать, даже в присутствии Клэр. Желание, которого прежде он страшился и подавлял любыми способами... Совершенно другое желание, которое пробудила в нем именно она.

Это было ошибкой. Ошибка, что он пришел к ней, и всё же дело было сделано.

Эрик уцепился за стол, чтобы не упасть, и старался дышать, но не мог. Он задыхался. Тело дрожало от мучительного спазма, которое сжало будто бы в железных тисках его кресла. Он зажмурился, но гнусные образы не исчезали, а дрожь в теле ни на миг не оставляла его.

Господи, он так надеялся, что всё это исчезло! После появления Клэр в его жизни воспоминания действительно отступили, и на короткое мгновение ему было дано освобождение. Ему стало казаться, что рядом с Клэр всё будет иначе. Что прошлое может остаться в прошлом. Но как глупо было...

Заблуждения привели его к краю гибели. А сейчас пытались окончательно покончить с ним.

Как он мог бороться с ними, если у него почти ничего не осталось? Как он мог забыть железную хватку, которая ни на миг не ослабевала? Хватка настолько мучительная, что он чуть не взорвался в прошлый раз. Хватка, воспоминания о которой сейчас терзали его так, что невозможно было сопротивляться им.

Эрик продолжал дрожать, зажмурив глаза и борясь с тем, что разом освободило всех его демонов. Он не имел права касаться Клэр... Не имел права позволять желанию затопить себя настолько, что это в конце концов оживило прошлые кошмары.

— Эрик?

Раздавшийся совсем рядом голос Клэр прошелся острым лезвием по воспалённым нервам. Эрик понимал, что должен взять себя в руки и уйти. Чтобы не пугать ее. Чтобы не являть ей того, что она не должна увидеть...

— Эрик, что с тобой? — голос ее на этот раз прозвучал с беспокойством. Она стояла совсем близко, а он даже не услышал, как она подошла. — Тебе нехорошо?

Холодный пот катился по спине, заставив материю рубашки прилипнуть к коже. Сердце стучало в груди так, что могло лопнуть в любое мгновение, но он должен был хоть как-то дать ей понять, что всё хорошо, чтобы действительно не напугать ее.

Эрик открыл рот, чтобы заговорить... но так и не сумел вымолвить ни слова, продолжая ощущать на своем теле обжигающие тиски железа...

А потом он ощутил нечто совсем иное.

Что-то мягкое и теплое опустилось ему на напряженное плечо. Он застыл, затаив дыхание. Сознание туманилось, но он всё же понял, что это было.

Рука. Нежная рука Клэр. Единственная рука, прикосновение которой он всё же мог вынести. Рука, которая была способна прогнать, заставить забыть... Спасти...

— Ты дрожишь, — послышался ошеломленный шепот Клэр. Она подошла к нему еще ближе. — Эрик, что с тобой?

Он смог задыхаться. Каким-то чудом сумел открыть глаза и посмотреть на нее. С собранными и заплетенными волосами она казалась невероятно юной и хрупкой. Клэр действительно стояла рядом с ним. Всего в шаге от него, но так невероятно близко, что очередная дрожь прокатилась по всему телу, угнездившись в самом болезненном месте, потрясая и ужасая. Вновь заставляя задыхаться... Эрик знал, был уверен, что его погубит

желание, если только он однажды позволит ему пересилить себя. И вот он стоял перед той, кто смог разбудить это желания, сходил с ума от желания к ней и ничем не мог остановить демонов прошлого, которые истязали его.

Что могла против этой армии сделать одна маленькая, хрупкая рука?

— Эрик? — потрясенно молвила Клэр, а потом сделала то, что не ожидала от нее даже вся многочисленная армия, возомнившая, что одержала над ним верх. Клэр сделала еще один шаг, самый последний, который отделял их друг от друга, обхватила дрожащими руками его торс и прижалась щекой к его груди. — Ты весь дрожишь. Успокойся... Всё хорошо, всё хорошо... Успокойся.

Она обняла его тогда, когда он этого не заслуживал! Боже, он ведь разрушил ее жизнь... но даже тогда она не ушла, а он чувствовал успокаивающие поглаживания ее рук на своей спине.

Что-то болезненно хрустнуло в груди. Эрик какое-то мгновение не мог пошевелиться, потрясенный ее поступком, а потом из горла вырвался мучительный стон. Его обдало обжигающей волной, но в этом уже не было ничего ужасающего. Закрыв глаза, он поднял одеревеневшие руки, обхватил ее худенькие плечи и прижал к себе так крепко, что мог задушить ее. Если бы не Клэр, он бы... он бы непременно погиб. Без ее тепла. Без ее объятий.

Объятия, которые потрясали и умиляли одновременно. Объятия, в которых он так отчаянно нуждался. Человеческие объятия, ценность которых она вернула ему.

Он не знал, понятия не имел, почему у нее была такая власть над ним, но только ее прикосновения приносили ему облегчение. Он дрожал, но уже не от тех мучительных воспоминаний. Эрик больше не видел мрачные картины. Он чувствовал Клэр, всем телом. Всей душой. Сердце сжалось от такой мучительной боли, что он снова застонал, а потом... потом услышал мелодию, тихую будоражащую мелодию души, которую играла Клэр в тот самый первый день. Мелодии, которая бросила его на самое дно, а потом с такой же молниеносной силой вытащила со дна. Потянула прямо к свету, к Клэр. Боже, он так хорошо помнил ее музыку, а ведь когда-то в ужасе содрогался от малейшего звука!

Впервые он обнимал ее по-настоящему и так крепко. Так, как никогда никого не обнимал. И был уверен, что больше никого и не обнимет. Это было так же очевидно, как и то, что он желал только ее. И когда она обняла его, когда спрятала лицо у него на груди, в его желании не осталось ничего мерзкого, ничего отвратительного или гнусного. Желание, которое могло бы освободить его, желание столь чистое и неудержимое, что он снова стал дрожать.

Задыхаясь от благодарности к ней за ту капельку сострадания, которую она пожелала дать ему, чтобы спасти тогда, когда ничего не смогло бы спасти его, Эрик удивлялся тому, как одно единственное прикосновение могло обернуть ад раем, а мрак — светом.

— Эрик? — вновь раздался ее голос в безмолвии комнаты.

И Эрик стал постепенно приходить в себя. Настолько, что смог услышать треск поленьев в камине. Слышал ровное дыхание Клэр. И свое собственное. Он почувствовал стройное, худенькое тело, прижатое к нему, тоненькую талию, которую сжимал, мягкую округлую грудь, не спрятанную за корсетом и слоями одежды, а прижатую к нему. Нежный запах ландышей... Мучительная горечь прошлого желания сменилась прикосновением столь чистым, что видения отступили совсем. Настолько, что Эрик смог открыть глаза и оглядеться.

Он стоял в небольшой комнате, где мерно горел огонь. И горели свечи, мягкий свет которых падал на мучительно красивое лицо, поднятое к нему. Эрик заглянул в волшебные темно-золотистые глаза, и почувствовал, как перехватывает горло, как боль сжимает сердце. Едва дыша, он поднял руку и погладил ее по мягким волосам, которые сам же заплел. Клэр не отстранилась от него. Не попыталась отодвинуться.

Клэр... Единственное чудо в его жизни.

— Почему ты это сделала? — с трудом заговорил он, не в состоянии перестать дотрагиваться до нее.

Взгляд ее был полон беспокойства.

— В тот момент... тогда мне показалось, что это тебе необходимо, — прошептала Клэр, не представляя, что своей искренностью разбивает его вдребезги разбитое сердце. — Что с тобой произошло? Что это было?

Эрик всё смотрел ей в глаза, понимая, что если бы не она, он вероятно никогда бы не пришел в себя. В последний раз, когда воспоминания нагнали его, ему потребовались все его силы, чтобы справиться с ними. А сейчас Клэр сделала это за считанные минуты. Одним своим прикосновением. И если прежде он полагал, что у нее есть некая власть над ним, теперь в этом не осталось никаких сомнений. Потому что ей под силу было то, что не смог бы сделать никто.

Погладив ее по щеке, Эрик осторожно заправил за ушко выбившуюся шелковистую прядь, чувствуя, как выравнивается дыхание. Как постепенно успокаивается сердце. И начинает биться иначе.

— Всё... всё хорошо, — солгал он, не собираясь пугать ее. Или говорить правду.

Особенно эту правду.

Клэр нахмурилась.

— Ты уверен?

Милая Клэр, как он мог быть в чем-то уверен, если она обнимала его, а он продолжал желать ее? Желание никуда не ушло. Оно по-прежнему сковало всё его тело, но сейчас в желании не было мерзости и боли. Когда-то Эрик был уверен, что не сможет дотронуться ни до кого, ни за что не пожелает ни одну женщину в мире, а сейчас, глядя на Клэр, он удивлялся тому, как легко может касаться ее, чувствовать ее. Желать ее... Только ее одну... Так сильно, что болела каждая напряженная мышца, каждая косточка его тела. Она даже понятия не имела о том, насколько могла быть желанной.

— Да.

Она окинула его лицо изучающим взглядом, затем вновь заглянула в глаза.

— Да, нормальный цвет возвращается к тебе. Ты был так бледен... — Клэр внезапно подняла руку и положила ладонь ему на грудь. Прямо туда, где билось его сердце. Сердце, которое мгновенно замерло от ее прикосновения. — И твое сердце... оно тоже успокоилось.

У Эрика было такое ощущение, будто она дотронулась до самого его сердца. Какое-то время он не мог дышать, затем, подняв руку, он накрыл ладонью ее руку. Ее забинтованную руку.

— Клэр... — прошептал он вымученно.

— Что это было?

Она не собиралась отступать, пока не получит ответа, делая почти то же, что совсем недавно делал он, стоя у ее порога. Вот только Эрик не смог бы сказать ей ничего.

Это было невозможно.

— Это...

— Это произошло по моей вине?

Ее вопрос потряс его до глубины души. Подняв свободную руку, Эрик осторожно коснулся ее мягкой, теплой щеки.

— Как ты могла подумать такое?

— Ты так резко побледнел...

Она действительно была напугана тем, что произошло. Тяжело вздохнув, Эрик медленно погладил ее по щеке.

— Это совсем не то. Клянусь, всё уже позади...

— Но что это было?

Он мягко покачал головой.

— Прошу тебя, не нужно больше волноваться. — Он даже не мог благодарить ее за объятия, которые спасли его, потому что тем самым укрепил бы ее мнение в том, что ему действительно была нужна помощь. — Всё хорошо.

Она замерла, будто бы поняв, как ему невыносимо говорить об этом.

Осторожно скользнув рукой по его груди, не представляя, как это действует на него, Клэр дотронулась до ворота его рубашки и, задумчиво глядя на его шею, тихо заговорила, комкая между пальцами мягкий лён.

— Знаешь, в детстве, когда я однажды заболела, очень сильно болела, так что неделю не могла встать с постели, Руперт, мой брат, как-то утром проник в мою комнату. Оказалось, что он принес мне горстку свежей клубники. Тогда все стремились помочь мне, чтобы я поскорее поправилась. Руперту было всего три годика, но он тоже волновался. В тот день он посмотрел на меня красивыми зелеными глазами и сказал, что если я съем всю клубнику, которую он принёс, мне обязательно станет лучше. Я едва мола двигаться, мне было трудно глотать, я вообще ничего не могла есть. Но я съела все пять ягод клубники, которые он протягивал мне. Я как сегодня помню их. Всего пять, но они были такими сочными и сладкими. Я съела все до последнего. — Клэр заглянула ему в глаза и тихо добавила: — И всё действительно прошло.

Эрик слушал ее с благоговением. Потому что даже сейчас она делилась с ним самыми своими сокровенными воспоминаниями, не представляя, что это значит для него.

— Твой брат любит клубнику?

Она медленно кивнула.

— Не то, чтобы очень, а вот я...

— С тех пор ты полюбила клубнику, — изумленно договорил Эрик, почти как вечность назад, когда заканчивал за нее фразы, угадывая ее мысли.

Что ей понравилось. Продолжало нравиться. Клэр снова кивнула. Мягко, почти одобряюще.

— В тот год, когда сезон клубники закончился, папа велел нашему повару варить из них джемы, чтобы я могла есть их даже зимой.

Он не смог не уловить грусть, перемешанную с болью, когда она заговорила об отце.

— Сейчас конец мая, конец сезона цветения ландышей и начало сезона клубники.

Клэр вновь нахмурился, взгляд стал вопросительным.

— Сегодня... скажи, ты сегодня ел клубничный джем?

Эрик удивленно замер, убрав от ее лица свою руку. Замерла и ее рука на его шее.

— Что?

Взгляд ее стал острее.

— Клубника... от тебя пахло клубникой, когда ты поймал меня у дерева.

О Господи, она заметила, чем он пах? Эрик даже не думал, что такое возможно.

— Да, пробовал, — как в тумане пробормотал он, не в силах утаить от нее эту правду.

На милом лице застыло недоумение.

— Почему? Ты ведь не любишь сладкое.

Невероятно, но она запомнила даже это. Запомнила и пожелала воскресить воспоминания почти так же, как сегодня днем, когда вытаскала листок из его волос. Она даже не представляла, как это было важно для него. И чтобы хоть как-то дать ей это понять, он ответил так же честно, как в день прогулки.

— Не люблю, но я хотел знать, какой вкус у твоей любимой клубники.

Глаза ее потрясенно расширились, будто бы она не ждала от него такой честности, а потом быстро опустила голову, пряча от него свой взгляд.

— И тебе... тебе понравилось?

Эрик вдруг заметил, как порозовели ее щеки, а потом ошеломленно догадался, что это румянец. От волнения. Это стало очевидно еще и потому, как быстро она убрала от его шеи свою руку. Но Эрик не хотел терять чувство ее прикосновения, поэтому тут же схватил ее руку. И когда она вновь посмотрела на него, он тихо заговорил:

— Не поверишь, но очень понравилось.

Глаза ее мерцали, будоража и околдовывая.

— На самом деле?

Эрик подумал о том, что мог бы поцеловать ее сейчас. Мог бы коснуться ее губ и ощутить еще раз их вкус, их сладость. Их неповторимое тепло... Если бы это было возможно.

— В детстве, когда я много учился и до вечера пропадал в комнате для занятий, Алан и Дилан прибегали ко мне и приносили с собой теплый, густой бельгийский шоколад, который часто привозил отец. Они говорили, что это полезно и улучшит мою работоспособность, чтобы я больше запоминал.

— Ты любил теплый шоколад? — изумленно спросила Клэр.

Только сейчас Эрик вспомнил, что и она любит шоколад.

— Твой шоколад разбавляется молоком, а мой не был таким жидким и быстро затвердевал, когда начинал остывать. Такой способ выжимки масла какао из тёртого какао запатентовал четыре года назад в 1828 году голландец Конрад ванн Гутен. Мои братья обожали этот вид шоколада и регулярно снабжали меня этим лакомством целых два года, но потом...

— Что произошло?

— Я наелся шоколада так много, что он перестал мне нравится. Мне становилось плохо уже от одного его запаха, с тех пор я не могу есть сладкое.

Она так пристально смотрела на него, словно стремилась добраться до всех его тайн. А потом к его удивлению сжала его руку, которой он держал ее, и... Эрик не мог поверить своим глазам, но ее восхитительные губы раздвинулись в такой манящей и ласковой улыбке, что у него чуть не остановилось сердце.

Господи, она улыбалась ему! Впервые за долгое время улыбнулась так, как не должна была улыбаться никогда. Улыбнулась так, что его сердце разбилось во второй раз.

— Зато шоколад помог тебе запомнить всевозможные даты и события. Удивительно, как при твоей нелюбви к сладкому, ты всё же попробовал клубничный джем.

Удивительно, что всё это не снится ему сейчас. Выпустив ее руку, Эрик как зачарованный коснулся пальцами ее губ, чувствуя крупную дрожь во всем теле.

— Ты... твоя улыбка! Никогда не видел ничего прекраснее. — Она замерла, а улыбка сбежала с милого лица. Эрик испытал настоящую боль от того, что так быстро развеял внезапно появившееся в его жизни чудо. Опустив руку, он покачал головой. — Прости...

Господи, что он делает! Что он творит! Еще немного и он окончательно потеряет голову. Прежде ему удавалось контролировать себя, но теперь когда даже прошлое не могло уже остудить его, Эрик был в полном отчаянии, потому что знал, что не может притязать на нее, не имеет права даже поцеловать ее. Черт бы побрал всё на свете, но он вёз ее в Шотландию, и единственная причина, по которой он мог бы дать ей развод — не консумировать брак.

Вот о чем он должен был помнить всякий раз, когда смотрел на Клэр. И всё же, даже его великая сила воли была неспособна бороться с силой притяжения к ней.

Отпустив ее, Эрик отвернулся, продолжая дрожать. Продолжая желать ее даже тогда, когда желание чуть не сгубило его. Проведя рукой по своим волосам, он рассеянно огляделся и внезапно увидел на столе книгу, которую заметил еще в ту ночь, когда принес ей воды. Нахмурившись, он потянулся к ней и взял...

— Биография Сальери?

Он удивленно посмотрел на Клэр, которая вдруг напряглась и пристально посмотрела на книгу.

— Да, я... я взяла ее в дорогу, чтобы читать.

Было в ее голосе нечто такое, что насторожило его.

— Сальери, который был учителем твоего любимого Бетховена и к которому стремился попасть любой начинающий композитор?

Глаза ее, эти восхитительные темно-золотистые глаза расширились от удивления почти так же, как и в тот день во время танца, когда он признался, что читал о Бетховене.

— Ты читал не только о Бетховене, верно? — спросила она, быстро взглянув на книгу.

Эрик вдруг замер, осознав одну важную вещь: после свадьбы они никогда больше не говорили о ее любимом Бетховене и тем более о музыке. И она больше не играла на пианино. Ни для кого. Это могло вновь заставить его ощутить чувство вины. Если бы не появилось другое желание: желание вернуть ей музыку. Эрик прочитал гораздо больше, но ничего не сказал Клэр, потому что в ней было какое-то странное напряжение, которое он не мог понять.

— Да, — медленно кивнул он.

Клэр протянула руку. К своей книге.

— Можно?

Эрик нахмурился, но вручил ей книгу.

— Конечно.

И только когда она забрала свою книгу, он увидел, как напряжение отпускает ее. Странная перемена, которая прошла так же быстро, как и возникла.

Вздыхнув еще раз, Эрик вновь отвернулся от нее и на этот раз уже решительно зашагал к двери.

— Уже поздно. Тебе нужно отдохнуть. Запри дверь и никому не открывай.

Он услышал позади легкие шаги, и когда перешагнул порог и обернулся, она стояла почти рядом, придерживая свободной рукой дверь. Такая же восхитительная, юная и

ошеломляюще красивая с собранными волосами.

— Спасибо, — обронила она.

— За что? — изумился Эрик, сознавая, что это он должен упасть перед ней на колени и благодарить за всё то, что она сделала для него.

Клэр медленно подняла к нему сове невероятно красивое лицо.

— За то, что заплёл мои волосы.

Она сказала это так, будто он подарил ей все сокровища мира. Он был готов ради нее не только на это. Эрик кивнул, и как бы мучительно ни было уходить, он всё же прошептал:

— Я всегда помогу тебе. Что бы ни произошло. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — молвила она и, наконец, прикрыла дверь.

Застонав, Эрик привалился к двери и закрыл глаза, потрясенный тем, что произошло. Что продолжало происходить. Что он не мог остановить, но должен был сделать это во что бы то ни стало. Иначе погубит Клэр окончательно. А этого он точно не смог бы допустить.

После возвращения Эрик не допускал и мысли о том, что когда-нибудь вновь сможет ощутить это мучительное, почти парализующее чувство, от которого едва не ослеп в прошлый раз... А теперь, когда Клэр превратила его кошмары в чистое безумие, Эрик не представлял, как будет видеться с ней, как будет разговаривать с ней, не желая дотронуться, поцеловать ее... Как он мог перестать желать ее тогда, когда его тянуло к ней с такой сокрушительной силой?

Ему было непросто сражаться с собственным желанием, но он должен был держать себя в руках, пока не довезет ее до места. Он не имел права рушить последнее, что у нее осталось. Он не смог бы поступить с ней так...

Клэр была не только его спасением, лучиком света...

Она была...

Эрик резко открыл глаза и тяжело вздохнул, охваченный холодной решимостью довести дело до конца. Он дал ей слово. И не только ей...

«Почему хочешь отдать меня другому?»

Ему было невыносимо думать об этом, но он должен был сделать и это!

Прежде он полагал, что найдёт в себе силы вручить ее тому шотландцу, но только теперь стал понимать, что сил может не хватить... Потому что он играл с настоящим огнем.

* * *

Утром на подносе с любимым завтраком Клэр стояла вазочка с маленьким букетиком ландышей.

Утром пятого дня, проведённого в пути, Эрик стоял во дворе гостиницы и ждал появления Клэр, не собираясь теперь оставлять ее одну. Он понимал, как мучительно будет для него видеть ее, но он должен был убедиться в том, что она в целости благополучно сядет в ждущую их карету.

Сжимая руку, Эрик старался дышать и уверял себя, что сумеет вынести эту встречу. И все последующие, которые потребуются, чтобы довезти ее до места назначения.

Было необычайно теплое и солнечное. Совсем скоро наступит лето, цветы распустятся и станут благоухать во всю силу. Птицы начнут петь более заливисто, жизнь обретет новые краски. Но ему ничего этого не придётся увидеть. Они проделали половину пути, и если смогут придерживаться строгого графика и двигаться без задержек, через два-три дня они окажутся в Эдинбурге... Эрик леденел от этой мысли, всю ночь меря шагами свою комнату. Он не мог уснуть, то дрожа, то цепенея от того, что собирался сделать. Прежде ему казалось, что он справится, ему просто нужно было привезти Клэр в Эдинбург и оставить ее там, но теперь...

Теперь, когда он еще больше узнавал ее, теперь, когда узнал силу ее обьятий и вновь почувствовал тепло ее улыбки, которая вернулась к нему...

Это было невыносимо.

Едва дыша, Эрик провёл ладонью по своим спутанным волосам и надел шляпу, изо всех сил стараясь взять себя в руки, но, чёрт побери, он не мог этого сделать.

Еще и потому, что заметил в проёме входной двери Клэр.

У него замерло сердце, когда их взгляды встретились.

Боже, она была великолепна! Так красива, что сердце могло разорваться в груди. Такая стройная, такая грациозная, когда она шагнула к нему. Цепенея от ужаса, он наблюдал за тем, как она приближается. Вместе с этим напряглось всё тело, а потом взорвалось мучительным желанием. Господи, он продолжал желать ее! Желать так, как не желал никого. Всю ночь, сидя на стуле и пытаясь с этим бороться, Эрик поражался тому, как стремительно чувство отвращения сменилось незапятнанной и непорочной святостью того, во что Клэр обернула его чувства. Его желание к ней было столь велико и неодолимо, что это буквально сокрушило. Он хотел бы вот так же спокойно подойти к ней, хотел обнять ее, прижать к себе... Господи, он так многого хотел, но у него не было право ни на что!

Стоя неподвижно, Эрик смотрел, как Клэр с аккуратно уложенными на макушке блестящими заплетенными волосами и в том самом лимонного цвета платье из атласа, в котором он нашёл ее три ночи назад на лестничной площадке в гостинице, оказывается всё ближе и ближе. Глаза ее сияли непостижимой тайной, которая пугала еще больше. Эрик позабыл обо всем на свете, глядя на девушку, которая даже сейчас продолжала переворачивать его мир.

С букетом отосланных ей цветов!

Он не должен был так пристально смотреть на нее, но вся его сдержанность мгновенно разбилась об острые камни того светлого и прекрасного, что она заставляла его испытывать.

— Доброе утро, — прошептала она, остановившись перед ним. Лучи утреннего солнца запутались в ее восхитительных волосах, которые он расчесывал и заплетал еще совсем недавно. — Как ты себя чувствуешь?

Она так и не забыла произошедшее ночью. Эрик проглотил образовавшийся ком в горле и сумел всё же ответить ей.

— Хорошо, а ты как? Как твоя рука?

Она быстро взглянула на забинтованную руку, в которой держала букет.

— Живает.

Внезапно вскинув голову, Клэр пристально посмотрела на него. А потом улыбнулась. Она вновь улыбалась. Ему! Улыбалась так, что вокруг всё засияло и чуть было не ослепило его.

— Спасибо.

У него было такое ощущение, будто его ударили в солнечное сплетение.

Ее улыбка творила с ним невероятные вещи, переворачивая сердце, и Эрик не смог устоять. Сделав шаг вперед, он оказался рядом с ней и, подняв руку, осторожно коснулся пальцами ее нежных губ. Коснулся ее улыбки, ощутив тепло ее дыхания. Так отчетливо, что дрожь прокатилась по всему телу.

— Ты снова улыбаешься, — прошептал он, умирая от желания поцеловать ее.

На этот раз улыбка не сошла с ее милого лица. Будто она поняла, что значит для него ее улыбка.

— Где ты нашёл цветы?

Тяжело дыша, Эрик опустил руку.

— Неважно.

Она вдруг сделала шаг в его сторону, почти вплотную приблизившись к нему и, подняв свободную руку, дотронулась до его щеки. Эрик застыл, затаив дыхание.

— Для меня важно, ведь сейчас конец сезона цветения ландышей.

У него возникло желание прислониться к ней, сжать ее в своих объятиях и никогда больше не отпускать. Господи, если бы только это было возможно! Если бы только он знал до встречи с ней, что она любит другого! Если бы у него была хоть бы малейшая возможность претендовать на ее сердечко!..

Задышавшись, он с трудом заставил себя отстраниться от ее нежной руки и выпрямиться, понимая, что если еще немного дольше будет стоять рядом с ней, он забудет все свои обещания и заветы, которым должен был придерживаться, и испортит то последнее, что связывало их.

— Пойдем, — сказал он чуть более резко, чем хотел, но у него не было больше сил выносить ее близость. Эрик стоял у кареты до тех пор, пока Клэр не подошла. Открыв дверь, он старался не смотреть на нее, ожидая, пока Шоу, который оказался рядом, помог Клэр взобраться в карету. — Если тебе что-нибудь понадобится, дай мне знать.

Шоу уже ушёл, поэтому Эрик сам должен был закрыть дверь. И только тогда он позволил себе на мгновение взглянуть на нее. Клэр выглядела удивлённой, даже больше, почти ошеломленной тем, как он повёл себя. Почти равнодушно и отстранённо. Особенно после того, как сам вызвался заплести ей волосы. И его подарок, который она держала в раненой руке, прижатой к груди, будто в ней было нечто невероятно ценное, с чем она не желала расставаться. Глядя в застывшие тёмно-золотистые глаза, Эрик не мог понять, почему она так и не смогла возненавидеть его. Так было бы легче контролировать себя и свои чувства. Так было бы легче избегать ее... Так и ей было бы легче держать его на расстоянии.

Но вся ирония заключалась в том, что даже это не умаляло силу его желания. Силу того,

что разрывало на части его сердце.

Поэтому он быстро прикрыл дверь, понимая, что прежний ад, через который ему пришлось пройти, сейчас выглядел лишь простой прелюдией к тому, что ждало его впереди.

* * *

Клэр была безмерно рада тому, что увидела его утром в добром здравии, но только-только ей стало казаться, что она понимает его, только у нее появилось желание не просто довериться ему, но и оберегать и защищать, как его лицо вновь превратилось в холодную маску, и Эрик стал тем самым незнакомцем, который начинал не на шутку пугать ее.

Произошедшее ночью оставило такой неизгладимый след, что до сих пор она вздрагивала, вспоминая, с каким пугающим отчаянием он крепко обнимал ее, стоя посередине ее комнаты. У нее было такое ощущение, будто он развалится на части, если она не обнимет его. И она обняла, желая этого больше всего на свете. А он продолжал дрожать так, что задыхался. Ей было так страшно, что она уже не знала, что сделать, чтобы привести его в чувство. Еще и потому, что ощущала, как неистово бьется его сердце.

Каким-то чудом он всё же пришёл в себя, но так и не сказал ей, что было с ним. Она видела, поняла по выражению его тусклых глаз, что ему тяжело говорить об этом. С ним произошло что-то серьёзное, что-то, что заставило его побледнеть так, от чего он едва не лишился чувств. Что-то, что заставило его глаза потемнеть от глубокой, вековой боли, которую она уже видела в них когда-то: в день прогулки по Гайд-парку, когда он говорил о своем разбитом носе. И поздним вечером на следующий день после свадьбы, когда он обернулся к ней, стоя у камина. Почему ей стало казаться, что он не просто так упал и сломал нос?

Всю ночь она ворочалась в постели, не в состоянии прогнать беспокойство за него. Ей было необходимо узнать, понять, что с ним творилось. Все эти странные попытки держать мир на расстоянии от себя, его мрачность, неприступность... И только теперь она стала понимать, что за всем этим может скрываться что-то поистине ужасающее. Боже, что с ним произошло?

Но даже в таком состоянии он подумал поведать ей небольшую тайну своего детства. Глядя на то, как он рассказывает ей о своих давних детских воспоминаниях, Клэр ощущала глухую боль в груди, понимая, что вместе с рассказом, он отдает ей и частичку себя. То, что она с такой жадностью забрала себе. Возможно то, что не видел никто другой. Такой сложный и сдержанный человек, ей было трудно представить, чтобы он поведал эту историю кому-то еще. А ей пожелал рассказать...

«У тебя есть тайны, мечты?» — будто бы доносился до нее голо из прошлого.

Она внезапно вспомнила, как сидела на кровати в гостинице «Маркиза», касалась его и просила рассказать хоть что-то о себе. Боже, неужели она действительно это сделала? Сделала то, что помогло бы ей лучше понимать его, хоть что-то узнать о нем. Но даже без этого она теперь так много знала о нем. Она знала, как бьется его сердце, как уютно в его объятиях, как тепло прижиматься к его груди, как волнующе от него пахнет... Одно это заставляло ее испытывать то, что она никогда ни с кем не ощущала. Клэр было мучительно это признавать, но даже Клиффорд не вызывал в ней тех щемящих, сложных чувств, которые

вызвал в ней Эрик одним своим прикосновением. Как она могла утаить и не рассказать ему о том, почему полюбила клубнику? Джем, который он действительно попробовал лишь для того, чтобы знать, какой вкус у ее любимой клубники!

Клэр едва сдерживала слезы, сидя одна в карете и сжимая в руке букет белых ландышей. Которые он тоже нашел и принес специально для нее! Прежде она считала его замкнутым, малообщительным, но даже его стремление держать мир на расстоянии от себя не помешало ему не то что наказать, а вознаградить бедное дитя, которое даже не думало украсть ее шаль. Многие на его месте проявили бы свою властность, утверждая свое исключительное положение в обществе, но только не Эрик. Клэр не могла себе представить, чтобы он поступил так высокомерно и жестоко, хотя он обладал и властью, и внушительным положением.

Его доброта, чуткость, порядочность, справедливость и такие трогательные попытки порадовать ее то любимым завтраком, то букетом цветов, разбивали толстую броню, в которую Клэр полагала, заковала свое сердце. Сердце, которое разрывалось в груди. Почему оно так болело? Почему что-то с невыносимой силой сжимало горло, вызывая острое желание не только коснуться его, но чтобы и ее прикосновения имели для него хоть какое-то значение? Почему человек, который собирался отдать ее другому, заставлял ее испытывать такую мучительную нежность, что было трудно бороться со слезами?

Почему после произошедшего сегодня ночью он отстранился от нее так, будто не мог больше выносить ее прикосновений?

«Твоя улыбка! Никогда не видел ничего прекраснее...»

Удивительно, как прежде она сторонилась его, а теперь умирала от желания еще раз увидеть его. Потому что, как и прежде, весь ее мир держался на нем одном.

А теперь он снова собирался избегать ее, как делал это прежде. Это было видно по выражению его глаз, когда он закрыл дверь кареты, даже не помогая ей забраться внутрь, даже не взглянув на нее. Клэр в ужасе смотрела на то, как это делает Шоу, который с извиняющимся видом быстро ушёл.

Как ушёл и Эрик, которого теперь нигде не было видно.

Дорога снова стала невыносимой. Стук копыт сводил с ума. Яркое солнце, которое словно насмехаясь над ней, светило еще ярче, отражаясь во всем, в чем только было возможно. Клэр действительно казалось, что она сходит с ума. Еще и потому, что ее бедный букет стал вянуть, расстроив ее сверх меры. Лепестки поблекли, а цветы опустили головы из-за нехватки воды. Не в состоянии смотреть на эту удручающую картину, Клэр постучалась по крыше кареты, испытывая почти непреодолимое желание выбраться наружу. Потому что задыхалась. Потому что не могла так больше...

Ей было так горько от происходящего, что Клэр порывисто потянулась к двери кареты еще до того, как она остановилась. Она не могла больше справляться с отчаянием, которое собиралось поглотить ее. Ей даже не хватало больше сил, чтобы побороть подступившие к горлу слёзы. На этот раз ей ничего не могло бы помочь, даже сотня кружек пива. И тем более Эрик... он... он больше ни за что не обнимет ее. Мысль об этом ранила ее больше всего на свете, потому что Клэр даже представить себе не могла, что когда-нибудь будет так мучительно нуждаться в его объятиях.

Карета вскоре действительно остановилась. Клэр испытала почти болезненное облегчение, стремясь как можно скорее выбраться на свежий воздух, но не успела сама раскрыть дверь. К ее полной неожиданности дверь ей открыли снаружи.

И это был не Шоу.

В проёме двери стоял Эрик, который обеспокоенно смотрел на нее.

— Клэр? Что-то случилось? Почему ты остановила карету?

Один взгляд на него причинил ей такую боль, что задрожали руки. Потому что даже стремление держаться от нее подальше не помешало ему прийти и лично узнать, что случилось, потому что даже сейчас он продолжал волноваться за нее. И при этом смотрел на нее с такой пугающей нежностью, будто был готов обнять, если ей это будет необходимо! Невероятно, но он всегда появлялся тогда, когда был ей действительно нужен!

У Клэр заняло сердце так, что она чуть не расплакалась, глядя в его до боли красивые глаза.

«Господи, почему мне так больно смотреть на него?»

Опустив голову, она взглянула на свой увядший букет, который сжимала дрожащими руками.

— Мне... мне нужна вода, — прошептала она, наконец.

— Тебе хочется пить?

Клэр не хотела воды. Ей вообще ничего не хотелось. Она хотела... хотела, чтобы он остался. И помог ей понять всё то, что она испытывала.

— Не мне.

Он нахмурился.

— Не тебе? Тогда кому?

Она так остро чувствовала на себе его взгляд, что вздрогнула и вновь посмотрела на него.

— Мне нужна ваза для цветов. Для моих ландышей.

Какое-то время он пристально смотрел на нее, а потом весь сник и опустил голову. Вместе с тем опустились его напряженные, широкие плечи, и Клэр вдруг поняла, как ему тяжело. Тяжело почти как нынче ночью, когда он обнимал и касался ее так, будто не мог отпустить, будто нуждался в этом больше всего на свете. Ему было не просто держать ее на расстоянии, изумленно поняла Клэр, разглядывая его слегка бледное хмурое лицо!

Она с трудом удержала руку, которая собиралась устремиться прямо к нему.

— Сейчас время ланча, — заговорил он каким-то глухим, почти неузнаваемым голосом, медленно поднимая к ней свое лицо. — Мы находимся на окраине Линкольна. Здесь есть небольшой постоялый двор, где готовят вкусную еду. Хочешь там поесть?

Она была готова на всё, если только он пойдет с ней.

— Хочу.

Глаза его потемнели, взгляд пробирал насквозь. Вздохнув, Эрик протянул ей руку. Его рука почему-то стала расплываться от набежавших слёз, которые усилием воли она всё же отогнала прочь. Осторожно положив цветы на сиденье, она вложила здоровую руку без перчатки в его широкую ладонь также без перчатки. И тепло, которое тут же ощутила, чуть было не лишило ее самообладания, потому что желание прижаться к его груди и обнять его стало настоящей пыткой.

Он помог ей выбраться из кареты и тут же отпустил ее, но это не ранило ее, потому что он остался рядом с ней. Он шагнул к постоялому двору вместе с ней. Войдя внутрь и перекинувшись парой слов с хозяином, он также направился в небольшой зал для обедов. И тоже вместе с ней. Эрик не собирался оставлять ее одну. И Клэр отчетливо поняла, что не позволит, чтобы он ушёл, иначе просто потеряет остатки равновесия, которое с таким

трудом обрела.

Но он не ушел. Поправив подол накидки, Клэр с замиранием сердца обернулась, боясь обнаружить его отсутствие, но Эрик стоял рядом со столом, к которому их проводили. В зале было многолюдно. Почти все столы были заняты. Вероятно, путники, решившие путешествовать в столь теплый и солнечный день, надумали отобедать именно там, где вкусно кормили. Вот только весь шум и гам от громких голосов померк, когда Клэр увидела, как Эрик стоит, почти не шелохнувшись. Он вздрагивал от малейшего шума и... и так стремительно бледнел, глядя куда-то в дальний угол комнаты, что Клэр позабыв обо всем, шагнула к нему и накрыла дрожащей рукой его сжатый и напряженный кулак. И с ужасом обнаружила, что у него ледяные пальцы.

— Эрик, что с тобой? Что снова с тобой происходит? — Он выглядел почти так же, как вчера ночью. Его застывший взгляд напугал ее так сильно, что Клэр не могла больше смотреть на него, понимая, что с ним снова происходит что-то странное, страшное. — Эрик?

Он вздрогнул, но не перестал смотреть куда-то пристальным, почти потрясенным взглядом. Проследив за ним, Клэр обнаружила в дальнем углу за небольшим столом трех мужчин в старых поношенных одеждах. Они не вписывались в цивилизованное общество, которое собралось здесь. С густыми черными бородами и взлохмаченными волосами, они кровожадно рассматривали присутствующих, при этом гадко ухмыляясь. На одном из них была лишь грязная рубашка без рукавов, а выше локтя Клэр заметила странный рисунок. Ужасный и пугающий образ виселицы, при виде которого ее передернуло от отвращения.

Обернувшись, она обеспокоенно взглянула на Эрика.

— Ты их знаешь?

Эрик немного пришёл в себя и посмотрел на нее. Каким-то потерянным, но уже осознанным взглядом.

— Что?.. — Он выглядел растерянным и ошеломленным, но покачал головой, будто бы прогоняя оцепенение, и сделал глубокий вдох. — Нет, конечно...

Он ответил слишком неуверенно, чтобы поверить ему. Еще и потому, что его состояние всё больше тревожило Клэр, которая видела, что чем дольше они тут находятся, тем бледнее становится его лицо. И всякий раз, когда кто-то громко говорил, Эрик вздрагивал так, будто это причиняло ему боль. Это почему-то напомнило музыкальный вечер в доме ее дяди, когда он пришел туда только по ее приглашению. Не пришел бы, если бы не она. Возможно ли, чтобы ему было неуютно находиться в окружении многочисленных людей? Ведь в тот раз он ушел, как только закончился танец. Он не приходил на вечер ради вечера, но пришел ради нее. И теперь глядя на то, как он пытается вернуть самообладание, которое никогда не терял, Клэр испытала почти непреодолимое желание обнять его так же крепко, как делала это ночью.

«Что с тобой случилось?» — нервно подумала она, сильнее сжав ему руку. Желая знать причины его страхов, его плохого самочувствия. Потому что хотела помочь ему. Потому что не могла видеть его в таком состоянии.

«Что с тобой происходит?»

Ей больше не хотелось есть. И не хотелось оставаться здесь. Эрик неподвижно продолжал стоять перед ней, и Клэр вдруг поняла, что если не уведет его отсюда, ему станет еще хуже. А этого она ни за что бы не допустила.

— Мы можем, — заговорила Клэр, незаметно поглаживая его руку так, будто старалась влить в него свое тепло, — мы можем уйти отсюда? Мне здесь не нравится.

Она могла поклясться, что увидела, с каким облегчением опустились его напряженные плечи.

— Ты уверена?

Боже, ему действительно было мучительно не только прикосновение, но и присутствие других! Клэр решительно повернулась в сторону выхода, думая о том, как бы поскорее вывести его отсюда, и чуть действительно не расплакалась, когда он, не выпуская ее руку, последовал за ней.

— Боже, — простонала она, чувствуя, как в отчаянии перехватывает горло. Ей было невероятно трудно сосредоточиться на пути к выходу, потому что было больно чувствовать, как дрожит Эрик. — Где здесь выход?

Эрик внезапно остановился за ее спиной так, что потянул ее назад. Так, что она чуть не упала на него.

— Постой.

Восстановив равновесие, Клэр медленно повернула голову и заглянула в его мерцающие, потемневшие глаза, чувствуя спиной твердость его груди.

— Что?

Она не могла пошевелиться, пригвожденная к месту силой его взгляда.

— Как же твой ланч?

Господи, он волновался за нее даже тогда, когда сам нуждался в заботе! Клэр сильнее сжала его руку, боясь отпустить его хоть бы на миг.

— Ланч? — пролепетала она, не понимая, о чем он говорит.

Внезапно он поднял свободную руку и развернул ее к себе, но не отстранил от себя. Вместо этого он с такой нежностью погладил ее по щеке, что у нее дрогнуло сердце.

— Что ты делаешь? — спросил он так, будто не понимал, где они.

Она не могла дышать, отчаянно борясь со слезами.

— Хочу уйти отсюда. Вместе с тобой.

Глаза его потемнели еще больше, будто он, наконец, осознал, для чего на самом деле она это делала. Пальцы его застыли у самых ее губ, заставляя ее почти задыхаться. Клэр не чувствовала ничего, кроме запаха сандалового дерева и его тепла, которое передавалось ей. Бледность постепенно исчезала, возвращая нормальный цвет лица. Это так сильно обрадовало ее, что Клэр чуть не расплакалась от облегчения.

— Клэр... — прошептал он с какой-то неприкрытой болью, от чего больно стало ей.

— Как ты? — дрожащим голосом молвила она, едва удерживаясь от того, чтобы не коснуться его, чтобы не обнять его посреди незнакомых людей, которые сновали туда сюда и странно поглядывали на них. — Что с тобой происходит?

Он нахмурился, глядя ей в глаза, а потом медленно убрал руку с ее лица, и стало очевидно, что он вновь отгораживается от нее, не собираясь ничего рассказывать. Не собираясь подпускать ее к своим переживаниям. К тому, что мучило его.

— Ты ведь хотела поесть, — сказал он уже окончательно придя в себя.

Клэр испытала почти физическую боль от того, что он так легко отмахнулся от ее вопроса. Проглотив ком в горле, она всё же поняла, что лучше пока не говорить об этом. Тем более в присутствии людей, которые мешали. Утешало лишь то, что Эрик всё еще позволял ей держать его руку в своей.

— Тебе тоже нужно поесть, — сказала Клэр, понимая, что даже его холодность не помешает ей сделать то, что она должна была сделать: ни в коме случае не должна была

позволять Эрику отмахнуться и скрыться от нее. Тем более в таком состоянии. — Мы можем взять еду с собой и уехать?

Эрик так долго смотрел на нее, что казалось, ни за что не заговорит, но мягко кивнул и медленно отстранился от нее.

— Подожди меня в карете. Я скоро приду.

Ей было непросто отпустить его, но она знала, что это ненадолго. Разжав пальцы, она выпустила его руку, ощущая чувство глубокой потери, зияющую пустоту в груди, которую не ощущала никогда прежде.

Вернувшись к карете, Клэр распахнула дверь с намерением забраться внутрь, но буквально замерла, увидев небольшую красивую вазу, в которой стоял ее букет из ландышей.

— Боже...

Если до этого ей было трудно удержаться, сейчас уже не останавливаемая никем, Клэр почувствовала, как плачет. Плачет по человеку, который окончательно перевернул ее мир так, что он уже не смог бы стать прежним.

Стоя у дверцы кареты, Эрик всё никак не решался открыть ее.

Черт возьми, он терял голову рядом с ней так, что не мог больше справляться с собой. И вновь не сумел скрыть то, что ей не следовало замечать! В который раз. То, что она вновь увидела, поняла и попыталась успокоить тогда, когда он был не в состоянии сам это сделать.

Всё зашло слишком далеко. Если прежде он опасался того, что привяжется к ней еще больше, теперь понимал, как глубоко она проникла в него. Так, что слилась с его кровью, срослась с плотью и стала частью его самого. Он не мог отпустить ее. И игнорировать. Как же глупо было полагать, что он сможет это сделать.

А теперь... Теперь она ждала его в карете, куда он и принес ланч.

«Тебе тоже нужно поесть...»

Он не хотел есть. Эрик хотел обнять ее, зарыться в ее душистые волосы, ощутить запах ландышей и никогда больше не отпускать ее. Тогда сердце перестало бы ныть. Так он смог бы вновь дышать. Так он мог бы жить вечно...

Медленно открыв дверь, он с замиранием сердца увидел Клэр, которая сидела на сиденье, накинув на плечи отцовскую шаль. Накидку она сняла и аккуратно сложила рядом. Вздвогнув, она обернулась и застыла, пристально глядя на него своими невероятно грустными темно-золотистыми глазами, один взгляд которых буквально сбивал его с ног.

Тяжело дыша, он взобрался внутрь с небольшой корзиной, захлопнул дверь, и карета мерно покатила по дороге, унося их прочь от места, где он чуть было не столкнулся с тем, что никогда не думал увидеть вновь...

Ему нужно было взять себя в руки и радоваться тому, что он сумел избежать опасной встречи, что его не заметили, но не мог. Черт побери, как он мог забыть о том, с чем столкнулся? Он сам должен был увести оттуда Клэр, но был слишком потрясен, и это чуть было не стоило им жизни. Ему следовало быть более бдительным...

Его внимание отвлекла Клэр, которая неподвижно сидела на противоположном сиденье и пристально смотрела на него. Лучи солнца, проникая сквозь окна кареты, падали ей на лицо, позолотив кожу так, что она буквально сияла. Ему до смерти хотелось дотронуться до этой кожи.

— Я принёс тебе... — сказал он, отведя от нее взгляд, и потянулся к ее сиденью, чтобы поставить рядом с ней корзину, но увидел вазочку с ландышами, которая она держала забинтованной рукой так, будто ее собирались отнять у нее. — Тебе принесли воду.

— Спасибо, — прошептала она слегка хриплым голосом.

Эрик покачал головой и поставил рядом корзину так, чтобы не коснуться и не уронить вазочку.

— Твой ланч.

— А ты? Ты не хочешь есть?

Вскинув голову, он вновь заглянул ей в глаза.

— Как твоя рука? — спросил он, опустив взгляд на ее руку.

Лицо ее исказилось будто бы от боли, она опустила голову, поправив шаль на плечах.

— Больше не болит.

Сняв шляпу и положив ее рядом с собой, Эрик откинулся на спинку сиденья и взглянул на ее забинтованную руку, стараясь унять удары своего обезумевшего сердца.

— Я мог бы поддержать твою вазу, пока ты...

— Сколько тебе лет? — внезапно спросила Клэр тихим сосредоточенным голосом.

На этот раз он не смог не взглянуть на нее.

— Что?

— Сколько тебе лет, Эрик?

Она спросила это так, будто ничего важнее этого сейчас просто быть не могло. Эрик выпрямился на сиденье, чувствуя, как тревожно бьется сердце. Потому что было такое ощущение, будто она хочет узнать не просто его возраст.

— Двадцать восемь.

Клэр тоже выпрямилась на сиденье, будто бы готовясь к чему-то важному.

— Что еще тебе нравится изучать кроме истории?

«Очертания твоих губ, звучание твоего голоса, тяжесть и мягкость твоих волос...»

Эрик мог бы бесконечно перечислить то, что нравилось изучать в ней.

— Нравится кататься по утрам на лошади.

— Что еще? — прошептала она, внимательно слушая его.

— Нравится купаться в озере за домом, когда становится невозможно больше работать.

— Где ты учил историю? В Кембридже?

Эрик вдруг потрясенно замер. Боже, она делала почти то же самое, что и он во время той прогулки в Гайд-парке, когда задавал вопросы, чтобы хоть что-то узнать о ней! Узнать о ней всё. У него дрогнуло, а потом и сжалось сердце. Это было опасно, чертовски опасно то, что она пыталась сделать. Но еще труднее было устоять, когда она с такой невыносимой грустью смотрела на него.

— Я учился в Оксфорде. В Кембридже преподают точные и естественные науки.

Взгляд ее стал еще более мягким. Таким нежным, что у него перехватило дыхание.

— Вероятно, ты был самым выдающимся из учеников.

В это было трудно поверить, но в ее голосе слышались неприкрытые нотки восхищения.

«Господи, милая, не делай этого. Не смотри на меня так, будто тебе есть дело до меня. Будто тебе хочется снова коснуться меня...»

— Нет, там было много других одаренных учеников.

Не выпуская вазочку, она мягко покачала головой, а потом вдруг улыбнулась ему.

— Не верю, — почти ласково произнесла она, не представляя, что делает с ним. — Ты ведь помнишь даты почти всех событий, а такое умеет не каждый. Вот, например... — Она нахмурилась, а потом с серьезным видом спросила: — Когда произошла битва при Азенкуре?

Эрик замер, ошеломленный ее вопросом.

— Откуда ты знаешь про Азенкур?

Он был уверен, что молодым девушкам не пристало забивать голову о всяких битвах. А Клэр слишком давно была поглощена музыкой, чтобы уделять внимание чему-то еще. Ей ни к чему было запоминать даты и битвы... Но, оказывается, он ошибался. Потому что Клэр вдруг замялась, щеки ее порозовели, и она так же тихо ответила:

— После нашего разговора тогда в Гайд-парке, я решила, что мне не помешает освежить в памяти некоторые исторические события.

Никогда прежде он не был потрясен так, как в это самое мгновение.

— Ты... ты читала о Столетней войне? — не веря собственным ушам, спросил он.

Ее щеки порозовели еще больше. На этот раз она опустила взгляд.

— Да, но, к сожалению, не запомнила ни одной даты, — виновато молвила она. — Хотя, мне кажется, что битва при Азенкуре была в... 1545 году?

У Эрика сжалось сердце.

— 25 октября 1415 года, — осторожно поправил он.

Она медленно кивнула.

— Ну да, я ведь помню, что в дате была цифра... цифра пять, — запинаясь вставила Клэр, а потом снова взглянула на него. — И была эта битва между англичанами и шотландцами? — несмело предположила она.

— Между англичанами и французами, — как загипнотизированный ответил он, подавшись чуточку вперед.

Клэр нахмурилась, будто бы ей было трудно сосредоточиться, но снова спросила:

— Ну да, конечно. И произошло это при правлении Генриха VIII?

— Генриха V.

Клэр сокрушенно покачала головой.

— Только не говори, что победили французы. Я этого просто не переживу.

Эрик чувствовал, как переворачивается сердце, а потом оно замерло и перестало биться вообще, когда она вновь улыбнулась ему. Глядя в ее сверкающие глаза, Эрик не мог больше скрывать от себя то, что гнал от себя все эти долгие мучительные дни. То, без чего он не мог дышать, когда не ощущал ее дыхания. Понимает ли она, что значит для него? Понимает, что он сделал бы ради нее всё, что угодно? Эрик знал совершенно точно, что отдал бы все на свете, лишь бы никогда не терять ее улыбку. Даже, когда она уйдет из его жизни.

Он с такой стремительностью терял голову, что ничего не мог поделать с собой, и потянулся к ней, не в состоянии больше сдержаться. Потому что не владел больше сердцем, которое отныне не принадлежало ему. Он собирался поцеловать Клэр. Должен был сделать это потому, что просто задыхался. Потому что сейчас от этого зависела вся его дальнейшая жизнь...

— Победили англичане, любовь моя, но пусть это тебя не тревожит, ведь потом...

Он не договорил, потому что раздался непривычно громкий хруст, а потом карета дернулась и накренилась набок. Так стремительно, что Клэр с криком полетела в сторону.

Потому что карета переворачивалась!

* * *

Она никогда бы не подумала, что ему двадцать восемь. Порой когда он хмурился и становился неприступным, он выглядел намного старше своих лет, но, сидя в карете прямо перед ней и так свободно отвечая на ее многочисленные вопросы и так ласково поправляя ее, он вызывал в ней такие острые чувства, что Клэр становилось всё труднее контролировать себя. Она хотела знать о нем хоть что-то. Хотела знать о нем всё, что только было возможно. В какой-то момент Клэр поняла, что не в силах подавить желание коснуться его. Особенно когда он сам потянулся к ней. Что-то светлое и хрупкое возвращалось к ней, что-то, чего она так долго была лишена. Она задыхалась, понимая, как отчаянно нуждается в нем. Так, что больше ни о чем не может думать. Даже после всего, что произошло, он был готов коснуться ее. И позволил бы ей сделать то же самое.

Если бы катастрофа, перевернувшая землю!

Карета дернулась и так неожиданно перевернулась, что Клэр полетела вниз, прямо на дверцу, которая прижалась к земле, став полом. Эрик навалился на нее, внутри все вещи перевернулись и обрушились на них, но большая фигура Эрика укрыла ее от этого.

Раздался оглушительный грохот, заржали лошади, а потом все стихло.

Какое-то время они не могли пошевелиться. Первым в себя пришел Эрик. Он приподнялся на локтях и взглянул на Клэр, лежащую под ним.

— Господи, Клэр... ты цела? — с трудом проговорил он, изучая ее бледное лицо.

Клэр медленно открыла глаза и тут же почувствовала боль в локте.

— Моя... рука, — простонала она.

Эрик присел на коленях, быстро отбросил в сторону вещи, которые мешали ему, и склонился над ней.

— Где... где у тебя болит?

У него дрожал голос, но он очень осторожно коснулся ее забинтованной уже раненой левой руки, которая при падении оказалась придавленной спиной Клэр. Он помог выпрямить руку, и Клэр поморщилась от новой боли.

— Ты можешь пошевелить рукой?

Попытавшись это сделать, Клэр с облегчением поняла, что это не перелом, а лишь сильный ушиб. Она медленно присела на месте.

— Д-да...

Внезапно лицо Эрика побагровело.

— Черт побери, что произошло?

Убедившись, что с ней всё в порядке, он встал и потянулся к противоположной двери, которую тут же открыл. Перед ним оказалось лицо мистера Шоу.

— Господи, милорд, вы целы? Как миледи?

Эрик заскрежетал зубами.

— Что произошло?

Лицо Шоу побледнело. Он склонился ниже и заговорил так тихо, чтобы его слышал только Эрик.

— Кто-то стрелял в нас.

— Что? — Эрик застыл на месте. — Почему я не слышал выстрела?

— Стреляли издалека. Пуля попала в... — Шоу внезапно замолчал, а потом нервно провел рукой по бледному лицу. — Пуля попала в Алана, который сегодня вел карету... Он...

Шоу не договорил, но по его лицу было все понятно. Эрик какое-то время стоял молча посреди перевернутой кареты, но потом повернулся к Клэр, которая, все еще сидя на полу, ошарашено смотрела на него.

— С тобой все в порядке? — спросил он удивительно мягким голосом.

Клэр кивнула и встала, потирая локоть.

— Да, но что произошло?

Лицо Эрика внезапно стало непроницаемым. Глаза опасно потемнели.

— Сиди здесь и не смей даже выходить, пока я не вернусь, ясно?

Клэр ничего не понимала. Ей было не по себе оттого, что он намеревается оставить ее здесь одну, а сам собирается куда-то идти. С таким гневным, решительным видом.

— О чем ты говорил с мистером Шоу? Что произошло?

Он не ответил и, потянувшись к открытой двери, так стремительно выскочил наружу, что Клэр даже не успела остановить его.

— Оставайся здесь, слышишь меня? И никуда не уходи, пока я не вернусь!

Клэр растерянно моргнула.

— Куда я могу пойти? — крикнула она ему вслед, начиная дрожать, но он уже не слышал ее, исчезнув из поля зрения. — Боже...

Она огляделась, понимая, что заперта тут как в клетке, и не сможет выйти, пока ее не вытащат наружу, откуда не раздавалось ни единого звука. И чем дольше длилась эта пугающая тишина, тем страшнее становилось. Боже, так волнительно начавшийся день, который чуть не испортился и который она к великому своему облегчению спасла, мог действительно рухнуть окончательно!

Оглядев царивший внутри бардак, Клэр с болью заметила перевернутую корзину, из которой вывалилась вся еда. Она ошеломленно заметила и высыпанные на полу марципановые печенья, которые Эрик подумал взять с собой. Человек, который не любил сладкое, который попробовал только ради нее клубничный джем, собирался снова попробовать что-то сладкое. Но так и не сделал этого!

Клэр чуть не расплакалась, увидев под корзиной осколки красивой стеклянной вазы, в которой были ее ландыши. Ей вдруг стало так больно, что опустившись на корточки, она осторожно провела дрожащими пальцами по испачканным листочкам, чувствуя, как что-то перехватывает ей горло. Отчаяние и безумный страх, которые готовы были окончательно поглотить ее, потому что дурное предчувствие на этот раз охватило ее целиком. Клэр взглянула наверх, на дверь, которая по-прежнему была открыта, но там никого не было видно.

— Он ведь не думает, что я останусь здесь? — пробормотала она, сходя с ума от беспокойства. Взглянув на перевернутую корзину и подседельные печи, Клэр вспомнила о том, что умела лазить по деревьям. Проглотив ком в горле, она отвернулась от разбитой вазочки и своего букета и выпрямилась. — Я ведь на самом деле могу это сделать.

Она думал недолго. Встав на корзину, Клэр переставила ногу на чугунную печку и потянулась выше. И дотянулась до раскрытой двери. Перебинтованная рука мешала, но еще немного усилий, и Клэр, с трудом дыша, смогла выбраться наружу. Ее встретило яркое солнце, которое на миг ослепило. Присев на раскрытой дверце, она сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, а потом огляделась.

И пришла в ужас от того, что увидела.

Первым она заметила Алана, который всегда оказывался рядом, чтобы только услужить, то выдвигая для нее стул, то помогая взбираться в карету. Весь в крови, он лежал чуть дальше от опрокинутой кареты прямо на земле лицом вниз. Ветер мягко трепал его рыжие волосы, но он уже не чувствовал этого. И совсем не шевелился. Клэр потрясенно прижала руку к губам, чтобы сдержать крик. Боже, он не шевелился! И был так бледен, будто бы... будто бы...

Едва двигаясь, Клэр обернулась. Но ей не стало лучше.

Чуть правее от кареты Шоу пытался отразить удар бородатого мужчины. Еще дальше от него их кучер и второй помощник валили на землю второго бородатого человека. А Эрик... Он как раз своей гибкой тростью ударил по лицу третьему бородачу. В рубашке с короткими рукавами, на руке которого виднелся рисунок в виде болтающейся виселицы.

Это были те самые трое мужчин, которых она видела совсем недавно в постоялом дворе,

где они должны были пообедать!

Клэр задохнулась от ужаса. Перед ней будто бы развернулась картина дикого сражения, в которую она так неожиданно попала. Дрожа так, что зуб на зуб не приходился, и едва живая, она медленно сползла на землю, не представляя, что ей делать. Вокруг происходила катастрофа, которую никто не мог остановить.

Она снова взглянула на Эрика, который парировал удары своего соперника ловкими движениями своей трости. Но потом он заметил ее и застыл.

— Клэр! — выдохнул он, побледнев. И пропустил удар ноги по колену, от которого он покачнулся и упал на землю. Нападающий бросился на него. Клэр в ужасе смотрела на то, как другой человек пытается дотронуться до него, зная, как это мучительно для него. Но и тут Эрик увернулся от него, перекатившись по земле, и снова повернулся к ней побелевшим лицом. — Ради Бога, уходи оттуда! Немедленно!

Клэр не смогла сдвинуться с места.

— Шоу! — прорычал Эрик, видя, что она даже не пытается послушаться его. — Шоу, сделай что-нибудь! Уведи ее оттуда!

Клэр сжимала рот рукой, чтобы не закричать. У нее так быстро стучало сердце, что она чуть не задохнулась. Краем глаза она заметила, как Шоу уложил своего соперника и теперь бежал к ней.

— Миледи, спрячьтесь! Умоляю вас, спрячьтесь! — кричал он на ходу.

— Но... что все это значит? Кто эти люди? — простонала она, привалившись к опрокинутой карете спиной, чтобы не упасть.

Ей казалось, что в одно мгновение мир перевернулся, и все встало с ног на голову. Шоу добежал до нее и, взяв за руку, пытаясь увести ее, но она осталась стоять на месте. И смотрела на Эрика. У нее чуть не остановилось сердце, когда она увидела, как незнакомый мужчина с жутким оскалом встает на ноги, готовый вновь ударить Эрика своим кулаком.

— Эрик! — выдохнула она почти в панике.

Ей казалось, что она сойдет с ума, если это продлится еще хоть бы секундой дольше.

— Миледи! — запыхавшись взмолился Шоу, умоляюще глядя на нее. — Идемте...

— Помогите... помогите ему, прошу вас, — взмолилась Клэр, продолжая безумными глазами смотреть на мужа. Которого собирались избить у нее на глазах! — Со мной... ничего не случится. Помогите ему...

Со страхом взглянув на Эрика, Шоу будто бы сам знал, что должен помочь хозяину, но не мог послушаться его и бросить тут одну хозяйку.

— Миледи?

Схватив его за плечи, Клэр развернула его и изо всех сил толкнула в спину в сторону Эрика.

— Помогите ему сейчас же!

Шоу больше не нужно было слов. Он побежал к Эрику, а Клэр осталась стоять на месте и, замерев, смотрела на то, как с налитыми кровью глазами Эрик вскочил на ноги и сильным ударом своей упругой трости по омерзительному лицу послал соперника назад так, что тот свалился почти замертво на подлетевшего к нему Шоу, который инстинктивно подхватил неподвижное тело. Едва дыша, Эрик выпрямился на месте и взглянул на нее. С искаженным от страха лицом.

— Клэр, — прошептал он бесшумно.

Но она услышала. Услышала бы, даже если рядом гроыхали сотни пушек. И не помня

себя, Клэр побежала к нему, боясь того, что с ним может что-то случиться, если она не доберется до него.

Но не успела сделать это.

Потому что Эрик что-то заметил в деревьях. Лицо его побелело. Он снова взглянул на нее, закричал, чтобы она остановилась, и бросился к ней.

— Ложись! — так громко прогремел он, что казалось, задрожала даже земля.

Клэр почти добежала до него, но он сам устремился к ней. И прикрыл ее собой до того, как раздался оглушительный выстрел. Такой силы, что Эрика отбросило назад, прямо на нее. Клэр не удержала равновесие и полетела вниз, а Эрик осел на нее.

И снова всё стихло.

Какое-то время Клэр не могла пошевелиться, оглушенная и потрясенная тем, что происходило. Что продолжало происходить. Но потом услышала, как застонал Эрик и медленно сполз с нее, перекатившись на землю. С бешено колотившимся сердцем, она открыла глаза и взглянула на Эрика. Он лежал рядом. Совершенно неподвижно. С закрытыми глазами. Почти как Алан. И не шевелился.

Это так сильно напугало Клэр, что она чуть не потеряла сознание.

— Эрик? — прошептала она побелевшими губами, не ощущая биения собственного сердца, и, потянувшись к нему, дотронулась до его бледной щеки. Услышала, как он застонал. Дрожа всем телом, она быстро присела на колени, и только потом увидела огромное пятно крови на его правом плече. — Эрик, Боже мой... Эрик!

Она не заметила, как плачет, пока слезы не стали застилать глаза. Вытерев лицо тыльной стороной ладони, она в ужасе смотрела на Эрика, умоляя его очнуться. И он пришел в себя достаточно, чтобы открыть глаза и увидеть ее.

— Клэр, — едва слышно молвил Эрик, чувствуя такую тяжесть во всем теле, что не мог пошевелиться. Он лежал на холодной земле, что-то придавило его так, что он не мог даже дышать. Всё, что он помнил — это как успел заслонить собой Клэр. До того, как что-то с невыносимой силой врезалось в его правое плечо так, что потемнело в глазах. В голове туманилось, и всё же он сумел разглядеть Клэр. Плачущую и сидящую рядом с ним мертвенно бледную Клэр. — Ты в порядке?

Слезы стали катиться по щекам быстрее. Глупец, что он наделал! Как он мог спрашивать о ней, когда сам!.. Как он мог подвергнуть себя такому риску!

— Я... — Она все смотрела на его плечо, откуда густым толчком вытекала кровь. — Боже мой, твое плечо!

Эрик застонал, пытаясь сбросить с себя эту мертвенную тяжесть, но потом ему каким-то чудом удалось перевернуться на бок. Он не чувствовал ничего, кроме теплой струйки крови, которая намочила его рубашку, жилет и сюртук. Ветер пробирал так, что стало холодно. Так невыносимо холодно, что он начал дрожать, но, приложив все силы, Эрик сумел медленно присесть на коленях. Чтобы убедиться, что страшное позади.

— Что ты делаешь? — ошеломленно спросила Клэр, глядя на него.

Он должен был встать, чтобы защитить ее. Чтобы уберечь от беды, которая все еще угрожала ей.

— Хочу... подняться...

Потрясенно замерев, Клэр видела, как он оперся о правую руку, чтобы действительно встать, но рука не выдержала его тяжести, и он упал лицом на землю. Кровь текла по рукаву сюртука и капала на зеленую траву, внушая Клэр еще больше ужаса.

— Эрик, — прошептала она, потянувшись к нему. — Шоу, помогите мне поднять его!

Шоу оказался рядом с ними и был готов поднять хозяина, но Эрик снова присел на колени и грозно вскинул голову, в состоянии еще контролировать себя.

— Не смей подходить ко мне!

— Что?

Клэр казалось, что она ослышалась. Ведь не мог он осознанно отказаться от помощи, когда едва мог пошевелиться. Он же был ранен! В него стреляли! Господи, он истекал кровью и мог... Ему должно было быть невероятно больно! Он не мог пошевелить правой рукой, но упрямо опирался о землю здоровой левой.

И так же упрямо повторил свой приказ.

— Не подходите ко мне! — процедил он сквозь стиснутые зубы.

Сердце сжалось от мучительной боли, когда стало очевидно, что даже в таком состоянии он не примет ничью помощь потому, что и сейчас не сможет вынести чужих прикосновений. Только ее прикосновений.

— Эрик, прошу тебя, позволь помочь тебе, — прошептала она, не в силах остановить слезы.

Эрик согнулся и прижался к земле бледным лицом, чтобы собраться с силами, но снова упрямо повторил.

— Не походите ко мне!

Клэр не могла больше смотреть на него такого. Раненого, истекающего кровью, невероятно упрямого и одинокого в своих мучениях. Но теперь она не собиралась позволять ему в одиночестве пройти через это! Еще и потому, что он начинал терять сознание прямо у нее на глазах.

Клэр потянулась к нему дрожащими руками, взглянув через плечо на Шоу.

— Карета не сильно пострадала?

Шоу быстро покачал головой.

— Нет, миледи.

— Тогда постарайтесь поставить ее на колеса, нужно немедленно доставить его к врачу! А ты! — Она схватила Эрика за здоровую руку и закинула ее себе на плечо, борясь со слабостью в коленях. — А ты идешь за мной! И посмей только возразить!

Пошатываясь, Эрик все же смог подняться на ноги, преодолевая тяжесть во всем теле. Он всё еще не мог пошевелиться и, немного придя в себя, ужаснулся тому, что Клэр держит его на своих хрупких плечах.

— Клэр, милая, — пробормотал он, пытаясь разглядеть ее сквозь туман в глазах.

Она еще крепче сжала его здоровую руку, обхватив другой рукой его за пояс.

— Помолчи, ради Бога! — простонала она дрожащим голосом, в котором слышалось бездна отчаяния.

— Иначе что? — прошептал Эрик ей прямо на ухо, снова закрыв глаза.

Клэр дрожала с ног до головы, но испытала несказанное облегчение от того, что смогла с ним направиться к карете, которую всё же смогли поставить на колеса.

— Иначе!.. — Она пыталась изо всех сил сдержать слезы, глядя на то, как трое мужчин стояли возле кареты в ожидании, пока они медленно приближались. — Иначе я снова начну лазить по деревьям, и ты не сможешь остановить меня!

Он закашлялся, не обращая внимания на то, как безжизненно болтается его правая рука. Эрик прикладывал нечеловеческие усилия для того, чтобы устоять на ватных ногах.

— Даже если я лично уговорю каждого котенка не забираться туда и не соблазнять тебя на подвиги?

Клэр прикусила нижнюю губу, судорожно вздохнув.

— Даже несмотря на это!

Он сокрушенно покачал головой.

— Да, такое я не смогу вынести...

Он был невероятно тяжелым, но Клэр каким-то чудом смогла довести его до кареты. Взглянув на мистера Шоу, она быстро спросила:

— Где здесь ближайшая деревня? Мы можем вернуться в?..

— Ни в коем случае, — оборвал ее Эрик и снова закашлялся, отчего кровь из раненого плеча стала течь быстрее. Превозмогая себя, он взглянул на Шоу затуманенным взором. — Угроза... угроза миновала?

Шоу быстро взглянул на Клэр, а затем кивнул:

— Да, милорд. Нам больше никто не угрожает.

Но даже это не вызвало облегчения Эрика, который всё еще боялся за безопасность Клэр. Ее нужно было как можно скорее увезти отсюда.

— Здесь... здесь недалеко находится родовое имение герцога... друга моего отца. Пембертон. Шоу, ты знаешь, где это. Вези нас туда. Там безопасно...

Он не договорил, потому что чуть не упал. Застонав от отчаяния, Клэр всё же удержала его и помогла забраться в карету. Все вещи вывалились наружу, но сейчас это волновало ее меньше всего. Закрыв дверь, мужчины устроились на своих местах, и карета тут же тронулась с места.

Эрик откинулся на сиденье и закрыл глаза, пытаясь дышать, но это было почти невозможно сделать. Онемевшее правое плечо давило так сильно, что он стал задыхаться.

— Эрик? — в страхе пробормотала Клэр, побледневшая как полотно.

К ее полной неожиданности он открыл глаза и посмотрел на нее. Таким потемневшим, измученным взглядом, что перехватило в горле. И будто бы стремясь еще больше поразить ее, он поднял здоровую руку и осторожно смахнул с ее щеки катившиеся крупные слезы.

— Прошу тебя, — прошептал он хриплым, уставшим голосом, продолжая вытирать ей слезы. — Не плачь... Ты разбиваешь мне сердце.

Она застонала и прижала ладонь к его почти белой щеке.

— Эрик... — пробормотала она, задыхаясь. Объятая парализующим ужасом. — Зачем ты это сделал? Зачем подверг себя такому риску?

Он едва заметно покачал головой. Ему было трудно держать глаза открытыми, потому что все силы стремительно покидали его. И всё же он ответил, ответил, навсегда разбив ей сердце:

— Я не смог иначе... я должен был защитить тебя...

— Даже ценой собственной жизни?

— Даже такой ценой...

Его рука безжизненно упала ему на грудь.

Господи, он был готов пожертвовать ради нее собственной жизнью! И несмотря на то, что она сама разрушила его жизнь! Не в состоянии сдержать себя, Клэр прижалась лбом к его лицу и заплакала, внезапно поняв, что не вынесет, если с ним что-то случится. Произошедшее было слишком чудовищно, чтобы вот так потерять человека, на котором теперь держался весь ее мир.

Мир, который мог накреститься и разлететься на части, если она ничего не предпримет для его спасения. Прикусив губу, она открыла глаза и выпрямилась. И поняла, что нужно действовать, иначе действительно потеряет Эрика. Человека, который так много сделал для нее. Кому она была обязана не только жизнью.

Первым делом нужно было остановить кровотечение. Погладив его по спутанным волосам, Клэр разорвала подол своей нижней юбки и потянулась к его плечу, чтобы забинтовать его, понимая, что не должна позволить ему заснуть, как бы тяжело и больно ему ни было.

— Эрик, ты слышишь меня? — позвала его Клэр, просунув под правую руку материю так, чтобы как можно осторожнее перевязать его плечо. Но даже тогда, он не вздрогнул, будто совершенно не реагировал на рану. — Не спи, ради Бога! Эрик! Умоляю тебя, не засыпай.

Эрик вздрогнул, будто бы в тумане слыша до боли знакомый, испуганный голос.

— Клэр... — простонал он с закрытыми глазами, поморщившись, когда она туже стянула импровизированный бинт, чтобы прикрыть рану. — Что ты делаешь?

И вновь она прикусила губу, чтобы не расплакаться. Потому что в этом случае не увидела бы его плечо, которое расплывалось перед глазами. Ей нужно было быть очень внимательной и осторожной, чтобы еще больше не навредить ему. С трудом сдерживая стон отчаяния, она судорожно вздохнула.

— Эрик, будь так добр, напомни мне, пожалуйста, в каком году была битва при Азенкуре? В дате, кажется, была цифра пять, а дальше я не помню.

Клэр как раз закончила перевязывать ему плечо, стянула бинты и присела рядом с ним, когда увидела нечто такое, что заставило ее замереть от ужаса. И самого глубокого потрясения. Как будто всего этого было мало, его губы, самые красивые губы на свете дрогнули, и она поняла, что он улыбается. Улыбнулся тогда, когда мог умереть у нее на глазах.

У нее перехватило горло и заныло сердце так, что она снова не заметила покотившиеся по щекам слезы. Едва шевелясь, она подняла дрожащую испачканную руку и коснулась его мягких, побелевших губ. Губ, которые однажды касались ее. Губ, прикосновение которых она хотела бы ощутить еще раз.

— Я... я не могу вспомнить твой вопрос, — пробормотал он, вновь подняв здоровую руку и накрыл ее дрожащие пальцы. — Клэр, — прошептал он так беспомощно, будто только ее рука помогала ему держаться в сознании.

Проглотив ком в горле, Клэр сжала его испачканные пальцы.

— Ничего страшного, — выдохнула она, стремительно теряя самообладание. — Обещай только не засыпать.

Она внезапно поняла смысл его слов, которые он сказал ей вчера, когда забинтовал после падения ее руку: «Обещай, что не залезешь больше на дерево, если не хочешь, чтобы у меня остановилось сердце»...

Боже!

«Обещай, что с тобой ничего не случится, иначе у меня тоже остановится сердце!» — в ужасе думала она, глядя на его бледное, искаженное лицо.

— Не буду...

Карета резко остановилась, дверца распахнулась. Клэр поняла, что они приехали, и впервые за долго время обнаружила, что молится. Молится так, как не молилась никогда

прежде.

Даже когда отправляла тайное письмо Клиффорду.

Эрик едва соображал где он и что с ним происходит до тех пор, пока не услышал рядом голоса. Голоса, которые он узнал. Голоса, к которым был примешан еще один, тоненький, до смерти напуганный голос.

Клэр!

Все это время, пока он плыл в тумане, Эрик слышал только ее голос. Голос, который удержал его от падения во мрак, из которого он был уверен на этот раз, ни за что не сможет вернуться. Поэтому, пока не потерял сознание, он должен был убедиться в том, что она цела и в надежных руках. И что в полной безопасности.

Эрик с трудом поминал, что с ним произошло, продолжая висеть на хрупком плече Клэр. Он должен был освободить ее от своей тяжести, но не мог пошевелиться.

Клэр помогла ему выбраться из кареты. Он дышал тяжело и почти не мог стоять на ногах. Она боялась, что он упадет, и никто больше не сможет поставить его на ноги.

Вскинув голову, Клэр увидела широкую подковообразную каменную лестницу, по которой спускались, вероятно, хозяева дома. Высокий красивый мужчина со светлыми волосами. Рядом с ним шла молодая женщина и маленький мальчик, у которых был одинаковый каштановый цвет волос. Мальчик боязливо прятался за юбками матери, но это не остановило женщину, которая, увидев их, отошла от него и, быстро спустившись вниз, подошла прямо к Клэр.

— Добрый день. Боже мой, что случилось?

Мужчина позади нее, увидев Эрика, застыл.

— Эрик?

Вероятно, это и был тот самый герцог Пембертон, о котором говорил Эрик. Друг его отца. Эрик даже не смог поднять голову, таким обессиленным был, но смог едва заметно кивнуть, упрямо держась на ногах.

— Клэр, что с вами случилось? — спросил герцог, взглянув на нее.

Клэр полагала, что ничего больше не способно удивить ее, но была поражена тому, что ее звали по имени.

— Откуда вы меня знаете?

За супруга ответила красивая голубоглазая герцогиня.

— Мы виделись на вашей свадьбе.

Боже, эти милые люди были на ее свадьбе, а она даже не заметила их? Клэр не представляла, что можно испытать такой глубокий стыд, но готова была провалиться сквозь землю. Сперва не заметить, как собор был украшен ее любимыми ландышами, теперь это... У нее было такое ощущение, будто она вовсе не замечала жизнь. До недавних пор.

Она должна была извиниться, сказать хоть что-то, но ее опередил герцог, который шагнул вперед.

— Что ж вы стоите, идемте в дом! Ему нужна помощь... позвольте я помо...

Эрик дернул плечом, вероятно стремясь взмахнуть правой рукой, но она лишь слабо качнулась вперед.

— Не подходи ко мне!

Клэр прикусила губу, с трудом справляясь с резкой болью, которая пронзила ей грудь.

— Позвольте мне, — прошептала она хрипло, взглянув на Эрика, который почти висел

на ней, уткнувшись лицом ей в плечо так, что она чувствовала тепло его дыхания. Чувствовала то единственное, что придавало ей силы действовать и не сойти с ума. — Он почему-то не хочет, чтобы другие помогали ему...

Герцог удивленно вскинул брови.

— Но...

Его прервал мучительный стон Эрика.

— Не подходи... — пробормотал он как в бреду.

— Пойдемте! — позвала герцогиня, заставляя других расступиться так, чтобы не мешать

Клэр, которая буквально несла на своих плечах едва живого Эрика.

Они поднялись по крутой лестнице, зашли в дом, а потом, каким-то чудом преодолев и внутреннюю лестницу, зашли в первую большую спальню, дверь которой открыла для них сама герцогиня. Клэр не помнила, как донесла Эрика и уложила на кровать. Она не заметила, как отодвинув ее в сторону, на ее место встала герцогиня и, будто, зная, что нужно делать, начала ощупывать и изучать его увечья.

Клэр наблюдала за всем этим, стоя позади нее, а потом увидела, как Эрик, едва ощутив прикосновение герцогини, взмахнул здоровой рукой так, что чуть не ударил жену друга.

— Не прикасайся ко мне!

Герцогиня вовремя отскочила в сторону.

— Что всё это?..

Он снова дернул рукой, отгоняя от себя тех, кто пытался дотронуться до него.

— Не трогайте меня! — яростно шептал он, не переставая отбиваться так, будто его собирались убить. — Не трогайте...

Глядя на всё то, что происходило у нее перед глазами, Клэр внезапно всхлипнула и обнаружила, что снова плачет. Плачет так, что не может остановиться. Потому что только теперь поняла то, что так долго и непростительно игнорировала. То, что было так трудно признать.

«Вы — единственная женщина, на которой я могу жениться».

У нее подгибались колени от слабости. Боже, неужели это... действительно так? Фраза, в которой заключался такой сакральный смысл! Клэр какое-то время не могла пошевелиться, а потом испытала почти оглушительное желание защитить его от всего мира. Заслонить собой так, как сделал он сам, приняв ее пулю на себя.

Герцогиня удивленно посмотрела на нее.

— Милая, что с ним такое? Мне нужно осмотреть его, чтобы понять характер ранения.

Не замечая ничего вокруг и видя только его, Клэр обошла герцогиню и, склонившись над Эриком, положила ладонь ему на бледную щеку. И он тут же затих.

— Клэр... — выдохнул Эрик едва слышно, моментально узнав, кто коснулся его.

Клэр едва проглотила ком в горле. Она хотела бы обнять и держать его так до тех пор, пока ему не станет лучше.

— Я здесь... — шептала она, убирая с его лица слипшиеся пряди волос. — Я никому не позволю обидеть тебя. Обещаю...

Он даже не открыл глаза, но снова улыбнулся. Редкая улыбка, которая причинила ей мучительную боль.

— Меня никто не сможет обидеть...

А выглядел при этом так, будто бы его обидели. И довольно давно.

— Милая, — за ухом раздался шепот герцогини. — У вашего мужа тяжелая рана, в него

стреляли не из пистолета, а вероятно из охотничьего ружья и чуть было не раздробили ему плечо. Если мы не поспешим, он потеряет слишком много крови.

Вытерев забинтованной рукой слезы, Клэр повернулась к ней, не убирала от лица Эрика свою дрожащую руку.

— Что я должна делать? — прошептала она, едва стоя на ногах. — Скажите мне, ради Бога, что я могу сделать для него?

Она не понимала, как такая красивая женщина, к тому же герцогиня, могла разбираться в ранениях больше доктора. И почему не посылают за доктором? Беспокойство готово было овладеть ею целиком, но Клэр заметила у подножья кровати самого герцога, который спокойно взирал на свою жену. Так, будто мог доверить ей всё на свете. Вероятно, его взгляд и успокоил Клэр, которая решила, что уж он ни за что не позволит, чтобы Эрик истек кровью. Немного успокоившись, Клэр снова перевела взгляд на герцогиню, которая мягко улыбнулась ей.

— Милая, если вашему мужу тяжело... принимать чужую помощь, вы должны помочь ему выпить вот это.

Она протянула Клэр стакан с темной жидкостью, от которого исходил очень тяжелый спиртово-травяной запах.

— Что это? — спросила Клэр, ужасаясь того, что должна позволить Эрику выпить эту странную микстуру.

— Это настой лауданума. Он поможет ему заснуть и даст мне возможность заняться его раной. Пока он бодрствует, он не позволит никому приблизиться к себе.

Клэр почему-то стало не по себе от того, что герцогиня, вероятно, догадалась о том, что на самом деле творится с Эриком. Это казалось слишком личным, чтобы хоть с кем-то говорить об этом. И всё же у нее не было выбора.

— И вы поможете ему?

Герцогиня коснулась своей теплой рукой испачканных и дрожащих пальцев Клэр.

— Поверьте, я знаю, что делать. Доверьтесь мне. — Заметив бинты у Клэр на левой руке, герцогиня нахмурилась. — Что с вашей рукой?

— Это... — Клэр было почему-то больно вспоминать о том дне. Когда Эрик спас ее от падения с дерева. Сделав глубокий вдох, она все же смогла закончить: — Я порезалась.

Герцогиня вновь мягко улыбнулась.

— Позже я займусь этим, хорошо?

— Ваш муж в надежных руках, Клэр, — добавил герцог, встав за спиной жены. — Поверьте, моя Алекс и не такие раны исцеляла.

Клэр едва сдержала стон отчаяния, благодаря Бога за то, что Он послал им этих замечательных людей. Взяв стакан, она присела рядом с Эриком и помогла ему выпить все его содержимое, с болью глядя на то, как он засыпает. На одно короткое мгновение ей стало страшно, что он никогда больше не проснется. Что она никогда больше не увидит мерцание его глаз, не услышит мягкий звук его голоса. Клэр в отчаянии провела пальцами по его губам, вытирая капельки микстуры и с ужасом понимая, что никогда не сможет поцеловать его, если он не проснется.

У нее было такое ощущение, будто она сама никогда не очнется, если не проснется Эрик...

Осторожно опустив его голову на подушки, Клэр встала и взглянула на герцогиню, которая стала разбинтовывать его плечо. При этом Эрик спал так крепко, что даже не

вздрыгнул. Клэр была благодарна герцогине за то, что та избавила его от очередных страданий.

Эрик лежал совершенно неподвижно. Его бледное лицо почти сливалось с белизной наволочки. Кровь пропитала ткань импровизированного бинта так, что она слиплась, но герцогиня осторожно удалила повязку. А потом стала раздевать его, осторожно вытаскивая из рукава его правую поврежденную руку.

— Выстрел задел мышцы у него на руке, поэтому он не мог пошевелить ею. — Увидев, как побледнела Клэр, она быстро добавила: — Не волнуйтесь так сильно, когда рана заживет, мышцы восстановят свою прежнюю гибкость.

Клэр снова посмотрела на неподвижного Эрика.

— Ему... ему не больно? — едва слышно спросила она, ощущая боль всякий раз, как герцогиня касалась раны Эрика.

Будто эти раны были ее собственные.

Герцогиня покачала головой.

— Лауданум не только помогает уснуть. У него есть и обезболивающий эффект. — Склонившись над Эриком, она осторожно приподняла его за плечи и быстро добавила: — Вытаскивайте из-под него сюртук, пока я его держу.

Дрожащими руками Клэр потянулась к нему, и когда сюртук оказался у нее, она заметила что-то странное в его нагрудном кармане. Блокнот, из которого торчал кончик чего-то зеленого с белым. Гадая, что это может быть, она вытащила блокнот и раскрыла на нужной странице. И обомлела, увидев маленький уже засохший стебелек ландыша. Какое-то время она не могла дышать, потрясенная до глубины души. А потом перевела взгляд на Эрика. И поняла, что снова плачет, потому что была уверена, что держит в руках тот самый стебелек, который подарила ему почти вечность назад после прогулки в Гайд-парке.

Стебелек, который он подумал сохранить! Сохранил что-то в память о том дне, но намеревался доставить ее к другому...

Она не представляла, что сердце может болеть так сильно, но оно буквально разрывалось у нее в груди.

Заметив это, герцогиня выпрямилась, расстегивая жилет и рубашку Эрика.

— Клэр, с вами всё хорошо?

Клэр едва могла соображать, и все же каким-то чудом взяла себя в руки, понимая, что нужна Эрику. Сейчас даже больше, чем прежде.

— Я... — С трудом дыша, Клэр осторожно, так чтобы не повредить хрупкий стебелек, закрыла блокнот, засунув его обратно в карман, отложила в сторону сюртук и снова повернулась к кровати. — Что мне делать дальше?

— Помогите мне снять с него рубашку.

Клэр помогла сделать и это, но снова, как только его разорванная и окровавленная рубашка оказалась у нее, она застыла, побледнев так, что чуть не потеряла сознание. На этот раз совершенно по другой причине. Замерла и герцогиня, которая, прижав ткань к ране, чтобы остановить кровотечение, ошеломленно смотрела на Эрика. Вернее на его грудь.

Невероятно красивую рельефную грудь, усыпанную мелкими черными волосками. Взгляд Клэр был прикован к другому. К глубоким и длинным шрамам, покрывающим верхнюю часть его груди, низ живота и плеч. Так будто кто-то проходился острым ножом по всему его телу, оставляя отвратительные отметины.

— Они достаточно свежие, но их плохо залечили, — задумчиво проговорила герцогиня,

изучающим взглядом проходя по каждому его шраму. — Что с ним произошло?

Герцогиня посмотрела на Клэр, которая не смогла бы заговорить, даже если бы и хотела. Хозяйку Пембертона почему-то не насторожил тот факт, что, будучи уже замужем за Эриком уже определенное время, Клэр выглядит так, будто никогда прежде не видела обнаженную грудь своего супруга.

И словно бы этого было мало, Клэр заметила на его левой руке, выше локтя то, что буквально сбило ее с ног. Она покачнулась и прикрыла рот рукой, боясь издать малейший звук, будто Эрик мог проснуться.

Герцог подошел к ней, положив руки ей на плечи.

— Клэр, вам нехорошо?

Она не слышала его. Потому что не могла отвести взгляд от левого плеча Эрика. Там была черная татуировка. Болтающаяся виселица. Точно такой же рисунок, как у того мужчины, который напал на них на дороге! Боже, так вот почему Эрик застыл сегодня, увидев тех мужчин! Его связывала с ними эта татуировка. Но, откуда он знал их? Господи, как его могло что-то связывать с теми людьми?

Герцог тоже заметил это, а потом громко выругался. Будто бы понял, что это значит. Его жена жестко посмотрела на него.

— Тони, уведи отсюда Клэр, ради Бога! Ей незачем видеть все это.

Сказав это, она занялась раненым плечом Эрика, полностью сосредоточившись на нем. Клэр ощутила настоящую панику и тут же встала, боясь того, что ее действительно уведут от Эрика. Его окровавленная рубашка выпала из ее дрожащих рук.

— Я никуда не уйду отсюда!

— Но, милая, вам не... — говорил позади нее герцог.

Резко обернувшись, Клэр решительно посмотрела на него.

— Я никуда отсюда не уйду! — повторила она, чувствуя, как кружится голова. А потом повернулась к Эрику.

У нее задрожали ноги так сильно, что она едва не упала.

«Боже мой, что с тобой произошло? Что с тобой сделали?» — с мучительной болью думала она, вспоминая его стремление держаться от других как можно дальше, его реакцию на чужие прикосновения, его внезапную «аллергию» на глазах, по причине которой он в тот первый день в музыкальной комнате своего отца плохо видел ее.

Она посмотрела на его разбитый нос.

«Два месяца назад»...

И внезапно поняла, что с ним произошло что-то ужасное. Два месяца назад. Что лишило его всякого желания касаться кого-то другого. Кроме нее.

«Вы — единственная женщина»...

До которой он мог дотронуться.

Это невозможно было объяснить здравым смыслом, но это было правдой, с которой ей предстояло жить. Правда, которую она больше не могла игнорировать. У нее подкашивались ноги, но каким-то чудом Клэр осталась стоять на месте.

Свежие раны...

Все это складывалось в такую страшную картину, что Клэр боялась подумать об этом. И была уверена, что не вынесет, когда ей откроется вся правда. Правдой, которую она должна была узнать!

Едва дыша, она коснулась дрожащей рукой его холодного лба, а потом закрыла глаза и

снова стала молиться, понимая, что не вынесет, на самом деле не вынесет, если с ним что-то случится.

* * *

Он не приходил в себя вот уже два дня. Два долгих мучительно нескончаемых дня.

Клэр ни на одно мгновение не отходила от Эрика, почти с одержимостью следя за его дыханием, потому что сейчас ее жизнь зависела только от этого. Она не поменяла свое испачканное и окончательно испорченное платье, даже не заметив, что оно просто непозволительно грязное. Едва пила то, что ей приносили, и с трудом могла хоть что-то съесть. Она дремала возле его кровати, когда становилось уже невозможно еще на секунду дольше держать глаза открытыми, и тут же просыпалась от малейшего звука, ожидая, что это будет голос Эрика.

Но он даже не шевелился, когда она меняла ему повязку, каждый раз приходя в ужас при виде его раны. Не в силах представить ту боль, которую он может почувствовать, когда придет в себя, но возможно именно благодаря настойке герцогини он ничего и не чувствовал. Это могло бы утешить ее, если бы только он пришёл в себя.

Клэр всё ждала и умоляла его очнуться, но этого так и не произошло.

Минуты казались часами, а часы превратились в вечность, отдаляя ее от Эрика. Едва сдерживаясь, Клэр сидела подле него, понимая, что ее силы на исходе. У нее дрожали руки всякий раз, когда она обтирала его холодной водой, чтобы сбить жар. Герцогиня уверяла, что это нормально, что так организм борется, чтобы выжить, но это нисколько не успокаивало Клэр, которая не могла спокойно смотреть на неподвижного Эрика.

Он ведь спас ей жизнь. Сделал то, что возможно не сделал бы никто другой. Он сделал так много удивительных вещей для нее. Клэр не могла позволить ему спать еще дольше. Еще и потому, что задыхалась без него.

За время, проведенное рядом с его кроватью, пока она влажной тканью смывала с него испарину, Клэр так хорошо изучила каждую выпуклую мышцу, впадинку на его теле, направление роста черных волос, что даже закрывая глаза, она видела всё великолепие его груди. Но не так она представляла всё это... Не так она хотела бы касаться его. Он должен был почувствовать ее прикосновения. Потому что она хотела, чтобы он ответил на них. Ответил так, как умел делать только он. С мучительной нежностью и осторожностью, от которой таяло ее сердце. Хотела, чтобы он чувствовал, как она касается его, и что хочет этого.

Он действительно был красив, так волнующе красив, что порой было трудно отвести от него загнипнотизированный взгляд. И даже в таком состоянии небольшая выпуклость на его щеке никуда не делась. Всякий раз, касаясь его, Клэр испытывала настоящую муку оттого, что боялась никогда больше не увидеть, как дергается его кадык.

Еще больше ее пугали шрамы, покрывающие его грудь.

Всё внутри нее леденело при виде зловещей татуировки.

Господи, что с ним делали? Что с ним произошло? Откуда эта татуировка? Как он мог позволить, чтобы на его красивой руке оставили эту чудовищную отметину? Знал ли он тех людей, которые напали на них, желая их смерти?

Закончив обтирания и укрыв Эрика теплым одеялом, она усаживалась рядом с ним, сжимая руками его холодную, почти безжизненную руку, и смотрела на безмятежное, такое до боли красивое, но пугающе бледное лицо, ощущая невыносимую боль в груди.

Если прежде ей казалось, что равновесие ее мира удерживает она сама, теперь было очевидно, что ее собственный мир держался на одном Эрике, к которому она не просто привязалась за эти несколько дней.

— Глупенький, ну почему ты сделал это? — задыхаясь молвила Клэр, прижимая его руку к своим губам. — Зачем ты подверг себя такому риску!

Ей было больно, ужасно больно оттого, что он не реагировал даже на ее прикосновения.

— Пожалуйста, — шептала она, закрыв глаза, из-под век которых катились крупные слезы. — Пожалуйста... — молила она его, но он и этого не слышал.

В комнате было темно, но очень душно. Стояла глубокая, тихая ночь. Камин ни на минуту не гасили, чтобы было тепло, но герцогиня следила за тем, чтобы регулярно проветривали помещение, настаивая на том, что больному нужен свежий воздух. Клэр была рада присутствию герцогини, которая заботилась даже о таких мелочах, потому что уже ничего вокруг не замечала, сходя с ума от беспокойства.

У нее туманилось в голове, еще и потому, что вся комната и она сама пропахли запахом лауданума, от которого начинало тошнить. Земля медленно уходила из-под ног. Она знала совершенно точно, что жизнь никогда не будет прежней, если Эрик действительно не проснется.

Поэтому ждала. И отчаянно молилась, глядя на то, как с каждым днем все темнее и гуще становится его щетина.

— Эрик, — позвала она его на рассвете, коснувшись рукой его почти пепельного цвета лица. — Эрик, — звала она человека, которого когда-то не желала видеть. Которого винила за то, что он разрушил ее жизнь. Жизнь, которая не должна была волновать его, но которую он спас, не раздумывая ни секунды. — Эрик...

Он был обязан проснуться! Клэр не собиралась позволять ему спать дольше положенного, но когда он не пришел в себя и на третий день, беспросветное отчаяние и безнадежность завладели ею настолько, что она не могла уже даже пошевелиться. У нее опускались руки. Она до ужаса боялась, что потеряет его, и тогда...

Она не спала всю ночь, пристально следя за его дыханием. Крепко держа его за руку, Клэр сидела возле его кровати, когда в комнату вошел герцог и направился к ней со встревоженным выражением лица.

— Клэр, вы не отдыхали целых три дня. Нормально не ели и не выходили из этой комнаты. Вы скоро свалитесь сами, если так и дальше будете продолжать. Я побуду рядом с ним, а вы выйдите хотя бы на несколько минут в сад, подышите свежим воздухом.

— Я не могу, — едва слышно прошептала она, продолжала смотреть на бледное лицо Эрика, заросшего темной щетиной.

Человек, который украсил весь собор святого Павла ландышами только потому, что она любила их. Который хранил в нагрудном кармане стебелек подаренного ею цветка.

Клэр боялась, что действительно сойдет с ума, с трудом сдерживая слезы. Она не могла оставить его, но герцог взял ее за руку и помог ей встать, а потом развернул и направил к двери.

— Идите, я сразу же пошлю за вами, когда он проснется.

«Когда». Никто не допускал и мысли о том, что Эрик может не проснуться. Клэр

буквально задыхалась от благодарности к людям, которых не помнила, но которые с готовностью пришли ей на помощь и позаботились об Эрике. Чувство стыда, перемешанное с чувством вины, давили на нее и ни на мгновение не отпускали. Едва ступая на дрожащих ногах, она побрела по коридорам, спустилась по длинной лестнице, а потом вышла в ошеломляюще красивый сад, вот только ничего не замечала вокруг, ощущая невыносимую усталость.

Яркое солнце ослепляло, особенно после дней, проведенных в зашторенной комнате, но Клэр быстро справилась с головокружением, увидела кованую скамейку в центре сада и направилась к ней. Когда же без сил опустилась на нее и сделала судорожный вдох, события последних дней вкупе с диким напряжением и душившим ее страхом тут же набросились на нее. Многодневная сдержанность, которая помогала ей устоять на ногах, дала трещину, и Клэр просто не выдержала.

Закрыв лицо руками, она горько разрыдалась. Она не могла понять, когда все изменилось, но теперь кроме Эрика ни о чем больше не могла думать, даже о Клиффорде...

На этот раз Клэр с кристальной ясностью понимала, что действительно не выдержит, если с Эриком что-то случится.

Он не имел право рисковать собой! Она должна была найти способ помочь ему! Но у нее ничего не вышло. В ужасе Клэр понимала, что подвела его. Тогда, когда он нуждался в этом больше всего на свете.

Когда сама нуждалась в нем так, что задыхалась без него. Потому что невозможно было представить, чтобы его не было больше рядом. Чтобы она больше не обнимала его, не слышала его голоса, не видела мерцания его завораживающих серо-голубых глаз...

Боже, он не мог, не имел права не проснуться еще и потому, что она так и не поблагодарила его за то, что он спас ей жизнь!

Клэр не заметила, как кто-то мягко обнял ее и прижал к теплой груди. Она заплакала еще горше, чувствуя, как боль разрывает ее на части.

— Все хорошо, — послышался голос герцогини, которая поглаживала трясущиеся плечи Клэр. — С ним ничего не случится. Мы не позволим, чтобы с ним что-то случилось.

Клэр отчаянно хотела верить в это, но надежда постепенно угасала. Как и жизнь в Эрике.

— Я не представляю, что буду делать, если с ним...

— Не нужно думать об этом, — мягко прервала ее герцогиня.

Алекс обнимала Клэр до тех пор, пока та немного не успокоилась. Пока не осталось больше ничего, кроме обреченности перед тем, что могло произойти... и навсегда поглотить ее. Панический страх потерять Эрика настолько сильно овладел ею, что Клэр охватило мучительно оцепенение, заставляя похолодеть сердце. Боже, что она будет делать, если с ним что-то случится!

Вокруг было удивительно тихо. У нее дрожало все тело, дрожали руки, так что Клэр сцепила их, чтобы хоть как-то скрыть свои чувства, и, едва дыша, медленно отстранилась от герцогини, открыв глаза.

Молодая женщина смотрела на нее задумчивым, удивленным взглядом, а потом задала самый опасный из вопросов:

— Клэр, прости меня за мою откровенность, но можно узнать, куда вы уехали так поспешно на следующий же день после свадьбы? Особенно тогда, когда в стране путешествовать так небезопасно.

Почему-то до этого мгновения Клэр даже в голову не приходила мысль о том, что их поездка может быть опасной. Выплывая будто из ядовитого тумана, она вспомнила, что непростое положение в Англии сохранялось вот уже три года, пока Парламент пытался принять новый закон. Когда даже ее отец приставил охрану ко всем их домам, чтобы избежать беды.

Поездка, которая стоила жизни Алану. И могла стоить жизни Эрику.

Слезы снова выступили на глазах. Клэр дрожащими пальцами смахнула их, сжимаясь от страха. После свадьбы она ни о чем нормально не могла думать, чувствуя себя настолько преданной и раздавленной, что буквально выпала из жизни. Так давно у нее не было никого, с кем она могла бы поговорить. Но подняв голову и заглянув в пронизательные, вззирающие на нее с пониманием глаза герцогини, Клэр испытала почти удушающее желание рассказать ей всю правду. То, что действительно произошло с ней. То, что теперь она сама не могла понять. Что так отчаянно пыталась понять...

То, как Эрик буквально заставил ее выйти за него замуж. То, с какой поспешностью отец сплавил ее с рук. То, как она любила Клиффорда. Которому и возвращал ее Эрик, поэтому они и ехали в Шотландию.

Услышав весь этот невероятный рассказ, Алекс потрясенно замерла и смотрела на Клэр, какое-то время не в состоянии произнести ни слова.

Чувствуя себя еще больше разбитой, Клэр отвернулась и прижала руку к губам.

— Простите, мне не следовало говорить вам всё это...

На одно короткое мгновение ей показалось, будто герцогиня поймет ее. И может, даст ей совет, в котором она так отчаянно нуждалась. Хоть как-то подскажет, как ей быть, потому что Клэр уже не понимала себя и не понимала всех тех чувств, которые разом нахлынули на нее, вытеснив из сердца всё остальное.

Потому что, сидя в таком красивом саду и глядя на невероятную россыпь благоухающих, пышных цветов, Клэр вдруг поняла, что не может вспомнить, какого цвета были глаза Клиффорда и настолько важны для нее были его прикосновения и поцелуи, зато она так хорошо помнила оттенок глаз другого человека и силу его прикосновения, что у нее заняло сердце.

Человек, который сберег подаренный ей стебелек маленьких ландышей!

Клэр вздрогнула, когда герцогиня коснулась ее плеча, и быстро прикусила губу, чтобы не расплакаться. Взглянув на герцогиню, она увидела, как та подняла руку, чтобы коснуться своих глаз, но замерла и медленно опустила руку.

— Прости, это... — Герцогиня покачала головой. — Осталась привычка после того, как несколько лет назад у меня отпала необходимость носить очки.

Клэр удивленно моргнула.

— Вы носили очки?

Было почти невозможно представить столь красивую и элегантную женщину в очках.

Герцогиня улыбнулась.

— Поверь, носила. В детстве у меня... по непонятной причине ухудшилось зрение, но несколько лет назад после родов мое зрение каким-то чудом восстановилось.

— О! — Клэр даже не знала, что такое возможно. — Вероятно, это было для вас большим облегчением.

Улыбка герцогини стала шире.

— Ноэлю уже три года, ты видела его в день приезда. Он — наше чудо. Ты обязательно

должна познакомиться с ним.

Разговор о детях немного отвлек, но, разумеется, не был способен избавить Клэр от снедающей ее тревоги.

— Он ваш единственный сын?

Глаза герцогини наполнились той неподдельной теплотой, которая звучала и в ее голосе.

— У нас четверо детей: старшие Джейн и Джеймс — двойняшки, Эшли, ему сейчас семь лет. И Ноэль.

— И где они все?

— Уехали в Кент, куда и мы собирались сразу же после вашей свадьбы, но нас задержали дела Тони, поэтому нам пришлось вернуться домой на некоторое время.

На Клэр снова нахлынуло чувство вины. Она виновато опустила голову.

— Мы вас задержали...

— Даже не смей говорить такое! Я рада, что мы не уехали и смогли лично помочь вам. Думаю, мои родные переживут несколько дней без нас, ведь в Кенте, где живет мой брат, собрались большие семьи еще и моих двух старших сестер, чтобы отметить дни рождения моего брата и его средней дочери Элизабет, которую моя невестка Эмили умудрилась родить в тот же день.

Клэр почему-то не могла представить, чтобы где-то играла музыку, а люди веселились и могли радоваться. Впервые в жизни она не испытывала необходимости обратиться к музыке, чтобы найти утешение и покой. Сейчас услышать звуки музыки было для нее так же невыносимо, как и для Эрика, который когда-то утверждал, что не любит музыку.

Для нее жизнь замерла и сосредоточилась на одной большой кровати, на которой лежал ее муж...

Муж, которого она не хотела.

Муж, без которого теперь не представляла свою жизнь...

Клэр на мгновение закрыла глаза, борясь с очередными слезами. Она так устала. Устала ждать. Устала бояться. Она отчаянно хотела, чтобы Эрик пришел в себя. И была готова отдать за это всё, что угодно. Потому что Эрик был единственным человеком, который связывал ее с жизнью.

И снова Клэр вздрогнула, когда герцогиня коснулась ее плеча.

— Клэр, ты знаешь, что мне было почти столько же лет, сколько и тебе, когда я встретила Тони?

Недоумевая, Клэр обернулась к герцогине.

— Что?

На этот раз глаза герцогини засияли особым пониманием и любовью, когда она заговорила о муже.

— Жизнь иногда подбрасывает нам путь, по которому мы бы ни за что на свете не пошли добровольно. Путь, который в итоге оказывается самым верным. — Она улыбнулась Клэр и взяла ее руку в свою. — Знаешь, что я скажу? Не думай ни о чем. Не суди себя так строго. Просто принимай всё то, что происходит, что дает тебе жизнь, не закрывая свое сердце ни для чего нового. И совсем скоро ты поймешь, что тебе действительно нужно. — Подавшись вперед, Алекс склонилась к Клэр и совсем тихо добавила: — Иногда нам так непросто слышать собственное сердце. Но можно кое-что сделать, чтобы услышать его. Ты уже целовала своего мужа?

Клэр потрясенно застыла.

— Что?

Потрясали ее не только слова Алекс. Клэр была поражена тому, какую бурю чувств они вызвали в ней, воскресив самые глубокие, самые запретные воспоминания, когда она совсем недавно, сидя в карете и глядя на Эрика, не могла не подумать о том, что ощутит, если он действительно когда-нибудь поцелует ее. По-настоящему.

Алекс мягко улыбнулась, сжав ей руку.

— Нам, девушкам, иногда совсем не просто выбирать. Тебе нужно просто поцеловать Эрика, и если Клиффорд уже целовал тебя, твое сердце подскажет, что тебе делать дальше.

Клэр не могла вымолвить ни слова, глядя в красивые глаза женщины, которая на самом деле подумала дать ей такой совет. Сказала вслух о том, о чем Клэр даже боялась подумать. Но теперь... теперь эта мысль станет преследовать ее до тех пор, пока не сведет с ума.

Сейчас, когда она боялась обнаружить, что все ее чувства выдуманы, непостоянны и неправдивы, когда она не могла вспомнить лицо человека, которого любила, но стремилась к тому, от которого когда-то бежала... Клэр почувствовала, как глаза заволокла предательская влага, потому что к ней пришло полное осознание того, что именно она должна сделать. И как ей теперь поступать.

— Ваша светлость, — прошептала Клэр едва слышно.

Герцогиня покачала головой.

— Зови меня Алекс, прошу тебя...

Алекс замолчала и выпрямилась, когда увидела, как к ним подходит взволнованный дворецкий.

— Миледи, простите, что прерываю вас, но его светлость просил передать, что ваш муж...

У Клэр перехватило дыхание и закружилась голова, так что она какое-то время не могла пошевелиться, понимая, что дворецкий пришел только по одной причине.

Боже, Эрик очнулся! Могло ли это быть правдой?

Могло. И об этом говорила улыбка дворецкого, который мягко взирал на нее.

Сердце замерло в груди, а потом застучало так быстро, что было невыносимо дышать. Голова продолжала кружиться, а тело дрожало так, что Клэр боялась встать. Она была уверена, что упадет, если встанет. Но ничего подобного не произошло, когда она поднялась на ноги.

И тут же устремилась к дому, не помня себя. Клэр горела лишь одним желанием: поскорее добраться до Эрика. Поскорее убедиться в том, что он очнулся. Что это правда!

Едва добежав до его комнаты, она распахнула дверь и вошла. И тут же услышала тихий голос герцога, который обращался к лежащему в кровати.

К тому, кто пошевелил здоровой рукой, что-то сказав герцогу в ответ. У Клэр задрожали ноги. На мгновение она обессилено привалилась к двери, боясь дышать. Боясь даже дыханием развеять то, что возможно снилось ей. Но это не было сном. Во сне не могло быть так мучительно больно. И страшно.

А потом она увидела, как Эрик медленно повернул к ней голову. Она увидела его тусклые, усталые серо-голубые глаза, и в груди у нее будто бы что-то надломилось.

— Клэр?

Что-то острое пронзило ей сердце, когда она услышала до боли знакомый глубокий голос. Такой тихий и хриплый, что едва можно было расслышать его, но она услышала.

Услышала, а потом обнаружила, что движется к нему. Клэр не заметила герцога, который кивнул и вышел, оставив их одних. Она не видела ничего, кроме Эрика, к которому подошла. Присев на кровати с левой стороны так, чтобы не потревожить его раненое плечо, Клэр, как в тумане подняла руку и коснулась его серого, заросшего многодневной щетиной красивого лица.

— Ты живой... — прошептала она, ощущая под пальцами тепло его кожи. — Ты проснулся...

Она не могла в это поверить, но он действительно лежал перед ней с открытыми глазами!

Эрик пристально смотрел на нее, а потом, подняв здоровую руку, взял ее дрожащие пальцы в свои. И когда Клэр почувствовала его тепло, когда увидела, как он медленно кивает, она поверила в то, что он действительно пришел в себя! Безумный страх, который владел ею все эти долгие дни, наконец, развеялся, позволив ей дышать. На нее нахлынуло такое облегчение, что Клэр чуть не задохнулась. Благодарная небесам, которые услышали ее молитвы, она закрыла глаза и заплакала.

— Клэр, — выдохнул потрясенно Эрик все тем же шершавым после пробуждения голосом, но она не могла остановить себя. — Клэр...

Она не могла дышать от боли, которая разрывала ее изнутри. А потом почувствовала, как он обнимает ее здоровой рукой и притягивает к себе, так что она опустилась на кровати и прижалась лбом к его здоровому обнаженному плечу. Он обнял ее крепче, как только это позволял ему ослабевший организм, и зарылся лицом ей в волосы. От него пахло лекарствами, потом и легким ароматом сандалового дерева. Запах, который она не перепутала бы ни с чем.

Клэр вцепилась в него, боясь отпустить. Боясь того, что его могут снова отнять у нее. Ища в нем защиту оттого, с чем едва справилась без него. Ища в нем силы пережить то, что чуть не разрушило ее. Нуждаясь в нём сейчас гораздо больше, чем в собственном дыхании. Боже, он был ей нужен так, что она действительно задышалась без него!

— Эрик, Боже мой... — бормотала она, рыдая у него на плече. — Эрик, ты проснулся! Наконец, ты проснулся! Проснулся... Боже мой, ты на самом деле проснулся!

Эрик не мог понять, где находится, и что с ним происходит до тех пор, пока не открыл глаза. Смертельная усталость и невероятная тяжесть не позволяли ему даже пошевелиться. Зловещий мрак туманил сознание, возвращая отвратительные, жутковатые видения из прошлого, которые нагнали его в очередной раз, и Эрику в какой-то момент стало казаться, будто он вновь попал туда, откуда не существовало возврата.

Он задыхался. На самом деле задыхался только от одной мысли о том, что его снова вернули в прошлое...

Ему мерещилась маленькая сырая комната без окон и дверей, с тяжелым, затхлым воздухом. Липкие холодные пальцы, которые ни на минуту не оставляли его в покое. Которые касались его, вызывая непереносимое отвращение. Острое лезвие ножа, которое с пугающим постоянством проходило по его телу, принося очередной неумолимый приступ боли до тех пор, пока однажды боль не притупилась настолько, что ее невозможно было ощутить. Содрогаясь от мучительных спазмов, Эрик изо всех сил боролся, чтобы освободиться, но не мог, ужасаясь того, что прежние кошмары, почти как в прошлый раз, неумолимо возвращаются.

И навсегда овладевают им.

Эрик никогда не думал, что на свете будет существовать нечто, способное ввергнуть его в такой ужас, что он не сможет даже двигаться, что вызовет отвращение от общения с людьми, от прикосновения людей, от их голоса, от их взгляда, ведь вся его работа заключалась в общении с людьми. Любимая работа, от которой теперь ничего не осталось... Произошедшее с ним два месяца назад осталось и срослось с ним так крепко, что он не мог больше заниматься своим делом.

Он боролся, изо всех сил сражался, чтобы прогнать прошлое, но ему не нужно было так напрягаться.

Чье-то постоянное присутствие не позволяло мраку полностью поглотить его, и в какой-то момент дурное исчезло. Кто-то всё время находился рядом с ним. Кто-то, чье незримое присутствие помогало ему сразиться с тьмой. Эрик мог поклясться, что слышал нежный голос. Даже чувствовал до боли знакомый, пробирающий до костей запах ландышей, а потом и осторожные, почти воздушные прикосновения, которые и помогли ему успокоиться.

Прикосновение, от которого не становилось хуже. Прикосновение, которое не приносило отвращения.

Прикосновение, которое исцеляло...

Ни одно прикосновение в мире не могло бы сотворить с ним такое, ни одна человеческая рука не была способна заставить его ощутить покой и благодать.

Такое произошло с ним только один раз, и он запомнил это на всю оставшуюся жизнь. Прикосновение, которое перевернуло ему всю душу...

Когда же он проснулся, Эрик отчаянно старался вспомнить, где находится. Почему не может пошевелиться. Свинцовая тяжесть не позволяла ему сдвинуть даже руку.

Он находился в большой комнате, залитой ярким дневным светом, который, однако, не ослеплял, а лишь помогал лучше разглядеть все вокруг. Повернув голову, Эрик увидел стоявшего возле кровати с высоким балдахином, на которой лежал, друга своего отца,

хорошего друга, который обеспокоенно смотрел на него.

— Добро пожаловать обратно в этот мир, — сказал Тони с облегчением. — Как ты себя чувствуешь?

Чувствует? Он пока ничего не ощущал, но потом... Сознание внезапно отбросило его назад в тот день, когда он ехал в карете вместе с Клэр. Когда, удерживая вазочку с букетом подаренных им ландышей, она смотрела на него и задавала вопросы, которые не должна была задавать. Когда смотрела на него так, что он едва сдерживался от того, чтобы не коснуться ее.

После произошедшего с ним Эрик даже не думал, что сможет с такой силой желать того, что чуть не убило его. Но он действительно умирал от желания дотронуться до Клэр.

В тот день он бы не устоял перед силой этого желания.

Если бы на них не напали!

Эрик побледнел, вспомнив жуткий момент, когда раздался выстрел.

Когда весь его мир мог бы рухнуть, если бы он не опередил пулю. Если бы он не укрыл собой Клэр.

— Клэр-р... — послышался его хриплый шепот.

— Она в порядке, — заверил его Тони, мягко улыбаясь. — Всё это время, пока ты был без сознания, она ни на минуту не отходила от тебя.

Эрик потрясенно посмотрел на Тони.

— Что? Как... как долго я... спал?

— Три дня.

Три дня? И три дня Клэр сидела возле него, не зная, проснется он или нет?

— Как ты? Можешь пошевелиться? — спросил обеспокоенно Тони.

Прогоняя остатки долгого сна, Эрик взглянул, наконец, на себя и только тогда понял, почему не мог двигаться. Правая рука вместе с плечом были плотно перевязаны. Именно в плечо и угадила та самая пуля, которой он не позволил добраться до Клэр. А левая часть была плотно укрыта толстым одеялом.

С трудом подняв левую здоровую руку, Эрик тут же безразлично оторвал от нее свой взгляд, и оглядел всю комнату, в поиске Клэр. Он должен был увидеть ее еще и потому, что почти ничего не помнил после того, как удар выстрела отбросил его назад. Он должен был убедиться, что с ней все в порядке.

Эрик потрясенно замер, когда Клэр внезапно появилась в поле его зрения.

Яркие лучи солнца падали на ее восхитительное, но застывшее лицо, освещая затаившуюся в темно-золотистых глазах неприкрытую боль. Бледная, осунувшаяся, но целая и невредимая, она стояла у дверей его комнаты и выглядела при этом такой перепуганной и несчастной, что у него заныло сердце.

Жена, которая, по словам Тони, все эти дни ни на шаг не отходила от него.

Жена, которая сейчас прижималась к нему так, будто искала у него защиту от мира, который посмел обидеть, напугать ее. Эрик не представлял, где взял силы, чтобы обнять ее, но сейчас прижимал Клэр к своей груди так, будто имел полное право никогда больше не отпускать ее.

— Клэр, все хорошо! Все хорошо, любовь моя, успокойся! — шептал он, спрятав лицо у нее в волосах, не в силах больше слышать ее глухие рыдания. Бесконечно признательный Богу за то, что тот дал ему еще одну возможность увидеть ее, касаться ее. За то, что с ней ничего не случилось. — Клэр, прошу тебя, успокойся.

Она продолжала рыдать, а он продолжал обнимать ее до тех пор, пока в какой-то момент не осталось больше слез. Он прижимал ее к себе, ощущая ее тепло. Тепло, которое согревало, которое заставило его поверить в то, что страшное позади.

Какое-то время в комнате не было слышно ничего, кроме тиканья часов на каминной полке. И ровного дыхания Клэр, которая затихла, но продолжала вжиматься в него так, словно хотела раствориться в нем.

— Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось, — раздался ее дрожащий голос.

Эрик закрыл глаза, едва справляясь с теми чувствами, которые нахлынули на него от этих слов. Признание, от которого разрывалось сердце. Почти как в тот момент, когда она призналась, что читала про Азенкур только потому, что это что-то значило для него! Потому что она знала, как он любит историю...

И совершенно не имела представления о том, как бесконечно он любил ее. Ее одну.

У него не было больше сил бороться с тем притяжением, которое тянуло его к ней. Он чертовски устал от борьбы, так долго стараясь держаться от нее подальше. Сейчас хоть на одно короткое мгновение он хотел позабыть обо всем на свете и обнимать ее так, будто действительно имел на это право. Потому что больше не мог жить без ее тепла, без ее голоса, без тонкого аромата ландышей, которым она пахла даже сейчас.

Даже когда он поступил с ней так отвратительно в то утро, отстранившись от ее прикосновения, она пожелала помочь ему, выведя из шумного обеденного зала, точно знала, как это невыносимо для него. И все три дня, что он был без сознания, она оставалась рядом с ним, а теперь прижималась к нему так, будто это было необходимо ей почти так же, как и ему.

Господи, она делала то, что ни за что не позволит потом вырвать ее из своего сердца, когда придет время отпустить ее!

— Эрик, я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось, — повторила она свои ошеломляющие слова, будто бы пытаясь окончательно убедить его в том, что это правда.

Эрик не мог дышать. От вековой тяжести, которая давила на грудь. Девушка, которая не хотела иметь с ним ничего общего, и ни за что не вышла бы за него замуж добровольно, обнимала его сейчас так, будто действительно не собиралась позволить, чтобы с ним что-то случилось.

О Господи!

— Со мной... — Дрожащей рукой он погладил ее застывшие плечи, с трудом обретая дар речи. — Со мной ничего не случится...

Эрик дрожал, понимая, что начинает нуждаться в ней гораздо больше. И даже сейчас, вспоминая то жуткое мгновение, он ощущал, как стынет в жилах кровь. Как обрывается дыхание и замирает сердце. Ему не было так страшно, даже когда она упала с дерева.

— Прости меня, — прошептал он, скованный жгучим чувством вины. Боясь представить, что бы с ним случилось, если бы он не успел тогда...

Клэр замерла и, медленно подняв голову, изумленно посмотрела на него.

— Что? О чем ты говоришь?

Чувство вины охватило Эрика еще больше, когда он увидел покрасневший нос и ее мокрые от слез глаза.

— Прости, что заставил тебя пройти через такое. Я не должен был подвергать тебя...

Глаза ее гневно сузились, и Клэр тут же прижала палец, свой замечательный, красивый палец к его губам, не позволив ему договорить.

— Ты в своем уме! Господи, о чем ты говоришь, Эрик! Ты... — Осуждение в ее голосе сменилось болью, когда она посмотрела на его забинтованное плечо, на бледное, обросшее щетиной лицо и едва слышно спросила: — Как ты? Как твое плечо? Не больно?

С некоторых пор он лишился способности ощущать боль от увечий. Ему пришлось приложить для этого почти нечеловеческие усилия, но теперь... Теперь он познал нечто другое. То, как мучительно может переворачиваться душа от одного желанного прикосновения. Как остро может реагировать сердце на биение сердца другого. Даже когда уйдет сама Клэр.

Опустив здоровую руку, Эрик осторожно коснулся ее бледной щеки, глядя в ее завораживающие огромные темно-золотистые, как янтарь глаза. Ощущая, как нежность к ней буквально разрывает его на части. Нежность и нечто такое, о существовании чего он даже не подозревал, пока в его жизни не появилась Клэр.

«Я никогда не позабуду ни одно твое прикосновение. Никогда не забуду то, как ты это делаешь. Как заставляешь чувствовать то, что должно было навсегда быть мертво для меня»...

У него перехватило горло от благодарности к ней за то, что сейчас она была рядом с ним.

— Мне не больно, — ответил, наконец, Эрик, ощущая боль совсем другого рода. К его полной неожиданности она вжалась щекой ему в ладонь, а потом закрыла глаза и снова опустила голову ему на плечо. Почти как в ту ночь, когда воспоминания прошлого чуть было не свели его с ума. Господи, мог ли он когда-нибудь даже поверить в то, что Клэр по собственному желанию будет обнимать его, не говоря уже о том, чтобы быть не в состоянии отпустить его? — Клэр...

Она теснее прижалась к нему. И выглядела такой напуганной, что Эрик боялся, она еще долго не сможет прийти в себя.

— Кем были те люди? Что они хотели? — раздался ее хриплый голос. — Почему они напали на нас?

Эрик сжал зубы, изо всех сил борясь с воспоминаниями, которые воскресили ее слова. Пробудили прошлое, которое так неожиданно настигло его. Прошлое, с которым он так долго боролся. Которое могло вторгнуться в этот мир и причинить вред Клэр!

Как он мог рассказать о событиях, которые едва не уничтожили его? Да и что он мог сказать? Она никогда не должна была узнать об этом, об ужасах и мерзости, через которые он прошел.

— Они... они больше не посмеют напугать тебя, — сказал он единственное, что было возможно. То, что собирался исполнить. Что должен был сделать, как только поправится.

— Но они... — ее голос оборвался. — Они убили Алана...

Она снова тихо заплакала. Эрик теснее прижал ее к себе, понимая, что возможно впервые в жизни она так близко столкнулась со смертью. Он бы отдал всё на свете, лишь бы оградить ее от этого, чтобы поквитаться с теми, кто на этот раз посмел покушаться на нечто более ценное, чем его жизнь! То, что он не мог оставить без внимания. Ему было больно оттого, что он не смог уберечь ее и подверг невыносимой опасности, заставив пройти через эти кошмары. И пусть Шоу подтвердил, что им удалось расквитаться с напавшими на них, Эрик не собирался оставить в покое остальных, пока не заставит их расплатиться за каждую слезинку Клэр.

— Я... я позабочусь о его семье, — пробормотал он, крепче обнимая ее. Ужасаясь тому,

что до сих пор по его вине гибли невинные люди. — Такого больше никогда не произойдет. Обещаю.

Вероятно, его слова немного успокоили ее, потому что Клэр стала дрожать уже не так заметно, а вскоре и вовсе затихла. Какое-то время в комнате царил почти благоговейное молчание. Которое больше не пугало. Которое сближало. Сблизило их настолько, что они не могли отпустить друг друга.

Клэр прижималась к нему так тесно, что он даже почувствовал биение ее сердца на своей груди. Это было... потрясающее! Ничего подобного он прежде никогда не испытывал. Закрыв глаза, Эрик вслушивался в этот волшебный стук, который отсчитывал минуты его жизни. Минуты, которые были бы бессмысленными и пустыми без Клэр. Минуты, которые он не променял бы ни на какие сокровища. И это успокоило самого Эрика, который потерялся о мягкие золотистые волосы, боясь того, что все это ему снится. Что находящаяся в его объятиях Клэр — выдумка его воображения и скоро исчезнет. Если бы только она знала, что он был готов заплатить любую цену, лишь бы она больше никогда не отпустила его...

— Как твоя рука? — спросил он тихо, возвращаясь к реальности.

Клэр едва заметно пошевелилась в его объятиях. Но не отстранилась.

— Рука?

Она сказала это так, будто понятия не имела, о чем он говорит.

— Да, рука, правая, которую поцарапал котенок, за которым ты лазила на дерево. — До сих пор у него замирало сердце, когда он вспоминал об этом, но в то же самое время Эрик ощущал небывалую гордость за то, какой смелой и решительной была его жена. Для которой было делом чести выручить котенка и помочь несчастной девочке даже во вред себе. — Кстати, как звали того котенка? Кажется, ее имя начиналось на букву «Д»?

Она чуть теснее прижалась к нему, постепенно расслабляясь.

— Дори, ее звали Дори.

Голос ее прозвучал на этот раз спокойно. Эрик мог поклясться, что расслышал в нём улыбку. Боже, неужели он мог заставить ее улыбаться?

— Так как твоя рука?

— Хорошо. Алекс дала мне одну из своих мазей, и все быстро зажило.

На этот раз в голосе ее было слышно беспокойство. Ее снова что-то тревожило. Эрик обеспокоенно нахмурился.

— Что такое?

— А ты сможешь простить меня? — совершенно неожиданно спросила она.

Рука Эрика замерла на ее волосах. Он повернул голову и посмотрел на нее.

— Что? За что я должен прощать тебя?

Она не подняла голову и не посмотрела на него, а продолжала лежать у него на груди, а потом заговорила таким сокрушенным голосом, будто признавалась в смертном грехе.

— Прости, но я потеряла твой букет ландышей.

Эрик потрясенно смотрел на нее. Где Клэр, девушка, которая всем сердцем любила другого? Которая посмела предположить, будто он применит силу в их первую брачную ночь. Которая плакала в день свадьбы, когда он поцеловал ее.

Он не смог заговорить, даже когда Клэр подняла голову и заглянула ему в глаза. На этот раз уже более спокойно. Во взгляде ее не было больше боли или слез. Сейчас она смотрела на него с какой-то пугающей уверенностью, легко, так, будто бы вековая тяжесть спала с души. А он все никак не мог перестать смотреть на Клэр, совсем другую Клэр, которая...

стала пугать его.

— Я подарю тебе все ландыши мира.

Она улыбнулась ему. Улыбнулась так, как могла улыбаться только его Клэр. Которая обнимала его после пробуждения так, будто ничего другого не существовало. Неожиданно Эрик понял, что теряет голову. По-настоящему теряет, потому что до смерти хотел прижать ее к себе и поцеловать.

Она снова погладила его по лицу, не заботясь о том, что ее может уколоть его многодневная щетина. С трудом справившись с собой, Эрик все же спросил о том, что волновало его больше всего:

— Ты в порядке? С тобой все хорошо?

Улыбка сбежала с ее лица, потому что она поняла, о чем он говорит. В порядке ли она после всего того, что видела в день нападения, в день, когда убили Алана. Молодого человека, у которого могло быть многообещающее будущее.

— Кажется, да.

— Клэр... — прошептал он, касаясь ее щеки дрожащими пальцами, леденя от ужаса того, что чуть было действительно не потерял ее.

Она накрыла его руку и сжала ее так, будто бы понимала, насколько невыносимым это могло бы быть для него.

— Ты снова спас мне жизнь, — прошептала Клэр, не выпуская его руку. — Я даже не знаю, как благодарить тебя. Я не знаю...

Его пальцы тут же коснулись дрожащих губ, от чего она замерла, затаив даже дыхание, но Эрик не успела ответить, потому что дверь комнаты открылась, и их прервало появление герцогини.

— Как наш больной? — спросила она с улыбкой, подойдя к кровати.

Отпустив его руку, Клэр быстро встала с кровати и поправила свое платье. Лимонного цвета с кружевным вырезом платье, в котором была в день нападения. Только теперь Эрик это заметил, и был так сильно потрясен, что не обратил внимания на жену своего друга.

— Почему ты всё еще носишь это платье? — спросил он, оглядев Клэр с ног до головы. — И почему оно до сих пор грязное? И подол... Где ты порвала подол платья?

Клэр хмуро оглядела себя, а потом спокойно взглянула на него.

— Я ведь перевязывала тебе плечо, пока мы ехали сюда. Ты не помнишь этого?

Она порвала свое красивое платье только, чтобы перевязать ему плечо? Эрик не понимал, почему это так сильно потрясло его. И вместе с тем разозлило.

— Но с какой стати тебе портить красивое платье?

Клэр замерла, вскинув брови.

— С какой? — потрясенно переспросила она, а потом нахмурилась и вперила в него свой негодующий взгляд. — Ты истекал кровью!

— И что с того?

Он никак не мог понять, с какой стати она сделала это. Черт побери, он не хотел, чтобы она портила свое платье только ради него.

Ее восхитительные глаза расширились будто бы от ужаса.

— Что с того? — повторила она, тяжело дыша. — Ты мог истечь кровью и...

— Эрик, — в разговор вмешалась Алекс, которую, казалось, никто не замечает. — По моему, Клэр поступила весьма разумно, оказав вам первую помощь и перевязав вашу рану. Вы действительно могли истечь кровью.

— Но она...

— С ней все в порядке, — заверила Алекс, с улыбкой взглянув на нее. — Мы с Тони заботились о ней.

Эрик вновь окинул Клэр пристальным, изучающим взглядом, отмечая то, как она даже немного похудела..

— Вижу, как вы о ней заботились, — буркнул он. — Так, что даже не уговорили сменить испорченное платье.

Он даже сомневался, что она ела на завтрак свои любимые блюда. Но его недовольство длилось недолго, потому что Эрик увидел, как темнеют глаза Клэр, как ее щеки краснеют. Сжав руку, она грозно посмотрела на него.

— Вообще-то мог бы поблагодарить Алекс за все то, что она сделала. Она ведь спасла твою жизнь! — Клэр резко замолчала, будто бы потрясенная тем, что только что сказала, а потом Эрик увидел, как задрожала ее нижняя губа. Она резко отвернулась от него и едва слышно выдохнула: — Боже...

Ее дрожащий шепот привел его в чувство, заставляя осознать то, что он ведет себя просто неразумно. Нагрубил Алекс и довел Клэр до слез! Господи, что на него нашло?

— Клэр, — виновато молвил он, подняв к ней дрожащую руку. — Я... Прости меня, я не должен был говорить такое. — Он просто никак не мог избавиться от беспокойства за нее, особенно когда увидел, в каком она состоянии. Взглянув на герцогиню, Эрик так же виновато добавил: — Простите, Алекс, за все то, что я сказал. Я не должен был... На самом деле я не думал так...

Она с пониманием улыбнулась ему.

— Вы с Клэр прошли через непростое испытание, неудивительно, что вы не можете прийти в себя, но всё страшное действительно позади. Клэр, — она посмотрела на застывшую девушку. — Я принесла новые бинты для перевязки.

Поставив на ближайший стол поднос с новыми бинтами и какими-то пузырьками, которые до этого Эрик не замечал, она кивнула и вышла.

С тяжелым сердцем, Эрик посмотрел на прямую спину Клэр и только тогда понял, что все это время, должно быть, только она и делала ему перевязки, потому что... потому что ему было невыносимо любое другое прикосновение. И что теперь она это знает. Он потрясенно смотрел на то, как она обходит кровать и подходит к нему с другой стороны так, чтобы быть ближе к его правому плечу. Которое тут же стала разбинтовывать, даже несмотря на то, что произошло совсем недавно.

На нем не было никакой верхней одежды. Эрик с потрясением обнаружил и этот факт. И пока пытался привыкнуть к тому, что лежит полностью неприкрытый перед Клэр, вернее ниже пояса он всё же был укрыт, и что она видит все шрамы на его теле, возможно, увидела и нечто другое, Клэр с особой осторожностью стала обрабатывать его рану, посыпав на него какой-то темный порошок.

— Тебе... — заговорила она, быстро заглянув ему в глаза. — Тебе не больно?

Она не просто беспокоилась за нем! Эрик сокрушенно смотрел в ее наполненные грустью глаза, внезапно осознав нечто поистине невероятное. Клэр пришлось пережить почти такой же ужас, какой пережил он сам, когда чуть не потерял ее! Она боялась, что он умрет? Она боялась потерять его?

— Что? — ошеломленно пробормотал он.

— Тебе не больно?

У него сдавило в груди так, что он не мог какое-то мгновение дышать.

— Мне... Нет, мне не больно.

— Ты уверен? — с дрожью в голосе спросила она.

Эрик испытал почти болезненную необходимость обнять ее.

— Уверен.

— Тогда... я перебинтую твое плечо, а потом принесу...

— Клэр, — Эрик оборвал ее, взяв ее дрожащую руку в свою. Он хотел ей сказать что-то.

Хотел... Боже, теперь он так много хотел, что ему было не по себе от силы этого желания. Желание, которое он не должен был испытать, но которое невозможно было больше подавлять. Поэтому Эрик быстро отпустил ее руку. — Спасибо.

Клэр нахмурилась.

— За что?

— За все, что сделала для меня. И продолжаешь делать. Ты — удивительная девушка, Клэр. И у тебя... у тебя золотое сердце.

Эрик увидел, как ее глаза предательски повлажнели, и почувствовал боль глубоко в сердце. Черт его побери, что он делает? Что он говорит? Еще немного, и он скажет слова, которые действительно разрушат его жизнь. И ее тоже. Разрушат то небольшое, что осталось. Черт бы побрал его сердце, но оно должно было быть глухо к ней. Ведь рядом с ним она никогда не будет счастлива. Сколько бы способов он ни находил, потому что она любила другого! И все же Эрик не мог взять верх над своим сердцем, которое требовало другого, требовало большего.

Он отвернул от Клэр свое обросшее щетиной лицо, чтобы не смущать ее. Клэр осторожно и аккуратно перевязала ему рану, касаясь его голого плеча с такой лаской и нежностью, что у него задрожало все внутри. Эрик закрыл глаза, приказывая себе дышать, приказывая своему телу не реагировать на это, но это оказалось чертовски сложно сделать. Теплая волна от ее прикосновения обласкала всё его тело и сжала в знакомом напряжении так, что он стал задыхаться. Вновь с ошеломляющей легкостью она пробудила в нем то, что он не мог контролировать. Не мог подавлять то, с чем не мог справиться.

Он был так сильно захвачен ею, что не замечал ничего вокруг. В какой-то момент он не чувствовал ничего, кроме поглаживаний ее пальцев, а потом Клэр резко убрала от него свои руки и укрыла его одеялом.

И только тогда Эрик обнаружил, как сильно устал. До смерти устал, но не хотел, чтобы она ушла.

— Клэр... — прошептал он, проваливаясь в глубокий, на этот раз исцеляющий сон.

Он заснул, не заметив, что Клэр так и не покинула его.

* * *

И снова удушающие картины прошлого заставили Эрика проснуться. Тяжело дыша, он вздрогнул и открыл глаза, обнаружив, что находится вовсе не в подвале, как ему казалось. Сердце его стучало так часто, что могло разорваться в груди. Черт бы побрал все на свете, проклятые воспоминания снова пытались заполнить собой все его сознание! Но теперь у него было оружие, которое помогало ему бороться. Достаточно было вспомнить неуловимый

аромат ландышей, и видения исчезали. Но не до конца, потому что теперь, когда они были уже так близко к Эдинбургу, к тому, чтобы она ушла, страх от ее потери парализовал его настолько, что он уже не мог бороться с прошлым. Которое однажды действительно сокрушит его. И не останется больше ничего, кроме темноты.

Возможно, тогда мрак станет его спасением. После ухода Клэр у него не останется ничего, кроме мрака...

В комнате было темно и тихо. Огонь в камине давно потух. Из высоких окон в комнату лился мягкий приглушенный свет одинокой луны, хоть немного рассекая удручающую темноту ночи. И лишь свеча в посеребренном подсвечнике, стоявшем на небольшом столике возле кровати, освещала небольшое пространство рядом. Тишина в комнате показалась необычной. Эрику ужасно хотелось пить. Проведя дрожащей рукой по застывшему лицу, чтобы прогнать оцепенение и жуткие картины, он повернул голову и увидел Тони, который сидел в кресле и смотрел на него.

— Помочь? — спросил он.

— Да, дай мне воды.

Как ни удивительно, Тони протянул ему стакан так, чтобы не коснуться Эрика, когда тот медленно взял его.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Тони, вернувшись в свое кресло.

Эрик сделал несколько глотков. Откинувшись на подушки, он на мгновение закрыл глаза. Ранение всё же не прошло для него так уж бесследно, потому что он по-прежнему чувствовал небывалую усталость, так что едва мог пошевелиться. Сделав еще несколько глотков, Эрик взглянул на Тони, опустив стакан на одеяло.

— Что ты здесь делаешь?

Тони улыбнулся.

— Хотел убедиться, что с тобой все в порядке.

Это волновало его сейчас меньше всего.

— Где Клэр?

Проницательные глаза Тони подозрительно сузились.

— Алекс рассказала мне о том, как ты поссорился со своей женой, едва пришел в себя.

Что-то сильное сжало его сердце. Острое чувство вины. И оглушительная тоска по ней.

— Как она? — едва слышно молвил Эрик, сжимая здоровой левой рукой стакан.

Тони вздохнул.

— Надеюсь, теперь лучше. Алекс, наконец, удалось уговорить ее отдохнуть. Вероятно, она сейчас спит в соседней комнате.

Какое счастье, что хоть кому-то удалось уговорить ее отдохнуть.

— Спасибо, — прошептал он, ощущая бесконечную благодарность. — Спасибо, что заботились о ней, пока я...

— Эрик, — мягко остановил его Тони. — Это не обсуждается, но с какой стати ты решил путешествовать со своей женой в столь опасное для страны время? Ты ведь лучше других знаешь, как сейчас небезопасно. Почему не отвез ее, к примеру, в Европу? Там сейчас намного спокойнее. И ей бы там понравилось. Я уверен.

Несомненно, ей бы там понравилось.

Повернув в руке стакан, Эрик внимательно смотрел на мерцание оставшейся на дне воды, которая мягко ударялась о стенки хрусталя. Ему с трудом удалось подавить острую боль, которая на мгновение вернула его в прошлое. Туда, где Клэр с такой охотой делилась с

ним своими мыслями, своими желаниями... То, что он не смог бы забыть, даже если бы и захотел.

— Я собирался. Я хотел... — Он так хорошо помнил, куда она хотела поехать. И почему. — Я купил два билета на паром и забронировал гостиницу в Вене на целый месяц. И собирался продлить резервацию, если бы...

Эрик был уверен, что ей бы там понравилось, но теперь он никогда об этом не узнает. Как не узнает об этом сама Клэр.

На этот раз Тони нахмурился.

— Почему тогда вы не уехали в Австрию?

Стакан застыл в его руке. Эрик закрыл глаза, пытаясь справиться с тем огушительным ужасом, который нахлынул на него от этих слов.

— Я должен отвезти ее в Эдинбург.

А потом навеки потерять ее, — с пугающей монотонностью договорила за него тишина.

Тони вдруг подался вперед и тихо спросил:

— Это ведь были они, напавшие на вас, верно? Те, кто имел непосредственное отношение к твоему по... — Эрик не заметил, как это произошло, но стакан треснул в его руке. Тони ахнул, встал и поспешно убрал осколки, глядя на небольшое мокрое пятно, оставшееся на одеяле. — Черт побери, Эрик! Ты чуть не поранился. Что ты делаешь?

Эрик ничего не сказал. Потому что задыхался. Скорая потеря Клэр и жуткие воспоминания о прошлом с удивительной силой парализовали его вновь, не давая ему ни малейшей возможности хоть что-то исправить. Хоть как-то предотвратить неотвратимое.

Ему оставалось только смириться, но он уже не мог...

— Эрик, — прошептал Тони обеспокоенно, заметив его бледность.

Эрик с трудом открыл глаза. Одеяло сползло с него, и взору Тони предстала его испещренная шрамами грудь. Тони тоже смотрел на всё это. И на его руку. Туда, где была отметина, не позволяющая Эрику забыть весь ужас того, что с ним произошло. Сколько раз он хотел избавиться от зловещей татуировки! Сколько раз собирался вырезать ее, но ему мешали родные, которые по очереди дежурили возле него. Отметина, которую возможно видела и Клэр и узнала, ведь она ухаживала за ним.

Черт побери, она не должна была увидеть это, как и его незажившие шрамы! Которые вполне оправданно могли вызвать у нее отвращение.

— Принеси мне рубашку, — с трудом проговорил Эрик.

Вместе со шрамами и татуировкой снова обострилось и осознание того, что ему почти нечего предложить Клэр, чтобы сделать ее счастливой. Когда-то он полагал, что сможет это сделать, но так глупо заблуждался, и впервые в жизни ужаснулся, как эгоистично поступил с ней, заставив ее выйти за него замуж!

— Принесу, — тут же кивнул Тони, не спуская с него обеспокоенного взгляда. — Не могу поверить, что они снова подумали напасть на тебя. Что им было нужно на этот раз?

Эрик отвернул мрачное, покрытое густой щетиной застывшее лицо, глядя на пустоту и мрак ночи.

— Вероятно, то, что не смогли довершить в прошлый.

— Не говори так, — покачал головой Тони, не представляя, как можно помочь человеку, которому довелось пережить невыносимое. — Эрик, я хочу, чтобы ты знал. Модам Бова... — Он увидел, как вновь стремительно бледнеет Эрик и поспешил быстро добавить: — Ее поймали неделю назад и повесили в Ньюгейтской тюрьме. За все то, что она сделала.

И **как** помогала «свингам» добывать нужную информацию, достичь нужной цели. Власти собираются поймать каждого из них и повесить за все то, что они натворили. Не только с тобой, — осторожно добавил Тони.

Эрик никогда прежде не отличался жестокостью, призывая всех решать вопросы мирным путем. Он был дипломатом, которым восхищался не только его отец. Но сегодня, сейчас, узнав о судьбе женщины, которая приговорила его прожить всю оставшуюся жизнь в аду, Эрик испытал почти оглушительную потребность собственноручно свернуть ей шею. Женщина, которая сделала с ним то, что невозможно было забыть, стереть из памяти. Потому что воспоминания хранились не только в его сознании. Все его тело помнило, как она касалась его, пытаясь заставить написать письмо. Как смеялась, стоя над ним и включив музыкальную шкатулку, чтобы заглушить его стоны...

Эрик на мгновение закрыл глаза, боясь того, что сейчас его сердце лопнет в груди.

Тони не хотел усугублять страдания Эрика, но, видя его состояние, всё же должен был кое-что спросить.

— Эрик, как тебе удалось сбежать? Я был в городе, когда стало известно, что тебя... что ты пропал. Я помогал твоему отцу и Куинсберри, которые пытались найти тебя. Но все наши попытки... Где тебя держали? Ты запомнил место? Нам нужно знать, чтобы отыскать их возможное логово.

Как бы ни было тяжело думать об этом, Эрик понимал, что Тони не завел бы разговор о прошлом без нужной на то причины.

— Мне... — Он прижал здоровую руку к глазам и сделал глубокий вдох. — Мне что-то капали в глаза, постоянно... чтобы я плохо видел. Чтобы не запоминал лица... Меня привезла в город пара, которая подобрала меня на дороге. Я не запомнил место, а эти люди исчезли. Я никого не запомнил, потому что ничего не видел...

— Они знали, какое влияние ты имеешь к принятию чертового закона. Мы ждали, что получим от тебя письмо, написанное под давлением, с тем, чтобы закон, наконец, был принят без твоих поправок, на которых ты настаивал перед королём. Но ты так ничего и не написал.

Будь все проклято, но он не написал бы ни единой строчки, даже если бы это действительно убило его. Эрик боролся за поправки, которые не позволят другим пользоваться законом так, чтобы сеять новый раздор и страдания в стране. Поправки, против которых и боролись «свинги», решив наказать прямого виновника за то, что он пытался спутать им карты. Эрик не позволил бы королю принять закон на тех условиях, которые ему диктовали. Не ценой жизней собственных слуг и тех, кто стал невинной жертвой в руках жестоких проходимцев, жаждущих власти.

Гневно сжимая руку, Тони покачал головой:

— Ты ведь понимаешь, что король подпишет этот закон. Какие бы к нему ни были поправки. Свинги не должны были поступать так с тобой и твоими слугами. За это король обещал им жестокое наказание, и начал он с Бова, которую удалось поймать. А еще, он обещал, что ты...

Резкий голос Эрика будто бы рассек воздух, когда он прервал Тони.

— Я больше не вернусь в политику.

Тони изумленно поднял брови.

— Что?

— Я не вернусь больше туда.

— Но ты... — Тони был потрясен до глубины души. — Ты ведь не серьезно, да? Ты же один из выдающихся политиков современности. И к тебе прислушивается наш король!

— Вероятно, я давал ему плохие советы, раз меня... — Эрик покачал головой, каким-то чудом уняв болезненный стук сердца, и лишь только тогда взглянул другу прямо в глаза. — Теперь ему придется действовать самостоятельно. Или прислушиваться к вам. Вы с отцом сослужите ему хорошую службу.

— Ты старался больше всех ради этого закона, Эрик! Ты не можешь...

— Закон, который теперь мне глубоко безразличен!

Тони какое-то время молча смотрел на него, не в силах принять его слова, но по мере того, как длилось молчание, он все больше понимал, что Эрик именно так и поступит. Как сказал. Как можно было вернуться к тому, что чуть не погубило тебя? И ведь теперь Эрик был женат. На совершенно очаровательной девушке, которая, казалось, проникла не только в его сердце. Эрик не смог бы жениться на ком бы то ни было, особенно после того, что с ним произошло. Клэр была особенной, раз ее выбрал Эрик. Сильная и смелая девушка, которая так беззаветно ухаживала за ним и заботилась в самые сложные минуты его жизни.

Улыбнувшись, Тони покачал головой и встал.

— Я рад, что ты вернулся, Эрик. И рад, что сейчас с тобой все в порядке.

Эрик невольно взглянул на себя и только сейчас заметил, что все его шрамы стали менее заметны. Удивившись, он коснулся одного почти незаметного шрама рядом с повязкой. Он не мог понять, с какой стати шрамы затянулись. Шрамы, которые не смог обработать даже их семейный доктор.

— Моя Алекс и не такие раны лечила, — раздался голос Тони, наполненный небывалой гордостью.

Еще более удивленный Эрик посмотрел на Тони.

— Что?

— Тебя лечила моя жена. И Клэр. Они вместе сделали мазь, которая залечивает твою рану от пули. И эти шрамы тоже.

Эрик слышал, что жена Тони — необычная женщина, но никак не ожидал узнать о том, что она может исцелять то, что не под силу даже докторам.

И Клэр... Господи, она действительно участвовала во всем этом и помогала ему прийти в себя! А совсем недавно обнимала его и плакала так, будто не смогла бы пережить, если бы с ним что-то случилось. И в благодарность за подобный дар он разрушил всю ее жизнь, разлучив с любимым! А в довершении всего подверг ее жизнь невыносимой опасности!

Господи, что он наделал! Что действительно наделал!

— Поправляйся, — сказал Тони, отходя от кровати. — Тебе лучше отдыхать. Поспи, уверен, утром тебе станет лучше.

Он хотел было уйти, но его остановил хриплый голос Эрика.

— Погаси свет.

Тони задул свечу, и комнату тут же наполнило лунное сияние, но не такое яркое, чтобы осветить все ее углы.

— Спокойной ночи, — произнес Тони и вышел из комнаты, тихо прикрыв дверь.

Эрик в ужасе закрыл глаза, чувствуя, как у него холодеет всё внутри. Клэр... Все эти дни, что они были вместе... На какое-то мгновение он позабыл обо всем, что должен был сделать. А теперь... теперь его вернули в холодную реальность, где происходило то, что должно было произойти.

Клэр ведь говорила, что любит другого, и не скрывала этого. Она почти умоляла его взять свое предложение обратно. Но он предпочел ничего этого не замечать. Его не оправдывало то, что она одним своим прикосновением воскресила его душу. Его не оправдывало и то, что ее отец дал на их брак свое согласие. Ему следовало думать в первую очередь о Клэр. И о том, что он разбивает ее любящее сердце. Сердце, которое по какой-то невысказанной причине стало равнодушно к нему.

Если бы только он не поддавался панике, когда решил, что она может исчезнуть из его жизни! Если бы только он действовал не так спешно, торопя события!

Эрик задыхался от чувства вины. И желания хоть как-то исправить свои ошибки, хоть как-то отблагодарить ее за все, что она делала для него. Продолжала делать, не смотря ни на что.

— Господи, — пробормотал он в отчаянии, накрыв ладонью побелевшее лицо.

Единственное правильное решение, которое он принял с момента своего возвращения, с того мгновения, когда на самом деле осознал всю тяжесть своей вины... Единственное, что он мог бы сделать, чтобы исправить ошибки, — это доставить Клэр в Эдинбург. Во что бы то ни стало. Потому что это будет началом ее новой жизни с истинным возлюбленным.

И концом пути его жизни.

Там она будет в безопасности. Там она, несомненно, будет счастлива.

* * *

Поглощённые своими мыслями, Эрик, как и Тони, так и не заметили сидящую в самом дальнем углу на небольшом диванчике неподвижную фигуру. Которая, замерев, прижимала руку к раскрытым губам. И влажными глазами смотрела на кровать, в которой лежал Эрик.

Ее так никто и не заметил.

У Клэр дрожали руки, пока она несла поднос, который боялась уронить. Поднос с любимым завтраком Эрика, который она так тщательно собрала. Удивительно, как она сумела это сделать, потому что не могла думать ни о чем, кроме Эрика.

Эрик...

Она едва могла идти, потому что ноги подгибались так, что она чуть было действительно не упала. В коридоре было тихо и пусто. Клэр должна была немного успокоиться, ведь ей предстояло встретиться с Эриком. Поэтому, отойдя в сторону, она прислонилась к стене и закрыла глаза, чтобы восстановить дыхание. Она обещала себе, что не расплчется, когда посмотрит на него. Но стоило сегодня утром увидеть его расслабленного, безмятежно спавшего и не подозревавшего о ее присутствии, как ей захотелось тут же крепко обнять его и заплакать от той боли, которая разрывала ей сердце.

Боли от того, что она узнала ночью.

Боли от того, что пришлось пережить Эрику! Теперь уже три месяца назад, ведь прошло почти тридцать дней с момента их первой встречи.

Желание обнять его и защитить от всего мира, было настолько велико, что в какой-то момент Клэр даже испугалась этого. Стоя возле кровати и глядя на Эрика, она понимала, что никого за всю свою жизнь не хотела защищать и оберегать так, как его. Прежде едва уловимое стремление, теперь оно превратилось в настоящую одержимость. И не только потому, что она узнала. Узнала, наконец, то, что не давало покоя с момента встречи с ним.

Она вздремнула на маленьком диванчике в комнате Эрика, не в состоянии покинуть его в первый же день после пробуждения, потому что беспокойство за него так и не отпустило ее. Она не смогла бы оставить его, зная, что может понадобится ему. Измотанная и уставшая, она прикрыла веки, чтобы восстановить силы, а потом... Посреди ночи ее разбудили голоса мужчин, которые ее так и не заметили. И говорили... говорили то, что повергало ее в настоящий ужас.

И она узнала то, отчего до сих пор не могла прийти в себя.

Два месяца назад, с момента их встречи, его забрали из дома и где-то удерживали. Удерживали жестокие и бессердечные люди. Шрамы на его теле и страх чужих прикосновений свидетельствовали о нечеловеческих зверствах, которые творили с ним. Изуродовали его красивое сильное тело, оставив тот зловещий, пугающий рисунок.

У меня аллергия...

Не было у него никакой аллергии, когда в первый день их знакомства он шурился, чтобы разглядеть ее! Ему в глаза постоянно капали какие-то препараты, чтобы он не увидел своих мучителей и не запомнил место, где его удерживали, и это едва не ослепило его!

Свинги.

Странное слово, которое произнес герцог, никогда не было знакомо Клэр. Но выходило, что именно «свинги» напали на их карету. «Свинги» убили бедного Алана. Эти самые «свинги» сделали с Эриком и его слугами что-то, что заставляло его шараться от людей. Что-то невысказанно ужасное, от чего ночью его лицо исказилось так, что его едва можно было узнать. От чего стакан в его руке треснул так, будто ему ничего не стоило расколоть хрусталь.

И татуировка.

Которая не просто связывала его с напавшими на них людьми!

Клэр с трудом могла понять всю картину целиком из обрывочных фраз, которыми обменивались Тони и Эрик. Она в ужасе слушала весь их разговор, а потом, когда герцог ушел, а Эрик заснул, измученно закрыв глаза...

Клэр не смогла сдержать стон отчаяния. Она встала и едва слышно, чтобы не разбудить его, подошла к кровати, ощущая такую острую боль в груди, что снова заплакала. Она помнила всю ту нежность, с которой он касался ее, заботился о ней, заплетал волосы. Решимость, с которой собирался найти тысячу способов, чтобы сделать ее счастливой.

И это тогда, когда еще совсем недавно его, возможно, терзали самым бесчеловечным образом!

Клэр не могла долго смотреть на него. Она боялась разбудить его малейшим шорохом, даже своим дыханием. Боялась, что не сможет удержаться и бросится к нему, чтобы обнимать его до тех пор, пока не выплачет все его раны, всю его боль.

Заметив у него на одеяле маленький кусочек стекла, Клэр осторожно взяла его, а потом сжала в ладони и вытерла тыльной стороной мокрые щеки, прежде чем выбросить осколок.

Лихорадочно соображая, откуда еще можно узнать хоть что-то о прошлом Эрика, Клэр спустилась в библиотеку герцога и, пока все спали и не могли бы обнаружить ее, она стала искать газетные вырезки, статьи, хоть что-то, где говорилось бы о пропаже сына маркиза Ричмонда. Ведь о таком невозможно было промолчать, тем более, когда столь влиятельные люди, как герцог Пембертон и ее отец помогали маркизу в поисках Эрика.

Предчувствуя недоброе, она с замиранием сердце ждала, что же обнаружит, что узнает. Узнает то, о чем уже знал ее отец! Который ни за что не сплавил бы ее с рук кому попало. Отец, которому не было наплевать на нее!

Он хороший человек, Клэр, и сможет сделать тебя счастливой!

Только теперь Клэр стала понимать, почему все были в восторге от их свадьбы. Свадьба, которая так много значила для самого Эрика. Свадьба, к которой он так тщательно готовился, украсив собор, а она, эгоистично замкнувшись в себе, даже этого не заметила, а потом и вынудила его пойти на невыносимое и дать ей развод!

А потом она наткнулась на стопку старых газет, лежащих в нижнем ящике письменного стола герцога. И хоть было неправильно рыться в чужих вещах, Клэр уже не могла остановиться. Потому что должна была узнать правду.

И узнала...

Всё началось осенью 1830 года, когда в нескольких графствах Англии развернулось массовое движение батраков, которые требовали повышения заработной платы. Их поддержали мелкие фермеры, которых тяготили высокие арендные платы в пользу церкви. В связи с этим лендлорды стали получать анонимные письма с угрозами и требованиями батраков. Письма подписывались мифическим словом «Свинги», означавшим виселицу, которая впоследствии и стала их символом. Движение «свингов», затронувшее главным образом южные районы страны, охватило 16 графств и сильно встревожило лендлордов. Крупные полицейские и военные силы, присланные правительством, жестоко расправились с участниками движения, однако, это их не остановило.

Прошлой осенью 1831 года, в связи с отказом Палаты Лордов утвердить билль о реформе, уже принятый тогда Палатой Общин, на этот раз уже в различных частях Англии произошли серьезные события. Дворцы и замки некоторых противников билля подверглись нападению, в Бристоле и Глазго вспыхнули народные волнения, которые так же были

подавлены, но это еще больше обозлило «свингов». Они теперь действовали не только в Англии, но и в Шотландии.

Жаждающие добиться своего, на этот раз они напали именно на того, кто имел непосредственное отношение к закону и пользовался особым расположением короля, который всегда и во всем прислушивался к нему. Расположенное в северо-восточном графстве Дарем поместье графа Бедфорда, Бедфорд-мэнор, подверглось жестокому нападению. Слуг, которым не удалось сбежать, вывели во двор и казнили, а самого графа взяли в плен для того, чтобы вынудить его попросить короля как можно скорее принять закон, не приписывая к ним поправки, на которых так настаивал Эрик.

У Клэр дрожали руки, пока она листала газеты и с ужасом читала обо всем этом, ощущая себя оторванной от жизни, потому что ни о чем подобном и не подозревала. Да, она знала, что в стране царили беспорядки, что есть опасность со стороны радикалов, собственно, поэтому ее отец и приставил охрану ко всем их домам. Кроме того они ведь дружили с семейством маркиза Ричмондского, которое приезжало к ним в гости в феврале, и она должна была знать, что с их сыном произошло такое, но даже не догадывалась о том, что чуть ли не у нее под носом творились такие зверства!

Эрик! Он стал прямой жертвой того, за что боролся, что собирался сам же предотвратить, чтобы защитить простой народ от участи быть использованным алчущими до власти мерзавцами.

Клэр вытерла слезы и стала читать дальше, чувствуя, как задыхается. Его увезли в неизвестном направлении и держали непонятно где целый месяц. Месяц, в течение которого с ним делали... В газете не было написано об этом, потому что граф Бедфорд не показывался никому после своего возвращения, а маркиз Ричмонд не давал по этому поводу никаких комментариев. Но Клэр ничего этого не нужно было, потому что она уже видела всё то, что с ним сделали.

Уронив газету, Клэр прижала руку к губам, не в состоянии остановить слезы. Не могла вместить всю ту боль, которую ощущала, думая обо всех злодеяниях и пытках, которым подвергли Эрика. Через что заставили пройти.

Волевой, справедливый, умный и невероятно добрый мужчина, который собирался привести свою страну к почету и процветанию.

Когда у человека появляется власть, возникает вопрос, для чего ее использовать. Во благо или для разрушения. Иногда человеку нужна помощь, чтобы сделать выбор, но многие предпочитают быть обманутыми потому, что в большинстве случаев власть развращает. Поглощает всю сущность человека, высасывает из него все хорошее, заменяя пороками и неправильными суждениями. И тогда он начинает действовать только в угоду собственным интересам. Остальные превращаются в оружие, которое помогает достигнуть цели.

Как же хорошо она теперь понимала всё то, о чем они говорили тогда в Гайд-парке. Он имел в виду себя и тех, по вине которых страдали невинные люди.

Вы считаете, что Палата Общин во главе с премьер-министром используют простых людей, подталкивая их восставать и бесчинствовать в угоду тому, чтобы прийти к собственной цели? Что в итоге простой народ ничего не получит?

Не подозревая об этом, она сама тогда дала ответ на свои вопросы. Буквально описала всё то, что произошло с Эриком. Вот почему тогда он выглядел настолько потрясенным, что не мог заговорить.

Я упал... Было темно, я споткнулся и упал с лестницы.

Боже правый, он ведь не падал, но всё же ответил тогда на ее вопрос честно, хотя мог бы этого не сделать. Его нос, его красивый, самый лучший на свете нос разбили во время нападения на его дом! То, что вместе с татуировкой будет всегда напоминать ему о том, что произошло... Его били, мучили на протяжении целого месяца, оставляя на теле следы незаживших ран. Но он сбежал. Несмотря ни на что!

И мадам Бова!

Именно эта женщина сделала с ним что-то такое, что навсегда лишило его возможности ощутить на себе чье-то прикосновение. Клэр не смогла найти в газетах ничего об этой мадам, но ее имя всегда упоминалось вместе с движением «свингов». Эта женщина всегда добывала для них нужную информацию.

Кроме одного раза.

Когда она не смогла сломить Эрика. Его пытались сломить, чтобы вынудить короля подписать билль о реформах без поправок, но Эрик не сломался. Он сам, как и его воля, были нестигаемы.

«Почему ты женился на мне?» — послышался голос из прошлого. Вопрос, который она невольно задала ему в тот день, когда напилась.

И теперь ей не нужен был его ответ, чтобы знать правду. Правда, с самого начала была с ней, но до этого мгновения она даже представить не могла, сколько смысла будет в этой правде.

Вы — единственная женщина, на которой я могу жениться...

Единственная, к которой мог прикоснуться после всего, что с ним сделали. Единственная, чьи прикосновения не вселяли в него тот ужас, который обуревал его тогда, когда Алекс пыталась помочь ему.

Всхлипнув, Клэр открыла глаза и вытерла слезы, но они продолжали катиться по щекам. От того, что она не могла больше сидеть на месте.

Никогда бы она не подумала, что будет способна испытать столь сильные чувства хоть к кому-то, но Эрик... Господи, он купил ей даже билеты в Вену, чтобы отвезти ее в город ее мечты, чтобы она наслаждалась концертом, который давали в Венской консерватории в память о Бетховене! И это тогда, когда сам не любил музыку, когда у него отняли его собственные мечты и желания!

Прислонившись к стене и с трудом сдерживая слезы, Клэр вспоминала его слова и испытывала почти непреодолимое желание оказаться рядом с Эриком. Удивительный человек с удивительным сердцем, которого она собирала по кусочкам, как головоломку, и впервые у нее это получалось. Теперь она понимала почти всё, что было связано с ним! Связано с его прошлым, с его пленом. Что никогда не отпускало его, даже когда он просто расчесывал ей волосы.

Тяжело дыша, Клэр открыла глаза и отошла от стены, понимая, что не может вечность стоять здесь. Медленно двинувшись в сторону его комнаты, Клэр чувствовала, как к тому же болит еще и голова. Она не спала всю ночь, читая газеты и пытаясь найти хоть какой-то способ, чтобы успокоить свое сердце. Пыталась понять, как ей теперь быть с Эриком. Она хотела помочь ему забыть всё то плохое, что было с ним, но понятия не имела о том, как это сделать. Чтобы не напугать его.

Приблизившись к его комнате, Клэр застыла, боясь, что при встрече с ним не сможет скрыть свои истинные чувства и бросится к нему. И тогда он решит, что она окончательно

сошла с ума.

Сделав глубокий вдох, она собиралась войти в его комнату, но у приоткрытых дверей ее остановили тихие голоса. Она полагала, что Эрик еще спит, но он был не один. Клэр отчетливо уловила детский голос. Медленно открыв дверь, она увидела сидящего на кровати мальчика трех лет с темно-каштановыми волосами. Ноэль, догадалась она, но не это поразило ее. Она была изумлена тем, как близко мальчик сидит подле Эрика. Находился так близко, как не бывал никто другой кроме нее. И это не смущало и не пугало Эрика, потому что тот, казалось бы, не замечая этого, спокойно беседовал с младшим сыном Алекс.

— Я достаточно хорошо ответил на твой вопрос? — говорил Эрик, глядя на Ноэля.

Мальчик широко улыбнулся и кивнул, отчего темно-каштановые волосы тут же упали ему на лоб.

Клэр не сдвинулась с места, продолжая ошеломленно наблюдать за этой картиной.

— Да, но ответьте тогда мне вот на какой вопрос, — заговорил малыш, внимательно глядя на Эрика своими пронзительными золотистыми, как у отца, глазами. — Откуда у людей берутся тени? Они часть нас? Если да, тогда почему они не могут разговаривать? Почему не могут быть самостоятельными?

Подобный вопрос непременно вызвал бы замешательство у любого другого человека, но только не у Эрика, который был так же спокоен, когда ответил:

— Ты еще мал, чтобы задавать столь серьезные вопросы.

— Но я хочу знать! — упрямо заявил малыш.

Эрик тяжело вздохнул.

— Тогда... Существует давнее поверье в то, что тень — это наш ангел хранитель, который оберегает нас от бед.

Мальчик озадачился.

— А почему он не уберег вас, когда в вас стреляли? В вас же попала пуля.

Эрик нахмурился и опустил взгляд на перебинтованную правую руку.

— Он помог мне, — тихо произнес он. — Помог несколько иначе.

— И что сделал ваш ангел хранитель?

Эрик вновь взглянул на мальчика.

— Дал мне силы добраться до Клэр быстрее этой пули.

У Клэр задрожала нижняя губа, которую она тут же прикусила, чтобы не выдать себя. Какая-то пугающая, почти оглушительная нежность переполняла ее, нежность к человеку, который защищал ее от всего на свете, не понимая, что такая же защита нужна и ему.

Ноэль одобритительно кивнул.

— Вы верно сделали, милорд. Ваша жена... Она такая красивая. Вот когда вырасту, я обязательно найду себе такую же, как она.

Эрик покачал головой, а потом улыбнулся невероятно грустной улыбкой.

— Другой такой нет.

Улыбка, от которой хотелось плакать. Клэр не понимала, как можно улыбаться после того, через что ему пришлось пройти. После того, с чем вновь столкнулся. Как можно было захотеть исполнить чью-то заветную мечту, когда все твои мечты навсегда отобрали?

Но он улыбался. Всему вопреки.

А потом повернул голову и посмотрел прямо на нее так, что у нее чуть не остановилось сердце. Сердце, которое продолжало переворачиваться в груди. От его взгляда. От его голоса. От одного его присутствия.

Оттого, что она чуть не потеряла его!

«Боже мой, Эрик... милый Эрик...» — потрясенно думала она, не в силах отвести от него взгляд. Чувствуя, как ее тянет к нему. Так сильно, что она едва стояла на месте.

— Клэр, — прошептал он своим низким, глубоким голосом.

Произнес ее имя с какой-то особенной интонацией, как не делал никогда прежде. Как не называл никто до него. И впервые Клэр подумала о том, почему он это делает. Почему спас ее ценой собственной жизни, если не считал ее своей и собирался отдать ее другому?

Поглощенная им, она не заметила, как Ноэль спрыгнул с кровати и подошел к ней.

— Вы знаете, что у вас очень умный муж, миледи? Он ответил почти на все мои вопросы!

С трудом оторвав взгляд от Эрика, она взглянула на сынишку Алекс, продолжая чувствовать на себе пристальный мужской взгляд.

— П-почти?..

— Да! — Ноэль с гордостью выпрямил спину. — Ему нужно подкрепиться, миледи, и отдохнуть для того, чтобы быть готовым ответить на все мои остальные вопросы.

— Что ты там делаешь, Ноэль? — послышался голос Алекс, а потом и она сама в красивом темно-золотистом наряде вошла в комнату. Клэр медленно повернулась к ней.

— Он составлял мне компанию, — ответил спокойно Эрик, прижимая левую руку с перевязанному плечу.

— О, надеюсь, он не донимал вас своими многочисленными вопросами? — с улыбкой спросила Алекс, быстро взглянув на сына — Он у нас очень любопытный, и мы с Тони иногда зовем его «Мистер Почемучка».

Мальчик состроил гримасу.

— Мама!

— Не спорь со мной! — строго велела мать, взяв его за руку. — Пойдем. Ты не видишь, что мешаешь?

— Я как раз собирался уходить. Я и не думал мешать молодым супругам.

— Ноэль! — в ужасе воскликнула Алекс, остановившись у дверей.

— Что, мама? Разве я не прав? Они ведь совсем недавно поженились. Ты сама говорила.

— Да, но это не значит...

— Я ведь сказал правду. — Он вырвал свою руку и повернулся к матери. — А знаешь, мама, почему принято считать, что дети всегда говорят правду?

Алекс подозрительно нахмурилась.

— И почему же?

— Потому что мы слишком малы, чтобы нас наказывали за правду, вот мы ее и говорим, чтобы вы, взрослые, лучше понимали жизнь!

Он улыбнулся матери и выбежал из комнаты.

— Ноэль! — бросила ему вслед Алекс, но тот и не думал возвращаться. Виновато взглянув на своих гостей, она с трудом проговорила: — Я прошу прощения, если он вас чем-то обидел, просто...

— Он у вас замечательный, — прервал ее Эрик. — Прошу вас, не ругайте его.

Медленно кивнув, Алекс вышла из комнаты и прикрыла дверь.

Глядя на закрытую дверь, Клэр вдруг поняла, что осталась совсем одна с Эриком. И впервые в жизни осознание этого факта так сильно смутило ее, что она не смогла сдвинуться с места. Не могла даже дышать, ощущая бешеные удары своего сердца. И не могла понять,

почему так происходит, ведь все предыдущие три дня она почти была одна с ним.

— Клэр?

Она вздрогнула так, что в очередной раз чуть не уронила поднос. Клэр знала, что Эрик смотрит на нее. Она буквально ощущала на себе его взгляд. Такой пронзительный, что ее пробрало до самых костей, но не могла обернуться, хотя отчаянно хотела подойти к нему... Почему ей вдруг стало трудно это сделать? Почему она вдруг побоялась посмотреть на него?

— Клэр? Что с тобой?

Она должна была обернуться, иначе он решит, что с ней что-то не так. С ней действительно что-то было не так. Совсем недавно она полагала, что расплатится, если увидит его, а теперь... Теперь она боялась, что заглянув ему в глаза, никогда уже не будет прежней.

— Клэр!

Усилием воли Клэр всё же заставила себя обернуться. И тут же столкнулась с обеспокоенным взглядом серо-голубых глаз. От воспоминания обо всём, что узнала о нем, что она сама обнаруживала в нем за дни, проведенные с ним, Клэр затопила волна такой небывалой нежности к нему, что стали подкашиваться ноги.

Не суди себя так строго. Просто принимай всё то, что происходит, не закрывая свое сердце ни для чего нового. И совсем скоро ты поймешь, что тебе действительно нужно.

Клэр смотрела на Эрика, понимая, что задыхается только от того, что ее переполняло нечто удивительное. То, что до смерти пугало ее. И притягивало так, что она не могла с этим бороться.

Нахмурившись, Эрик приподнялся на здоровой руке и повернулся к ней. Одеяло сползло вниз, и Клэр увидела на нем белую рубашку, скрывающую его грудь. Она вдруг вспомнила золотистую кожу, натянутую на крепкие мышцы, к которым было так приятно прикасаться, пока ей приходилось обрабатывать его раны. Она так хорошо помнила, как замороженно следила за тем, как скручиваются маленькие черные волоски на его груди, пока обтирала его влажной салфеткой...

— Клэр! — на этот раз в голосе Эрика слышалась настоящая тревога. — Что с тобой? Почему ты не можешь говорить?

Как она могла говорить, когда была оглушена сотнями новых чувств? Как могла говорить, когда, выпрямившись, он приподнял голову так, что она заметила его выразительный, подрагивающий кадык!

Она бы вечность смотрела на него, но ее привело в чувство то, что произошло потом. Эрик опустил ноги, готовый встать и подойти к ней. Ужасаясь того, что он делает, Клэр шагнула к нему, наконец, обретая дар речи.

— Что ты такое творишь!

— Я? — Он уже сидел на кровати, свесив ноги вниз. — Почему ты не отвечала мне?

Она подошла к нему достаточно близко. Как подходила много раз, но ей было так невероятно трудно, что она задыхалась. Задыхалась, глядя на человека, который сохранил подаренный ею стебелек ландыша.

— Клэр, ради Бога, что с тобой творится?

«Я не могу перестать смотреть на тебя!» — в ужасе думала она, дрожа всем телом.

— Я просто... — лепетала Клэр, усилием воли оторвав взгляд от его горла. — Я просто думала...

— О чем?

Она ни о чем, кроме него, не могла подумать. Она думала о том, что если сделает еще шаг, то окажется достаточно близко, чтобы провести рукой по его волосам, чтобы убедиться, что они такие же мягкие, как она помнила. Думала о том, что никогда бы не смогла простить себя, если бы он не очнулся.

— Как ты себя чувствуешь? — наконец, спросила она, заглянув ему в глаза. Ей всё еще было трудно дышать. Не потому, что в комнате было душно. Даже растрепанный, бледный и с густой щетиной, Эрик был так невероятно красив, что у нее перехватило дыхание. И его нос... Который разбили во время нападения на его дом. Самый замечательный нос, по которому ей захотелось провести пальцем.

— Я в полном порядке, а с тобой-то что?

— В полном? — Взглянув на его свешенные ноги, она вдруг разозлилась на него, ощущая небывалый страх оттого, что ему всё еще может грозить опасность, пусть он и пришел в себя. — Ты только вчера очнулся, а сегодня уже планируешь встать с кровати! И это тогда, когда едва можешь двигаться? Ты в своем уме!

Он снова нахмурился, но не пошевелился и не попытался лечь. И лишь изучающе смотрел на нее.

— И все равно ты не отвечаешь на мои вопросы. Клэр, — произнес он мягким, ласковым голосом. — Что с тобой, милая?

Клэр внезапно ощутила резь в глазах и поняла, что готова расплакаться. От того, что ее продолжала душить поистине пугающая нежность к нему. От того, что ей хотелось подойти к нему, обнять его и заставить позабыть обо всех тех ужасах, которые ему пришлось пережить. А еще... еще ей следовало попросить прощения за всю ту боль, которую причинила ему она сама.

— Я... принесла твой любимый завтрак, — с дрожью в голосе молвила Клэр, чувствуя тяжесть подноса.

Глаза Эрика прищурились, а потом он потрясенно вскинул брови.

— Что? — прошептал он, взглянув на поднос. На нем стояли свежесваренный чай без сахара и молока, как он любил, жареный бекон, тосты с клубничным джемом. Еще одна чашка, прикрытая сверху блюдцем. И печенье с марципаном. Которые он так и не попробовал в прошлый раз. Эрик посмотрел на Клэр ошеломленным взглядом. — Откуда... Откуда ты знаешь, что я люблю?

Как бы Клэр не было трудно ответить, она сделала это, глядя прямо на него.

— Мне сказали.

Глаза Эрика расширились еще больше, а потом потемнели, когда он понял, что она спрашивала о нем. Узнавала у Шоу, что любит его хозяин. Она не представляла, что может когда-нибудь хоть чем-то порадовать его, но когда увидела, как его глаза наполняются нежностью и благодарностью, поняла, что готова найти еще тысячу способов, чтобы сделать его счастливым.

Клэр стояла, не шевелясь, и внезапно почувствовала себя так, будто ее ударила молния.

— Это... — начал было Эрик, но так и не закончил, вероятно от потрясения.

— Это чай без сахара и молока, — закончила за него Клэр, кивнув на чашку. — Кажется, ты именно такой чай пил в кондитерской Гайд-парка. И еще... — Она кивнула голову на чашку, прикрытую блюдцем. — Здесь теплый шоколад, который приготовил повар Алекс по старому рецепту. Я подумала, что... раз тебе понравился клубничный джем, может,

тебе захочется попробовать еще и твой любимый теплый шоколад. Н-надеюсь, он также тебе понравится...

Какое-то время Эрик не шевелился, ничего не говорил, а потом к ее полной неожиданности он протянул к ней здоровую руку и забрал у нее поднос. Поставив его рядом на кровати, Эрик повернулся к ней и взял ее за руку. Тепло его ладони вызвало в ней такой глубокий трепет, что она задрожала. Глядя на нее, он притянул к себе, усадил на свое колено, и Клэр внезапно и полностью оказалась прижата к его твердой, надежной груди.

— Спасибо, — глухой прошептал он, уткнувшись ей в волосы. — Боже, Клэр ты подумала даже о шоколаде! Но не нужно было этого делать...

У нее заныло сердце, потому что это она должна была благодарить его. Он так много сделал для нее, что ей и одной жизни не хватит, чтобы...

— Нужно б-было, — едва слышно возразила Клэр, и, потеряв себя в нем, вжалась в него, крепко обняв его так, будто могла погибнуть без этого.

— Ты до смерти пугаешь меня, Клэр. Что такое?

«Я не знаю, Боже, я не знаю, что со мной!»

Клэр была так сильно напугана, что не представляла, что ей теперь делать. Слезы душили ее, просясь наружу, но она не могла заплакать, чувствуя, как ее мир накренился, и она падает. Единственный, за кого она могла уцепиться, чтобы не упасть, был Эрик. Клэр понимала, что ведет себя неразумно, но не могла заставить себя оторваться от него. Ей казалось, что она задохнется, если отпустит его. Она не могла вспомнить ни одной причины, чтобы отпустить его.

Потому что знала, что если отпустит его, мир никогда не будет прежним. Как и она сама.

— Почему ты дрожишь? — Эрик чуть крепче обнял ее за плечи, прижимая к своей груди. Такой твердой, такой теплой. — Что происходит?

— Н-ничего.

Эрик нахмурился и, слегка отстранив ее от себя, посмотрел на нее.

— Тебе нехорошо?

Клэр медленно покачала головой, не в состоянии открыть глаза.

— Всё... всё хорошо.

— Ты уверена?

Она уже ни в чем не была уверена. И внезапно Клэр поняла, что если еще хоть немного останется в его объятиях, она никогда больше не сможет отпустить его.

Ей нужно было уйти. На время выйти из его комнаты, чтобы побыть одной вдали от Эрика и справиться с тем, что обрушивалось на нее.

— Мне... мне нужно...

— Что тебе нужно?

Его голос прозвучал так, будто он был готов сделать для нее всё, что угодно. И это стало последней каплей.

— Поешь, — произнесла Клэр, осторожно высвободившись из его объятий. — Я скоро... вернусь... Я ненадолго... Мне нужно кое-что сделать.

Клэр встала и, не оглядываясь, почти выбежала из его комнаты, укрывшись в своей. Но даже тогда у нее продолжало разрываться сердце.

Потому что мир действительно перестал быть прежним.

Он удивительно быстро шёл на поправку намного быстрее. И рана заживала быстрее благодаря регулярным перевязкам и целебным мазям.

Вечером того дня, когда Клэр принесла его любимый завтрак, Эрик, лёжа в своей кровати и прикрыв рукой глаза, понимал, что больше не в силах справиться с тем, что душило его. Потому что Клэр делала вещи, которые не просто переворачивали ему сердце. Боже, она даже подумала принести ему шоколад, который он всё же смог попробовать!

Эрик был в панике. Потому что не представлял, как теперь продолжит путь. Поэтому он сделал то, что должен был сделать раньше. То, что отрезало все пути назад даже если он передумает ехать, но должен был поступить так, потому что дал слово. Потому что не мог больше выносить той нежности, с которой теперь Клэр относилась к нему. Не мог больше видеть ее и не желать коснуться ее.

Поэтому той же ночью попросил Тони написать письмо, которое велел потом срочно отослать в Эдинбург. Тони ошеломленно смотрел на него, но ничего не сказал, выведя на бумаге слова, которые звучали как предсмертная песня уходящего дня.

Его приговор.

Застонав, Эрик опустил руку, которую сжал в кулак. Да, так было лучше для всех. Так было бы лучше, прежде всего, для Клэр, которая теперь смотрела на него с такой нежностью, что болело сердце. Во время перевязок касалась его с такой неприкрытой лаской, что сердце его таяло, а потом наполнялось таким несокрушимым желанием, что он начинал задыхаться. Желанием, которое сводило с ума. Желанием, которое он больше не мог контролировать. Желанием, которому не могли помешать даже демоны прошлого!

Черт! Он должен был следовать первоначальному плану, чтобы вернуть ей всё то, что отнял. Поэтому обязан был как можно скорее подняться с проклятой постели, в которой так долго залежался.

На пятый день после ранения, который пришелся на третий день после его пробуждения, Эрик кое-как побрился с помощью Тони, который принес ему все бритвенные принадлежности, а потом попытался подняться. И хотя Клэр не было рядом, он всё же не смог этого сделать, потому что организм был еще слишком слаб. Зато на следующий день, когда с плеча сняли большую часть повязки и рукой стало возможно шевелить более свободно, он смог подняться, а еще через день прошелся по своей комнате.

На этот раз Клэр это увидела, но он остановил ее у самого порога своей комнаты, понимая, что не вынесет, если она приблизится к нему. Теперь, когда она стала относиться к нему с пугающим дружелюбием, заботой и каким-то странным пониманием, он боялся не устоять перед ней. Знал совершенно точно, что если она снова посмотрит на него своими нежными темно-золотистыми глазами, он... он пошлет всё к черту и... и навсегда разрушит ее жизнь.

И никогда не позволит музыке вернуться к ней.

А этого он не смог сделать. Как бы отчаянно его сердце не рвалось к ней.

Черт побери всё на свете, он ведь никогда ничего не просил у жизни. Ему было достаточно того, чем он занимался. Любимое дело, которому он отдал всю свою сознательную жизнь. У него... и отношений не было потому, что он не искал их, погрузившись в свою работу. Да, он иногда приходил туда, где на короткое мгновение

находил забвение, но никогда не задерживался там. А последний раз, когда он был там... Это было так давно, почти три года назад. События в стране настолько захватили его, что он не мог думать ни о чем. Да и не хотел ничего, а после того, как ему удалось сбежать из плена, после событий, которые перевернули его жизнь, ни о чем подобном не было больше речи.

Пока он не встретил Клэр.

Он даже не думал, что сможет позволить своему телу испытать то, что ввергало его в глубочайший ужас. Но Клэр... она обернула всё это тем, без чего он не мог уже жизнь.

Без чего он должен был прожить остаток жизни, потому что обязан был освободить ее от себя.

Поэтому Эрик прикладывал нечеловеческие усилия для того, чтобы поправиться.

На десятый день с момента пребывания в Пембертоне и на седьмой день после своего пробуждения Эрик смог спуститься в грандиозный сад поместья вместе с Тони, который присел рядом с ним на кованой скамье. Спроектированный с невероятной точностью, засаженный всевозможными цветами, сад столь гармонично сливался с окружающей природой, что захватывало дух.

— Я написал твоему отцу и сообщил, что вы гостите у нас, — заговорил Тони, глядя на мрачное лицо Эрика.

Эрик оторвал взгляд от ярких цветов, которые почти ослепляли из-за прямых лучей дневного солнца, и посмотрел, наконец, на Тони.

— Надеюсь, ты не писал о том, что на нас напали? — Опустив голову, он взглянул на свои пальцы, которые медленно сжались в железный кулак. — Им ни к чему волноваться за меня еще и на этот раз. Всё ведь обошлось.

— Ты должен быть осторожнее.

— Я знаю.

Теперь, когда с ним была Клэр, он должен был быть не просто осторожен. Он должен был убедиться в том, что доведет ее до места в целостности и сохранности.

— Я могу дать тебе еще людей, которые помогут...

Эрик быстро покачал головой.

— Нет. Это привлечет к нам ненужное внимание. К тому же до границы... — У него перехватило в горле. Эрик на мгновение закрыл глаза, не в состоянии говорить об этом, но даже если бы он не произнес роковые слова, от правды никуда невозможно было деться. — До границы всего день езды.

Тони тяжело вздохнул. В его золотистых глазах таилось беспокойство.

— Ты уверен в том, что делаешь, Эрик?

Тони был единственным человеком, который после отца знал, куда они на самом деле держали путь. Эрик не собирался говорить ему об этом, но никак не мог написать письмо раненой рукой. Ему пришлось обратиться к Тони еще и потому, что он должен был попросить его еще об одном одолжении.

— Если... если со мной что-то случится, пообещай, что поможешь ей добраться до Эдинбурга.

— Я даже не хочу об этом думать! — грозно произнес Тони, стукнув кулаком по колену. — Как ты можешь такое говорить?

Его враги могли прятаться за каждым кустом. Как он мог рисковать благополучием Клэр, когда осталось ехать совсем немного?

Тяжело дыша, Эрик повернул голову и заметил газету, которую сжимал в руке Тони.

— Это «Таймс»? — спросил он, не в состоянии больше продолжить невыносимый разговор. И внезапно заметил заголовок от 7 июня 1832 года, который невозможно было не заметить. — Там написано?..

Он не смог договорить, потрясённо глядя на газету, которую Тони медленно протянул ему и сокрушенно покачал головой.

— Сегодня король подписал закон. Тяжелый удар уже то, что к государственной службе и в парламент допустили католиков, а теперь виги допустили к правлению страной и буржуазию. Надеюсь, это не обернется очередной катастрофой. — Он с беспокойством посмотрел на Эрика и добавил: — Палата Общин убедила его подписать закон... без твоих поправок. Мне очень жаль, Эрик.

Эрик так и не взял в руки газету. Ему ни к чему было читать о том, что больше ни при каких обстоятельствах не должно было войти в его жизнь. Он лишь просил короля доработать закон, чтобы не лишить простой народ истинных прав на голос, который им обещали, но который, Эрик был уверен, вряд ли будет позволен им, учитывая амбициозные настроения тех, кто на самом деле желал получить эту власть. Будь всё проклято, но даже его лишения и разрушенная жизнь не стали уроком для короля, который вероятно стремился как можно скорее избавиться себя от тягот этого закона.

Закон, ради которого искалечили его жизнь так, что он едва не умер. Лорды же, которых он уговаривал доработать и принять закон, чтобы не стало слишком поздно, спрятались в своих домах и выжидали, гадая, кому еще придется заплатить, чтобы закон был подписан. Они не пошевелили и пальцем, чтобы помочь ему, когда напали на его дом. Только Тони, отец Клэр и его собственный отец пытались отыскать его.

И вот теперь, когда Эрику стало все равно, что сделают с поправками и примут ли этот закон, его все же приняли. Приняли без доработок тогда, когда он даже под страшными пытками не написал королю и не попросил его о милости. Даже когда мадам Бова доводила его до иступления, сжимая холодными железными тисками невообразимо чувствительное место, и удерживала его так до тех пор, пока он не согласится написать письмо. Эрик думал, что когда-нибудь точно свихнется или умрет от боли, но когда этого так и не произошло, он понял, что единственный выход для него — постараться побороть боль, а не сопротивляться пыткам. Он сделал всё, чтобы стать бесчувственным. Ко всему.

Но однажды он кое-что почувствовал. Почувствовал Клэр...

Почувствовал то единственное, что совсем скоро исчезнет из его жизни.

Он действительно не собирался больше возвращаться в политику. Эрик не представлял, чем будет заниматься. И уж тем более не представлял, что станет делать, когда и Клэр уйдет из его жизни...

Какой-то леденящий холод сжал все его внутренности, заставив оцепенеть от ужаса. Он всё смотрел на газету, понимая, что должен ощутить обжигающую боль, там, где билось его сердце. Но боли не было. Не было больше ничего. На этот раз зияющая, разрушительная пустота собиралась поглотить его, и он... он не имел больше сил противостоять или остановить это.

Отвернув от газеты бледное лицо, Эрик медленно встал со скамьи и ушел из сада, ушел так далеко, что мог бы заблудиться, если бы под самый вечер егерь Тони не нашел его в лесу и не помог вернуться в дом. Там его встретила встревоженная Клэр. Она стояла у входной двери и смотрела на него с таким беспокойством, что Эрик испытал почти удушьющее

желание обнять ее. Смотрела так, будто понимала, что с ним, но как такое могло быть правдой? Она ни при каких обстоятельствах не должна была узнать о том, что произошло с ним, через какие мерзости ему пришлось пройти. Мерзости, которые могли запятнать её и вызвать отвращение к нему, если она хоть что-то узнает.

И все же Клэр смотрела на него так, будто знала что-то и была готова помочь ему. Как помогала все эти дни.

Он не мог больше смотреть на нее и поспешно поднялся в свою комнату, гонимый на этот раз другими более коварными демонами. Эрик стоял у окна, прижав побелевшие костяшки пальцев к холодному стеклу и глядя на монотонный дождь, когда дверь его комнаты отворилась.

Было уже темно и вероятно пришли, чтобы пригласить его на ужин, вот только Эрик не собирался никуда идти, но все его попытки разбились в пух и прах, когда за его спиной вырос маленький Ноэль. Мальчик посмотрел на него грустным, умоляющим взглядом и сказал тем своим сладким голосом, которому невозможно было не поддаться.

— Мама сказала, что наш повар приготовил самое вкусное блюдо, которое я люблю больше всего, но я съем его только в том случае, если вы спуститесь. Если вас не будет, меня отошлют в детскую, и я ничего не получу. — Эрик сомневался, что шантаж — часть тех уроков, которые давали этому смышлённому ребенку его родители, но вот чего он не ожидал от малыша потом, так это того, что последние его аргументы перевесят абсолютно всё на чаше его весов. — Кроме того, мама дала вашей жене одно из своих красивых платьев из голубого шелка, в котором ваша жена выглядит так красиво, что даже наш дворецкий уронил поднос, когда увидел ее. Вы тоже должны это увидеть!

И Эрик не смог устоять. Кое-как оделся и спустился на ужин. Сидя за большим столом, он в который раз, не удержавшись, взглянул на свою жену. И в который раз сердце его ушло в пятки от восхищения. Она действительно была так сказочно красива, что невозможно было спокойно смотреть на нее. Беспокойство в ее глазах так и не ушло, она вздрагивала всякий раз, когда он говорил. И все время бросала невольные взгляды на его плечо, будто боялась, что оно может потревожить его. Глупенькая, она ведь даже не знала, что он не чувствовал боли. Физическую боль. Зато ощущал, как неминуемо перехватывает горло от того, как близко она была к нему.

Белоснежное кружево, расшитое по невероятно глубокому вырезу, касалось мягкой округлой груди, притягивая ошеломленный взор. Голубой тяжелый шелк, так ладно сидевший на ее стройной фигуре, подчеркивал плавные, изящные изгибы, вызывая у него почти невыносимое желание коснуться ее.

После плена Эрик не допускал и мысли о том, чтобы привязаться к кому-то, желать кого-то... Но сейчас, глядя на Клэр, Эрик понимал, что даже адский плен не может помешать ему желать ее. Он умирал от желания коснуться ее, задышался от потребности поцеловать ее. Зацеловать каждый божественный изгиб ее тела. Зарыться в нее и никогда больше не отпускать...

Эрик знал, слишком хорошо знал, что никогда этого не сделает. Не потому, что видения прошлого могли помешать ему. Он дал обещание, которое не собирался нарушить ни при каких обстоятельствах. Ведь с самого начала Клэр была предназначена не ему. Ее сердце было отдано не ему...

Его внимание отвлек Ноэль, которому было пора удалиться в детскую. Какое-то время Эрик смотрел на дверь, а потом, когда обернулся, за столом не оказалось и Клэр с Алекс.

Стул перед ним был пуст. Как будет пуста вся его жизнь с ее уходом. Эрик внезапно почувствовал, как перехватывает в горле и сжимается сердце. Пустой стул стал зловещим предвестником того, что должно было скоро произойти. И теперь, когда Клэр не было рядом, весь ужас того, что он взвалил на себя, решив отвезти ее в Эдинбург, разом обрушилось на него как ушат ледяной воды. Господи, что он наделал? Как он это сделает? Как отдаст ее другому? Как он сможет отпустить ее?

Вилка в его руке согнулась так, что надломилась и глухо упала на стол, но Эрик не заметил этого.

Зато Тони заметил и, тут же встав, сам забрал из железной хватки несчастную вилку. Когда Эрик пришел в себя настолько, что увидел стоявшего рядом друга отца, Тони поспешно пригласил его последовать в гостиную. Эрик пытался дышать, чтобы прийти в себя, и в какой-то момент у него это получилось, но когда они пришли в гостиную, и он обнаружил там Клэр, вся его выдержка мигом улетучилась.

Его потрясло то, что он увидел.

Алекс и Клэр сидели за большим черным роялем, на котором дружно играли. Вид рояля воскресил такие давние воспоминания, что Эрик какое-то время не мог пошевелиться. Он вдруг осознал, что впервые с их свадьбы видит, как Клэр играет на рояле. И вновь улыбается, но на этот раз так свободно, будто была счастлива. Будто ее жизнь не была разрушена по его вине.

— Садись, — велел ему Тони, усевшись в дальнем углу большой гостиной, откуда можно было следить за игрой женщин, которые выводили на рояли какие-то незнакомые деревенские мотивы. — Отсюда хорошо видно. И хорошо слышно. Алекс... — Он с небывалой теплотой взглянул на свою жену, откинувшись на спинку мягкого кресла и опустив на колено бокал с бренди. — Она замечательно играет на рояли.

Эрик опустил в кресло рядом с ним, не взяв себе ничего из спиртного. Он не хотел пить, особенно, когда у него переворачивалось сердце.

— Для Клэр музыка... В музыке заключается вся ее жизнь, — молвил он, чувствуя, как грудь стягивает болезненное чувство ностальгии. Он слишком хорошо помнил, что на самом деле значила для Клэр музыка. Какую роль музыка играла в ее жизни. С каким ошеломлением она смотрела на него, не веря в то, что он не любит музыку.

Тони улыбнулся, взглянув на него.

— Алекс тоже любит музыку, но ее настоящая страсть — садоводство. Она обожает свои растения и заботится о них так, как порой другие матери не могут заботиться о своих детях. Наши садовники разбегаются врассыпную, когда Алекс в перчатках выходит в сад. Не представляешь, как я люблю смотреть на это зрелище.

Эрик удивленно обернулся.

— Садоводство?

— Да. — Улыбка Тони стала шире. — В этом заключается весь смысл жизни Алекс. Конечно, после меня, — лукаво добавил он, подмигнув Эрику, а потом вновь посмотрел на жену. И вздохнул. Улыбка медленно сбежала с его лица, и Тони вдруг стал совершенно серьезным. — Иногда мне кажется, что я не смогу дышать, если ее не будет рядом. Она ведь почти заново научила меня жить. Я даже запрещаю ей часто ездить к своим родным, потому что не знаю, что делать без нее. Боюсь представить день, когда она надолго уедет от меня. Это... — он вновь повернулся к Эрику. — Это ведь трудно понять, правда?

Разве?

Глаза Тони потемнели, взгляд его стал пристальным. Он так странно смотрел на Эрика. А потом сказал то, что не должен был говорить ни при каких обстоятельствах.

— Знаешь, мне пришлось пройти много испытаний, чтобы быть рядом с Алекс, но если мне снова предложат это сделать, я с удовольствием сделаю это сотни тысяч раз. За такую женщину, как она, стоит сражаться хоть с самим дьяволом. — Тони замолчал, и когда Эрик понял, что другу есть, что еще добавить, он услышал тихие слова: — Эрик, ты не должен позволять Эдинбургу стать последним пунктом назначения твоей... вашей жизни. Я был потрясен, когда узнал, что после плена и после всего того, что тебе довелось пережить, ты захотел жениться. Захотел сделать то, что должно было бы сниться тебе в страшных снах. Но если Клэр стоила того, чтобы жениться на ней, разве не стоит ради нее пройти еще один круг, только теперь в последний раз, чтобы сразиться за нее?

Эрик действительно задыхался. И не мог ничего сказать. Боялся подпустить слова Тони к себе слишком близко, чтобы они не свели его с ума.

Тони снова повернулся к жене и посмотрел на нее долгим, изучающим взглядом, разглядывая ее так, словно видел впервые. А потом вдруг замер и выпрямился в кресле.

— О Господи, она беременна! — прошептал он потрясенно.

— Что? — едва владея собой прошептал Эрик.

— Она никогда не светится так, как в пору беременности. — Он замолчал и провел рукой по своему застывшему лицу. А потом улыбнулся и покачал головой. — Я убью ее! — В его голосе прозвучало столько нежности, будто он признавался ей в любви. — Когда она собиралась сказать мне об этом?

Пытаясь дышать, Эрик сумел прийти в себя достаточно, чтобы взглянуть на друга.

— Ты... разве ты не рад?

— Что? — Тони опустил руку. — Не рад? Да я когда-нибудь умру от счастья. Я должен... — У него задрожала рука. Тони сделал глубокий вдох и резко встал. — Я должен немедленно поговорить с ней. Ведь она скрыла это, вероятно, потому, что мы скоро должны поехать к ее брату. Она промолчала, чтобы я не волновался в дороге. Как она могла? — Взволнованно проведя рукой по лицу в последний раз, он шагнул к жене. — Я должен поговорить с ней. Сейчас же!

Эрик видел, как Тони подходит к жене. И по мере того, как он это делал, Алекс, взглянув на него, будто бы поняла, какие чувства обуревают ее супруга. И когда тот оказался рядом с ней, она перестала играть и встала из-за рояля, на котором играла вместе с Клэр. Но ничего не сказала, а лишь молча посмотрела Тони в глаза. Ее лицо порозовело, но было сложно предположить, от игры это или от того, что ее супруг так пристально смотрит на нее. Тони тоже ничего не сказал, точно обмена взглядами было для них достаточно. И это было сильнее любых слов. Затем Алекс повернулась к нему, извинилась, пожелала им спокойной ночи, и супруги быстро покинули гостиную.

Гостиная, в которой осталось одно лишь безмолвие.

И Клэр.

* * *

Опустив голову, Клэр смотрела на свои пальцы, которые дрожали над клавишами рояля,

и никак не могла унять волнение, которое перемешалось с беспокойством. Она так сильно тревожилась за Эрика, что весь день места себе не находила, когда узнала, что он куда-то ушел. Когда узнал, что закон, ради которого он чуть не отдал жизнь, всё же приняли. Приняли, отмахнувшись от всех его доработок, от всех его трудов! Клэр была так зла на тех, кто это сделал! Она была готова пойти к королю и сказать ему в лицо всё, что думает о нём. Как они могли! Боже, как они посмели сделать то, на что не пошел Эрик даже тогда, когда его чуть не убили? Когда уродовали его красивое, сильное тело...

Клэр прекрасно понимала, какое глубокое разочарование причинило ему это известие. Особенно после того, что он едва не отдал за это.

Она едва дождалась его возвращения, но когда увидела его... Он был не просто подавлен. Он был раздавлен. Ей до боли хотелось подойти и обнять его, но... Как она могла помочь ему, когда он не подпускал ее к себе, не позволял больше заходить в свою комнату?

Ей стало горько от того, что он больше не принимал ее помощь. Клэр опасалась, что он даже не придет на сегодняшней ужин, но он всё же пришел. Такой мрачный и такой разбитый. Ранение не прошло для него бесследно, он осунулся, щеки запали, а бледность, которая, казалось, должна была пройти, вновь вернулась и стала еще более заметной на фоне белоснежной рубашки, белого шейного платка и такого же белоснежного жилета, расшитого серебряными нитями. Широкие плечи, затянутые в темно-синий сюртук, были опущены.

Он выглядел таким до боли красивым, но отчужденным и несчастным, что Клэр было почти невыносимо смотреть на него.

Она никогда не думала, что когда-нибудь будет волноваться за Эрика так, что не сможет найти себе места, но сейчас, глядя на него поверх крышки рояля, она поняла, что ни за что не успокоится, пока не найдёт способ помочь ему. Помочь человеку, который подумал о том, чтобы купить для нее билеты в Вену.

И внезапно в голову пришло то, о чем она не думала с тех пор, как вышла за него замуж.

Ночь, царившая на улице, погрузила гостиную в приятный полумрак, где горело всего несколько свечей. Свет от горящего камина падал на его мрачное, застывшее лицо, еще больше являя его бледность.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Клэр в тишине, нарушаемой лишь только тиканьем напольных часов.

Подняв голову и продолжая сидеть в дальнем углу, Эрик внимательно посмотрел на нее.

— Хорошо.

Клэр вдруг с потрясением поняла, что он лжёт.

— Как твое плечо? — попыталась она вновь, чувствуя, как дрожит голос. От того, как ей нестерпимо хотелось подойти к нему, обнять и держать его так до тех пор, пока ему действительно не станет лучше.

— Не болит.

А выглядел так, как будто превратился в одну большую рану.

Она должна была что-то сделать, чтобы хоть немного отвлечь его. Опустив голову к клавишам, Клэр осторожно провела по ним дрожащими пальцами.

— Помнишь, как однажды я говорила, что должна буду сыграть тебе Лунную сонату, дабы ты смог наиболее полно оценить все очарование истинной музыки?

Она заметила, как он вздрогнул и выпрямился в кресле. Вероятно, он даже затаил дыхание, не ожидая от нее подобного. У нее сжалось сердце. Боже, как много ошибок она совершила! Как много глупостей натворила, пока, наконец, не поняла самое главное!

— Мы шли по Аппер-Гросвенор-стрит, когда ты сказала мне об этом, — прошептал Эрик, не двигаясь.

У нее перехватило в горле так, что она чуть не расплакалась, понимая, что он помнит абсолютно всё, что было связано с ней. Затаив дыхание, Клэр тихо попросила:

— Разреши сыграть для тебя Лунную сонату.

Какое-то время не было слышно ничего, кроме оглушительного стука собственного сердца. И тиканья часов, которые словно стремились отдалить их друг от друга. Но потом Клэр услышала... Тихий, но глубокий, невероятно дорогой сердцу голос:

— Тебе не нужно мое разрешение.

У нее так сильно дрожали руки, что она с трудом могла представить, как будет играть.

— И всё же я хочу, чтобы ты знал, что я делаю это для тебя. Только для тебя. — И пока она не передумала, Клэр быстро добавила: — Ты позволишь?

Она ждала, казалось, целую вечность, а потом... Потом он встал и медленно направился к ней. Вскинув голову, Клэр смотрела на то, как он приближается. Его лицо... она не могла перестать смотреть на человека, от которого сейчас зависело, будет ли ее сердце биться дальше, или...

Он приближался почти как вечность назад, в тот самый первый, самый далекий день, когда она впервые увидела его за большим роялем дяди Джорджа. Такой высокий, такой до боли красивый, такой...

У нее действительно замерло сердце, когда Эрик остановился у рояля. И смотрел на нее с такой пугающей пронзительностью, что на мгновение перехватило дыхание. А потом она услышала слова, которые поразили ее в самое сердце.

— Я не заслуживаю твоей музыки...

«Заслуживаешь, заслуживаешь даже большего!»

Единственный, кто заслуживал этого больше всего, был Эрик, который пройдя через невыносимые испытания, мог на самом деле оценить ее исполнение.

Она не могла говорить, с трудом сдерживая слезы, поэтому склонила голову к клавишам и... и сыграла то, что не играла вечность назад. Что не сыграла бы, не будь Эрика. Который вернул ей музыку, но теперь она была другой. В ней было так много жизни, так много света и так много смысла, что они больше не умещались у нее в сердце. Сердце, которое было теперь переполнено совсем другим.

Клэр не понимала, как попадала дрожащими пальцами по нужным клавишам, не понимала, как находила их, потому что туманилось перед глазами. И всё же она сыграла, ощущая невыносимую боль в груди от того, как близко стоял Эрик за очень долгое время. Который парализованный стоял у рояля и слушал ее игру до тех пор, пока она не затихла.

Когда тишина вновь окутала их, Клэр подняла к нему бледное лицо и заглянула ему в глаза. Глаза, в которых увидела отражение собственной боли. Собственного отчаяния. И внезапно поняла, что не может больше сдержаться...

Эрик какое-то время не мог пошевелиться, придавленный такой давней мукой, что с трудом мог дышать. Ее мелодия... Музыка, которая никогда не пугала его, которая обладала удивительной силой исцелять раны. Она и исцеляла, но вместе с тем открыла так много новых ран, что это было невыносимо. Потому что даже после всего произошедшего Клэр захотела сыграть для него, подарила то, что переворачивало душу.

Подойдя к ней еще ближе, он взял ее руку в свою и поднял жену со стула, а потом развернул и медленно притянул к своей груди, туда, где билось и переворачивалось его

сердце.

— Тебе понравилось? — слышался неуверенный дрожащий голос Клэр.

Обхватив ее талию правой рукой, Эрик притянул ее к себе так близко, пока не почувствовал ее всю возле себя. Пока не ощутил ее тепло, ее незабываемый аромат. Пока не понял, что она дрожит. Почти так же как он. Он больше не мог сдержаться, Господи, он действительно не мог больше делать вид, будто сможет отпустить ее, потому что будь всё проклято, но сейчас он не смог бы отпустить её, даже если бы ему пришлось отдать за это свою жизнь.

Подняв свободную руку, Эрик осторожно отвел от невероятно красивого лица прядь шелковистых волос, до дрожи хорошо помня их запах, их тяжесть и мягкость.

— Ты играешь божественно, любовь моя, но твоя игра покорила меня еще в тот первый день, когда я даже не знал тебя, — признался он, понимая, что сейчас ошеломить ее, но не мог больше скрывать от нее правду.

Он прижимал ее к себе почти до предела, так, что она почувствовала всё его большое, напряженное, твёрдое тело. Боже, он так давно не обнимал ее! Положив руки на его грудь, Клэр едва могла дышать, потому что вновь ощутила биение его сердца.

— В первый день? Но тогда... тогда я ведь плохо играла и... не закончила игру.

Эрик покачал головой и внезапно коснулся своими теплыми пальцами ее подрагивающих губ. Клэр перестала дышать вообще.

— Я говорю не о том дне.

Она задыхалась и никак не могла вспомнить, как следует дышать, глядя в глаза Эрика, который склонил голову так, что его лицо оказалось невероятно близко. Так, что она даже почувствовала тепло его дыхания. Он приблизился к ней так, будто собирался поцеловать ее.

— Но в доме твоего отца... — пролепетала Клэр, не понимая, о чем он говорит.

Осторожно проведя пальцем по нежным чертам ее лица, Эрик еще ниже склонил к ней голову, чувствуя болезненные удары своего сердца.

«Если Клэр стоила того, чтобы жениться на ней, разве не стоит ради нее пройти еще один круг ада, только теперь в последний раз?»

Сердца, которое умирало от любви к ней. Он даже не представлял, что способен любить, любить так, пока не встретил Клэр.

— Я говорю не о том дне.

Его близость потрясала, но Клэр каким-то чудом не потеряла нить разговора.

— Что? Эрик, о чем ты говоришь?

Было такое ощущение, будто он знает то, чего не знает она. То, что могло навсегда перевернуть ее мир, который уже никогда не будет прежним.

— Я говорю о том дне, когда был музыкальный вечер в доме моей тети Девоны.

— Но тебя ведь там не было! — нахмурилась Клэр, совсем сбитая с толку.

Глядя в ее удивленные глаза, Эрик обнаружил, что вновь задыхается. От бесконечной, удушающей, почти оглушительной любви к ней. Он не знал точно, когда полюбил ее, но сейчас это уже было неважно, потому что он знал совершенно точно, что никогда не перестанет любить ее. Даже когда она уйдет.

«Я люблю твои брови, — палец сместился на ее носик. — Люблю твои волосы, твоё дыхание. — Осторожно он коснулся ее верхней губы. — Люблю твою улыбку. Люблю твой голос. — Палец скользнул к подбородку, а потом прошелся по шее и коснулся одинокой жилки, которая пульсировала под бархатистой кожей. — Я люблю твою душу, и

преклоняюсь перед твоим сердцем, которое было настолько великодушным, что позволило тебе остаться рядом со мной. Я никогда не забуду этого. Никогда не позволю, чтобы твое сердечко еще раз разбивали...»

— Я был там, был у тёти Девоны.

Его слова утонули в тишине гостиной. Клэр с прежним потрясением смотрела на него, невероятно остро чувствуя прижатую к себе твердую грудь.

— Но ты ведь не любишь музыку. Ты не мог прийти туда.

Подняв руку от ее шеи, Эрик прижал ладонь к ее лицу, погладив большим пальцем ее щеку.

— Я действительно не любил музыку и собирался уходить. Меня не было в доме, я был в саду, но когда послышалась соната, мелодия, которую ты играла сейчас... — Он покачал головой, будто бы не веря, что это действительно произошло с ним на самом деле. — Я не смог уйти. Я стоял там под деревом как громом пораженный и слушал то, что никогда прежде не слышал. Я ненавидел музыку, но твоя игра так сильно захватила меня, что я пошел к дому. Я должен был увидеть того, кто играл на рояле так, что у меня сжималась душа.

Она выглядела сейчас почти такой же потрясенной, каким был в тот день сам Эрик, когда услышал льющуюся из гостиной мелодию.

— Боже! — выдохнула она изумленно. — Боже правый!

Она даже не думала, что когда-нибудь узнает правду о том, почему он не любит музыку, но теперь... теперь, когда знала о том, что с ним произошло. Оглушительная боль пронзила ей сердце, когда Клэр поняла, что в плену произошло что-то, вызвавшее в нем отвращение к музыке. Как и к прикосновениям людей. И всё же ее музыка, ее прикосновения были способны сделать с ним то, что не мог сделать никто.

— Что такое? — вдруг встревожился Эрик, наблюдая, как меняется выражение ее лица.

Боже праведный!

— Ты... ты действительно был там?

«И моя музыка действительно заставила сжиматься твоё сердце?»

— Да. Почему это так сильно потрясло тебя?

— Я... — Клэр не смогла договорить, потрясенная до глубины души. С трудом сдерживая слезы, которые душили ее. Вместо этого, к полному его изумлению, подняла руки от его груди и взяла его лицо в свои ладони. Она смотрела ему прямо в глаза, когда сделала свое собственное ошеломляющее признание. — В тот день, когда дядя Джордж попросил меня сыграть для него... Я не могла отделаться от чувства, будто кто-то наблюдает за мной. Боже мой, так это был ты!

Эрик не мог дышать, а Клэр... Она погладила его по голове, а потом сделала то, что чуть было не разбило ему сердце. Опустив правую руку, она коснулась его носа и погладила его так, будто собиралась исцелить его.

— Я никогда так остро не чувствовала на себе чужой взгляд. В той комнате были... В той комнате было много людей, но это определенно были не они. Я была уверена. — Она приблизила к нему свое лицо так, что он ощутил тепло ее дыхания. — Теперь я в этом уверена. Не знаю, как, но я всегда чувствую тебя до того, как ты появляешься.

Он потрясенно застыл, и внезапно Клэр поняла, что не может больше бороться с собой. Погладив его застывшее, изумленное лицо, она опустила руки на его плечи и неловко, но развязала уже почти развязанный шейный платок, который прятал от нее то, до чего ей нестерпимо хотелось добраться. Когда материя выскользнула из ее руки и упала на пол,

взору ее предстал до боли знакомый, по прежнему остро выпирающий, волнующий кадык. И позабыв обо всем на свете, Клэр привстала на цыпочки, потянулась к нему и коснулась губами его шеи. К тому единственному, что не могла забыть.

— Господи, — выдохнул Эрик, покачнувшись так, будто его ударили. Не в состоянии поверить в то, что происходит, он затаил дыхание и замер у нее в руках, пока она своими невероятно тёплыми губами не стала изучать его шею. — Господи, Клэр, что ты делаешь?

Он хотел первым коснуться и поцеловать ее, но его пленительная жена, кажется опередила его. У него было такое ощущение, будто сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Он задыхался, не в состоянии пошевелиться. Ощущая ласку губ, которые потрясли и захватили его окончательно.

Клэр не могла оторваться от него, чувствуя не только тепло его кожи, но и дурманящий, терпкий запах сандалового дерева.

«Тебе нужно поцеловать его, и тогда твое сердце подскажет, что делать».

— Хочу поцеловать тебя, — прошептала Клэр, зная совершенно точно, что делает это не потому, что Алекс когда-то говорила ей об этом. Она жаждала этого потому, что не поцеловать Эрика было просто невозможно. Клэр снова прижала губы к его шее, изумляясь тому, какой противоречивый вкус у его теплой кожи: и солоноватый, и сладкий одновременно. Было просто захватывающе приятно касаться его, ощущать его, целовать острый маленький выступ на его шее, который подрагивал от переполнявших его эмоций. — И хочу, чтобы ты тоже поцеловал меня.

С очередным прикосновением ее губ к невероятно чувствительному месту на шее такая мучительная волна прокатилась по всему телу, что Эрик вздрогнул и чуть не упал. У него подгибались колени. Он едва мог соображать. С трудом шевелясь, он взял ее лицо в свои ладони и отстранил Клэр от себя так, чтобы окончательно не потерять голову.

— Клэр... — прошептал он, заглянув ей в потемневшие глаза.

Клэр замерла, решив, что он останавливает ее потому, что не хочет ее поцелуев, ее прикосновений. Это бы разбило ей сердце навсегда.

— Клэр, — потрясённо прошептал Эрик, увидев слезинку, которая соскользнула с длинных ресниц и упала на ее бледную щеку, очертив на ней влажную дорожку, похожую на шрам, который остался на его сердце. — Боже, Клэр...

Судорожно вздохнув, Клэр покачала головой, чувствуя, как задыхается. Стыдясь того, что не смогла сдержать слезы, но ей было так ужасно больно.

— Я очень хочу, чтобы ты поцеловал меня, Эрик.

Мольба в ее голосе ошеломляла, потому что даже во сне он не смог бы найти Клэр, которая нуждалась бы в его поцелуях настолько отчаянно, что заплакала.

— Я тоже этого хочу, — прошептал Эрик, вытерев очередную слезинку большим пальцем. — Только... только я не хочу, чтобы ты снова плакала, когда я это сделаю. Я не хочу, чтобы ты плакала из-за меня.

Она тут же покачала головой и подалась навстречу ему. И сказала то, что навсегда перевернуло его мир.

— Ты ведь имеешь в виду день нашей свадьбы, но тогда... — Раскаяние в ее голосе утонуло в тишине комнаты. — В тот день...

День их свадьбы. День, воспоминания о котором причиняли ему невыносимую боль.

— Ты боялась меня?

Она покачала головой.

— В тот день ты поцеловал меня, а я... я так и не смогла забыть об этом. Я и сейчас не могу, — с сокрушительной искренностью призналась Клэр. — А еще... — Она с такой нежностью погладила его по лицу, что у него запершило в горле. — Я тоже хочу поцеловать тебя так, чтобы ты никогда не забывал об этом.

Невероятно, но это действительно происходило с ним. На самом деле. Как он мог устоять перед ней теперь? Как мог бы забыть о ней?

Чувствуя мучительные удары своего сердца, он опустил голову и, наконец, накрыл ее раскрытые губы своими.

Поцеловал Клэр, которая никогда не должна была принадлежать ему.

Его на мгновение парализовало, обдав теплой волной. Эрик услышал глухой стон, а потом, когда она обвила его шею своими дрожащими руками и, прильнув к нему, с готовностью встретила его, он окончательно потерял голову. Обхватив ее обеими руками за тонкую талию и до предела вжав в себя, он завладел ее губами с такой агонизирующей потребностью, что не осталось больше ничего кроме Клэр, которая разбила и вновь воскресила его сердце. Своей чарующей, пронизывающей музыкой и теплом прикосновений. Любовь бескрайняя и оглушительная накрыла его так, что он больше не мог справиться, не мог больше контролировать ее. Зовущие, невероятно мягкие, до умопомрачения сладкие губы Клэр заставили его вспыхнуть таким ошеломляющим желанием, что не осталось места ничему.

Запустив пальцы в черные густые волосы Эрика, Клэр подалась ему навстречу, не помня, чтобы с такой удушающей потребностью желала поцеловать кого-то еще. Чтобы хоть в ком-то нуждалась так же, как в нем. Робкое томление перешло в такой восторг, что закружилась голова. Ей не верилось в то, что это происходит с ней на самом деле, но губы Эрика не могли быть выдумкой. Такие мягкие, такие осторожно-деликатные сперва, которые лишь касались ее, не требуя ничего. Губы, от прикосновения которых она задыхалась и млела. И чувствовала, как постепенно жар охватывает ее всю, наполняя ее такой пугающей тяжестью, что она не могла пошевелиться.

Губы человека, который, пройдя через настоящий ад, поцеловал ее с такой пронзительной нежностью, что она не смогла сдержать новых слез.

«Боже, я ведь действительно чуть было не потеряла тебя!»

Потрясение первых минут быстро сменилось осознанием того, что действительно происходит. Губы Эрика пришли в движение и раскрыли ее настолько, что его горячий язык метнулся вперед. Жаркая волна заставила ее вздрогнуть, и Клэр крепче обняла его за шею, боясь не устоять на ногах, потому что у нее подгибались колени. Захваченная им окончательно, она закрыла глаза и растворилась в поцелуе, который потряс ее до глубины души больше, чем всё, что она испытывала до этого мгновения.

Тяга, которая вела к нему, сила притяжения, которая с первого же дня привязывала их друг к другу, стала просто невыносимой. А потом... Потом превратилась в то, во что она никогда не верила. В то, что как думала, знает, но до сегодняшнего дня даже понятия не имела о том, что это такое на самом деле.

Всхлипнув, Клэр прильнула к нему еще теснее и раскрылась еще больше. Он тут же воспользовался этим, поцеловав ее с таким откровенной жадностью, что она чуть не задохнулась. Ощущая, как слезы снова бегут по щекам, Клэр ошеломленно приняла и это прикосновение, пораженная тем, что ее сдержанный, невероятно замкнутый Эрик знает, что такое страсть. Знал, как коснуться ее, чтобы она растаяла прямо в его объятиях. И она таяла,

пока он изучал, а потом стал поглощать ее уста. Из робкого поцелуй превратился в столь захватывающее переживание, что у нее потемнело в глазах. Клэр обхватила его лицо своими ладонями и ответила ему так, как только могло позволить ей ее обезумевшее, полное радости сердце.

Эрик не просто знал, что такое страсть. Он купал ее в неге, разделяя с ней то, что никогда уже не позволит ей быть прежней. Она превратилась в такой напряженный клубок чувствительности, что даже его теплое дыхание опаляло. И она последовала за ним без малейшего промедления, вверяя себя в руки человека, которого не могла больше отпустить.

Сжимая ладонью ее талию, Эрик запустил пальцы другой руки ей в волосы, разрушая дивную прическу, слыша, как шпильки падают на пол, но ему было всё равно. Мягкое, манящее тело, прижатое к нему, воспламеняло его еще больше. Запах ландышей ударил ему в голову, так что он почувствовал себя опьяненным. И всё равно продолжал пить, испивая ее уста до предела. Тело постепенно наполнялось знакомым напряжением, но теперь Эрик не боялся этого, потому что его вела Клэр, та, чье прикосновение смыло с души абсолютно всё и заковало его в такую крепкую броню, что прошлое больше не имело над ним прежней власти.

Задыхаясь, опустив руку с ее талии ниже, он прижал ее бедра к себе так, чтобы унять боль в паху, но добился совершенно другого результата.

— Боже... — выдохнул он, едва живой.

Перед глазами потемнело, а потом... потом, застонав, он подхватил Клэр, оторвав ее от пола, и посадил на стоявший рядом стол, не думая больше ни о чем. Была только Клэр, за которую он был готов сразиться даже с самим дьяволом. Клэр помогла ему увидеть свет тогда, когда в жизни не осталось ничего светлого. Которая подарила ему свою сонату тогда, когда он считал, что отнял у нее музыку. Любовь беспредельная и сокрушительная с мучительной силой сжала ему сердце.

Как можно было не любить ее? Как можно было не умереть за нее? Как можно было отдать ее?

Какой-то едва живой частью сознания Эрик всё же понимал, что не должен этого делать, но было выше его сил оторваться от нее. Клэр цеплялась за него, чтобы удержаться на столе, и в какой-то момент сильнее надавила на его плечо. Эрик глухо застонал, ощущая головокружение, позабыв даже о том, что до сих пор его плечо перевязано.

Клэр замерла и оторвалась от него, испугавшись того, что причинила ему боль.

— Твое плечо?..

Ей следовало быть более осторожной, ведь его рана до сих пор не залечена окончательно...

— К черту плечо, — прорычал Эрик, вновь потянувшись к ней, на этот раз укладывая ее на стол и накрывая ее собой. — К черту всё, кроме тебя.

И когда он почувствовал под собой ее трепещущее, до боли желанное тело, Эрик понял, что теряет контроль. Он так долго сдерживал себя, так долго боролся со своим желанием, что не осталось больше сил сопротивляться ему.

Разведя в сторону ее колени так, что задрались юбки ее платья, Эрик протиснулся между ними и прижался почти окаменевшей нижней частью своего тела к ней. Оглушительная волна наслаждения обрушилась на него так внезапно, что из глаз будто посыпались искры.

Клэр потрясенно замерла, но не успела сказать ничего, потому что Эрик вновь накрыл

ее губы своими, и весь остальной мир потонул в ворохе восхитительных ощущений, которые, до этого бродившие по телу легкой волной, превратились в буйство чувств. Упоительный восторг сменился густым наслаждением, которое стало подниматься из самых недр ее существа. Это было... Это было волшебно, изысканно, одурманивающие. Она ведь и раньше целовалась, но... Но прежде никому не позволяла зайти так далеко. И уж тем более не позволяла никому уложить себя на стол! Никогда Клэр не подумала бы, что способна на такое, тем более с Эриком, но сейчас всё с ним казалось таким правильным, таким до боли необходимым, что она потянула его к себе, не думая ни о чем. И, желая быть к нему еще ближе, инстинктивно обхватила его бедра своими ногами.

Он тут же прижался к ней своими напряженными бедрами. Надавил чем-то твердым на такое невероятно чувствительное место, что у нее перехватило дыхание. Потрясенно выгнув спину, Клэр замерла, ощутив, как его ладонь стремительно сжимается у нее на груди. Очередная жаркая волна взметнулась в ней так резко, что Клэр содрогнулась, на мгновение испугавшись того, что происходит. Как быстро все происходит. Происходит то, что она никогда прежде не ощущала, никому не позволяла. А с ним хотела, до боли хотела. Хотела, чтобы он был еще ближе к ней, хоть и не представляла, как это возможно. Хотела еще больше поцелуев, хотя уже не могла дышать.

Ее сердце готово было выскочить из груди. Едва живая, Клэр сжала его напряженные как камень, широкие плечи, которые так часто видела обнаженными в последнее время, издала мучительный стон, сгорая под тяжестью его тела, и открыла глаза.

И увидела, как замер Эрик. Как замерли его руки. Замерло даже его дыхание. Он поднял голову и посмотрел на нее. У нее горели губы, которые он целовал почти целую вечность, у нее трепетало тело, которое, казалось, получило ожоги от его прикосновения. Но всё это не могло сравниться с тем, что таилось в его почти почерневших глазах.

Будто к нему возвращалось осознание того, что происходило, что он делал. Что они оба делали. Как будто это было ужасно, будто то волшебство, которое накрыло их, было неправильным. Лицо его внезапно исказилось, рука, лежавшая на ее груди, задрожала. Эрик смотрел с таким ошеломлением, раскаянием и болью, что похолодело в груди. Будто он сожалел о том, что сделал...

Застонав, он выпрямился и отвернулся от нее.

— Эрик? — с трудом выдохнула ошеломленная такой резкой перемене Клэр, зная, что ничего страшного они не сделали, но он даже не обернулся, а сделал шаг от нее.

У него подгибались колени. Эрик дрожал всем телом так, что с трудом мог дышать.

Господи, что он наделал! Она ведь просила его о поцелуе, а он чуть было не овладел ею прямо на столе в гостиной Пембертона.

Если до этого сердце его разрывалось на части от желания, теперь оно горело от мучительного чувства вины и отвращения к самому себе. Столько дней он контролировал себя. Столько сил прикладывал для того, чтобы убереечь Клэр от всего этого, но когда она... коснулась его и попросила поцеловать... Когда стала признаваться в вещах, о которых он даже не подозревал...

Ничто не могло оправдать того, что он натворил, ведь он дал ей слова вернуть ее. Ее нежные руки и ласковые губы едва не сбили его, но Эрик сумел вовремя взять себя в руки и отойти от нее. Боже, он потерял рассудок так, что чуть не совершил самую ужасную ошибку в своей жизни!

— Эрик?

Звук глухого, наполненного болью голоса Клэр прошелся по его телу так, будто он был одной большой раной.

Он задышался и никак не мог обернуться, чтобы посмотреть на Клэр. Потому что знал, что увидит в ее глаза, когда взглянет на нее. Отвращение и ненависть. Она должна была ненавидеть его за это. Теперь у нее не останется никакого повода, чтобы заговорить с ним, чтобы еще раз принести ему теплый шоколад.

Он не мог пошевелиться, пытаясь справиться с оглушительными ударами своего сердца. — Прости меня, — выдохнул Эрик, закрыв на мгновение глаза. — Прости...

Развернувшись, он вышел из гостиной, проклиная свою слабость, над которой не был властен.

Войдя в свою комнату, Эрик прикрыл дверь, не представляя, что ему теперь делать. Боль и раскаяние сводили с ума.

«Я хочу поцеловать тебя так, чтобы и ты не забывал об этом...»

Она ведь не могла на самом деле желать этого.

— Господи! — в отчаянии застонал Эрик, проведя дрожащей рукой по своим волосам.

На одно короткое мгновение он поверил в то, что, возможно, ей действительно нужны его поцелуи. Поцелуи человека, который разрушил ее жизнь. Который умирал от любви к ней. Которого она выходила и сыграла для него Лунную сонату, не представляя, что это значило для него.

И вместо этого он чуть было не овладел ею на столе.

Зарывав, Эрик шагнул к камину, не представляя, что ему теперь делать.

Он не должен был поддаваться ее уговорам. Не должен был слышать слова, которые околдовали его. Ведь рано или поздно она все равно исчезнет из его жизни...

Эрик вдруг заметил то, что выхватил свет одинокой свечи, стоявшей на каминной полке. Свет, который осветил самый дальний угол его спальни. Небольшой диван, на котором лежала книга. У него туманилось перед глазами от боли, но он заставил себя подойти к дивану и взять книгу. Биография Сальери. Книга Клэр. Как ее книга оказалась здесь? Он ведь хорошо помнил, что она не читала в его комнате. И никогда не видел ее с этой книгой здесь в Пембертоне. Только на столе в ее гостиничном комнате, когда принёс ей воду. И когда расчесывал ей волосы в постоялом дворе, когда она с такой поспешностью выпросила у него свою книгу. Будто не хотела, чтобы книга еще хоть бы чуточку дольше оставалась у него.

Нахмурившись, он раскрыл твердый переплет.

И одинокий засохший листок дерева, шелестя, упал на мягкий ковер.

Озадаченный еще больше, Эрик опустил на корточки и взял расплющенный, ставший таким же тонким как страницы книги листок. Который показался ему смутно знакомым. Он долго смотрел на листок, ничего не понимая, а потом... потом его будто бы сразила молния.

Это не мог быть тот самый лист, который она вытащила из его головы в тот день, когда они вместе ходили к дому аптекаря, чтобы забрать ее шаль! Целый красивый четырехлистный листочек клевера довольно долгое время служил закладкой для книги, но не достаточно старый, чтобы покрыться черными прожилками.

И тогда он понял, что это именно тот самый лист, который упал на него после прогулки по Гайд-парку, и который потом Клэр вытащила из его волос!

— Боже, — прошептал Эрик потрясенно, ощутив такую острую боль в сердце, что листочек выпал из его руки. Эрик рухнул на пол, но продолжал смотреть потемневшим

взглядом на то, что не укладывалось в голове. — О, Господи...

Тот самый листок, который и заставил ее коснуться его в день после прогулки так, что это определило всю его дальнейшую судьбу.

Листок, который она сохранила в самой важной для себя книге!

Большая светлая парадная столовая была освещена яркими лучами утреннего солнца. На широком дубовом столе был накрыт изысканный завтрак, а слуги разносили еду, не отвлекая внимание хозяев от важных дел.

Герцог, восседая во главе стола, читал утреннюю газету, ежедневный ритуал, который Алекс любила наблюдать все шестнадцать лет брака. Боже, подумать только, она была замужем за ним уже шестнадцать лет, а было такое ощущение, будто они только вчера влюбили друг в друга. Эти мысли всегда приносили в душу радость и счастье.

Но не сегодня.

Она не могла оторвать взгляд от бледного лица своей гостьи, которая сидела напротив нее. И выглядела при этом так, словно погибала, если только ей не протянут руку помощи. Алекс не видела ее в таком состоянии даже когда Эрик лежал в горячке от ранения.

Вчера определенно что-то произошло, и если Тони не опустит свою чертову газету и не будет делать вид, будто ничего не происходит, Алекс могла не выдержать снedaющего беспокойства и разбить что-нибудь о его голову. Если б только он не увел ее вчера вечером так поспешно из гостиной... Даже поглощенная им в тот момент, Алекс понимала, что нужно дать возможность молодым супругам уединиться, искренне полагая, что это поможет. Но все стало еще хуже, потому что Клэр переменилась настолько, что ее невозможно было узнать. Было такое ощущение, будто у нее действительно кто-то умер. Зная о том, что творилось в ее душе, Алекс приходила в настоящий ужас от того, что, возможно, вчера ей разбили сердце.

Разбил человек, который должен был лелеять ее сердце. Такое чуткое и ранимое. Алекс не ожидала, что Эрик поступит так опрометчиво, так... Он казался таким серьезным, таким надежным и верным. Было просто невозможно ожидать от него хотя бы одного поступка, способного причинить боль Клэр, за которую он переживал настолько, что в первый же день пробуждения чуть было не обвинил Алекс с Тони в том, что они плохо заботились о Клэр.

Боже, что произошло? Как она могла помочь этим двум потерявшимся созданиям обрести покой?

И как она теперь сообщит им новость, которая усугубит их страдания?

— Тони. — Отложив в сторону салфетку, Алекс обратилась к мужу. — Твой завтрак остывает.

Свежий номер «Таймс» даже не дрогнул в его руках. Выпрямив спину, Алекс так гневно посмотрела на газету, что могла бы прожечь ее насквозь.

— Что? — рассеянно проговорил он, перевернув страницу.

Алекс сжала зубы.

— Я говорила тебе, что газеты могут быть хорошим удобрением для моих роз?

Он, наконец, опустил газету. И тут же столкнулся с почти испепеляющим взглядом жены. Алекс многозначительно перевела взгляд на Клэр, которая сидела за столом, опустив голову так, будто ее и вовсе не было в комнате. Она так и не притронулась к еде. Вздыхнув, Тони полностью повернулся к Клэр, положив на стол газету.

— Милая, тебя что-то беспокоит?

Клэр вздрогнула и подняла голову. В глазах ее застыло такое явное страдание, что у Алекс дрогнуло сердце. За то короткое время, что Клэр гостила в Пембертоне, Алекс так

сильно привязалась к ней, что переживала за нее, как за родную сестру.

— Нет, у меня просто... Очень сильно болит голова. Простите.

Ее переживания были столь личными, что об этом было просто невозможно говорить. Когда-то Клэр думала, что выговорившись, она обретет покой, но теперь... Теперь ей казалось, что если она произнесет хоть слово, то непременно развалится на части.

Клэр сидела неподвижно, охваченная ужасом. Ужасом от того, что ошиблась. Так глубоко и бесповоротно, что это невозможно было исправить.

Она ошиблась не только в Клиффорде, которого полагала, что любит. Что она знала о любви? Что на самом деле испытывала к нему? Когда-то она пребывала в ужасе оттого, что предала свои девичьи мечты, ведь у нее действительно были чувства к нему. Это была привязанность, но... Совершенно не то, что открылось ей недавно. Да и Клиффорд... Что испытывал к ней он? Если бы по-настоящему любил, он бы не позволил ей выйти замуж за другого. Он бы перевернул небо и землю, чтобы добраться до нее, но не нашел времени даже на то, чтобы написать ей хоть бы одно письмо.

Всю ночь, сидя в своей комнате и глядя в пустоту ночи, Клэр чувствовала себя так, как будто была в беде. В настоящей беде. Потому что действительно ошиблась.

Если бы только Эрик дал ей чуточку больше времени, чтобы узнать его! Если бы только не действовал так быстро и решительно, настаивая на скорой свадьбе.

Клэр задыхалась, не в силах больше скрывать то, что любит его. Любит так отчаянно и глубоко, что едва сдерживала слезы! Вот, что всегда тянуло к нему, что заставляло трепетать сердце всякий раз, когда он оказывался рядом. Заставляло желать прикосновений, от которых кружилась голова. Вчера, когда он обнял ее, она едва не умерла от счастья и облегчения, но потом...

Он так быстро отпустил ее, будто... Действительно сожалел о том, что произошло. Как будто она не была причастна к этому, как будто не хотела этого, упрашивая его поцелуев.

Но... Что он мог еще подумать, когда она с первых дней заявила, что любит другого? Что никогда бы не выбрала его по собственному желанию? Он отпустил и ушел вчера так, что... Клэр вся сжалась, понимая, что он никогда больше не захочет коснуться ее. Она сделал всё возможное для этого. Да и он, как он поверит в то, что она хоть что-то испытывает к нему, если она заявляла обратное? Он решит, что у нее непостоянное сердце, не заслуживающее доверия. Никогда не поверит, что ей нужны его объятия, его поцелуи, только его. Что он сам нужен ей до конца жизни.

Он ни за что не поверит в то, что ей и Эдинбург не нужен. Никогда не был нужен, а теперь тем более.

Она совершила так много ошибок, но... В прошлом она была невероятно напугана тем, что стремительно надвигалось на нее. Боже, она рассорилась с отцом, которого обижала, отвратила от себя Эрика, который так много сделал для нее, но... но никогда не поверит ей, что бы она ни говорила. Вчера, придя в себя и глядя на нее, он выглядел так, как будто понял, кого на самом деле обнимает. Лживую, вздорную девицу, которая «всем сердцем любила другого».

Клэр ненавидела это слово. Ненавидела себя за слова, которые когда-то бросила их в него, но... Но теперь ничего не изменить. Она никогда не найдет слов, чтобы убедить его в том, что она никого не любила так, как любила его. Любила не только всем сердцем. Эта любовь не уместилась бы в одной вселенной.

— Тебе не нужно просить прощения, — сказала Алекс, ощущая вину за то, что должна

была именно в таком состоянии поведать Клэр об их отъезде.

Ее спас маленький Ноэль, который вбежал в столовую и остановился перед матерью.

— Мама, мама... — запыхаясь начал он, прижимая что-то к груди. — Можно я возьму с собой моих оловянных солдатиков? Ни Уильям, ни Бер не делятся со мной своими игрушками. А я с ума сойду в дороге, если не смогу поиграть. Можно?

Клэр ошарашено смотрела на сынишку Алекс, с трудом возвращаясь к реальности. Туда, где не только у нее были заботы и дела. И, словно этого было мало, за спиной Ноэля вырос строгий дворецкий.

— Миледи, ваши вещи уже уложены.

Взгляд Алекс стал извиняющимся, когда она перевела его на бледную Клэр.

— Уильям и Бернад — старшие сыновья Кейт и Габриеля. Прости, Клэр, но день рождения Габриеля и Элизабет через четыре дня, и если мы не успеем приехать, мои сестры и брат до конца жизни заставят меня пожалеть об этом.

У Клэр затряслись руки, перехватило дыхание и похолодело в груди так, что она почувствовала, будто превращается в ледяную статую. Потому что это могло означать только одно: им тоже придется уехать. Ей вновь придется сесть в душную, неудобную карету и продолжить путь, который окончательно разрушит ее жизнь.

Увидев, как Алекс медленно встает, заметив ее бледность, Клэр тоже поднялась, едва устояв на ватных ногах. У нее кружилась голова и сжималось горло так, что она задыхалась.

— Алекс, вы не должны извиняться, — прошептала она едва слышно. — Мы вас задержали...

— Не говори глупостей!

Она обошла стол с намерением подойти к ней, но Клэр поняла, что не вынесет ее близости, ее прикосновения. И тем более ее жалости. Боже, Алекс ведь знала обо всем и вероятно догадывалась по выражению ее лица!

— И все же, вам не нужно... — начала была она, но почувствовала покалывание в спине. Так, будто множество иголок вонзились ей в спину и в затылок за одно мгновение.

Замерев, она прикрыла глаза, а потом поняла, что это могло означать. На что она могла так остро реагировать. Реагировать с первых дней знакомства. О чем с такой готовностью призналась вчера вечером.

И еще до того, как он заговорил, Клэр поняла, что за ее спиной стоит Эрик.

— Вам действительно не нужно извиняться, — раздался его глубокий, до боли любимый голос. — Мы тоже должны уехать. Простите, что по нашей вине вам пришлось задержаться. Спасибо, что приняли нас.

Голос, от звука которого ей стало мучительно больно. Клэр сжала руку в кулак так сильно, что ногти впились в ладони, и это немного помогло побороть отчаянно приступавшие к глазам слезы.

«Эрик, Боже мой, Эрик, если бы ты знал, как мне жаль! Если бы тебе хоть немного была нужна моя любовь...»

Сколько раз должно быть он сожалел о том, что связался с ней, что женился на ней, что позволил ей войти в свою жизнь? Сколько раз сожалел о том, что целовал ее вчера?

Алекс взглянула на него.

— О, Эрик, не говорите так. Мы были счастливы принять вас. П-правда, Тони? — добавила она почему-то срывающимся голосом, взглянув сначала на бледную Клэр, затем на своего мужа.

Тони тоже поднялся, хмуро глядя на Эрика.

— Конечно. Если вам нужно, вы можете остаться еще, ведь твоя рана...

Эрик отступил от порога, бросив быстрый взгляд на застывшую прямую спину Клэр.

— Нет, мы и так слишком задержались. Благодарю. Мы выедем завтра с утра, если вы не против.

Тони долго смотрел на него, на его изможденное лицо, которого не видела Клэр, на его растрепанные волосы и потемневшие глаза и темные круги под ними. Его вид был ничем не лучше, чем у Клэр, которая едва стояла на ногах. Она так и не обернулась к нему, хотя прежде, только догадываясь о его появлении, тут же устремлялась ему на встречу.

— Конечно.

Эрик кивнул и ушел, не сказав больше ничего. Даже не обратившись к Клэр. Вероятно, теперь ему нечего было сказать ей. Клэр на мгновение прикрыла глаза. Как он не понимает, что случившееся вчера произошло и по ее инициативе! Как он мог подумать, что после всего этого она захочет продолжить путь?

Ей было невыносимо стоять тут и думать о том, что разрушало ее изнутри. Что причиняло ей такие жгучие страдания, от которых, Клэр была уверена, никогда не оправится.

— Простите, но я должна... уложить свои вещи...

Тяжело развернувшись, она тоже покинула столовую, не сказав больше ни слова.

Воцарившуюся тишину нарушил озадаченный Ноэль, который вместе со своими игрушками повернулся к матери.

— Мама, а почему Клэр плакала? Она заболела?

Алекс прижала руку ко лбу и, застонав, опустилась на ближайший стул.

— Ох, Ноэль, милый, иди собирать свои вещи.

Мальчик удрученно кивнул.

— Ясно, этим ты хочешь сказать, что должна поговорить с папой наедине.

Присев на корточки, Тони притянул сына к себе и поцеловал его в щеку.

— Малыш, я говорил тебе, как сильно люблю тебя? — Он с обожанием взъерошил каштановые волосы сына и еще раз поцеловал его. — Папа очень гордится тобой, но тебе действительно нужно собирать вещи. Иначе мы опоздаем, и твои двоюродные братья распределят все места в своих играх без тебя.

Кивнув, малыш развернулся и выбежал из столовой. Тяжело дыша, Тони встал и взглянул на невероятно расстроенную жену.

— Алекс, — тихо позвал он, глядя на то, как она сжимает дрожащие пальцы перед собой. — Что мне сделать? Ты ведь знаешь, что я не могу смотреть на тебя, когда ты в таком состоянии.

Она подняла голову и с такой грустью посмотрела на него, что чуть не разбила ему сердце.

— Я видела подобное, — печально напомнила она. — Я видела, как моя сестра Тори страдает, любя человека, который считал, что ей не нужен.

— И что ты предлагаешь? Ты знаешь, как помочь им?

Плечи Алекс опустились.

— Самое ужасное в этой ситуации то, что никто, кроме них самих не сможет им помочь.

Тони направился к ней и, опустившись рядом, обнял и привлек к себе жену.

— Не переживай, тебе нельзя волноваться в твоём положении.

Нахмурившись, Алекс взглянула на него, вдруг обнаружив в его голосе нечто подозрительное.

— Ты что-то знаешь? Я ведь делилась с тобой своими подозрениями, но у меня сейчас такое ощущение, будто ты знаешь нечто больше, чем известно мне.

Взгляд Тони вдруг потеплел.

— И как ты это всегда делаешь?

Алекс застыла.

— Боже, ты что-то знаешь? — Она отстранилась от него. — Говори сейчас же!

Он откинулся на высокую спинку и снова тяжело вздохнул.

— Эрик написал письмо в Шотландию и просил бывшего ухажера Клэр приехать к ним домой, как только они приедут.

Алекс потрясённо ахнула.

— И ты написал?

Выражение лица Тони посуровело.

— Эрик взрослый человек и если что-то решил...

Алекс резко встала, не находя себе места.

— Господи, Тони, как ты мог?! Как ты не понимаешь, что это разобьет сердце Клэр, если она узнает об этом!

Тони медленно встал, взял руку жены в свою и, присев, опустил ее на свое колено.

— Любовь моя, — прошептал он, притянув ее к себе и поцеловав ее так, что Алекс обессиленно привалилась к нему. Это был единственный способ успокоить и прогнать ее гнев. Заглянув в обожаемые ярко-голубые глаза, Тони погладил ее по щеке. — Думаешь, я бы не написал письмо, если бы смог посоветовать Эрику сделать что-то другое? Кроме того, я уверен, что Эрик разберется в этом. Мне кажется, он не отступится от нее.

— А мне он кажется невероятно упрямым! — в сердцах воскликнула она, прижав руку к груди мужа. — Что, если он не сможет побороть свое упрямство?

— Тогда я уступлю дорогу тебе и не стану препятствовать, если ты захочешь помешать ему.

— Не смешно, — прошептала она, закрыв глаза.

— Я знаю, — горько молвил он.

— Они такие замечательные, — выдавила Алекс, покачав головой. — И так трепетно относятся друг к другу. Знаешь, как мне было трудно сообщать им о том, что мы должны уехать? Как мы можем оставить их в такой непростой для них момент?

— Ты сама говорила, что они должны сами разобраться в себе. Может, ты дашь напоследок совет Клэр?

Алекс вздрогнула и внезапно открыла глаза, в которых светилась безумная надежда.

— Да, я кажется знаю, что делать!

Тони взял ее за подбородок и поднял к себе ее лицо.

— Боже, какая ты красивая без очков! — выдохнул он, залюбовавшись своей сказочной женой.

Взгляд Алекс стал строгим.

— А в очках я была некрасивой?

Тони улыбнулся, не в состоянии спрятать любовь, которая светилась в глубинах его золотистых глаз.

— Не забывай, когда я встретил тебя, ты носила очки. — Он склонил голову и поцеловал ее. На этот раз крепко, властно, так, что она застонала, обвив руками его шею. — Очки делали тебя невероятно сексуальной.

Алекс взяла его красивое лицо в свои ладони и сама потянулась к нему, пробормотав напоследок:

— Теперь я буду знать, чем развлекать тебя на старости лет.

А чуть позже велела своей горничной уложить с Клэр несколько из тех своих неприлично красивых нарядов, при виде которых Тони не мог потом долгое время выходить из их комнаты. Она искренне верила в то, что и Эрик не сможет устоять. И всё решится само собой.

* * *

Он не собирался больше встречаться с ней.

Клэр не видела его с того мгновения как Эрик ушел из гостиной Пембертона два дня назад до тех пор, пока его большая мрачная фигура не прогарцевала вперед на лошади, когда они выехали в путь. Ровно в семь утра.

Всё вновь повторялось, но теперь... Теперь у нее действительно было разбито сердце. И на этот раз дорога казалась не просто невыносимой. Она не просто задыхалась от этого, сидя в полумраке холодной кареты. Небо затянуло тяжелыми тучами, обещая разверзнуться настоящим непроходимым ливнем, но ей было всё равно. Она бы даже обрадовалась, если бы земля разверзлась и отрезала их от всех дорог на свете.

Она не хотела в Шотландию. У нее не осталось дома, куда она могла бы вернуться, она даже не знала, где теперь ее дом. Всё что Клэр хотела, теперь стало невозможным. И она... Она не сделала ничего, чтобы исправить свои ошибки. И она не представляла, что можно сделать в будущем, чтобы заставить Эрика поверить в то, что она искренна с ним.

Ей было так ужасно холодно. Даже теплая накидка, в которую Клэр закуталась, не могла согреть ее. Переведя взгляд на противоположное сиденье, Клэр вспомнила, как часто там сидел Эрик. Как много произошло в этой карете. Сперва он сказал, что никогда не считал ее врагом. А потом... потом принес сюда корзину с едой. И вазу для ее цветов.

И назвал ее так, как не называл никогда прежде. И никогда больше не назовет, потому что она этого не заслуживала, она не сделала ничего, чтобы заслужить даже его взгляда.

Клэр прикусила губу, чтобы не расплакаться, и закрыла глаза. Но боль терзала так сильно, что она не могла больше выносить ее.

Недосыпание последних дней вкупе с измождением и моральным истощением погрузили ее в беспокойный сон без сновидений. Клэр сомневалась, что когда-нибудь вновь испытает облегчение. Сможет дышать полной грудью. Сможет жить, не боясь завтрашнего дня.

Карета продолжала катиться по неровной дороге, превращая жизнь в одно сплошное, нескончаемое путешествие. Унося ее далеко от того места, где она на короткое мгновение обрела покой и счастье. Обрела человека, который никогда больше не взглянет на нее.

Забившись в сне, Клэр как будто наяву ощущала на себе ласку теплых пальцев, которые никогда бы не забыла. Она точно помнила, как он дотронулся до нее тогда. Осторожно, но

решительно. Его пальцы проšliсь по ее лицу, убирая прядь золотистых волос. Почти как сейчас. Это было так реалистично, так до дрожи правдиво, что Клэр подалась вперед, не в силах отпустить его.

— Эрик, — прошептала она, умирая от желания быть к нему как можно ближе.

А потом ошеломленно поняла, что он действительно рядом. Она не спала, а он не был видением! Затаив дыхание, Клэр застыла, но не спешила открыть глаза, боясь того, что на самом деле спит. Что это развеется, как бль, если она пошевелиться.

У нее замерло сердце, когда она вновь ощутила на лице едва осязаемое прикосновение.

Эрик!

Это был он. Никто не мог сейчас лежать рядом с ней и касаться ее так, что переворачивалось всё внутри. И тем более ни от кого не пахло так, как от Эрика. Этот запах она бы не спутала ни с чем!

Лежал... Господи, он действительно лежал рядом с ней! Вернее, ее голова покоилась на его плече, а бедром она была прижата к его бедру. Как такое возможно? Особенно после того, что произошло.

Как он оказался здесь? И почему лежал подле нее? Прислушавшись, Клэр уловила громкие удары капель дождя по крыше экипажа, но продолжала лежать неподвижно, позволяла ему дотрагиваться до себя. Как будто он действительно всё еще желал дотрагиваться до нее. Даже после того, как ушёл от нее два дня назад, оставив сидящую на столе, куда сам же посадил ее.

Клэр не могла, всё равно не могла поверить, что он добровольно пришел к ней. Скорее всего, дождь помешал ему продолжить путь на коне. Но... Но даже если дождь загнал его в карету, что... заставило его снова касаться ее?

Это было... это было волшебно, упоительно, восхитительно. Так сокровенное, что Клэр едва не расплакалась, веря в то, что он даже не захочет взглянуть на нее, не говоря уже о том, чтобы вновь быть рядом с ней.

— Клэр, — слышался его хриплый, невероятно измученный голос. Он продолжал гладить ее по лицу, будто заново изучая черты ее лица. А, возможно, слишком хорошо помня их.

А может он просто пытается разбудить ее? Тогда зачем касается так, что у нее переворачивается сердце?

У нее действительно переворачивалось сердце, а глаза заволокла предательская влага.

И Клэр вдруг поняла, что возможно он касается ее в последний раз. Что бы не привело его к ней, возможно, она в последний раз чувствует его руки, его тепло, его дыхание на своей щеке перед тем, как добраться до Эдинбурга, который так стремительно приближался.

Он был так близко. Подумать только, он лег рядом с ней, положил ее ноги на противоположное сиденье и укрыл одеялом. Чтоб ей было удобно. Милый Эрик, он хотел позаботиться о ней даже, когда понял, что она этого совершенно не заслуживает.

Клэр не открыла глаза. Потому что наконец поняла, что он касается ее только потому, что считает, будто она спит и не видит этого! Не слышит его почти опустошенный голос. Голос, в котором слышались почти те же страдания, которые мучили и ее. Возможно ли такое? Ведь вчера, когда он ушел, она четко видела, как сильно он сожалел о случившемся. И все равно он был сейчас подле нее, а она слишком сильно хотела этого. Боже, он должен был понять, что произошедшее два дня назад — не ошибка. Ему не следовало просить прощения за это.

Это была последняя возможность коснуться его. Клэр не знала, когда они останутся, и останутся ли вообще. Вдруг она снова уснет, а проснется уже в Эдинбурге? Эта мысль напугала ее так, что Клэр на мгновение замерла. А потом снова ощутила на своей щеке ласковые поглаживания его пальцев. Он был так близко, что она до дрожи хорошо чувствовала его дыхание. Он был так близко, что, слегка подавшись вперед, она могла бы коснуться его. Поцеловать в последний раз.

И Клэр не выдержала. Потому что отчаянно верила в то, что найдет способ завоевать его сердце. Потому что сейчас он обнимал её так, будто продолжал нуждаться в ней.

Не думая ни секунды, Клэр подалась вперед, и ее губы тут же оказались прижаты к его губам. Что-то с невыносимой силой взорвалось в груди. Вздвогнув, Клэр всхлипнула и потянулась еще чуточку ближе к нему, когда почувствовала, как он застыл от неожиданности, а потом с ошеломляющей готовностью, накрыв ее щеку своей ладонью, поцеловал ее в ответ. Поцеловал с такой упоительной нежностью, что не осталось сомнений в том, что и он хотел этого. Хотел так же, как и в тот вечер, когда уложил ее на стол в гостиной Алекс.

Хотел так, что даже сейчас, медленно перевернув ее спиной на сиденье, прижался к ней своей тяжелой грудью и углубил поцелуй так, что Клэр стала задыхаться. Подняв руку, она положила ладонь на его щеку, мечтая вновь испытать те невыразимо сильные ощущения, которые он заставил ее ощутить два дня назад. Клэр с готовностью встретила напор его губ, желая подарить ему те упоительные ощущения, которые испытывала сама, чтобы заставить его позабыть все горести и страдания, которые ему некогда причинили.

— Клэр, — вымученно молвил Эрик. Он не собирался делать ничего подобного. Понимал, что не должен поступать так, пока она спит, но когда она прильнула к нему, когда он почувствовал вкус ее губ, вся его многодневная выдержка полетела ко всем чертям. Боже, что он делает! В прошлый раз чуть было не овладел ею на столе, а сейчас она спала! А он!.. — Мы не должны... — пробормотал он больше для себя, чтобы привести себя в чувство, но ее губы дурманили так, что он вновь накрыл их своими.

У него было такое ощущение, будто он уже никогда не сможет прийти в себя. После всего, что было, после тех сложных заключений, к которым ему удалось прийти с такой болезненной обреченностью, Эрик не имел права касаться ее. Он даже не должен был приходить сюда, к ней. Он хотел остановиться в какой-нибудь гостинице, чтобы переждать дождь. Клэр нужно было отдохнуть, но, открыв дверь кареты и увидев, что она спит, Эрик не посмел разбудить ее. И раз она спала, он мог незаметно продолжить путь в карете. Последняя возможность быть какое-то время рядом с ней.

Они были уже совсем недалеко от границы с Шотландией. Черт возьми, сознание этого факта так сильно мучило его, что он забрался в карету и продолжил путь, усевшись рядом с Клэр. Опустив голову к груди и кутаясь в теплую накидку, она съежилась так, будто мерзла. И выглядела при этом такой одинокой, такой хрупкой и беззащитной, что у него дрогнуло сердце. Целых два дня он запрещал себе видеться с ней. Два мучительных дня, которые отделяли его от нее. Она сидела так неудобно, что после пробуждения у нее будет болеть всё тело. А возможно, это был единственный повод, но Эрик придвинулся к ней и, осторожно взяв ее лицо в свои ладони, положил ее голову к себе на плечо.

Когда же она, не понимая, что делает, подалась вперед и коснулась его губ своими, Эрик ошеломленно застыл, а потом подтянулся к ней, потеряв голову от жгучей тоски по ней. Его оглушила ее безотчетная попытка снова коснуться его. Даже во сне. Его затопила

такая безграничная нежность к ней, что он действительно не смог устоять. Тело тут же откликнулось на ее ласку, наполнившись мучительным напряжением. Он так отчаянно хотел ее, что это причиняло боль. Боль оттого, что она никогда не будет принадлежать ему.

— Боже, — беспомощно молвил он, когда она раскрылась настолько, что не оставалось ничего другого, как взять всё то, что она с такой щедростью предлагает. Предлагала, как и в прошлый раз, ничего не требуя в ответ. Девушка, которая подумал сбережь совершенно не пригодный ни на что листочек клевера! Сердце его задрожало от еще большей любви к ней. — Клэр...

Он поражался тому, что можно любить еще сильнее, буквально задыхался от любви. Задыхался и не знал, что ему делать, чтобы удержать ее в своей жизни, сделать то, чего она добровольно никогда не хотела. Но то, как касалась его сейчас, просто парализовало его. Слепо ища хоть какого-то облегчения, Эрик прижался почти окаменевшей частью своего тела к ее бедрам, понимая, что совершает безумие. И тут же услышал, как она застонала.

Замерев и чувствуя неистовые удары своего сердце, Эрик оторвался от нее и поднял голову. И тут же столкнулся с ее невообразимо-огромными потрясающими, наполненными слезами глазами.

Она не спала!

Господи, она не спала и прекрасно знала, что делает! Это так сильно потрясло его, что Эрик тут же попытался отстраниться от нее. Но не смог. Потому что, подняв руки и глядя ему прямо в глаза, она обвила руками его за шею и притянула к себе.

Не позволив пошевелиться.

Не позволяя ему уходить!

Даже после всего, что было!

Господи, она ведь любила другого и не должна была желать обнимать его. Он бы и дальше смотрел на нее, если бы карета резко не остановилась.

Мрачные видения и жуткая перестрелка так живо всплыла в памяти, что Эрик похолодел и решительно приподнялся на руках, прижатых к сиденью по обе стороны от головы Клэр, решив, что снова происходит нечто страшное. Но когда дверца кареты раскрылась и в проеме показалось спокойное лицо Шоу, стало очевидно, что не нападение остановило их.

— Милорд, я... — Шоу застыл, увидев хозяина лежащего на хозяйке, покраснел и тут же исчез, спрятавшись за раскрытой дверью. — Простите, милорд, я не подумал!..

Эрик собирался всё же отстраниться от Клэр и присесть, чтобы потом выйти из кареты.

Но снова не смог пошевелиться. Крепкие объятия Клэр, которая испуганно смотрела на него, не позволили ему это сделать. Ошеломленно взглянув на нее, он услышал ее тихий шепот:

— Не уходи.

У него что-то дрогнуло в груди, а потом Эрику захотелось до предела прижать ее к себе и никогда больше не отпускать. Ведь даже после всего, что он сделал с ее жизнью, она пожелала обнять его и поцеловала так, что у него не осталось больше сил бороться с потребностью в ней. Она обнимала его сейчас так, как будто нуждалась в нем сама. Так, как обняла в то утро, когда он пробудился после ранения.

Пересилив себя, Эрик поднял голову и взглянул на раскрытую дверь.

— Что случилось?

— Милорд, уже темнеет, и нам нужно сделать остановку. Я хотел спросить, куда нам

ехать, ведь здесь недалеко ваше имение, Бедфорд-мэнор...

Эрик застыл, побледнев так, что Клэр было больно смотреть на него. Она догадывалась, что так сильно переменяло его. Он не бывал дома с тех пор, как его захватили «свинги»! Если бы только у нее была хоть какая-то возможность прогнать все его ужасные воспоминания.

— Мы не поедem туда!

Боже, он боялся дома настолько, что, возможно, никогда не решится перешагнуть его порог!

— Здесь недалеко твой дом, а ты не хочешь показать его мне?

Едва дыша, Эрик перевел на Клэр свой потемневший взгляд. И поразился тому, что видел в них: понимание, сожаление, сострадание. Но это было невозможно. Она не могла понять его. И не должна была никогда узнать о том, что с ним произошло. Да и как он мог отвести ее туда, где едва не оборвалась его жизнь! Жизнь, которая ничего не стоила его похитителям и тем более тем, кто всё же принял новый закон. Как он мог отвезти туда Клэр, когда каждая травинка, каждая песчинка хранила такие жуткие воспоминания, что он содрогался от ужаса!

Не в силах больше выносить ее близости, Эрик отстранился от нее и присел рядом, тяжело дыша. Он увидел, как Клэр, последовав его примеру, выпрямилась на сиденье, опуская вниз ноги и укрываясь своей накидкой. Прижав пальцы к переносице, Эрик устало закрыл глаза и покачал головой.

— Мы переночуем в другом месте.

Взглянув на его напряженные плечи, Клэр потянулась и осторожно коснулась его всё еще раненого плеча.

— Я хочу увидеть твой дом.

Он не смог устоять. Все сомнения, все страхи тут же рухнули, потому что Эрик не смог отказать ей. Он лишь надеялся, что справится с ужасом, когда они всё же придут. Ещё и потому, что действительно хотел домой. Туда, где прошло его мирное детство. Где он был когда-то счастлив. Место, которое он когда-то боготворил. Место, которое теперь было проклято.

И только рука Клэр у него на плече дала ему силу произнести следующие слова.

— Поворачивай в Бедфорд-мэнор.

Клэр едва удалось сдержать стон облегчения. И благодарности. Она увидела, как Шоу кивнул и закрыл дверь, но карета не спешила сорваться с места. Потому что не было получено для этого сигнала. Потому что, к ее полному ужасу, Эрик потянулся к двери с намерением уйти.

Понимая, что если отпустит его сейчас, она никогда больше не увидит его, Клэр бросила руку вперед и схватила его за запястье, не позволяя ему убежать от нее. Тем более в таком состоянии.

— Останься.

Он резко обернулся и посмотрел на нее. Глаза его потемнели от неприкрытых страданий, но теперь Клэр не собиралась позволять ему страдать. Она была готова защитить его от всего мира.

— Клэр...

Он смотрел на нее так, будто тонул. Превозмогая боль в горле, Клэр улыбнулась ему сквозь непролитые слезы, понимая, что любит его так, как никогда никого не любила

прежде.

— Останься.

Тяжело дыша, Эрик откинулся на спинку сиденья рядом с ней и стуком кулака по крыше дал Шоу понять, что следует трогаться, а когда карета дернулась и покатила вперед, пришло полное осознание того, что на самом деле происходит. Господи, подавшись сиюминутному импульсу, он собирался вернуться туда! Эта мысль парализовала его так, что вызвала очередное, почти неконтролируемое желание вновь развернуть карету. Как он выдержит это возвращение?

Не представляя, как помочь ему справиться с тем, что почти парализовало его, Клэр взглянула на соседнее сиденье и заметила там его красивую трость, которой он в прошлый раз отбивался от нападавших на них. До этого она еще так пристально не разглядывала ее. Тиковое дерево было обработано искусной рукой мастера, который вывел изумительного дракона по всей длине трости.

— Какая она красивая, — прошептала Клэр, понимая, что только разговором может отвлечь Эрика, и, протянув руку, коснулась холодной шероховатой поверхности, на которой была выведена даже чешуя дракона. — Откуда она у тебя?

Ее вопрос действительно отвлек Эрика, который перевел задумчивый взгляд на свою трость.

Темное гравированное дерево ручной работы было украшено невероятно богатым резным цилиндрическим набалдашником. Позолоченный ободок отделял нижнюю часть от голубой эмали, которая на фоне переливающегося темного дерева приобретала еще более насыщенный цвет, а верхняя часть была украшена рубинами и бриллиантами.

— Трость подарил мне Кит.

— Кит? — спросила Клэр, взглянув на него.

— Кристофер, мой троюродный брат по отцу. Четыре года назад он вернулся из Японии и привез мне подарок. Это не только трость. — Наклонившись, Эрик взял трость одной рукой за голубую эмаль, а другой за горло дракона, дернул и обнажил блестящую тонкую сталь, спрятанную внутри. — Это еще и сабля.

Набалдашник превратился в рукоять невероятно опасного оружия с острым лезвием. Клэр была заморожена.

— Удивительно.

— Сабля сделана из специальной стали. Она очень легкая и невероятно острая. — Голос его дрогнул, когда он тише добавил: — Кристофер обожает мечи, а самурайские мечи — его большая слабость.

Надо же, а Клэр даже не знала, что у него есть двоюродные или троюродные братья. Вернее, она, разумеется, догадывалась о том, что у него много родственников, но они до сих пор ни разу не говорили о своих семьях.

— Ты очень близок с ним?

— Я... — Эрик резко опустил набалдашник, спрятав саблю в ножнах, но не спешил положить на сиденье, а продолжая сжимать ее в своей руке. — Мы были очень дружны, но после его возвращения домой... я его больше не видел. Никто его больше не видел...

Как странно.

— С ним что-то случилось?

— Он... Он живет в Беркшире.

Было в его словах нечто такое, что насторожило Клэр, но вид самого Эрика беспокоил

ее гораздо больше. Она была так благодарна ему за то, что он не ушел, что остался и... и поделился с ней своими мыслями. Ей хотелось снова обнять его, прижаться к его груди и взять на себя хоть часть той тяжести, которая заставила напрягаться его широкие плечи. Клэр с трудом удержалась от того, чтобы не коснуться его снова.

Но не успела заговорить, потому что Эрик опередил ее, пристально глядя на трость.

— Эти камни, — он провел пальцем по инкрустированному драгоценными камнями набалдашнику. По трем рубинам, которые сверкали поверх голубой эмали. — Это остатки разбитого рубина, из которого сделали фамильное кольцо.

Клэр нахмурилась.

— Кольцо? Какое кольцо?

Эрик повернул голову и взглянул ей прямо в глаза.

— Твое обручальное кольцо, которое вместе с этой тростью составляет пару. Кольцо из рубина, который подарил принц Эдуард моему предку за то, что тот спас ему жизнь, когда помогал королю Кастилии. Рубинов было два. Наш разбился во время ограбления пару лет назад, когда бандиты пробрались в резиденцию моего дедушки в Кенте.

Клэр перевела изумленный взгляд на красивую трость.

— А где... где ж второй рубин?

— Инкрустирован в корону Британской Империи.

Боже праведный, и такую реликвию он подумал надеть ей на палец? На палец той, кто не хотела выходить за него замуж?

Его внезапные слова придали ей немного уверенности в том, что у нее был шанс, шанс завоевать его и найти тысячу и один способ, чтобы сделать счастливым его. Как бы чувство вины за всё содеянное не давило на нее, она смотрела в глаза человека, которого не просто любила.

Карета внезапно остановилась. Эрик побледнел, затаив дыхание. Клэр испугалась того, что совершила ошибку, заставив его вернуться туда, где оживут самые его страшные воспоминания.

Испытывая мучительную потребность обнять его, попросить за всё, что сделала ему, она потянулась к нему и сжала его руку в своей ладони, давая понять, что будет рядом с ним, не смотря ни на что.

Ему нужно было вернуться. Ведь это был его дом. Ему, как никому другому, нужны были хорошие, светлые воспоминания. Потому что как бы тяжело ни было ему, дом не был виноват в том, что стал местом страшных событий. И нельзя было позволить плохому отнимать воспоминания о месте, где ты вырос, где прошли самые счастливые мгновения детства.

Мало того, что раны остались на его теле, глубокие раны зияли и в его сердце.

Блестящий политик с негибаемой волей сейчас выглядел так, будто одно упоминание родного дома могло навсегда разрушить его жизнь.

Поэтому Клэр не смогла сдержаться и тихо шепнула ему:

— Я с тобой.

Было еще достаточно светло, когда они прибыли. Прибыли туда, откуда началась его вторая, новая, совершенно пустая жизнь, разоренная трагедией. Которая навсегда бы осталась таковой, если бы не Клэр. Если бы не ее пожатие. И слова, которые не только напугали. Она смотрела на него так, будто что-то знала. И это отрезвило Эрика окончательно, потому что ему следовало немедленно взять себя в руки.

Дождь давно перестал идти, и даже хмурые тучи стали рассеиваться, но Эрик ничего этого не замечал. Едва дыша, он открыл дверь кареты и вышел на улицу. Холодный ветер ударил в лицо, принося с собой до боли знакомые запахи свежей после дождя травы, розовых кустов и чистого воздуха, которым он в детстве не мог надышаться. Вокруг было невероятно тихо. Вдали слышался лай собаки, стук метала о металл, затем всё снова стихло, погрузив их в непроницаемое безмолвие.

Как в безмолвии стоял и большой красивый дом.

Эрик сильнее сжал свою трость, когда его взору предстало большое белое строение с мраморными колоннами и красивыми балюстрадами, обставленными по бокам мраморными цветочными вазами на лестнице, ведущую к высоким двойным дверям из тяжелого дуба. Дом, который он обожал и который не покидал, даже когда отец перебрался в имение маркиза, оставив уже повзрослевшего тогда Эрика в его собственном законном по правилам наследования доме. Дом, который чуть было не разрушили в начале марта... С тех пор прошло уже три месяца, но тот день был выжжен у него в мозгу до самой последней детали.

Клэр последовала за ним, боясь оставить его одного, но, едва выйдя, она тоже замерла при виде внушительного, грандиозного здания. У Клэр перехватило дыхание от восхищения. Такой красивый, окружённый высокими густыми осинами, вязами и дубами, которые окружали дом со всех сторон так, что он казался жемчужиной этого края, спрятанной драгоценностью, которую доводилось видеть не каждому. Это не походило на руины, которые она ожидала здесь увидеть!

Лишь фонтан перед домом был разрушен. Всё остальное было цело!

Как здесь могло всё уцелеть, если на дом напали, многое разрушили и чуть было не подожгли? Клэр, вероятно, как и Эрик, не понимала этого. До тех пор, пока тяжелые двери не распахнулись. Из дома выскочил высокий мужчина лет шестидесяти в бело-красной ливрее, расшитой золотистой бахромой, и устремился прямо к ним, почти перепрыгивая по широким ступеням каменной лестницы. Когда мужчина подошел, Клэр увидела, что он плачет и даже не пытается этого скрыть. Мужчина остановился перед ними и потрясенно смотрел на Эрика.

— Милорд? — изумленно прошептал он, прижав руку к губам. Его седые волосы были взлохмачены от сильного порыва ветра, но он не обратил на это внимания. — Боже правый, это вы!

За его спиной показалась женщина чуть моложе, в белом фартуке и такими же мокрыми глазами.

— Боже, милорд, это вы! — прошептала она с тем же потрясением.

И только тогда Клэр поняла, что это его слуги, возможно, дворецкий и экономка, которые впервые видели Эрика после плена.

— Мистер Сандерс, — с трудом произнес Эрик, глядя на дворецкого, ощущая

глубочайшую вину за то, что им пришлось пережить по его неосторожности.

В глазах прислуги не было и грамма осуждения. Дворецкий покачал головой, заплакав еще сильнее. Слезы, в которых непонятно чего было больше: радости от того, что хозяин вернулся или горя от того, что с ним произошло.

— Боже, это действительно вы! — Всё же его голос прозвучал с облегчением. — Какое счастье, что вы вернулись! Как я рад вас видеть!

Экономка, тоже счастливая тем, что хозяин вернулся, не помня себя, шагнула вперед, вероятно, собираясь обнять его. Эрик застыл, готовый сделать шаг назад и выставить руку, чтобы предотвратить непоправимое, но ему не пришлось ничего предпринять. Охваченная жгучим желанием во что бы то ни стало защитить и уберечь его от всего, Клэр, шагнула вперед и встала между ним и экономкой.

Между ним и миром, который мог обидеть его.

— Добрый день, — проговорила она, внезапно улыбнувшись так тепло, что могла бы растопить даже каменное сердце. — Вы, вероятно, миссис Сандерс, я права?

Экономка застыла и с еще большим потрясением перевела взгляд на Клэр.

— А вы... вы наша миледи? — спросила она, как громом пораженная.

Улыбка Клэр стала шире. В груди у Эрика стало теснее.

— Да, я... — она обернулась и с такой же лучистой улыбкой, которая могла бы осветить даже крошечный мрак, посмотрела на него, без слов давая понять, что именно ему следует представить ее.

Эрик все смотрел на нее, не в состоянии пошевелиться. Боль на мгновение отступила, и он увидел невероятное тепло ее глаз. Даже после того, как две ночи назад набросился на нее и усадил на стол. Сердце его на этот раз сжалось от мучительной любви к ней. Оттого, что она до сих пор желала стоять рядом с ним. Он не должен был привозить ее сюда, потому что ей не нужно было видеть это место, знакомиться с его слугами, ведь совсем скоро она исчезнет из его жизни. Ему не нужно было привозить ее сюда, чтобы потом не ходить около каждого кустика, рядом с которым ходила она. Как он сможет жить дальше с воспоминаниями, которые она оставит здесь?

— Милая, — заговорил он, с трудом дыша, — позволь представить тебе миссис Гилберт — это наша экономка, а это мистер Сандерс — наш дворецкий.

Глаза ее засияли еще ярче, но он так и не понял, от слова «милая» или «наши». Он видел, как Клэр тепло приветствует потрясенных экономку и дворецкого, которые вероятно не могли поверить в то, что он, мало того что живой, но еще и вздумал приехать сюда с женой. Что он женился после того, что произошло. Вот и он, стоя там, где его жизнь чуть было не оборвалась, не мог поверить в то, что действительно женился. И что вернулся.

Отойдя от жены, он снова взглянул на дом. Дом, который чуть не сгорел. Он точно помнил, как были поломаны двери и выбиты почти все окна на первом этаже. Он слишком хорошо помнил, какое разрушение царило в доме, пока его волокли на улицу. Его ударили по голове так, что он не мог двигаться, чем и воспользовались нападавшие. Эрик взглянул на фонтан и содрогнулся от ужаса, боясь увидеть там лужи крови. Потому что именно там разверзлась самая жуткая сцена, которую он никак не мог забыть. Его слуги, ни в чем не повинные люди... их тащили на улицу и отрубали головы прямо перед ним, требуя написать письмо, но когда Эрик потерял сознание, и стало очевидно, что он ничего не сделает, его увезли. И держали в глухом, сыром подвале до тех пор, пока ему каким-то чудом не удалось сбежать.

Его попытки спасти страну и привести её к процветанию оказались уродливой ложью, потому что ради тех, за кого он боролся, кого хотел спасти, были готовы убить его и убили множество невинных людей, чтобы добиться того же, заботясь лишь о собственной выгоде. Им было неважно, как достигать цели, которая оправдывала, по их мнению, любые средства. И вот таким людям закон теперь дал полную власть решать будущее страны. Обожаемое дело, которым он занимался всю свою жизнь, принесло ему такое горькое разочарование, что он не мог помыслить вернуться к нему. Эрик задыхался, всё еще слыша крики слуг, которые пали жертвой гнусных обстоятельств.

Ноги подкашивались, голова кружилась так, что он мог в любой момент упасть. Преодолевая слабость, он подошел к разбитому фонтану. Сердце колотилось так быстро, что могло выпрыгнуть из груди. Эрик продолжал смотреть на фонтан, единственное, что напоминало о нападении на дом. Вода в фонтане была чистая и прозрачная, и там отражалось предзакатное небо и высокие колонны дома.

И Клэр, возникшая рядом. Эрик резко повернулся.

Прижимая руками края накидки, которую накинута на свои плечи, Клэр с беспокойством смотрела на него.

— Как твое плечо?

Удивительно, но она продолжала волноваться за него, хоть он и сделал всё возможное, чтобы она перестала думать о нем. Эрик всё смотрел ей в глаза, не представляя, что сказать. Не представляя, откуда взял силы, чтобы приехать сюда. И привезти сюда ее.

Его молчание причиняло ей боль, он видел это по ее глазам, и всё же она с удивительным мужеством приняла его отказ отвечать на простой вопрос.

— Что за фонтан здесь был? — спросила она, поежившись.

Не от холода, Эрик был уверен. В ней было нечто такое, что насторожило его. А потом Эрик понял, что это было. Ее не смутило то, что фонтан разбит. Будто она предвидела это, будто понимала, что все это могло означать. Но откуда? Она ведь не могла знать! Она не должна была знать о том, что здесь произошло! Это было слишком омерзительно, чтобы даже коснуться ее. Он леденел от ужаса того, что она могла хоть что-то знать. И все же, глядя в ее сверкающие, темно-золотистые глаза, он все больше укреплялся мыслью, что ей что-то известно.

— Ты что-то знаешь? — спросил он, пристально глядя на нее. И когда она даже не нахмурилась от его вопроса, Эрик почувствовал, как задыхается. От самого настоящего ужаса. — Боже, — прошептал он, проведя рукой по волосам дрожащей рукой. — Что ты знаешь? Откуда ты что-то можешь знать?!

Внезапно Эрик вспомнил, что она видела его шрамы, но так никогда и не спрашивала о причинах их появления. Шрамы, которые не пугали ее даже после его пробуждения, потому что она продолжала с прежней заботой ухаживать за ним.

Она вновь поежилась и опустила голову.

— Я... я читала в газетах.

Честный ответ потряс и внезапно разозлил его. Черт побери, но она ни при каких обстоятельствах не должна была знать о его прошлом!

— В каких газетах? — прорычал он, нависнув над ней. Не ведая того, что может напугать ее своим бешеным видом. Сходя с ума при мысли о том, что она действительно знает о нападении.

Однако она не испугалась, а лишь выше подняла голову и с ошеломляющей смелостью

посмотрела ему прямо в глаза.

— В самых обычных газетах, где говорилось об исчезновении сына маркиза Ричмонда.

Как? Как к ней попали эти отвратительные, пропитанные враньем и фальшью газеты? Боже, неужели она действительно знала? Знала и о мадам Бова! Знала то, что ввергало его в еще больший ужас.

— Газеты ничего не знают!

Она печально вздохнула и мягко посмотрела на него.

— Правда, — молвила Клэр, тревожась за него, а потом подалась вперед и, подняв руку, положила ладонь на его грудь. — И я почти ничего не знаю, но я бы хотела... очень... хотела бы знать.

Он боялся, когда она разговаривала с ним так. С такой мольбой, что у него сжималось всё внутри. И внезапно Эрик понял, что никто из его окружения и семьи, всего несколько человек, которые знали правду, никогда не давали интервью газетчикам. Клэр не могла знать об этом происшествии только лишь из газет!

— Никогда в жизни, — вымученно проговорил он, зная совершенно точно, что не вынесет, если она узнает обо всём. Она хотела сказать ему что-то еще, но с удивительной готовностью приняла и этот его отказ. И ее рука на его груди... Он не мог понять, что она делает. Почему целует его, когда ее ждал другой? С какой стати заботится о нем и ищет информацию о его прошлом, если никогда бы не вышла за него добровольно? Теперь он боялся, когда она касалась его, когда просила о чем-то... Внезапно подозрение охватило его. О том, что не давало ему покоя. То, что он никак не мог забыть. То, откуда на самом деле она могла что-то знать, ведь маркиз Куинсберри заверил его в том, что Клэр ничего не знает о его плене. — Ты была в моей комнате, когда я разговаривал с Тони!

Он не спрашивал об этом, а лишь констатировал факт, а потом, когда увидел, как виновато порозовели ее щеки, и она быстро убрала свою руку, его прошиб холодный пот.

— Боже, Клэр, — выдохнул он, глядя на ее застывший профиль, когда она отвернула лицо к фонтану. — Ты подслушивала!

И вновь она с присущей только ей смелостью взглянула на него.

— Я сидела там, когда пришел Тони. — Клэр сжала руки и опустила голову, не в силах смотреть на него. Ей было больно видеть, как вся эта ситуация действует на него. И, хоть ее ранило то, что он не собирался ничего рассказывать ей, она не имела права винить его за это. К тому же она не могла позволить, чтобы он считал, будто она специально подслушивала. — Вернее, я заснула и не слышала, как он пришёл.

Эрик удивлённо смотрел на нее.

— Заснула? Почему ты не ушла к себе? — Она ведь ухаживала за ним целых три дня и ночи, не отходя от него. — Ты должна была отдыхать!

Опустив края накидки, она сжала руки перед собой, но потом вновь вскинула голову, поворачиваясь к нему. Потому что ей выпал небольшой шанс попытаться исправить то, что она наделала. То, что ей было так необходимо.

— Я не могла оставить тебя одного без присмотра в первую же ночь после пробуждения, — призналась она спокойным, ровным голосом.

У Эрика было такое ощущение, будто невидимая сила сбила его с ног, потому что от ее слов подкосились ноги, и он едва не упал.

— Клэр... — выдохнул он, обнаружив, что снова тонет в ее глазах.

Стоя посреди двора с накинутой на плечи темно-синей накидкой и простой прической,

которая слегка сбилась еще в карете, она походила на волшебное видение, заветную мечту, которая воплотилась в реальность и могла бы принадлежать ему. Которая еще недавно позволяла ему целовать себя так, будто это было самое замечательное, что происходило с ней.

Внезапно что-то сильное сжало ему сердце, и, поддавшись необъяснимому порыву, Эрик тихо выпалил:

— Я знаю, что ты хранишь в биографии Сальери.

Она застыла, как вкопанная. Эрик в ожидании гадал, подтвердит ли она то, что это тот самый листок, или скажет, что это совсем не то, о чем он подумал?

Клэр встрепенулась, отвернула порозовевшее лицо и едва слышно спросила:

— Откуда... откуда ты узнал?

В голосе ее не было упрека или недовольства. Она была так же потрясена тем, что он обнаружил, как и Эрик, когда увидел листочек клевера.

Пристально глядя на нее, он сделал шаг к ней, позабыв обо все на свете.

— Ты забыла свою книгу в моей комнате, на диване. Где, вероятно, и сидела в ту ночь, когда мы с Тони не заметили тебя.

Она не могла пошевелиться. Клэр сама до сих пор не понимала, почему сохранила листок, но сейчас даже представить себе не могла, чтобы у нее не было этого листочка.

— Понятно, — прошептала, наконец, Клэр.

Он подошел к ней так близко, что она вновь ощутила запах сандалового дерева и специй, но не могла заставить себя взглянуть на него, боясь выдать все свои чувства. Чувства, в которые он никогда не поверит.

— Почему ты это сделала?

Клэр на миг прикрыла глаза. Ей вновь выпала удивительная возможность исправить еще одну ошибку, которую она совершала в прошлом. Как она могла не воспользоваться ею?

Эрик прирос к земле, когда Клэр медленно повернула к нему свое ошеломляюще красивое лицо, скользнула рукой по его груди, точно опустив ладонь на то место, где находился внутренний карман сюртука, и произнесла слова, которые едва не сокрушили его.

— По той же причине, по которой и ты до сих пор хранишь кое-что в своем нагрудном кармане. — Она сделала глубокий вдох и добавила: — Я знаю, что лежит у тебя в блокноте.

Голос ее пробирал насквозь, не оставлял ни одного места, куда бы не проникло ее признание. И хоть Эрик догадывался о том, что она узнала об этом в день нападения, когда стала ухаживать за ним, он не предполагал, что это будет так важно для нее.

Эрик ошеломленно смотрел, как она подхватывает подол своих юбок и накидки, разворачивается и уходит к дворецкому и экономке, которые ждали ее у подножья лестницы, а затем и увели в дом. У него так сильно колотилось сердце, что он не мог дышать. Не мог забыть того, что она сказала. Ее признание лишало его последних сил самоконтроля. Глядя на то, как уверенно она шагает, входя в дубовые двери, Эрик почувствовал, как перехватывает в горле.

Без нее он действительно не мог дышать. Без нее он ни за что бы не приехал сюда. Никогда бы не сделал того, на что был готов, когда она была рядом с ним.

«Если Клэр стояла того, чтобы жениться на ней, разве не стоит ради нее пройти еще один круг ада?»

На одно короткое мгновение Эрик подумал о том, что это возможно. Что у него есть право бороться за нее, даже если это будет борьба с ее сердцем, но черт возьми, как он

собирался бороться с тем, что сам же разбил?

В ней что-то изменилось, и эта перемена внушала ему настоящий ужас, ведь совсем скоро она должна будет оставить его. Он не должен был цепляться за ее признание, и всё же он цеплялась так, будто мог погибнуть без этого.

* * *

Оказалось, что почти всё было тщательнейшим образом восстановлено по велению его отца, пока Эрика не было. Войдя в дом, он смотрел на заново вставленные окна и двери, новые гобелены, которые висели на высоких стенах, заново отполированные рыцарские доспехи, которые стояли в прихожей, и гадал, почему вид всего этого не ввергает его в ужас и отчаяние. Ведь всё это должно было напомнить о самых мрачных минутах его жизни. Но стоило ему повернуть голову и увидеть Клэр, которая разговаривала с его прислугой, с новыми людьми, которых он прежде здесь не видел, и которых, вероятно, наняли на место погибших, как грудь снова сдавливала мучительная боль.

«Ты бы спас их, если бы смог, сын, я знаю тебя. Тогда тебе самому нужна была помощь. Не вини себя за то, что было не в твоей власти...» — в памяти всплыли слова отца, сказанные ему в первые дни после возвращения. Тогда Эрик даже не знал, что сможет когда-нибудь смириться с этой мыслью, но отец был прав. Он бы отдал все на свете, чтобы оградить своих людей от тех бед, но прошлого уже не вернуть. Он мог бы попытаться сблечь то, что у него осталось.

И Клэр... у него болело сердце от благодарности к ней за то, как легко она нашла общий язык с их... его слугами, как проходила по дому, оставляя за собой шлейф неповторимого аромата ландышей. Спасала его почти так же, как в ту ночь, когда подумала обнять его в своей комнате, чтобы вытащить его из мрака.

Когда Клэр обернулась, Эрик вдруг обнаружил, что она сняла с себя накидку. Накидка, которая больше не скрывала ее. И ее вид... Эрика был потрясен до глубины души. У него перехватило дыхание, когда она перевела на него свой чарующий взгляд, а потом улыбнулась. Мягко, свободно, с такой неиссякаемой нежностью, что было даже больно дышать.

Продолжая улыбаться, она направилась к нему, не ведая того, как при этом выглядит. А выглядела она... просто потрясающе!

На ней было новое платье!

Не пышное, но из тончайшего муслина персикового цвета, которое облегалo стройные изгибы ее тела, словно вторая кожа. Вырез платья... Боже, это было трудно назвать даже вырезом, потому что ее грудь, округлая, приподнятая тугим корсетом была видна так хорошо, что Эрик не мог перестать смотреть на притягательную ложбинку, к которой испытал почти оглушительное желание прикоснуться губами. Плечи были оголены, короткие рукава едва прикрывали изящные длинные руки. Красная лента, подхваченная под грудью и обозначив узкую талию, мягкой волной падала ей на бедра, которые покачивались такт движениям по мере того, как она приближалась.

Никогда прежде он не видел ее такой красивой. Даже в доме ее дяди, куда пришёл, чтобы услышать, как она играет. С тех пор она очень переменилась. В ней появилась

уверенность, а не нерешительность, зрелость, а не девичья робость. Перед ним остановилась девушка, которая в сотый раз переворачивала его мир. Мир, который, громяхая, обрушивался вокруг, а она даже не слышала этого.

— А теперь прошу тебя, покажи мне... дом, — попросила она, продолжая улыбаться.

Он не мог поверить в то, что это та самая девушка, которая умоляла его взять свое предложение обратно, потому что любила другого.

«Я знаю, что ты хранишь в своем блокноте».

Он был уверен, что если сейчас не коснется ее, то просто задохнется. Перед ним действительно стояла совсем другая девушка, к которой он тут же потянулся, но она не накрыла его пальцы своей ладонью, как он ожидал. Вместо этого она просунула под его локоть свою руку, накрыла другой рукой его пальцы и прижалась к нему.

Господи!

Эрик боялся дышать, потому что... даже чувствовал очертание ее бедра, прижатое к его бедру. Едва ощущая обезумевшие удары своего сердца, Эрик повел ее сперва по всем комнатам первого этажа, открывая перед ней двери библиотеки, кабинета и множества гостиных, затем поднялся на второй этаж и показал ей большую бальную залу, которую он никогда прежде не использовал по назначению.

Ее присутствие помогало ему не вспоминать то, что произошло в доме три месяца назад, что хранилось за каждым поворотом в коридорах. Он был бесконечно благодарен ей за то, что она сжимала его руку так, что он не слышал крики своих слуг, которые умирали у него на глазах.

— Ты вырос здесь или дом достался тебе после совершеннолетия? — внезапно спросила Клэр, идя рядом с ним по длинным коридорам второго этажа, когда почувствовала, как он внезапно напрягся, взглянув на небольшую нишу в стене, на которой должна была висеть картина. Но там не было картины. Была лишь пустота, оставленная после нападения на дом.

Уже стемнело. Слуги зажгли почти все лампы и свечи для того, чтобы хозяин смог показать хозяйке дом. И он видел, непривычно хорошо видел то, что никогда не мог забыть. На мгновение покачав головой, Эрик отвернул от стены свое слегка бледное лицо, но все же смог ответить ей.

— Я родился здесь.

— А твои братья и сестра?

— Они тоже родились здесь, — медленно ответил Эрик, обнаружив, что каким-то чудом может говорить об этом. О тех временах, когда счастье не было вымыслом или фантазией. — Мой дедушка, если помнишь, герцог Рочерстерский, слава Богу, до сих пор жив и проживает в своей резиденции в Кенте. По принципу младших подчиненных титулов отцу достался его второй титул, маркиза Ричмондского, это титул учтивости, вместе с которым он получил в свое пользование имение в Гемпшире, а я — как старший сын маркиза и внук герцога, взял себе третий титул деда, потому что мой отец еще не обладает титулом наследника.

Клэр неожиданно остановилась и внимательно посмотрела на него.

— Никогда не думала об этом. Нас всегда учили запоминать только титулы, чтобы правильно обращаться к тем или иным пэрам согласно их рангу, а оказывается намного интереснее изучать суть происхождения титулов.

Эрик тоже остановился и повернулся к ней. И снова у него перехватило дыхание от того, что он видел. Что заставляло его позабыть обо всем на свете. Мягкий приглушенный

свет свечей падал на нее, позолотив идеально гладкую кожу, к которой хотелось немедленно прикоснуться.

— Да, — пробормотал он и вновь стал свидетелем невообразимо чарующей, потрясающей улыбки, которой она решила одарить его в пустом коридоре.

— Определенно здесь не обошлось без твоей любви к истории.

Эрик не мог пошевелиться, не мог перестать смотреть на нее.

— Да.

Она не переставала улыбаться, когда спросила:

— Спорим, ты знаешь, в каком году был учрежден титул герцога?

Он не смог устоять. Как не мог сделать и до этого. Покоренный ею навечно, Эрик сам улыбнулся, чувствуя сильнейшее головокружение.

— В 1337 году, — хрипло, но решительно ответил он.

— Я даже не стану спрашивать, в каком году учредили титул маркиза.

— В 1385-м году.

Она в притворном ужасе махнула рукой.

— Да брось, ты ведь не можешь знать, в каком году был учрежден самый древний из титулов? Кажется, это титул барона? Ведь сам Вильгельм Завоеватель одаривал своих вассалов угодьями и титулами барона.

Он не представлял, что она делает, но и она, вероятно, не представляла, что делает с ним. Потому что одна ее улыбка прогнала сотни воспоминаний, которые он не мог прогнать даже ценой собственной жизни.

— Титул графа — самый древний, им стали называть дворян с 801 года.

Она пристально смотрела на него. Глаза ее сверкали восхищением и даже гордостью. Клэр снова покачала головой и на мгновение прижала руку к губам.

— Мне нравится, как ты поправляешь меня.

«Боже правый, я люблю тебя!» — беспомощно подумал Эрик, испытывая непреодолимое желание подойти и коснуться ее. Но не посмел, зная совершенно точно, что потеряет голову, как это произошло в карете.

— И все же, как так получилось, что твой отец, имея свой собственный дом, жил и вырастил вас в доме, который предназначался его старшему сыну?

Эрик изо всех сил старался не смотреть на ее губы, которым она вновь коснулась пальцами.

— Мама... мама всегда говорила, что у этого дома особая аура и что здесь воздух чище.

Она снова улыбнулась и внезапно шагнула к нему. Эрик не представлял, с какой стати она затеяла этот странный разговор, но был уверен, что если она еще хоть немного подойдет к нему, он с вероятностью в сто процентов потеряет голову.

— А тебе нравилось здесь жить?

Она сделала еще два шага в его сторону. Сердце его стало биться на два удара быстрее.

— Очень.

— А что тебе нравится больше?

То, как она медленно приближалась к нему. Как улыбалась, как смотрела...

— Как мы бегали по коридорам.

— А часто вы падали с той широкой лестницы, которая ведет на второй этаж?

Он мог прямо сейчас упасть перед ней от сильнейшего головокружения. Еще и потому, что тут же уловил запах ее духов.

— Чаше, чем нам бы хотелось.

— А где вы любили прятаться в доме? Где это любил делать ты?

Она остановилась в шаге от него, продолжая так же свободно улыбаться. Будто ее ничего не тяготило.

— Под... под лестницей.

— А еще?

Эрик изо всех сил старался сохранить ясность ума, но чем больше смотрел в ее глаза, тем труднее было вспомнить о том, где они находятся.

— На чердаке.

Ее улыбка стала загадочной, а потом она одобряюще кивнула.

— В доме, в котором вырос, вероятно, трудно найти самое любимое место.

И внезапно он понял, что она делает! Понял то, что потрясло его до глубины души.

«Тебе следует запомнить что-то приятное, чтобы сгладить неприятное».

Боже, она делала именно это: пыталась хорошими воспоминаниями из прошлого сгладить мрачные воспоминания того, что здесь произошло три месяца назад! Пробиралась по забытым закоулкам его сознания и доставала те самые воспоминания, которые могли прогнать видения трехмесячной давности! Эрик и не предполагал, что сможет любить ее сильнее, но сейчас задыхался от невыносимой любви к ней.

Благодарный ей за каждую попытку спасти его, он захотел сделать ответный дар. Захотел показать то, что не собирался показывать никогда. Что не должен был показывать, но сейчас не сделать этого было бы просто невозможно. Протянув вперед руку, Эрик мягко взял ее ладонь в свою. Она вздрогнула, но не отпустила его.

— Пойдем со мной.

Развернувшись, он подвел Клэр к широким дверям комнаты в левом крыле, за которыми скрывалась спальня хозяйки, его жены. Возможно, он совершил ошибку, привезя ее сюда, но теперь не мог остановиться. Раскрыв двери перед ней, Эрик отошел в сторону, чтобы пропустить ее.

Не подозревая ни о чем, Клэр взглянула внутрь и вошла, чувствуя какую-то необъяснимую эйфорию от того, что происходило. От того, что ей удалось вызвать улыбку Эрика даже тогда, когда всё казалось почти безнадежным. Даже тогда, когда она и не надеялась утешить, отвлечь его от плохих воспоминаний. Бледный и напряженный, он казался неприступным до тех пор, пока в очередной раз не явил ей силу своего нестигаемого духа, который, однако, не смог устоять перед ее собственной улыбкой. Клэр и не думала, что ее улыбка может иметь такую власть над ним, но чуть не заплакала от счастья, когда увидела, как он улыбается ей в ответ. Мягко, нежно, с какой-то пугающей грустью, в которой уже не было боли.

Шагая рядом с ним и изучая многочисленные комнаты, Клэр ощутила странное чувство, будто вернулась домой. Дом, который она и не надеялась когда-нибудь обрести. Дом Эрика понравился ей настолько, что она уже представляла, что и как будет здесь переставлять. Она даже подмечала мебель, которую стоило слегка передвинуть в другую сторону для лучшего эффекта. Всё это захватило ее настолько, что она позабыла о том, что совсем скоро ей придется покинуть это место. Было важно лишь то, что Эрик рядом. И что весь остальной мир остался где-то далеко позади. Здесь ничто не могло потревожить их. Здесь действительно всё было особенным.

Поразительно, еще совсем недавно она считала, что ее жизнь разрушена, а теперь

понимала, что более правильного пути просто быть не могло. Господи, неужели у нее была возможность исправить всё содеянное и хоть как-то заставить его поверить в то, что она любит его? По-настоящему любит!

И вот теперь он привел ее в грандиозную, невероятных размеров гостиную, которая плавно перетекала в спальню. Но не богатое убранство или красота апартаментов поразили ее.

Посреди комнаты стоял удивительно красивый белый на трех ножках рояль с открытой крышкой!

Клэр замерла от восхищения.

— О, — прошептала она, сперва не веря своим глазам, а потом медленно подошла к роялю и коснулась холодной гладко отполированной поверхности инструмента. Такого красивого, что захватывало дух. — Какой... Он прекрасен!

Подняв голову, Клэр посмотрела на застывшего у порога Эрика, который внимательно наблюдал за ней. И внезапно поняла, что этого рояля здесь раньше не было.

— Тебе нравится? — спросил он, прислонившись плечом к косяку двери и скрестив руки на широкой груди.

Клэр была рада тому, что его рана заживала, так что уже почти не было нужды менять повязки. Ничто теперь не стесняло его движений, от которых напряженные мышцы обозначились под натянутой тканью сюртука. Он полностью пришел в себя после ранения. И всё же, сейчас ее захватило нечто совсем другое.

— Очень, — проговорила она, проведя рукой по крышке, под которой скрывались клавиши. — Откуда он здесь?

Он все смотрел на нее, тревожа ей душу, заставляя задыхаться от силы своего взгляда. Его серо-голубые глаза потемнели, он не пошевелился, продолжая наблюдать за ней.

— Я заказывал его для тебя.

Вероятно, из Вены. Когда купил еще и билеты. Но никогда не собирался рассказывать ей об этом. Как и о том, что купил ей рояль. Боже, она бы никогда не узнала об этом, если бы не заставила его приехать сюда! Внезапно ее охватило не только желание подойти и обнять его, а потом и поцеловать за то, что он все же показал ей рояль, который купил для нее. Купил ей рояль тогда, когда ненавидел музыку, находил тысячу способов, чтобы сделать ее счастливой.

Ей было больно дышать, больно смотреть на него, потому что ее снова охватило отчаяние и сомнения. Клэр ужасно надеялась, что и ей когда-нибудь удастся найти хоть несколько способов, чтобы сделать счастливым и его. И признаться ему в том, во что он должен был непременно поверить.

Господи, он обязан был поверить ей, потому что она уже не могла вместить в себе всю ту любовь, которую испытывала к нему!

— Спасибо, — прошептала Клэр глухим голосом. — Ты позволишь мне сыграть на нем? *«Боюсь представить день, когда она надолго уедет от меня».*

Глядя сейчас на это очаровательное видение в полумраке комнаты, Эрик понимал, что не просто боится дня, когда уйдет Клэр. Леденящий ком, возникший в груди, угрожал раздавить его своей тяжестью и свирепой силой. И самое ужасное заключалось в том, что он прекрасно знал, что не станет сопротивляться этому.

С трудом владея собой, Эрик опустил руку и выпрямился.

— Он — твой.

«Твой» даже тогда, когда они и не собирались приезжать сюда.

Впервые в жизни Клэр понимала, что можно задохнуться от любви к кому-то. По-настоящему. Обогнув рояль на дрожащих ногах, она устроилась перед ним на удобном мягком стуле и подняла крышку. Но впервые в жизни не могла собраться с мыслями, чтобы сыграть. У нее было такое ощущение, будто она забыла все ноты.

Внезапно вскинув голову, Клэр в очередной раз посмотрела на Эрика.

— Ты знаешь, какой сегодня день?

Он по-прежнему стоял у порога, не решаясь войти.

— Какой?

Она улыбнулась, понимая, что он лукавит. Клэр могла поклясться, что он помнит абсолютно всё. Всё, что было связано с ней.

— Сегодня ровно месяц с тех пор, как ты пришел на музыкальный вечер моего дяди и пригласил меня на танец.

Воспоминания мгновенно охватили ее, напомнив ей высокого, серьезного, сосредоточенного мужчину, который направлялся к ней через всю толпу. И изменил всю ее жизнь.

— Когда ты призналась, что любишь лазить по деревьям?

Клэр кивнула, ощущая болезненный удар своего сердца, когда он медленно улыбнулся ей.

— Да, и спасенная Дори служит тому явным доказательством, разве нет?

Его улыбка не погасла, а стала шире. И в какой-то момент Клэр поняла, что если он еще чуть дольше будет это делать, она на самом деле не сможет устоять, подойдет и непременно поцелует его.

— Мне кажется, она никогда не забудет тот день, — признался Эрик, покачав головой. А потом сделал шаг назад и, став абсолютно серьезным, тихо добавил: — Как и я.

В комнате повисло какое-то странное молчание. Клэр не хотела молчания. Она хотела встать и подойти к нему. Хотела сказать, как много значит для нее его подарок, каждый подарок, который он с такой щедростью преподносил ей. Она не могла больше молчать. Боже, каждая секунда была на счету, и пусть она не представляла, как заговорит, как убедит его в том, что любит его, она была уверена, что сможет заставить его понять себя! Потому что от этого зависела вся ее жизнь. И его жизнь тоже.

Всё же встав и намереваясь заговорить, Клэр была прервана тихим, почти бесцветным голосом Эрика, который отошел от двери.

— Отдыхай, завтра мы выедем рано. Спокойной ночи.

Сказав это, он развернулся и быстро ушел, прикрыв дверь.

Первым ее желанием было немедленно броситься за ним и вернуть его обратно, потому что то, что он уходил, было неправильно. Особенно после всего того, что они разделили друг с другом сегодня. После двух дней оцепенения, когда на нее снизошла малая толика надежды.

Но едва он ушел, создавалось ощущение, будто он забрал последние крохи надежды, не оставив ей ни малейшей возможности достучаться до его сердца.

Клэр обессиленно опустилась на стул и прикрыла глаза, пытаясь сдержать отчаянные слезы, подступившие к горлу.

«Я знаю, что ты хранишь в биографии Сальери».

Господи, он вновь подарил ей свои тайны, показал рояль, который купил ее, но

развернулся и ушёл так, будто у них не было ничего общего.

Клэр не смогла удержать одинокую слезинку, которая все же покатилась по щеке.

Он ни за что добровольно не примет ее. Потому что в прошлом она сделала всевозможное, чтобы он отказался от нее. Чтобы не поверил ей.

Ее охватил безумный страх. Страх того, что она могла окончательно потерять его. Однажды она уже чуть было не потеряла его, прекрасно зная разрушающие чувства, которые не могла пережить вновь. Клэр не представляла, что с ней будет, если она действительно потеряет его. Без права претендовать на его сердце.

И один Бог знает, что ей нужно сделать, чтобы завоевать его доверие. И его любовь.

Стояла глубокая тихая ночь. Невероятно тихая. Только приглушённое стрекотание цикад поддерживало монотонность окружавшего мир безмолвия, наполняя всё странным очарованием, которому невозможно было не поддаться.

На бархатном черном небе сверкали почти как драгоценности россыпи множества мелких и крупных звёзд. Круглоликая луна, занимая в небе свое законное место, медленно катилась по ней, погружая всю округу в мерцание хрупкого света. Широкие долины, холмы и возвышенности с высокими дубами и вязами утопали в серебристом свете луны.

Закрыв на мгновение глаза, Эрик вдохнул ночной воздух, чистый, благоухающий. Самый особенный воздух, который был не похож ни на что. Который всегда напоминал ему о родном доме.

Да, это был его дом. Дом, в котором он вырос, место, в котором он когда-то был счастлив. Место, которое с детства казалось самым безопасным на земле. Он обожал эти места, этот дом, этот воздух. Эрик знал, что вырастет и состарится здесь. И возможно даже умрет здесь. Его похоронят на фамильном кладбище возле небольшой часовни, которая находилась в миле от Бедфорд-мэнора. Там, где покоились все его предки.

Это место действительно было особенным.

До тех пор, пока три месяца назад не произошло то, что навсегда перечеркнуло его жизнь.

Открыв глаза, Эрик взглянул на разбитый фонтан. Единственное напоминание о том, что произошло. Он боялся посмотреть туда, потому что знал, что жуткие воспоминания непременно овладеют им. Заставят его содрогнуться от ужаса. Но единственное, что он вспомнил, это то, как там стояла Клэр. В умопомрачительном наряде, который тогда еще прикрывала накидка, и призналась в том, что знает и о его секрете... Господи, откуда она взяла это платье? Платье, в котором она была так божественно хороша, что он не мог думать ни о чем, кроме нее.

И он действительно не мог думать ни о чем, кроме нее. Даже когда прогуливался по дому. Невероятно, но ей удалось сделать то, что не мог бы сделать никто другой. Каждой своей улыбкой, голосом и многочисленными вопросами, жестом головы и покачиванием бедер она заменила собой почти все те воспоминания, которые могли бы свести его с ума.

Эрик был вынужден признать, что она смыла с его души даже воспоминания о прошлом, заменив их счастливыми мгновениями из детства и собой. Только благодаря ей он смог остаться, мог теперь сидеть на ступенях широкой лестницы и смотреть на распростертую перед ним округу, не боясь ничего.

Клэр, его жена, его защита, сила и вековая слабость. Удивительная девушка с удивительным сердцем, которое никогда не принадлежало ему. Он должен был вернуть её. Еще и потому, что не оставил себе никакого шанса. Его письмо наверняка уже дошло. И Клэр уже ждали, должны были ждать... Эрик на мгновение замер, представив, что она скажет, когда узнает о его письме. Обрадуется? Поблагодарит за то, что он сделал?

Покачав головой, Эрик быстро открыл глаза, отгоняя от себя тяжелые мысли, которые не должен был подпускать к себе в такой памятный для себя день, когда он все же решился показать ей свой свадебный подарок... Который она приняла так, будто ничего дороже этого в жизни не получала.

Месяц с их первого танца. Удивительно, но она помнила и об этом. Потрясающий день, когда он, наконец, увидел ее во всей красе. Увидел такую сияющую и прелестную, что уже никогда не смог бы забыть.

Эрик внезапно замер, когда позади раздали шаги. Резко обернувшись, он увидел залитую лунным светом Клэр, стоящую на широкой площадке перед раскрытыми дубовыми дверями. На ней было всё то же умопомрачительное длинное платье, которое легкое дуновение ветра заставило прилипнуть к стройному телу, словно вторая кожа, обрисовав плавные изгибы. Золотистые волосы, собранные на макушке, походили на мерцание расплавленного серебра под светом луны, а бледная кожа изящной шеи, округлых плеч, нежных изгибов рук и ничем не прикрытой волнующей ложбинки стала почти прозрачной.

У него перехватило дыхание от этого неповторимого зрелища. Боже, в свете луны и звезд она казалась почти нереальной, такой ослепительной и притягательной, что он не мог пошевелиться, будто сраженный молнией!

Сжимая руки перед собой и глядя Эрику прямо в глаза, Клэр двинулась к нему. Пройдя мимо больших ваз с сочно-зеленым папоротниками, которые в порыве ветра будто бы тянулись к ней, желая коснуться ее, она начала спускаться по лестнице, шагая с такой едва уловимой грацией, как будто плыла по воздуху. Приближаясь, она улыбнулась и, остановившись на его ступеньке посреди лестницы, тихо сказала:

— Ты здесь.

Это был не вопрос, но Эрик был так сильно потрясен ее внезапным появлением, что не мог собраться с мыслями.

— Клэр? — Он с трудом восстановил сбитое дыхание. — Что ты здесь делаешь? Почему не спишь?

Улыбка ее стала шире.

— Не могла уснуть. — В голосе ее не было ни капли сожаления. Подняв голову, она окинула округу пристальным изучающим взглядом, словно старалась не упустить ни одну важную деталь, а потом вздохнула и обхватила себя руками. — Боже, как здесь красиво!

Эрик не мог оторвать от нее свой взгляд.

— Действительно, теперь здесь невероятно красиво... — пробормотал он глухо.

Клэр вновь посмотрела на него. Но уже не улыбалась.

— Можно мне присесть рядом?

Как бы ему не было страшно находиться так близко к ней, он не смог возразить.

— Конечно.

Опустившись рядом так, что почти прижалась к нему своим бедром, но сделала вид, будто не замечает этого, Клэр вновь посмотрела вдаль.

Безмолвная тишина почти окутала их бархатным одеялом, объединив тогда, когда Эрик искренне верил в то, что их ничто не могло уже объединить.

— Здесь так необычно и так умиротворенно, что каждый может найти себя, обрести свой дом, — произнесла Клэр, положив изящные руки на свои колени и сплетая вместе дрожащие пальцы. — И воздух... — Закрыв глаза, она сделала глубокий вдох, а затем вновь взглянула вдаль на высокие кроны едва колышущихся под теплым ветром осин и сосен. — Он мне нравится. Он такой сладкий и приятный. Мне кажется, после него воздух в Лондоне, да и в любом другом месте должен показаться затхлым и ужасным.

— Да, — кивнул Эрик, наконец оторвав взгляд от божественного профиля своей

красавицы жены. Беспокойно бившееся в груди сердце не помешало ему проследить за ее взглядом. — Недалеко отсюда находится город Дарем со своим знаменитым замком, который был воздвигнут сразу же после норманнского завоевания Англии в XI веке для защиты северных земель от шотландцев. Он стоит на скалистом утёсе над рекой Уир и с давних пор служит резиденцией епископа даремского. В начале XIV века епископ Бека построил в замке самый длинный парадный зал, который есть во всей Англии. Он длиной в 30 метров и украшен так богато и красиво, что никого не может оставить равнодушным к этому великолепию. — Эрик вдруг покачал головой. — Говорят, что там собираются построить университет. Не представляю, как можно будет учиться в месте, где обитает множество привидений.

Клэр улыбнулась, готовая вечность слушать его всевозможные рассказы об истории страны и местной архитектуре. Но она вышла сюда не для этого.

— И часто ты бываешь в городе?

Эрик вновь медленно покачал голову, не отводя взгляд от поросших вереском холмов.

— Нет, я предпочитаю оставаться здесь, дома.

Тоска в его голосе заставила сердце на мгновение сжаться от боли. Боль от того, что он бы вероятно не вернулся сюда. Если бы не ее просьба.

— И ты всю жизнь жил здесь? Никогда не уезжал отсюда?

— Только в университет, когда мне было девятнадцать. В тот год родители перебрались, наконец, в Гемпшир, оставив дом на мое попечение. Я даже отказался от поездки в Европу для завершения образования, потому что не мог дожждаться мгновения, когда снова вернусь домой. — Подняв руку, он указал вдаль. — Там, за высокими вязами, буками и каштанами простираются изумрудные холмы и поляны, покрытые россыпью ярких нарциссов, лютиков и колокольчиков. Могучие негнибаемые дубы скрывают от посторонних взглядов равнины и возвышенности, которые принимают на себя дуновение сильных ветров с Северного моря, не позволяя тревожить хрупкие ростки цветов. А когда светит солнце, яркая поляна превращается в волшебное видение.

Клэр не нужен был такой подробный рассказ, чтобы влюбиться в эти места, но его слова заставили ее испытать сильнейшее желание увидеть всю эту красоту. И Эрик... Он не просто любил, он обожал свой дом, свои владения и всё то, что прилегало к нему. Ему нужно было вернуться сюда еще и потому, что долгое отсутствие усилило его чувство тоски и потребности в том, откуда он черпал свои силы.

Горечь оттого, что эти места навсегда исчезнут из ее жизни, если она ничего не предпримет, вырвалась из горла хриплым шепотом:

— Ты скажешь мне когда-нибудь, почему не любишь музыку?

Эрик даже повернулся к ней от этого неожиданного вопроса.

— Не люблю? — голос его прозвучал спокойно, ровно. Теперь, говоря о музыке он не испытывал прежних неприятных ощущений, потому что она смыла с его души и эти жуткие воспоминания. — Я люблю *твою* музыку.

С трудом дыша, Клэр заглянула ему в глаза. В свете луны его серо-голубые глаза мерцали пугающей нежностью и чем-то еще, что таилось в их глубинах. То, что Клэр силилась понять, но не могла.

Она действительно не могла уснуть. И не могла долго находиться в комнате, где стоял подаренный им рояль. Рояль, при виде которого у нее ныло сердце. Потребность вновь увидеть Эрика после всего, что произошло, овладела ею настолько, что она тут же бросилась

на его поиски. У нее ведь осталось так мало времени. Так мало шансов заслужить, завоевать его любовь.

Никогда прежде она не делала ничего подобного, и даже понятия не имела о том, с чего начинать. Прежде завоевывать приходили ее сердце, а не наоборот. Она даже не знала, что принято говорить мужчине, чтобы заставить его поверить в искренность своих чувств и его исключительное значение в ее жизни. У нее было слишком мало времени и почти никакого опыта, чтобы придумывать что-то. Но и ошибиться она не могла, потому что малейшая ошибка могла стоить ей всей жизни. Балансируя на грани отчаяния, она, тем не менее, признала, что только правдой могла бы хоть чего-то добиться.

Но захочет ли Эрик принять правду, принять ее любовь? Сможет когда-нибудь хоть немного полюбить ее? Хоть чуть-чуть? Ей бы этого было достаточно, достаточно, чтобы искупать его самого в той любви, которая обуревала ее.

Не в силах больше сдерживать себя, Клэр просунула руку ему под локоть и, обхватив его, осторожно прижалась к его здоровому плечу.

— Спасибо.

Эрик не мог дышать, когда увидел, как она опускает голову ему на плечо и прижиматься к нему. Он с трудом поборол желание погладить ее по щеке.

— Это тебе спасибо. За твою музыку. За твою сонату. Она изумительная.

Он вдруг подумал о том, что если сейчас она чуть приподнимет голову, чтобы посмотреть на него, ее губы будут так близко, что он не удержится и непременно поцелует их. Почти так же, как в карете.

Но она продолжала смотреть вперед. И снова тихо спросила:

— Что это был за фонтан?

Тяжело вздохнув, Эрик тоже посмотрел на фонтан. Разбитое напоминание о его разбитой жизни. Он знал, что не должен говорить об этом. О своем прошлом. Тем более Клэр, которой поклялся никогда не рассказывать о случившемся. Но она ведь знала, что произошло, и видела его шрамы, даже жуткую татуировку, которые не отпугнули ее и не мешали касаться его с душераздирающей нежностью.

Разве она не заслуживала того, чтобы узнать правду? Хотя бы небольшую ее часть, потому что едва не стала жертвой его прошлого.

Осторожно взяв ее правую руку в свою, Эрик провел пальцем по маленькому шрамику на ее большом пальце. Шрам, который увидел ровно месяц назад, когда танцевал с ней.

И Эрик заговорил. И говорил о том, о чем не рассказывал ни одной живой душе.

— Этот фонтан построил отец специально для мамы, когда у них родился третий сын.

— Дилан?

— Да.

— А Рейчел? Что сказала она, когда узнала об этом? Позже разумеется.

Эрик ощутил необходимость улыбнуться, когда вспомнил о том давнем дне. Подняв взгляд на фонтан, он тихо продолжил:

— В центре фонтана сидели три Нептуна, держа в руках каждый свою регалию. У среднего был стек, потому что Алан любил кататься на лошади. У третьего глобус, потому что Дилан любил путешествия и мечтал побывать в каждом уголке земного шара, куда натыкался его маленький палец на отцовском глобусе.

— А у тебя в руке была книга? — предположила Клэр, взглянув на него.

Эрик тоже обернулся и медленно покачал головой.

— Нет, я, вернее мой Нептун, держал в руке весы.

— Символ справедливости!

— Да. Уже тогда я знал, что буду предан закону и праву.

Закон и право, которые чуть не разрушили его жизнь. Едва дыша, Клэр подняла руку и коснулась его бледной щеки, на которой уже начинала проступать щетина. Удивительный факт, который поразил ее еще тогда, когда он болел. Ей безумно нравилось отмечать в нем эти небольшие изменения за день.

— Чем же теперь ты будешь заниматься?

Вздрогнув от её прикосновения, Эрик заставил себя вновь взглянуть на фонтан.

— Не знаю.

Она видела, как ему тяжело говорить об этом. Клэр не собиралась причинять ему новую боль, наоборот, могла бы забрать себе все его тяжелые воспоминания. Если он позволил ей этого.

Опустив голову ему на плечо и продолжая сжимать его руку, она снова посмотрела на фонтан.

— А для Рейчел? Что сделал ваш отец для неё?

На этот раз Эрик не смог не улыбнуться.

— Она заявила, что не потерпит дискриминации и потребовала возвести посередине трех Нептунов ее собственный типаж, речную нимфу, которая держит в руке трезубец.

— Но ведь трезубец — атрибут самого Нептуна.

Эрик заметил, как улыбнулась Клэр. Это согрело ему душу.

— Да, но она сказала, что будет разить любого, кто посмеет впредь нарушать ее права или хоть как-то ущемит их, усомнившись в ее способностях.

Клэр вздохнула, вспомнив очаровательное личико романтической девушки, которая жаждала любви. Почти так же, как и Розалин. Любовь, о которой не знал никто из них. О которой не знала даже она сама. До тех пор, пока не встретила Эрика.

— Она замечательная, — сказала Клэр. — Удивляюсь, как она ладит с Агатой и с Розалин одновременно. Агата — тихая и порой очень робкая, а вот Розалин почти всегда взрывная и нетерпеливая во всём. Рейчел будто находится между двух огней, но всегда умудряется найти для каждой нужное слово, которое балансирует их общение.

— На самом деле она очень ранимая и чаще скрывает свои настоящие чувства. Рейчел способна на гораздо более смелые поступки, но они всегда будут взвешенными и продуманными.

Клэр ласково улыбнулась ему.

— Вероятно, наличие старших братьев сказывается в этом, верно? Наш Руперт постоянно хныкал, что мы опекаем его чрезмерной заботой.

— Мальчики всегда стремятся к большей свободе.

— Рейчел понравился ее образ в фонтане?

Эрик вздохнул.

— Да, она ходила гордая, как павлин, когда видела свою нимфу.

Клэр перестала улыбаться и на мгновение закрыла глаза, будто собираясь силами, чтобы задать свой следующий вопрос.

— Нимфа, которую разбили, когда напали на твой дом.

Она почувствовала, как он напрягся. Так, что четко обозначились мышцы на его руках и плечах. Затаив дыхание, Клэр ждала его ответа, боясь, что он не заговорит. Но потом

услышала. Тихое, едва различимое, но точное:

— Да.

У нее запершило в горле. Она восхищалась смелостью, с которой он бросал вызов каждому страшному воспоминанию. С которыми теперь ему не придется справляться в одиночку, потому что она этого не позволит.

— Как это произошло?

Фонтан, освещенный серебристым светом луны, приковывал взгляд. Эрик ожидал, что из темноты ночи за каменным строением покажутся лица в масках. Но, разумеется, там никого не было.

— На дом напали ночью. Я знал о творящихся в стране беспорядках, но всё равно... не был готов к такому. — В голосе его было так много чувства вины, что Клэр обернулась к нему. — Всё произошло слишком неожиданно.

Зная его обостренное чувство долга и стремление оберегать всех тех, кто находится под его покровительством, было нетрудно предположить, как сильно он страдал от того, что не смог защитить своих слуг. Но ведь ему было не за что винить себя! Его самого едва не убили.

— Эрик, — тихо позвала она его, и когда он посмотрел на нее, Клэр решительно добавила: — Не смей винить себя за то, что было не в твоей власти. Ведь ты пострадал не меньше других!

Эрик удивленно смотрел на нее.

— Что?

Клэр сильнее сжала ему руку, которая стала дрожать.

— Что они сделали с тобой?

Он пугающе отчетливо помнил все мгновения нападения, но прежний ужас больше не был властен над ним. Эрик был зачарован взглядом золотистых глаз, которые в свете луны казались почти черными, пронизывая его насквозь.

— Они ударили меня по голове, связали и вывели из дома.

Клэр понимала, как ему непросто говорить об этом, но она должна была узнать хоть что-то. Чтобы потом найти способ исцелить его раны. Чтобы не позволить ему больше страдать по тому, что он не мог исправить или изменить.

— И многих... многих твоих слуг они?..

Она не могла произнести это ужасное слово. Ей было страшно за Эрика от того, что она воскрешает такие воспоминания, но ему нужно было высказаться.

— Первым был мой камердинер, потому что он хотел освободить меня, — ответил он, опустив голову и тяжело дыша. — Я требовал, чтобы они все ушли, но они...

Клэр коснулась его бледной щеки, заставив вновь посмотреть на себя.

— Они не могли оставить тебя.

— Да, — с горьким чувством вины прошептал он, покачивая головой. — Они должны были уйти, но потом... потом было уже поздно.

Клэр мягко погладила его по лицу.

— Не говори так, — прошептала она. — Они стремились защитить тебя так же, как и ты хотел уберечь их. Это был их выбор, потому что они были преданы тебе. Вы все стали жертвами страшных людей, которые, я уверена, понесут за всё это заслуженное наказание. Прощу тебя, — добавила она еще тише, когда ее рука замерла у него на лице. — Не вини себя за то, что было не в твоей власти изменить, потому что... Эрик, ради Бога, ты нуждался в

такой же помощи, как и они! И ты... ты чуть было не погиб... И тогда, когда напали на нас...

На этот раз Эрик почувствовал, как задрожала Клэр. Обхватив ее за плечи, он привлек ее к себе и спрятал лицо в ее волосах, ощущая ее дрожь почти как свою.

— Я никогда не позволю, чтобы это произошло вновь.

Она продолжала дрожать, словно напуганная, как в день его пробуждения, но Эрик не собирался позволить, чтобы чудо этого мгновения омрачили воспоминания прошлого. Он хотел приподнять ее лицо, заглянуть ей в глаза и поцелуем смыть всё то, что им следовало позабыть. Но Клэр опередила его. Скользя одной рукой по его плечу, она чуть отстранилась от него, приподняла голову и пальцами другой руки коснулась его лица. Его носа.

— В ту ночь ты сломал свой нос, да? Упал, когда тебя спускали по лестнице, потому что ты был связан? — Он не мог дышать, замороженный блеском ее глаз, силой ее прикосновения. — Самый замечательный нос самого замечательного человека, — добавила она едва слышно.

Сердце его стало биться медленнее, словно с мучительной тяжестью отсчитывая оставшиеся для него минуты.

— В ту ночь ты говорила это несколько иначе.

В ту ночь сердце ее не было переполнено любовью к нему так, как сегодня.

Ночь в «Маркизе», когда она опьянела от пива. Теперь же ее пьянила любовь, бесконечная и такая сильная, что слезы навернулись на глаза. Любовь, о которой ей следовало сказать ему, но она не могла заговорить, потому что нечто сдавило грудь и мешало дышать. Ей было страшно, ужасно страшно от того, что он не поверит.

Прикусив нижнюю губу, Клэр погладила его по носу, провела пальцами по его щеке, широкому лбу, прямым бровям, а потом опустила пальцы на его красивые, твердо очерченные губы. Коснулась того, что считала потерянным для себя два дня назад, но он ведь не отверг ее в карете, и сейчас сидел перед ней, не сделав ни единой попытки отстраниться от нее. Коснулась так, как никогда больше не коснется, если вновь потеряет его.

«Боже, я так сильно люблю его, что даже не могу дышать без него! — думала Клэр, взяв его лицо в дрожащие руки. — Люблю бесконечно, но не имею никакой возможности сказать ему об этом так, чтобы он принял мою любовь!»

— Клэр... — прошептал Эрик, но не договорил.

Ощувив тепло его дыхания на своем лице, Клэр, подавшись вперед так же как и днем в карете, тут же прильнула к его губам. От упоения глаза закрылись сами собой. Она дрожала всем телом, боясь того, что он вот сейчас оттолкнет ее за шальную смелость, но он не сделал этого. Затаив дыхание, Клэр продолжала ощущать тепло его губ, а потом услышала его сдавленный стон, и мир вокруг взорвался, когда она почувствовала его руки на своей талии, которые стальными обручами сжимали ее и притягивали к нему. И только тогда она позволила себе раствориться в поцелуе, который был ей так необходим. Который позволил бы ее любви существовать еще немного дольше...

Эрик позабыл обо всем на свете, даже о фонтане. Ее невольные прикосновения и нежный поцелуй пробудили в нем огненное желание, которое он старательно подавлял все эти мучительные дни вдали от нее. Которое сводило с ума, лишая его остатков рассудительности. Но он был беспомощен перед этим. Потребность в Клэр была так велика,

что он едва мог дышать, вжимая в себя ее дивное, гибкое тело.

Она опалила его, захватила своей нежностью, повторяя движения, с которым он ласкал ее своим языком. Сгорая от ее поцелуев, Эрик крепко обнял ее за талию и, приподняв, посадил к себе на колени. Глухой стон вырвался из горла, когда она тяжело опустилась ему на чресла. Он задыхался, но не смог устоять перед раскрытыми губами, которые приглашали его погрузиться в спасительный рай, где не было ничего, кроме Клэр.

— Эрик, — легкий шепот сорвался с ее губ, когда он на мгновение отпустил ее уста для того, чтобы прижаться к ним с новой силой. Клэр дрожала так, что боялась упасть. Она крепче охватила его плечи, прижимаясь к его груди так, будто стремилась раствориться в нем.

Она была такой сладкой, как дуновение утреннего ветерка. Такой же невероятно нежной, как бутоны только что распустившегося цветка. Господи, он так отчаянно хотел ее! Так сильно любил, что не представлял, как отпустить, как отказаться, как отдать ее другому. Это было дикостью. Это было сумасшествием. Если бы только Клэр позволила ему...

Заерзав у него на коленях, Клэр запустила пальцы в его волосы, поглаживая его затылок с такой непривычной лаской, что зашумело в ушах, воспламенив его почти до предела. Эрик с оглушительными ударами сердца понял, что начинает терять голову так, что не сможет потом остановиться.

— Не хочу... — внезапно раздался ее хриплый шепот.

Эрик замер и, открыв глаза, взглянул на нее.

— Не хочешь моих поцелуев? — похолодев спросил он.

И тут же получил такой крепкий поцелуй, что пожалел о сказанном. Клэр сводила его с ума и даже не подозревала об этом. А может, слишком хорошо знала это.

— Очень хочу, — выдохнула она, вновь поцеловав его.

Эрик вновь крепко сжал тонкую талию, прижимая ее к своим чреслам так, будто ее давление могло хоть сколько-нибудь погасить бушующий в нём пожар.

— Тогда... чего ты не хочешь? — спросил он, не переставая целовать ее. Испивая ее до предела.

А потом почувствовал, как что-то влажное капает ему на лицо.

— Я не хочу, очень не хочу... — почти в панике шептала она, крепко обнимая его за плечи.

«Не хочу уезжать. Не хочу, чтобы ты увёз меня отсюда...»

Едва дыша, Эрик заставил себя отстраниться от нее и вновь взглянул на Клэр. Краска отхлынула от лица, сделав ее такой бледной, будто она могла потерять сознание. Даже сквозь пелену страсти Эрик понял, что ее что-то напугало. Что-то терзало ее так, что она даже заплакала.

У него похолодело в груди. Прижав руку к ее щеке, Эрик заглянул ей в глаза.

— Что с тобой? Это я так напугал тебя?

— Н-нет... — дрожащим голосом произнесла она, а потом опустила голову и спрятала лицо у него на груди. Вжалась в него так, будто искала у него защиты от чего-то. Будто ей требовалась защита.

Это потрясло его до глубины души. Обхватив ее за плечи, Эрик крепко прижал ее к себе.

— Что случилось? — спросил он почти в панике, не представляя, что с ней произошло. Она выглядела такой напуганной только раз, когда однажды утром принесла ему горячий шоколад. — Что тебя так напугало?

Клэр не могла говорить. Но в то же время понимала, что ей нужно сказать это. Как можно скорее, пока не передумала. Пока он мог выслушать ее, подарив один из самых страстных поцелуев в ее жизни.

— Эрик?

— Что? Что ты не хочешь?

«Скажи ему!» — требовало сердце, но разум боялся увидеть в его глазах недоверие, или, того хуже, презрение к той, которая заставила его решиться на эту поездку, не до конца понимая, что такое любовь, не до конца понимая себя! Он станет презирать ее до конца дней, если решит, что ее сердце настолько непостоянно и не способно отличить одну любовь от другой.

Ее сердце действительно не было способно отличить одну любовь от другого. Потому что до этого никогда никого не любило по-настоящему!

— Клэр?

Она так и не договорила, пугая его своей молчаливостью. Снова с ней что-то происходило, он мог поклясться в этом. Эрик был напуган, но не знал, что ему делать. Поглаживая ее дрожавшие плечи, он старался успокоить ее и вместе с тем успокоиться самому. Туман от желания рассеялся, а потом он услышал ее тихий, тоненький голос, который заглушала материя его сюртука.

— Я всегда чувствую твоё сердце, когда ты обнимаешь меня так.

Замерев, Эрик отпустил голову и зарылся лицом в пахнувшие обожаемыми ландышами волосы.

— Клэр...

Боже, сейчас он был готов отдать всё на свете, чтобы избавиться от этой агонии и оставить в своей жизни Клэр, но... ему казалось, что он никогда не найдет способ, чтобы удержать ее.

Она продолжала дрожать, но постепенно дрожь стихла. Всё вокруг снова замерло в безмолвии ночи, но теперь это не имело никакого значения.

Эрик совершил ужасную ошибку, привязавшись к ней и позволив своей любви не просто вырваться из сердца, но и поглотить его целиком. Любовь, которая на мгновение ослепила его, заставила позабыть о самом главном. Позабыть о сердце Клэр, которое было отдано другому. С которым он так бессовестно играл, даже когда обещал доставить ее до места, где она будет счастливой.

Но даже эти размышления не удержали его от того, чтобы не задаться мучительным вопросом: а выбрала бы она его, если бы не тот другой? Если бы не было нужды в выборе, пожелала бы она связать свою жизнь с ним?

Но теперь он никогда не узнает ответы на свои вопросы, потому что ему стало казаться, что ее терзают страхи от того, что она целует его, любя другого. Страх и раскаяние...

Когда-то Эрик боялся, что она будет благодарна ему за то, что он приведет ее к своему истинному возлюбленному. А теперь... теперь он понимал, что тот страх был ничто по сравнению с тем, что ждало его впереди. Эрик леденел при мысли о том, что, когда Клэр увидит своего... того другого, она навсегда забудет его, Эрика, и всё то, что было между ними за время, что они были вместе, развеется, как утренняя дымка.

И разве он мог винить ее за это? Мог требовать того, что никогда не принадлежало ему?

Клэр внезапно пошевелилась в его руках. Эрик замер, выпрямился и... и развёл руки в сторону! Потому что знал, что должен отпустить ее. Как бы ни любил. Как бы отчаянно ни

желал прижать к себе, Эрик знал, что не может себе этого позволить. Она была вольна уйти тогда, когда пожелает.

Ей так много нужно было сказать, и едва она заговорила, едва посмев признаться ему во всем, он так неожиданно отпустил ее, что Клэр чуть не вывалилась из его объятий. Недоумевая, Клэр медленно подняла голову и тут же столкнулась с холодным блеском его серо-голубых глаз и каменным выражением лица. Он взирал на нее так, будто ее несмелое признание, с которого она хотела начать, уже начало разрушать то, к чему она с таким отчаянием стремилась. Что не было ему нужно. Будто не он минуту назад целовал ее так, что не мог даже дышать.

Резкая перемена ошеломила, а потом ввергла в такую пучину отчаяния, что Клэр стала задыхаться.

Боже, если одно невинное признание заставило его перемениться в лице настолько, что она с трудом узнавала своего нежного, страстного Эрика, что ж он скажет, когда она поведаст ему о своей любви? Он разочаруется в ней навсегда? Поймет, что ее непостоянное сердце не заслуживает внимания?

Момент был упущен, и если до этого она могла хоть что-то сказать ему, теперь об этом не могло быть и речи.

Бледные звезды и округлая луна взирали на нее со смесью непонимания и сострадания, давая понять, что ей не следует ждать помощи. Помощи не будет, вероятно, потому, что она не заслужила этого, навечно разрушив жизнь Эрика.

Даже после всего, что произошло между ними.

«Смогу я когда-нибудь понять тебя, любовь моя?» — подумала Клэр, проглотив ком в горле.

Осторожно высвободившись из его теплых, уютных объятий, которые он больше не предлагал ей, Клэр медленно встала, не представляя, как ей уйти. Она должна была вернуться в дом, и всё же, глядя на застывшее суровое лицо Эрика, Клэр вновь почувствовала ледящий душу ужас, который охватывал ее, не оставляя места ни для чего. Неужели, всё таки закончится?

— Спокойной ночи, — произнес Эрик отрешенным, почти чужим голосом.

Голосом, который разбил ей сердце.

Прижав руку к груди, она быстро отвернулась от него и судорожно молвила:

— И тебе... спокойной ночи.

Боже, она совершила непоправимую ошибку, решив открыться ему сейчас! Но теперь у нее не было возможности забрать свои слова обратно. Она и не хотела этого, вот только даже не подозревала о том, что ее слова так сокрушительно действуют на него. Навсегда разрушат то, что она так отчаянно стремилась обрести.

Если б только она знала, как достучаться до него, как правильно подобрать слова, чтобы сказать ему о том, что жило в ее сердце! Клэр почему-то подумала о Рейчел и Розалин. Им было легко выражать свои мысли. Они бы нашли нужные слова, чтобы признаться в том, что не должно было быть скрыто. И Агата... Клэр была уверена, что они никогда бы не струсили так, как их старшая сестра. Розалин отличалась удивительной храбростью и всегда шла прямо к цели, не боясь ничего.

Если б только у нее было хоть немного смелости Розалин и ясности мысли Рейчел и Агаты, Клэр не ушла бы тогда, унося от Эрика сердце, которое должна была вручить ему.

Которое ему, вероятно, никогда не будет нужно.

Они прибыли в Эдинбург спустя два дня. Два мучительных, изнуряющих дня, в течение которых лил безостановочный дождь, то и дело задерживая их в пути. Но они, не замечая стихии, упорно двигались вперед, рассекая завесу дождя, вероятно так же, как Моисей пересекал Красное море, смиренно расступившееся перед ним. Вот только нынешняя дорога не приводила к спасению.

Съездившись в мрачных стенах кареты, Клэр куталась в теплую накидку, накинутой поверх кашемировой шали, которое укрывало еще одеяло, призванное согреть, но она замерзала. Утомительная езда усугубила страдания, обернув сердце таким холодом, что Клэр начинала поддаваться охватившей ее панике.

Они ехали, не сбавляя скорость так, будто за ними гнались.

Будто они спешили так, словно впереди их ждало нечто особенное.

И вновь за прошедшие два дня Эрика сделал всё возможное, чтобы не попадаться ей на глаза. Он будто сквозь землю провалился. Клэр спрашивала о нем мистери Шоу, даже несколько раз просила позвать его к себе, но он так и не явился, а Шоу отвечал, что не знает, где хозяин. В какой-то момент Клэр в ужасе думала о том, что он оставил ее и уехал, вверив слугам ее доставку до места назначения. Она была готова велеть слугам развернуться и ехать обратно в Бедфорд-мэнор, но ей четко дали понять, что хозяин приказал ехать только вперед.

— Какая же я глупая! — бормотала она, в отчаянии сжимая руки и закрыв глаза.

Нужно было признаться ему во всем еще тогда ночью, когда они сидели на ступенях Бедфорд-мэнор. Нужно было хоть как-то начать. Он обязан был узнать о том, что всё изменилось. Что им никуда больше не нужно ехать. Но Эрик... Одно ее тихое признание переменяло его настолько, что он стал совсем чужим. Она и вообразить себе не могла, что ее слова произведут такой эффект. Это было ужасно, так ужасно, что ей хотелось плакать.

Но не было сил даже на слёзы.

После долгих мучительных размышлений, Клэр поняла, что страх открыться ему, даже такому отчужденному, не так силен, как страх потерять последнюю возможность поговорить с ним.

Мысль об этом заставляла дрожать колени, но она должна была поговорить с ним! Даже если он не станет ее слушать!

А когда под самое утро карета остановилась перед высоким красивым двухэтажным зданием в уже пробудившемся Эдинбурге, Клэр поняла, что обязана была задолго до этого положить к его ногам свое сердце, и только Эрик мог решить, как поступить с ним. Ее сердце принадлежало ему. Даже если он не захочет принять этого.

Теперь молчание могло ей дорого стоить.

— Какая же я глупая... — прошептала Клэр, на миг прикрыв глаза.

Шоу открыл дверь и помог хозяйке выбраться на улицу. Запах в Эдинбурге стоял затхлый и тяжелый, совсем не похожий на тот чистый воздух, которым она не могла насыщаться в Бедфорд-мэноре. Туман окутал соседние дома, скрывая высокие шпили церквей. Промозглый ветер проникал даже под тяжелые полы накидки, пробирая насквозь.

Всё тело ныло и дрожало, голова кружилась от того, что последние два дня она была вынуждена провести в трясущемся экипаже. Клэр чувствовала себя так, будто заболела. Она устала и едва могла стоять на ногах. И замерзла. Замерзла так, что не смогла бы отогреться до самой весны.

Тяжелая дверь большого двухэтажного дома отворилась, и за ней появился высокий мужчина с длинными волосами, схваченными сзади красной лентой. Такого же цвета была его строгая ливрея, расшитая золотыми нитями. Он внимательно смотрел на нее, а когда Клэр приблизилась, почтительно поклонился.

— Миледи, добро пожаловать, — сказал мужчина, выпрямляясь. — Я ваш дворецкий Флаттер и полностью к вашим услугам.

— Дворецкий? — спросила Клэр, сжимая ридикюль, куда положила кольцо Эрика. Свое обручальное кольцо еще в ту ночь в Бедфорд-мэноре, когда не могла уснуть. Будто частичка от Эрика могла смягчить боль в сердце. Боль, которая не утихала с тех пор, как он появился в ее жизни, которая усилилась и стала почти невыносимой два дня назад. Оглядев большой светлый холл, выложенный черно-белым мрамором, она взглянула на стоявшего перед ней мужчину. — Мистер Флаттер, это разве дом Эр... графа Бедфорда?

— Это шотландская резиденция его отца, маркиза Ричмондского, а также его дедушки, герцога Рочестерского, и графа Бедфорда, вашего мужа, миледи.

Тон дворецкого, однако, не допускал и малейшей возможности того, что его хозяйка могла не знать об этом факте, прибывая сюда. Клэр была тронута его попыткой объяснить ей всё так, чтобы не вызвать у нее чувство стыда.

— Спасибо, — прошептала она, измотанная до предела.

Отступив в сторону, мистер Флаттер обеспокоенно взглянул на бледное лицо графини.

— Миледи, вы устали с дороги. Позвольте наполнить для вас горячую ванну, а затем подать вам завтрак в ваших покоях.

И вновь Клэр едва сдержалась от того, чтобы не застонать, благодарная ему за ненавязчивую заботу.

— Благодарю вас, мистер Флаттер.

— Миледи, Мэг, ваша горничная на время пребывания в Эдинбурге, будет служить вам и проводит вас до ваших покоев.

Молодая розовощекая девушка с черными волосами, одетая в черное платье и белый накрахмаленный передник поверх него, присела в глубоком реверансе.

— Миледи, для меня честь служить вам. Позвольте взять ваши вещи.

Клэр с радостью передала ей свою накидку, перчатки, но ридикюль предпочла оставить у себя.

— Спасибо, Мэг.

Девушка повела Клэр за собой. Они поднялись по широкой с позолоченными перилами лестнице и, свернув направо, добрались до больших покоев, обставленных почти так же богато, как и апартаменты Бедфорд-мэнор, вот только здесь не было той теплоты и того уюта, той неповторимой атмосферы оторванности от всего и погруженности в свой собственный, особенный мир, который царил в Дареме. Клэр хотела вернуться туда не потому, что дом Эрика очаровал ее. Там она обрела то, что не ощущала никогда прежде. Там она почувствовала себя по-настоящему дома. Даже шелест травы и дуновение ветерка казались такими родными, что невозможно было оставаться ко всему этому равнодушным.

Подойдя к туалетному столику, Клэр тяжело оперлась о него и закрыла глаза, ощущая

слабость во всем теле. Долгая дорога обессилила ее настолько, что она едва стояла на ногах, но ей нужны были силы. У нее тряслись колени, у нее болела голова. Она продолжала мерзнуть. Клэр понимала, что должна хоть ненадолго прилечь, чтобы отдохнуть, но не могла себе этого позволить. Потому что утекало драгоценное время. Потому что должна была исправить то, что так непростительно сгубила два дня назад. Что должна была довести до конца сегодня. Во что бы то ни стало.

Ведь если она не скажет Эрику, что любит его, он... он действительно отпустит ее, потому что решит, что она всё еще «всем сердцем любит другого»! И она потеряет его навсегда. Отпустит даже тогда, когда готов был отдать за нее свою жизнь. Не мог он сделать этого, если бы она не была ему хоть немножко дорога. Не мог он целовать ее с такой безудержной страстью, при этом отодвигая от себя весь остальной мир, если бы ничего не испытывал к ней.

Господи! О Господи, почему она раньше не подумала об этом?! Это бы придало ей силы посмотреть ему в глаза и произнести слова, которые Пугали, но были способны решить ее судьбу. И его тоже. Только так она могла, наконец, понять, что ей делать дальше. В молчании не было больше смысла. И сил тоже.

Она должна была поговорить с ним!

Сердце, которое уже почти целую вечность ощущалось в груди тяжелым камнем, чуть вздрогнуло и наполнилось бесконечной надеждой. Клэр открыла глаза и увидела первые предрассветные лучи солнца. После двух дней дождей солнце собиралось светить вновь, озаряя всё то хорошее, что могло бы появиться в жизни. Всё то, что Клэр намеревалась отдать Эрику.

Может, это добрый знак? Господи, ну конечно это добрый знак! Она не должна думать о плохом, чтобы не потерять уверенность в себе. Она не имела права отступать. Клэр взглянула через окно на высокие крыши соседних домов и сужающийся кверху острый шпиль стоявшей недалеко церкви. Послышался тихий звон колоколов, предвещающий наступление нового дня. Который она должна была отвоевать у мира.

Она примет ванну, позавтракает и пойдет искать Эрика. Он не посмеет скрываться от нее и сегодня. Сердце Клэр наполнилось нежностью, когда она вспомнила то особенное предвкушение, когда по утрам ей приносили ее любимый завтрак. По велению Эрика. Который в последнее время позабыл об этом. Но это не расстраивало ее, потому что теперь любимые завтраки предстояло приносить ей.

— Миледи, вам нехорошо? — спросила горничная, стоя позади и глядя на опущенные плечи своей хозяйки.

Клэр отпустила стол и обернулась к Мэг.

— Всё хорошо. Когда приготовят ванну?

Девушка в напряжение замерла, будто провинившись.

— В прилегающем к вашим покоям, миледи, есть отдельная комната для умываний, но так как последние несколько дней было холодно, мистер Флаттер велел принести ванну сюда, потому что здесь теплее. Мы поддерживали огонь в камине, пока вы не приедете. Надеюсь, вы не против?

Клэр сжала дрожащие пальцы, почему-то уверенная, что у нее всё получится. Должно получиться. Мир не знал, что она собирается побороться за то, что однажды отвергла. Но то, что обязательно достанется ей. И будет принадлежать до конца жизни. И даже Эрик, этот несгибаемый упрямец ни за что больше не отвернется от нее и должен будет выслушать

слова, которые она тщательно продумает, прежде чем встретиться с ним.

— Я не против, Мэг, — сказала Клэр, аккуратно сложив на спинку стоявшего рядом кресла свою любимую шаль, которую вернул ей Эрик. — Мне нравится эта комната.

Горничная радостно улыбнулась, вероятно испытыв огромное облегчение.

— О, миледи, я сделаю всё, чтобы вы ни в чём не нуждались.

«Сомневаюсь, — подумала Клэр, продолжая сжимать ридикюль. — Как раз кое в чем я всегда буду нуждаться...»

Но через час, сидя в ванной, Клэр не ощущала былой уверенности, потому что Эрик так и не появился, хоть бы даже для того, чтобы убедиться, что она благополучно добралась до его шотландского городского дома и устроилась.

Никто не видел его с момента отправления из Бедфорд-мэнора, и это уже не на шутку тревожило Клэр. И довело до того, что прежняя страхи полностью овладели ею, терзая подобно иголке, которая, постоянно протыкая подушечку, не находила себе места. Он не вернулся даже для того, чтобы переодеться. Боже, где он? Куда пропал? Может, с ним что-то случилось? Мысль о том, что на него вновь напали, была просто недопустима, потому что Клэр была уверена, что теперь Эрик, храня постоянную бдительность, не позволит такому случиться.

Тогда оставалась единственная причина, по которой он не появлялся. Причина, которая не просто ранила, а смертельно ранила, вызывая острую боль. Не мог он после всего, что они разделили вместе, вновь решиться избегать ее, но он мог поступить так только потому, что уже... попрощался с ней два дня назад, когда так внезапно разомкнул свои объятия после ее несмелого признания. После того, как поведал о дне нападения, а потом поцеловал ее так, что у нее чуть не растаяло сердце.

Он мог скрываться только в том случае, если уже отдал ее другому!

Ей с трудом удалось сдержать жгучие слёзы. Клэр с содроганием думала о том, что он не прогнулся даже под мучительными пытками, а в последний момент, когда был ей так нужен, просто исчез. Как она могла завоевать его сердце, если он верил в то, будто ей нужна эта поездка, нужен тот, кто по его мнению ждал ее здесь? Как она могла доказать Эрику, что ей не нужен никто, кроме него?

Это не могло быть концом! Клэр отказывалась в это верить. Она ведь должна была хоть что-то значить для него, иначе он... он бы не исчез в столь важный для них обоих момент.

Отчаяние буквально душило ее, заставляя дрожать будто от лютого мороза. Неуверенно повернувшись в ванной, Клэр до предела сжала в руке несчастную салфетку, борясь с собственной болью, но внезапно заметила лёгкое движение на полу возле большой кровати. Клэр замерла, уверенная, что там что-то пробежало. Что-то маленькое, проворное, юркое и почти незаметное...

— Мышь! — вскрикнула она, метнув в ту сторону влажную салфетку, а потом резко встала, расплескав воду. — Мышь! — вскрикнула она вновь так громко, как только могла, до смерти боясь мышей.

Дрожа всем телом, Клэр пристально смотрела на то самое предполагаемое место, где скрылось маленькое создание, которое по ее мнению, она видела. Но мгновения ужаса длились недолго.

Дверь в ее комнате тут же распахнулась. У порога появилась огромная мужская фигура, которая заполнила весь дверной проём. Клэр не замечала, как вода скатывается по ее обнаженной коже и падает обратно в ванну, потому что в упор смотрела на стоявшего перед

собой человека.

— Что случилось? — спросил до боли родной голос.

Это был Эрик!

Не терпящее отлагательство дело заставило его приехать гораздо позже, чем Эрик на это рассчитывал. Клэр вот уже более часа пребывала в Эдинбургском доме его семьи, где он решил остановиться, чтобы довести до конца начатое так безрассудно предприятие. Но прежде он должен был сделать то, что ему следовало сделать гораздо раньше. Единственное оставшееся пятно позорного прошлого, которое следовало стереть намного раньше. Это не поддавалось объяснению, но Эрику казалось, что только так он сможет заполучить некую надежду на мрачное, несостоявшееся будущее, которое всё же могло быть у него.

Разбитый, уставший и совершенно опустошенный долгой скачкой, стремясь догнать карету, Эрик всё же приехал домой, не представляя, однако, что ему делать теперь. Вероятно ничего и не нужно было делать, ведь теперь всё должно было идти по заранее задуманному плану.

Большой дом встретил его оглушительной тишиной, будто в нем не было обитателей, но Эрик знал, что Клэр здесь. Об этом говорили ярко вспыхнувшие глаза дворецкого, когда тот поприветствовал хозяина. Восхищение, переходящее в благоговейное поклонение, владело Флаттером с того мгновения, когда он впервые увидел свою молодую хозяйку. Качая головой, Эрик поднимался по лестнице, поражаясь той легкости, с которой ей удавалось завоевать расположение всех его слуг, почти не прикладывая для этого особых усилий.

Проведя рукой по обросшему за двое суток щетиной лицу, Эрик ощутил глухую боль в сердце. И неприятную саднящую боль в правой руке. Удивительно, ведь он сделал всё возможное, чтобы стать бесчувственным ко всему, но теперь его сердце вздрагивало и переворачивалось всякий раз, когда он вспоминал Клэр. Ее чарующую улыбку, ласковые прикосновения и страстный поцелуй, которым она наградила его перед тем, как терзаемая чувством вины, удалиться в дом.

Совсем скоро всё это завершится и ей не придется больше винить себя за то, что пришлось целовать другого при наличии истинного возлюбленного. Ужасаясь тому, к чему готов был склонить ее, Эрик, тяжело ступая, продолжал подниматься по лестнице, когда услышал крик.

Такой душераздирающий, что у него чуть не остановилось сердце.

Клэр!

Похолодев, Эрику тут же бросился бежать вверх, боясь того, что с ней что-то случилось.

Но не был готов к тому, что предстало его ошеломленному взору.

Тяжелая драпировка штор была раздвинута, впуская яркие лучи утреннего солнца, которые щедро вливались в комнату, озаряя каждый уголок. Солнечные блики освещали не только богатую мебель, позолоченные канделябры и пушистые ковры.

Недалеко от горящего камина стояла белая с позолоченными ножками ванная, из которой поднимался легкий пар. Но даже не это приковало внимание Эрика.

Лучи солнца отражались на многочисленных бриллиантовых капельках, прилипших к сверкающей белоснежной коже и окутывали ярким сиянием ту, которая стояла посреди ванной. Во всей своей ошеломляющей красоте, подобно Венере, выходящей из морской пены.

Белоснежная кожа походила на идеально отполированный мрамор. Капельки воды

мерцали на ней словно драгоценные камни, приковывая взгляд к длинным стройным ножкам, которые плавными линиями бедер и золотистым треугольником переходили в узкую талию, отмеченную маленьким совершенно очаровательным пупком. Поднимаясь выше, Эрик жадно прошелся взглядом по пышной белоснежной груди, увенчанной маленькими розовыми сосками. Мягкая ложбинка, разделявшая их, делала их еще более притягательными. Золотистые волосы влажными прядями падали ей на плечи и грудь, окутав ее почти нереальным сиянием. Незаметные капельки пота, выступившие у нее на лбу, позолотили и без того идеальную кожу, а щеки зарумянились, сделав Клэр такой ослепительной, что было больно смотреть на нее.

Эрик был уверен, что его истощенное, едва бьющееся в груди сердце давно остановилось, оказавшись свидетелем подобной неземной красоты. Благоговейная красота, которая была бы холодным олицетворением идеального замысла бога, если бы в придачу к ней не были дарованы ее обладательнице невыразимая красота ее сердца и благородство души, сила духа и сокрушительная нежность. С которой она день за днем покоряла его даже тогда, когда он противился этому, но только для того, чтобы сейчас окончательно признать свое поражение.

Господи, даже утверждая, что сможет отдать ее другому, заботясь исключительно о сохранности ее сердца, он был нечестен с собой. Эрик старался, черт побери, сделать всё мыслимое и немислимое, чтобы сохранить и уберечь ее сердце, но вся его решимость разлетелась на мелкие осколки, когда его собственное сердце потянулось к ней так, что Эрик начал задыхаться. Боже, он так сильно любил ее! Любил не за эту неземную красоту, а за одно лишь то, как одним своим присутствием она озаряла его жизнь так, как этого не могли сделать самые яркие лучи солнца.

Никогда прежде он не видел картины более прекрасной, чем обнаженная Клэр в горячих парах утренней ванны. Даже Венера Боттичелли не шла ни в какое сравнение с этим.

Едва увидев его, Клэр на мгновение застыла в замешательстве. Но и этого мгновения было достаточно для Эрика, чтобы разглядеть ее от макушки златоволосой головы до пенистой поверхности воды, которая сомкнулась под ее коленками.

Придя в себя, Клэр изумлённо ахнула и тут же прикрылась, если только это было возможно, одной рукой обхватив свою полную грудь, а второй потянувшись вниз к золотистому треугольнику, скрестив при этом ноги.

— Эрик? — едва веря своим глазам, спросила Клэр, трепеща под его обжигающе пристальным взглядом.

Ощущая выступающую на лбу испарину, Эрик проглотил ком в горле и смог заглянуть в ее расширившиеся огромные темно-золотистые глаза.

— Клэр, — заговорил он, не в состоянии дышать. — Почему ты кричала?

Она кричала? Сердце ее билось с такой неистовой силой, что Клэр не могла дышать, не говоря уже о том, чтобы вспомнить, как Эрик оказался здесь. У нее было такое ощущение, будто всё происходящее до его появления покрылось густым туманом, став абсолютно неважным и ненужным. Было важно лишь то, что он пришёл. Он был здесь, в невероятной близости от нее. Весь остальной мир померк, как ненужные мазки кисти художника, пропитанные влажной губкой, которая стерла все их следы.

Придя в себя, Эрик, как бы ему ни было тяжело шевелиться, смог отвернуться от нее и закрыть дверь, подставив ей свою широкую спину, а потом закрыл глаза, не в состоянии

отпустить дверную ручку, и возвел короткую молитву богу, чувствуя, как весь дрожит.

— Что произошло? — вновь заговорил он сдавленным, почти охрипшим голосом, сжимая ручку так, чтобы изо всех сил сдержаться и не обернуться.

Встрепенувшись, Клэр моргнула, отчаянно пытаюсь вспомнить, что предшествовало его появлению. И о чем они говорят, потому что не могла оторвать взгляд от его невероятно широкой спины, затянутой только легкой материей рубашки.

На нем действительно не было ничего, кроме расстегнутой на несколько пуговиц белоснежной рубашки, запыленных высоких черных сапог и бриджей, что свидетельствовало о его недавнем приезде. Черные как смоль волосы растрепал утренний ветер, щеки за два дня запали и темная щетина уже проступила. А глаза, его невероятно красивые серо-голубые глаза мерцали истощенным светом, являя ей до смерти уставшего человека. Самого дорогого сердцу, самого бесконечно любимого, которого она хотела прижать к груди! Она была так рада видеть его, целого и невредимого, что Клэр с трудом удержала слезы облегчения.

— П-произошло? — прошептала она, чувствуя странный озноб во всем теле. — Да, здесь... возле кровати была м-мышь.

— Мышь? — недоуменно повторил Эрик, пытаюсь успокоить обезумевшее от пробуждённых в нём чувств, которые он безуспешно подавлял все эти два дня, сердце. Потому что один лишь только нежный голос Клэр прошелся по его натянутым нервам такой немислимой лаской, что у него задрожали колени. Резко отпустив дверь, он открыл глаза, решительно повернул голову и, не обращая внимания на напряжение во всем теле, стал двигаться в сторону кровати, понимая, что должен что-то сделать, иначе неминуемо взорвется. Кровать, на которой могла лежать Клэр. От одной этой мысли у него потемнело перед глазами так, что он едва не налетел на деревянный столбик возвышающегося балдахина. Оглядев пространство вокруг кровати, Эрик с трудом произнёс: — Здесь нет мышей.

Позади вновь послышался дрожащий, почти как и его, тихий голос:

— Ты уверен?

Прижав руку на отполированный столбик, Эрик сделал глубокий вдох, не уверенный ровным счетом ни в чем. Как он мог быть хоть в чем-то уверен, если позади него стояла Клэр? В ванной. Абсолютно голая. Такая желанная, что у него заболело ниже поясицы.

— Да, — молвил он, призывая на помощь всю свою выдержку, но продолжая ощущать, как горячий пот скатывается по виску от усилий сдержать нарастающее желание. — Здесь никогда не было мышей.

На этот раз он не услышал ее голоса. Тишина в комнате окутала их подобно лучам солнца, которые беспощадно освещали всё то, что должно было быть укрыто темнотой ночи. Или одеждой. Эрик был уверен, что Клэр не опустилась в ванную, чтобы укрыться от его взгляда. И не вышла оттуда, иначе он бы расслышал всплеск воды. Господи, как он сможет покинуть комнату, если она будет продолжать стоять на месте!

Внезапно долгая мучительная борьба с самим собой показалась тщетной и отпустила его. На место этой силы пришла другая, несокрушимая, и Эрик понял, что был повержен самой судьбой, потому что не имел больше сил сопротивляться своему желанию и оглушительной любви, которые разрывали его на части. Долгими днями он уговаривал себя, что сможет отпустить ее, но это был бред больного человека, не осознающего, что на самом деле собирался сделать.

Он не мог отдать Клэр, Господи, он никому не мог отдать Клэр! Он хотел развернуться,

подойти к ней, обнять и любить ее до тех пор, пока у него билось сердце.

Клэр по-прежнему стояла за его спиной. В ванной. Абсолютно голая. И словно бы всего этого ему было мало, Эрик услышал ее тихий, проникновенный голос:

— Ты можешь передать мне полотенце?

Эрик сжал руку так, что побелели костяшки пальцев. Боже, что она делает? Разве не понимает, о чем просит, какой невыносимой опасности подвергает себя! Черт возьми, он не был настолько бесчувственным! Всё его тело заныло и налилось такой невыносимой тяжестью, что он не мог пошевелиться.

— Клэр... — прошептал он, предостерегая ее от того, что она делает.

Но она словно не замечала этого. Будто отмахивалась от того, что могло произойти, нисколько не заботясь о последствиях. Которые могли стать непоправимыми.

— Полотенце там, рядом с кроватью. На тумбочке. Подай его мне, прошу тебя.

Он не мог не внять ее просьбе. Сделав глубокий вдох, Эрик повернул голову и отпустил столбик, пытаясь изо всех сил вспомнить, в каком году состоялась битва при Азенкуре, но впервые в жизни не смог этого сделать. Заметив стопку пушистых чистых полотенец небольшой тумбочке, Эрик с трудом подошел к им и взял самое верхнее.

И вновь замер. Ведь, чтобы передать ей полотенце, Эрику пришлось бы обернуться. К ней. К обнаженной нимфе, которая мгновенно заставит его позабыть все обещания и клятвы. С трудом дыша, Эрик спиной сделал шаг назад, стараясь не налететь на кресло, и, отвернув лицо, вытянул позади руку в отчаянной надежде хоть так передать ей несчастную вещицу.

— Я не дотянусь до тебя, Эрик. Можешь подойти ближе?

Эрик закрыл глаза, приказывая своему сердцу успокоиться, но оно могло в скором времени разорваться в груди. Ему стоило нечеловеческих сил, чтобы сделать еще шаг назад. К ней.

— Еще ближе, Эрик, — прошептала она.

Он на мгновение замер и сделал глубокий вдох. И сумел сделать еще шаг назад.

— Не в ту сторону, Эрик.

Он боялся, что у него сейчас остановится сердце, потому что она звала его так, будто манила. Это было сумасшествием, и Эрик прекрасно понимал это, в отличие от Клэр. Но если он не обернется, то так никогда и не сможет передать ей это чертово полотенце!

Сжимая в руке полотенце, Эрик медленно обернулся. У него перехватило дыхание, когда он прямо перед собой обнаружил Клэр. С невероятно яркими, сияющими глазами, взирающими на него. Ниспадающие на оголенные плечи и обнаженную грудь волосы прилипли к золотистой коже, а несколько вьющихся прядей, пружиня, обрамляли до боли красивое лицо, при виде которой у него замерло сердце.

Эрик выбрал правильное направление, чтобы вручить ей полотенце, и не стоял так уж далеко, как она заставила его подумать. Его рука была прямо направлена на неё, но она почему-то не стремилась взять то, что просила. То, что ей было так катастрофически необходимо, чтобы прикрыться. Эрик не замечал испарины, которая выступила у него на лбу, не замечал, как дрожит его рука. Он боролся с собой и приказывал себе не смотреть вниз. Ради Бога, только не делать этого! Иначе он пропадет, они оба пропадут.

— Т-твое полотенце...

Она улыбнулась ему. Улыбнулась с какой-то пугающей свободой и глубоким пониманием того, что происходит сейчас. Улыбнулась так, как в тот далекий день на прогулке, когда подарила ему стебелек ландыша. И сейчас... В ее глазах не было раскаяния.

Глядя ей в глаза он увидел в них отражение собственного желания.

Что-то с оглушительной болью сжало ему сердце. А потом Эрик увидел, как Клэр поднимает руки. Вероятно, чтобы взять полотенце.

Но они прошли мимо нужной вещицы и стали подниматься выше.

Еще чуть выше...

С мучительной медлительностью, к которой перемешивалась легкая нерешительность, Клэр скользнула руками по его груди. Эрика словно парализовало, он застыл как вкопанный. Даже капелька пота застыла у него на виске, не осмеливаясь скатиться вниз в ожидании невозможного. Тонкие изящные пальцы, пройдясь по распахнутому вороту его рубашки, обхватили его шею. Эрик не мог дышать, глядя на всё то, что она делала. На то безумие, которое творила.

И словно этого было мало, она прижалась к нему всем своим обнаженным телом, капельки на котором тут же впитала его одежда, встала на цыпочки и, взяв его лицо в свои ладони, с завораживающей нежностью прильнула к его губам.

Что-то треснуло и надломилось прямо в груди. Его пронзило такое мучительное отчаяние, такая непреодолимая потребность в ней, что стало просто бессмысленно бороться. Потому что только сейчас Эрик понял, что всё время, что они были вместе, первой за поцелуями всегда тянулась Клэр. Она сама просила его поцелуев, вверяя себя ему почти без остатка. Как она могла любить другого и при этом целовать его, Эрика, так, будто он был единственный, кого она хотела целовать?!

Прикосновение ее мягких, теплых губ, свежего чистого дыхания и запах распутившихся ландышей прошелся по телу острым ознобом. Его объяло такое огненное желание, что на мгновение Эрик задрожал. Полотенце выскользнуло из его пальцев и упало прямо в ванную, но он уже не услышал шлёпка и всплеска воды.

У него потемнело перед глазами. Накопившееся за два дня долго сдерживаемое напряжение дало трещину и взорвалось в нем. Застонав от боли, Эрик закрыл глаза, чувствуя, как его руки, получив негласное благословение, потянулись к ней, обхватили ее тоненькую талию, ощущая под ладонями влажную теплую кожу, и до предела прижали к себе хрупкое тело Клэр с мокрой округлой грудью, которая, намочив его рубашку, впечаталась в него набухшими сосками так, что судорога сотрясла его всего.

Он никогда не мог устоять перед ней, а сейчас тем более. Повернув голову, Эрик сам жадно завладел ее губами, раскрыв их еще шире и нырнув к ней глубоко и неистово, понимая, что не сможет отпустить ее. Не мог отпустить с тех пор, как она свалилась на него в музыкальной комнате его отца. С тех пор, как доказала ему, что он еще способен на чувства, способен испытать желание, не омраченное воспоминаниями прошлого.

Судорожно вздохнув, Клэр раскрыла ему свои уста, запустив пальцы в его волосы, и Эрик окончательно потерял голову, понимая, что пал жертвой обмана, но с кем он собирался спорить? С собственной совестью, которая была глуха к тому, что сейчас происходило, и не собиралась упрашивать его остановиться? Клэр заманила его к себе и обняла его так, будто только этого и хотела. Она с безмолвной готовностью встретила его напор, и, лишившись остатков рассудка, Эрик поцеловал ее так, как не целовал никогда прежде. Поцеловал так, будто следующего мгновения для него могло не наступить. Жадно, ненасытно, всепоглощающе.

Клэр непроизвольно выгнула спину и издала такой приглушенно-волнительный стон, что у него подогнулись колени. Этого было достаточно, чтобы Эрик перестал сдерживать

себя. Последние попытки взять себя в руки рухнули, оставив его совершенно беспомощным перед силой всепоглощающего желания, которое он не мог больше подавить.

Ее поцелуи обжигали, дыхание опаляло. Пальцы, поглаживающие его голову и перебирающие волосы, сводили с ума. Не властный более над своим разумом, Эрик резко приподнял Клэр из ванны. Удерживая одной рукой ее за талию, дрогой он сжал ее бедро и приподнял стройную ногу так, что она была вынуждена обхватить его торс своими ногами. Почти как вечность назад в Пембертоне. И когда тяжесть и жар ее тела надавили на окаменевшую часть его тела, Эрик, оглушенный волной пронзительного наслаждения, понес ее к кровати, не видя ничего перед собой.

Он собирался прикоснуться к ней всеми известными ему способами, чтобы зацеловать каждый дюйм этого божественного тела, собирался подарить ей такое наслаждение, которое заставит и ее позабыть обо всем на свете. Долгие мучительные дни воздержания сделали свое дело, пробудив в нем голод, который невозможно было утолить без Клэр.

Она не издала ни единого звука, когда Эрик почти упал с ней на мягкий матрас поперек кровати. Она не переставала целовать его, когда он приподнялся, чтобы не раздавить ее. Опираясь о локоть левой руки, которой обнимал ее за талию, Эрик приподнял дрожащую ногу Клэр и вновь прижал к себе, вжимаясь в ее влажное, податливое тело. У него из глаз едва не посыпались искры, когда Клэр, издав сдавленный стон и взяв его лицо в свои ладони, непроизвольно выгнула спину, прижавшись до предела к его окаменевшим чреслам.

Господи, она тоже хотела этого! Она льнула к нему так, будто ничего больше не хотела. Целовала так упоительно, что у него туманилось в голове. Эрик задыхался, испивая ее сладость, изучая каждую влажную клеточку пальцами, губами и языком, раздираемый неподвластной ему любовью и бесконечной нежностью к ней.

Ощувив на себе его тяжесть, Клэр на мгновение испугалась того, что зашла слишком далеко, что своей откровенностью, которую сама от себя не ожидала, может напугать и оттолкнуть его от себя, если он придет в себя. Как легко ей удалось заставить его позабыть обо всем на свете! Боже, неужели у нее была такая власть над ним? Блаженная радость от одержанной победы стала быстро таять, усиливая сомнения. Она снова подумала о том, а правильно ли поступает? Господи, она ведь должна была поговорить с ним, а не соблазнить! Но отчаяние было слишком велико, у Клэр просто не было выбора. Если бы только Эрик не оставил ее на целых два дня, заставив подумать, будто она ему больше не нужна! Как она могла отпустить его сейчас, когда он целовал и касался ее так, будто мог задохнуться без нее?

Она знала, что не отпустит его, когда он появился на пороге. Он выглядел ошеломленным, когда она проигнорировала полотенце и обняла его. И почувствовала, как он дрожит, как будто он был на грани, ведь... он всегда так остро реагировал на ее прикосновения. И эта невыносимая двухдневная разлука, которая не пошла на пользу и ему, которое, возможно, имела для него такое же разрушительное воздействие, как и для нее.

И это подстегнуло Клэр, которая знала, каким почти нестигаемым он может быть, когда что-то вобьет себе в голову. Она придумала единственное, что пришло ей в голову, но Клэр даже не предполагала, что всё получится так... так восхитительно, что разумные мысли мгновенно покинули ее. Она прижималась к нему, боясь, до ужаса боясь, что он вот сейчас придет в себя и оттолкнет ее.

Она не думала, что сама так быстро вспыхнет, когда он обнял и прижал ее к себе. Так крепко, что она едва не задохнулась. Прежде ей не мешали даже слои одежды, а теперь на

ней не было и одежды, поэтому она еще более отчетливо ощутила неистовое биение его сердца, которое билось будто бы рядом с ее собственным сердцем. Буквально вдавленная в могучее, твердое как гранит тело, она вздрогнула, ощутив прохладу его одежды, и уцепилась за его широкие плечи, чтобы не упасть, но он бы не позволил этому случиться. Эрик так неожиданно поднял ее из ванны, что она даже не заметила этого, но когда, разведя ей ноги, прижал ее к чему-то напряженному и выступающему вперед, к запретной части себя, Клэр и вовсе застыла, а потом глухо застонала, потрясенная не тем, что это могло означать, а тем, какую острую волну сладостного томления вызывало в ней его стремительное прикосновение к потаенному месту, к которому он уже однажды прижимался в Пембертоне.

Жар его дыхания вкупе с неистовыми поцелуями его горячих губ вызвали в ней такие мощные ощущения, что Клэр стала задыхаться, наполняясь жаждой чего-то большего. Едва живая в его объятиях, Клэр утонула в чувственном слиянии их губ, чувствуя недолгие мгновения полета, а потом к ее спине прижалась прохлада шелковых простыней. Он бережно уложил ее на этот раз на кровать и опустился сверху, ни на минуту не отпуская ее губы. И обнимал ее так крепко, что она не могла пошевелиться. Но шевелиться было совершенно бессмысленно, потому что глубоко-пьянящий, мучительно-страстный поцелуй пробудил в ней давно забытые сладкие ощущения, которые наполнили тело тяжестью так, что не было даже возможности пошевелиться.

А когда он свободной рукой, пройдясь по трепещущему телу и опустившись ей на бедро, развел ноги в сторону и в очередной раз настойчиво прижался к тому самому месту, где всё пульсировало и горело, Клэр поняла, что совсем скоро на нее обрушится нечто невероятное. Будто бы издали раздавался поучительно-тихий голос матери, которая пыталась рассказать ей о том, что может произойти в ее первую брачную ночь. Ночь, которую она так безобразно испортила. Ночь, которая стала бы для нее дивным открытием, если бы она поняла зов сердца чуточку раньше. Сердитая тогда на свою мать, она не пожелала выслушать ее, и теперь так сильно жалела об этом. Потому что не знала, что ей делать.

Эрик всегда так остро действовал на нее, что она моментально теряла голову. Клэр была напугана обрушившейся на нее страстью, потому что боялась, что не вынесет этого. Но в то же самое время ей хотелось этого безумства. До смерти хотелось прижаться к нему еще теснее, чтобы раз и навсегда завоевать его и не оставить ему выбора. Чтобы доказать ему, как он нужен ей, как дорог. Ее не смутила щетина не его лица, которая не царапала, а будто бы дразнила, воспаляя ее еще больше. Она лишь опасалась того, что в любой момент Эрик может прийти в себя, встать и уйти. Поэтому целовала его с еще большим жаром и отчаянием, чтобы только удержать его в своих объятиях. Чтобы не позволить ему прийти в себя, ведь это было... Боже, ему это было нужно не меньше. И это было... это было восхитительно!

Ее губы распухли и болели. Чувствуя, как неиссякаемые волны удовольствия бродят по телу от малейшего его прикосновения, даже легкого дыхания, Клэр действительно задыхалась, но продолжала обнимать его напряженные плечи, поглаживая без того растрепанные мягкие волосы. Она почувствовала, как он вдавликает ее в матрас своим огромным телом, прижимаясь к нему до предела. Из горла вырвался приглушенный стон. Клэр едва могла дышать, но следовала за ним, что бы он ни делал.

Влекомая мучительной тоской и обезоруженная его ласками, она позволила себе раствориться в нем, дав себе обещание, что как только разум вернется к ней, она обязательно скажет ему, как сильно любит его. И тогда ему не придется отпустить ее. Или того хуже,

сожалеть о том, что он сделал.

От него пахло свежим ветром, потом, сандалом и специями, и это был самый лучший запах, который она когда-либо вдыхала. Его горячие поцелуи дурманили, оставляли обжигающий след на губах, которые никогда не знавали такого яростного, почти агонизирующего поцелуя. Его руки, проходясь по ее телу, оставляли такие же обжигающие следы на коже, капельки на которой испарились.

Он не переставал испивать ее губы, когда, приподняв руку, тут же накрыл широкой ладонью ее грудь. Клэр замерла, издав глухой стон.

Внезапно Эрик оторвался от ее губ, но только для того, чтобы покрыть поцелуями ее щеки, лоб, влажные волосы, будто бы успокаивая ее, затем прижался к носику, а потом снова опустился на губы. Рука сжала чувствительный холмик так, что из горла Клэр вырвался на этот раз глухой, потрясенный вскрик, заглушенный его губами. Она и думать не смела, что такое возможно. Он и прежде касался ее так, в Пембертоне, когда уложил на стол, но тогда она не ощущала того буйства чувств, какие охватили ее сейчас.

Его лихорадочно-нежные ласки сводили с ума так, что стало темнеть перед глазами. Прижимая ее к матрасу и не позволяя ей пошевелиться, Эрик тем не менее имел полный доступ к тому, что доселе было запретным для него.

Пьяный угар бил в голову так, что он ни о чем не мог думать. Потому что никогда прежде не испытывал такого почти убийственного желания. Он хотел зарыться в нее, хотел немедленно погрузиться в ее жаркие глубины и никогда больше не отпускать от себя. Целуя ее до тех пор, пока оба не стали задыхаться, Эрик почти вечность спустя отпустил ее уста и прижал губы к нежному изгибу подбородка, сжав совершенную по форме идеальную грудь.

Перед глазами снова потемнело. Прикусив губу, чтобы сдержать стон, Клэр тем не менее не смогла этого сделать, выгнув спину тогда, когда его палец прошелся по невероятно чувствительной вершинке.

— Боже, — выдохнула она, не представляя, что подобная ласка может вызвать облегчение и мучительное напряжение одновременно. — Эрик... — прошептала она, зажмурив глаза, когда палец в каком-то ритме стал поглаживать ее, высекая из тела искры распалющегося желания.

Запрокинув голову назад и хватая ртом воздух, Клэр обхватила его голову руками, не представляя, хочет оттолкнуть его от себя, или прижать еще ближе к себе. Но она не сделала ни того ни другого, потому что, опустившись вниз, Эрик на этот раз поразил ее совсем другим. Отстранив от ее груди свою руку, он заменил ее своими губами.

Потрясенно ахнув, Клэр замерла, а потом протяжно застонала, боясь умереть от пронзительной ласки. Ей даже в голову не пришло, что можно коснуться кого-то с такой откровенностью, но это... Это превзошло все ее ожидания. Клэр уже не понимала, где заканчиваются приличия и начинается неведомое ей доселе таинство, но теперь это было неважно. До тех пор, пока он обнимал и целовал ее с таким упоением, ничего не свете не имело больше значения.

Хотя нет, кое-что действительно имело. Клэр должна была сказать ему, что любит его, но когда он схватил невинный сосок умелыми губами и глубоко втянул в себя, она не смогла бы заговорить, даже если бы и захотела, сотрясаясь в спазмах оглушительного удовольствия, которое разлилось по всему телу. Это было великолепно, Боже, это было так дурманяще, что она не могла позволить этому закончиться! Подумать только, она могла бы лишиться всего этого, если бы он не пришел, если бы она потеряла его, не сказав... Она и не говорила ему,

но скажет, непременно скажет, когда Эрик вернет ей способность говорить.

И пока он с парализующей откровенностью ласкал ей грудь, приподняв ее пальцами так, чтобы было еще удобнее это сделать, внутри Клэр с мощной силой нарастало томление, переходящее в жгучую потребность чего-то, чего она не понимала.

Очередная сильная волна прокатилась по ней, когда его язык с особым пылом прошелся по напряженному соску. Спина выгнулась само собой. Клэр задыхалась от того удовольствия, которым наполнялась каждая клеточка ее тела. Она дрожала от малейшего прикосновения его губ и пальцев... Даже легкое дыхание могло вызвать в ней такой озноб, что можно было сойти с ума. И это было самое замечательное, что происходило с ней за всю ее жизнь.

Лаская ей грудь, Эрик не переставал поглаживать ее белоснежное тело, заставляя ее трепетать еще больше. Не в состоянии насытиться одной, он переметнулся к другой полной груди, подвергая ее той же неумолимой ласке, одновременно поглаживая ее стан свободной рукой, сжимая ей бедра, разводя ноги в сторону так, чтобы вновь оказаться между ними. Он совершенно лишился рассудка, потому что не мог больше сдерживать себя, и вероятно овладел бы ею немедленно, если бы не посторонний звук.

Клэр бы вечность тонула в этом водовороте, но и до нее донесся громкий стук. Кто-то настойчиво стучался в дверь ее комнаты!

— Нет! — выдохнула она в панике, крепче обняв Эрика, потому что знала совершенно точно: он придет в себя и непременно уйдет. У нее ведь было так мало времени. И она... она никогда бы не узнала волшебство этого мгновения, если бы не заставила его потерять голову. — Эрик... — умоляюще позвала его Клэр, когда, замерев, он всё же поднял свою темноволосую голову.

Глаза его потемнели и пылали так, что его едва можно было узнать. Волосы спутанными прядями падали на хмурый лоб, доходя почти до прямых черных бровей. Он дышал почти так же тяжело, как и она, но постепенно выражение его глаз наполнилось смыслом. И Клэр с болью была вынуждена признать, что он пришел в себя. Пришёл в себя достаточно, чтобы возненавидеть ее за то, что она сделала. К чему его чуть было не толкнула, бессовестно воспользовавшись его самой большой слабостью.

«Я ведь люблю тебя! — беспомощно подумала она, видя, как он приподнимается. — Я так...»

Разрушительная реальность вторглась в тот чарующий мир, который они так молниеносно возвели, но который так же молниеносно рухнул, когда он осознал, что чуть было не сделал. Когда посторонний голос проник в затуманенное сознание, развеяв волшебные чары.

— Милорд, это Флаттер. Вы просили передать, когда прибудет ваш гость. Вы примите его?

Он уйдет! — в ужасе думала Клэр, видя как искажается его лицо. — Он уйдет, даже не выслушав меня.

— Эрик?

Ее шепот разбился о глухую стену, которая в ту же секунду возникла между ними, хотя он всё еще лежал на ней. Такой тяжелый, такой напряженный и горячий, но такой чужой. Его лицо побледнело так резко, что это даже напугало Клэр. А потом...

Потом он отпустил ее, резко вскочил на ноги и отвернулся от кровати. От нее.

Его плечи вздрогнули. Он провел рукой по своим волосам, а потом... потом поступил

так же, как и в тот день в Пембертоне. Он направился к двери и покинул ее комнату, на этот раз не сказав ни единого слова.

Клэр медленно присела на матрасе, глядя на дверь, за которой скрылся Эрик. И если бы не осознание того, что совсем скоро они поговорят, и он услышит из ее уст признание, которое всё исправит, она могла бы навечно отдаться в руки отчаянию, которое могло бы полностью поглотить ее.

Нет, — уверяла себя Клэр, прикрываясь простыней и вытирая бегущие по щекам слезы, — он бы не поддался ее натиску, если бы ничего не испытывал к ней. Ее прикосновения были нужны ему так же, как и ее поцелуи. Он не устоял, потому что был так же слаб перед этим, как и сама Клэр, и если она хотела на этот раз другого исхода для них обоих, она должна была немедленно пойти к нему.

Встав, она потянула за сонетку, вызывая к себе Мэг. Тело всё еще дрожало после долгих ласк, но усилием воли Клэр взяла себя в руки, с трудом борясь с болью в сердце и уговаривая себя, что у нее всё получится. На одно мгновение ей показалось, будто она вся пропиталась запахом сандала и сладких специй настолько, что теперь сама пахла ими.

Когда дверь распахнулась, Клэр встрепенулась и открыла глаза, увидев на пороге на этот раз свою горничную. Румянец на щеках мог бы смутить Клэр и вероятно выдавал то, что произошло в спальне совсем недавно, но Эрик ведь был ее мужем. Господи, они имели право целоваться тогда, когда пожелают! И чем скорее она поговорит с ним, тем скорее доведёт до него эту простую истину...

Но слова Мэг спустили Клэр с небес на землю.

— Миледи, милорд просил передать, что ждет вас в своем кабинете.

Ушёл для того, чтобы позвать ее в кабинет для разговора? Почему не остался и не поговорил с ней здесь? Она могла бы... одеться и выслушать его, но Клэр внезапно поняла, что ни о какой одежде не могло быть и речи с того самого мгновения, когда он обнял ее и понес к кровати. Единственное что терзало ее, так это мысль забраться к нему под рубашку и исследовать его великолепное тело почти так же, как он делал это с ней. Тело, на которое она не могла налюбоваться, когда ухаживала за ним во время ранения.

— Помоги мне одеться, — сказала Клэр, испытывая почти непреодолимое желание поскорее увидеть своего мужа.

Муж.

Он ведь действительно был ее мужем. Принадлежал ей. И пора ему было понять это.

Но через полчаса, спустившись в его кабинет, Клэр даже не предполагала, что вся ее решимость добиться его сердца будет разрушена им же самим.

Потому что в кабинете они были не одни.

Возле окна, обернувшись к ней, стоял Клиффорд.

Господи, она надела еще одно умопомрачительное платье, которое появилось в ее гардеробе с тех пор, как они покинули Пембертон! Эрик догадывался, что это могло быть только благодаря вмешательству Алекс, но не представлял, что Клэр решится надеть эти наряды. Такая соблазнительная, такая очаровательная, до боли любимая и желанная, которая несколько мгновений назад обнимала его так, что могла бы позволить ему войти в совершенно другой рай, куда не проникал никто.

Едва владея собой, Эрик стоял за своим письменным столом, сжимая руки за спиной так, что побелели костяшки пальцев. Два дня мучительной тоски и усталости сделали его совершенно беспомощным перед ней, и он чуть было не совершил самую ужасную ошибку в своей жизни. Черт бы побрал все на свете, но он не мог овладеть ею, не зная наверняка, принадлежит ли ему ее сердце или нет!

Ошеломленный тем, как быстро стали развиваться события и глядя на то, как Клэр сейчас входила в кабинет, как нежная улыбка играет на ее губах даже после того, что произошло наверху, Эрик внезапно испытал настоящий ужас оттого, что хотел помешать ей войти. Помешать ей сделать то, что навсегда перечеркнет пережитое ими вместе чудо. Он чуть было не бросился вперед и не заслонил ее собой с тем, чтобы вывести из этой комнаты. Унести ее туда, где ее никто не сможет найти. Где она вновь позволит прикоснуться к себе, и тогда он падет к ее ногам и предложит ей свое искромсанное, покрытое глубокими шрамами, истекающее кровью, но переполненное бесконечной любовью к ней сердце, может быть она снова поцелует его так, как делала недавно. И может тогда он хоть что-то будет означать для нее.

Но Эрик не мог лишить ее возможности увидеться с тем, кого она любила. С кем должна была встретиться. Ради этого они и приехали сюда, преодолев немыслимое.

И только когда ее улыбка погасла, когда Клэр заметила стоявшего у окна человека, Эрик понял, что вот сейчас он действительно совершит самую большую ошибку своей жизни. Потому что теперь у него не будет ни единой возможности завоевать или заслужить ее.

Господи, он не должен был привозить ее сюда! Должен был запереть в своем доме и любить ее до тех пор, пока она не полюбит его! Что он наделал?!

Краска отхлынула от красивого лица, когда Клэр медленно повернулась к окну.

— К-клиффорд? — прошептала она, не веря своим глазам.

Он улыбнулся и шагнул к ней.

— Да, радость моя, это я.

У нее закружилась голова. Ей и так было трудно стоять на ногах. Сперва от того, что она не могла одолеть нарастающее волнение при мысли о том, что совсем скоро откроет свое сердце и всё, наконец, встанет на свои места. Теперь она боялась упасть от охватившего ее холодного оцепенения. Волнение мгновенно ушло, сменившись жгучим ужасом при мысли о том, что действительно могло произойти.

Едва живая, едва видя перед собой приближающуюся фигуру, Клэр вдруг поняла, что не вынесет, если он на самом деле приблизится к ней. Или, того хуже, коснется ее. Находясь в неопишуемой панике, она вскинула руку, запрещая ему приближаться.

И он к ее облегчению остановился.

Прижав вторую руку ко лбу, Клэр на мгновение закрыла глаза, чтобы собраться с

мыслями. Господи, что происходит? Что все это значит! Как он здесь оказался?

«Вы просили передать, когда придет ваш гость. Вы примете его?»

Его пригласил Эрик! Ну конечно, он ведь собирался привезти ее сюда, и если ее примут, он даст ей развод. Даст развод после всего, что они пережили, что произошло между ними. Даже после всего этого он собирался дать ей развод!

Сгорая от жгучей боли предательства в груди, Клэр открыла глаза и повернулась к Эрику. Его застывшее каменное лицо и неумолимые глаза сказали ей больше, чем она хотела знать. Господи, он был так же непреклонен, как и в тот день, когда заявил, что собирается отвезти ее в Эдинбург! И сейчас... Боже, этот глупец стоял и смотрел на нее так, будто действительно готов был передать её другому! Прямо сейчас.

— Ты собираешься следовать своему решению даже не смотря на то, что произошло наверху? — спросила она надтреснутым голосом, не веря в то, что это происходит на самом деле.

Его лицо исказилось еще больше, Эрик вздрогнул, дрогнула жилка на его щеке, выдавая всю его неодолимую сдержанность, но он так ничего и не сказал. Не сказал ни единого слова правды, ни слова лжи, чтобы хоть как-то объяснить свой поступок, как-то замять то, что надела. Он ничем не собирался дать ей понять, что она хоть немного нужна ему. Что ему есть дело до той, чью жизнь он спас, кому купил тот грандиозный рояль. Кого он обнимал наверху несколько минут назад, кого целовал так, будто не мог жить без этого. Без нее... Она не могла поверить в то, что всё это не имело для него никакого значения, но...

Но он стоял и смотрел на нее, храня такое упрямое молчание, что это... Это разбивало ей сердце. Впервые в жизни Клэр поняла, что происходит, когда по-настоящему разбивается сердце, переполненное любовью, которая никому не нужна.

— Уходи! — прошептала она сквозь слезы, которые незаметно покатались по щекам, падая ей на лиф и исчезая в складках бельгийского кружева. — Уходи сейчас же!

Ей было так невыносимо больно, что Клэр задыхалась. Впервые в жизни ей захотелось ударить его, прямо туда, где должно было биться его каменное сердце. Сердце, которое она всегда ощущала, когда касалась его. Сердце, ради которого готова была бросить к его ногам свое собственное, не прося ничего взамен. Сердце, которое пережило так много ужаса и реагировало только на ее прикосновения, но не собиралось бороться за нее.

Клэр будто в тумане видела, как он медленно выходит из-за стола. Эрик продолжал смотреть на нее, когда снова замер. Будто не мог сдвинуться с места. Будто не знал, что ему делать.

Впервые в жизни она не могла его видеть. Не хотела больше его видеть.

«Какой же ты всё-таки глупенький! Самый большой глупец на этом свете!»

Безмолвное молчание окутало всё вокруг, не позволяя ни малейшему шуму проникнуть в эту комнату и нарушить то, что происходило. Клэр боялась того, что если очнется от этого оцепенения, она не сможет вынести того, что сейчас действительно произойдет. Она продолжала задыхаться, глядя на человека, который собирался отдать ее другому. Который лишь однажды попросил ее остаться в своей жизни, умоляя дать ему возможность найти тысячу способов, чтобы сделать ее счастливой. Только раз он просил об этом, но это стоило его собственного сердца.

Опустив голову, Эрик направился к двери и вышел из кабинета. Вышел так, будто не собирался больше вернуться.

У Клэр похолодело всё внутри. Потому что она знала, что он не вернется. Он сделал то,

ради чего привез ее сюда. Отдал ее другому, который принял её. И теперь... Оставался только развод.

Грудь сдавило с такой силой, что она прижала ладонь к сердцу, боясь задохнуться от той внезапной боли, которая набросилась на нее, стремясь без остатка раздавить ее. Почти, как та самая страсть, с которой он несколько минут назад обнимал и прижимал ее к себе.

— Клэр, любимая, что с тобой?

Голос Клиффорда, чужой, холодный, неважный вторгся в сознание, терзая ее еще больше.

Она и забыла о нем. О его существовании, как забыл и оставил ее он.

Господи, она действительно была отвержена дважды!

Едва дыша, с трудом стоя на ослабевших ногах, Клэр медленно обернулась к человеку, которого, действительно, некогда считала, что любит. Любит так, что отреклась от отца, от своей семьи, от всех тех, кто был дорог и важен ей. Тех, кто составлял часть ее жизни, она была готова принести в жертву на алтаре любви к этому человеку, который стоял сейчас перед ней. Который не сделал ничего, чтобы завоевать ее.

Человек, которого она совершенно не знала. Человек, чьи черты лица она даже не помнила. Его каштановые вьющиеся волосы воздушными локонами падали на молодое, гладко выбритое, романтичное лицо. Глаза... у него были темно-карие глаза, в которых плясало веселье. Беззаботный и совершенно лишённый бремени ответственности за что бы то ни было, он походил на мальчишку, а не на волевого мужчину.

Будто бы издалека раздался печальный голос матери на том первом музыкальном вечере графини Девон, когда Клэр впервые исполнила свою Лунную сонату для дяди Джорджа.

«Какой галантный мальчишка...»

Да, мальчишка. Он всегда был галантным, внимательным, немного легкомысленным, но таким очаровательным, что невозможно было не поддаться его обаянию. Еще почти нежные, миловидные черты лица придавали ему мальчишеский, а не мужественный вид. Беззаботным юношей, который был покорен ее красотой. И ради него она отреклась от отца и своей семьи? Ради человека, который смотрел сейчас на нее так, будто не понимал, что происходит? Человек, который так ни разу не написал ей!

— Клэр... — заговорил он вновь, шагнув к ней.

И внезапно обретая способность двигаться, она выпрямила руку, лежащую на груди в до боли знакомом жесте, останавливая наступление мира, чье прикосновение могло бы быть для нее просто невыносимым. Господи, теперь она так хорошо понимала чувства человека, который делал почти то же самое, отгораживаясь от мира! Человек, который так просто вышел в эту дверь...

Холодея от ужаса, она внезапно поняла, что на этот раз действительно потеряла то, без чего не мыслила свою жизнь.

— Где ты был?

Клиффорд замер на полпути, потупив свои карие глаза.

— Что?

Хриплый стон вырвался из горла, когда стало очевидно, что он действительно не понимает того, что происходит.

— Где ты был всё это время? — спросила она вновь охрипшим, почти неузнаваемым голосом, чувствуя, как ее трясет.

Клиффорд нахмурился.

— Я был здесь. Ты что ж, забыла, что меня вызвал отец?

Клэр рассмеялась бы, если бы у нее так отчаянно не болело сердце. За все те мучения, которым она добровольно подвергла себя ради стоявшего перед ней человека, который даже понятия не имел о том, как нужен ей. Был нужен когда-то...

— Тебе известно, что я вышла замуж? — попыталась она вновь.

Клиффорд заметно сглотнул, но продолжал так же прямо смотреть на нее.

— И человек, который позвал меня сюда и только что вышел, твой муж, да?

«Твой...»

Принадлежал ли Эрик хоть когда-нибудь ей?

Большой боли невозможно было испытать, поэтому Клэр не смогла остановить слезы, которые хлынули из глаз. Вытерев их дрожащей рукой, она сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться.

Внезапно вдали послышался громкий звук хлопающейся двери, а потом Клэр, переведя взгляд на большое позади Клиффорда окно, которое выходило на улицу, увидела высокую темную фигуру, покидающую дом. Эрик не подумал даже остаться, чтобы не помешать ее «воссоединению»! И неожиданно гнев такой силы овладел Клэр, что потемнело перед глазами. Он не остался даже для того, чтобы она смогла потом обрушить свой праведный гнев на него. Рядом был только Клиффорд, заслуживающий не меньшей кары. Она была слишком доброй и за всю жизнь сознательно не обидела никого. Потому что до сих пор ее сердце, ее чувства, ее веру не топтали так безжалостно, как сейчас.

— Ты знаешь, что я по утрам люблю пить чай с клубничным джемом?

Сконфуженное выражение его лица не требовало больше ответа, но он удивленно покачал головой.

— Что?

— И что я могу лазить по деревьям? Тебе будет страшно, если я полезу на ближайшую иву или дуб?

Клиффорд удивленно смотрел на нее.

— Ты что, с ума сошла? О чем ты говоришь?

И Клэр внезапно рассмеялась, глухим, надрывным смехом, не замечая бегущих по щекам холодных как лед слез. Смеялась и не могла остановиться, потому что знала, что если остановится, она действительно сойдет с ума. Потому что те мелочи, которые когда-то не имели значения, сейчас сложились в такой большой смысл, без которых невозможно было уже жить.

— Ты никогда не любил слушать, как я играю на рояле. Тебе никогда не нравилась моя Лунная соната, — сквозь слезы выдавила она, чувствуя, как перехватывает в горле. Клэр закашлялась, не в силах остановиться. Предпринимая нечеловеческие попытки добраться до ближайшего кресла, она всё же сделала это на подгибающихся ногах и обессиленно схватилась за твёрдую спинку, чтобы не упасть. — Ты знаешь, что холодным шампанским никогда не лечат горло? И да, я ненавижу шампанское.

Клиффорд ошеломленно смотрел на нее.

— Клэр... — прошептал он, будто прозревая, но теперь это не имело никакого значения.

подавив кашель, Клэр резко обернулась к нему, чувствуя, как вновь кружится голова. Так, что вся комната вертелась у нее перед глазами.

— Ты приехал за мной?

Клиффорд тут же кивнул.

— Да.

— Когда ты узнал о том, что я вышла замуж?

Его плечи виновато опустились, глаза заволокло легкой дымкой.

— Слишком поздно...

— И тебе даже в голову не пришло, что я, возможно, очень нуждаюсь в тебе? Тебе не хотелось прийти и хотя бы еще раз посмотреть на меня прежде, чем меня насильно выдадут замуж?

— Прийти? — тупо повторил он.

Господи, ему действительно даже в голову не приходила такая мысль!

Сжимая спинку кресла так, что побелели костяшки пальцев, Клэр гневно посмотрела на него, признавая, что сейчас не испытывает к нему даже симпатию. Ни сострадания, ни жалости. Лишь бесконечное презрение и желание как можно дальше уйти от него.

— Ты хоть понимаешь, что ради тебя я была готова отказаться от всего, я отреклась от отца, обидела мать и своих сестер... Ради тебя я разрушила жизнь невероятно благородного, необыкновенного человека, а ты так и не понял, что я нужна тебе, верно? Ты ведь даже не допускал и мысль о том, что я могу любить не розы и не лилии, а те простые ландыши, что росли у нас во дворе под деревом, просто потому, что никогда не спрашивал об этом.

Клиффорд сделал очередной шаг в ее сторону.

— Клэр...

Она вновь резко, осуждающе, почти угрожающе вскинула руку, отвернув от него свое лицо.

— Уходи! Уходи сейчас же и не смей больше возвращаться! Когда-то я думала, что ты меня искренне любишь и что я нужна тебе, а ты даже не вспоминал меня за все эти дни, верно? — Когда ему было нечего сказать, она гневно добавила: — Уходи!

На этот раз отвергала она. Отвергала то, что жизнь, казалось, так щедро предлагает ей. Но это были не щедрые дары, а лишь очередные попытки в последний раз забить ржавый гвоздь в ее сердце так, чтобы оно больше никогда не билось.

Клиффорд покачал головой.

— Ты ошибаешься, Клэр. Когда-то я любил тебя.

— Нет, — совершенно спокойно возразила она сквозь слезы. — Возможно, это была влюбленностью, и ты научил меня влюбляться, но ты никогда не любил меня. Иначе попытался бы сделать всё возможное, чтобы сберечь нашу любовь.

Он покачал головой. Взяв с дивана шляпу, Клиффорд медленно ее надел и направился к двери.

— Прощай, Клэр.

Когда за ним закрылась дверь, Клэр ощутила такую невыносимую слабость во всем теле, что колени подогнулись, и она рухнула на пол. Едва дыша, она прикрыла руками бледное, как простыня, лицо и заплакала, не в состоянии вместить в себя то горе, которое обрушилось на нее.

Еще полчаса назад ей казалось, что все исправимо, полчаса назад она собиралась бороться со всем миром за ту любовь, за которой последовала бы на край света, а теперь... теперь у нее ничего не осталось. Потому что Эрик ушел, едва она потребовала этого. А потом покинул и дом, будто уже подписав ей документы о разводе!

Захлебываясь в глухих рыданиях, Клэр сотрясалась, боясь развалиться на части, если он

действительно разведётся с ней.

«Клиффорд никогда не просил твоей руки».

Справедливо и так верно. А что она сделала с предложением человека, который теперь был нужен ей как воздух?

«Я знаю, что у вас на большом пальце правой руки есть шрам. Я знаю, что в детстве вы любили лазить по деревьям, знаю, что в чай кладете две ложки сахара, знаю, что любите ландыши, любите свою кашемировую шаль, без которой никуда не выходите. Знаю, как сильно вы преданы музыке и мне это нравится, нравится, как вы ловите каждую ноту, где бы они ни были. Я знаю, что как шампанское действует на вас, и знаю, что мне этого было достаточно, чтобы захотеть видеть вас своей женой».

Пронзительная боль сжала ей грудь так, что Клэр не смогла сдержать мучительного стога.

«У тебя есть мечты?»

«Есть... Я говорил тебе о ней».

Внезапно даже сквозь пелену боли и сокрушительного отчаяния Клэр поняла, что он действительно говорил ей об этом. Сказал так невероятно давно, что это стерлось в памяти, но как она могла забыть!

«Я найду тысячу способов, чтобы сделать тебя счастливой...»

Ее плечи перестали содрогаться. Клэр опустила руки и подняла голову. Ей было по-прежнему невыносимо больно, но доносившийся из прошлого глубокий, проникновенный голос удержал ее на тоненькой грани, чтобы не упасть в бездонную пропасть отчаяния и бессилия.

В порыве ослепительного гнева она обвинила во всём его, хотя сама не имела права так поступать с ним, первой разбив ему сердце, первой растоптав все его чувства, его мечты, а он... Она разбила его сердце во второй раз, а он всё это время стремился лишь к тому, чтобы уберечь ее собственное!

Невероятно, но её спас тот, кто не желал принимать её любовь, любя её настолько, что готов был отдать другому!

Господи!

Кому теперь он собирался отдавать её, если никто не желал принимать её? Если никого, кроме него не желала принимать она?

Не смотря на то, что боль продолжала свирепствовать над ней, Клэр поняла, что из всей этой ситуации есть только один выход.

Она должна уехать. И как можно скорее.

Он ушёл так далеко, чтобы потом не возникло искушения вернуться обратно. Но такого расстояния просто не существовало. И через некоторое время Эрик убедился в этом, когда бросился бежать обратно, внезапно и полностью придя в себя.

Господи, что он наделал? Какого черта принял ее бывшего ухажера?

Он не мог забыть выражение глаз Клэр, когда она, войдя в комнату, увидела того другого, а потом посмотрела на него. В ее глазах застыли такое пронзительное осуждение и такая немая боль, что это резануло по его собственному сердцу. Оглушённый тем, что всё происходило с невероятной скоростью, не до конца пришедший в себя после сцены в ее комнате, Эрик слишком медленно думал. Здоровые суждения и ясность ума померкли, столкнувшись с последним испытанием. С трудом соображая, что делает, Эрику тем не менее не оставалось ничего иного, как подчиниться властному, полному презрения и мучений голосу и уйти. Едва видя что-либо перед собой, он покинул дом с затуманенной головой, потому что прекрасно сознавал, что не вынесет вида Клэр, уходящей из его жизни под руку с тем, другим.

«Ты собираешься следовать своему решению, даже несмотря на то, что произошло наверху?»

Когда промозглый холодный ветер проник под сюртук так, что заставил его ощутить ледяные объятия северного ветра, который прочистил ему мозги, Эрик застыл как вкопанный посередине неизвестной улицы. А потом развернулся и бросился бежать обратно, надеясь, что еще не поздно.

Господи, какой он осёл! Настоящий болван! Неужели он поверил в то, что Клэр, его очаровательная, смелая Клэр действительно уйдет с тем другим? Уйдет, так и не уверовав в то, что нужна ему, так и не узнав, что он был готов сразиться за нее со всем миром. И он должен был сражаться, чтобы удержать ее. Чтобы доказать, как сильно она нужна ему.

Он нёсся по извилистым улицам, налетая на прохожих, задыхаясь от жажды поскорее оказаться дома. Поскорее заслонить собой весь дверной проход, чтобы никуда не выпускать ее.

Боже, он должен был сражаться за нее до последнего вдоха! Потому что черт бы побрал всё на свете, он имел на это полное право. Он ведь досконально изучил законы и знал каждую букву, и ни один закон на земле и в небесах не запрещал ему сражаться за свою жену. За свою любовь. За то, чтобы завоевать ее любовь. Он положит к ее ногам не только свое сердце, но сделает всё возможное, чтобы она пожелала принять это сердце. Он должен был добраться до нее, пока не стало слишком поздно.

Сперва борьба с прошлым, потом мучительное стремление понять своё место рядом с Клэр... У него было такое ощущение, будто с глаза спала толстая пелена, которая мешала ему видеть всё это время. Мешала ему соображать. С оглушительными ударами сердца он стремился к дому, вспоминая, как ласково обнимала его Клэр в своей комнате, с какой готовностью подставляла ему свои губы, чтобы он целовал ее еще дольше. Поцелуи, в которых не было ни капли сожаления или раскаяния. Она хотела этого, стремилась к нему всем своим существом, поражая его своей смелостью и попыткой добиться своего, когда так внезапно обняла его, а потом обвила своими ногами. Добиться почти того же, чего добивался он сам! Невероятно, но, повторяя его попытки ухаживать за ней, Клэр делала

почти то же, чтобы покорить его, не подозревая о том, что ей ничего не нужно делать. Он был покорен ею настолько, любил ее так сильно, что буквально ослеп. И понял самое главное слишком поздно.

«Ты собираешься следовать своему решению, даже несмотря на то, что произошло наверху?»

Когда-то, стоя в спальне их лондонского дома, Эрик убедил себя в том, что разбил ей сердце, но только сегодня утром узрел, как на самом деле выглядит женщина, которой разбили сердце. Разбил он сам! Разбил сердце, которое что-то испытывало к нему. Эрик боялся предположить, чем именно было полно ее сердце, но должен был выяснить это как можно скорее.

Господи, если она любила его, если только такое было возможно, он...

Боже, что он наделал!

Эрик свернул на последнем повороте, сбив с ног молодую девушку, которая торговала апельсинами. Корзина выпала из ее рук, апельсины покатались по мощенной дороге. Девушка вскрикнула от боли и гнева, но Эрик не успел даже извиниться и, не обращая внимания на боль в боку, помчался к большому дому, перед которым уже не стоял прибывший рано утром экипаж.

На мгновение замерев перед дверью, он все же громко постучал. Когда Флаттер открыл, Эрик быстро перешагнул порог и устремился к кабинету, бросив на ходу.

— Где моя жена?

Его жена! Которую он собирался отдать другому! Уму не постижимо!

— Графиня? — как-то тихо спросил дворецкий.

Эрик не расслышал подозрительных ноток в его голосе, потому что, дойдя до дверей кабинета, он быстро распахнул их и вошел. В совершенно пустую комнату. Только лишь слабый запах ландышей был свидетелем того, что здесь совсем недавно была Клэр.

Была...

Сердце его замерло в груди. Какое-то время он не мог оторвать взгляд от того места, где стояла Клэр. Эрик старался пока не думать ни о чем. Еще рано, уговаривал он себя, медленно поворачиваясь. Но даже если бы было поздно, он бы не позволил ей, он бы...

— Она уехала.

Слова дворецкого, прозвучавшие в тишине комнаты, показались предсмертным набатом тяжелых колоколов старинной церкви, после которой должны были опустить крышку гроба и заколотить ее.

Эрик стоял посередине комнаты, где некоторое время назад находилась его жена. Чье сердце он действительно разбил, заставив ее встретиться с тем другим сразу же после того, что было наверху, после того, как она обнимала его и принимала все его ласки, а потом, когда он хотел уйти, держала так, будто не хотела отпускать его. Клэр поверила в то, что не нужна ему. Поэтому и ушла. У него то колотилось, то едва билось сердце, холодея от ужаса. Покачнувшись, Эрик ошеломленно провел рукой по застывшему лицу и закрыл глаза. И тут же перед ним возник потемневший взгляд темно-золотистых глаз, полных такого осуждения, что вероятно, она никогда не простит его за это.

Господи, невозможно! Как он вынесет, если она навсегда исчезнет из его жизни?!

Черт побери, ему следовало думать гораздо отчетливее, но неудовлетворенное желание вкупе с внезапным появлением Эрскина привели к тому, что Эрик не смог действовать так,

как должен был. И теперь Клэр уехала!

Уехала, когда уехал и Эрскин.

Эрик боялся подумать о том, что она села в его карету. Даже если она это сделала... прежде он, вероятно, нашел бы в себе силы смириться с этим, но только не сегодня. Потому что прежде Эрик не любил ее так, как сейчас. После того, что они пережили вместе, она стала ему не просто дорога, она стала его жизнью, которая была ему не нужна без нее. Прежде он не считал себя вправе бороться за нее, но теперь собирался перевернуть небо и землю, чтобы отыскать ее. Чтобы заглянуть ей в глаза и сказать, что его сердце навеки отдано ей и что только она может решить, выбросить его, или помочь биться еще какое-то время. Возможно, он сделал всё, чтобы она уехала с Эрксиным, но Эрик не собирался позволить ей так просто исчезнуть из его жизни.

Медленно развернувшись, Эрик вновь направился к двери, пытаясь вспомнить адрес Эрскина. Он даже думал, что ему придется поломать несколько дверей, прежде чем добраться до Клэр, но теперь его ничто не могло остановить.

Его остановил лишь слабый голос дворецкого.

— Милорд, куда вы?

Эрик не собирался останавливаться, но, услышав нотки сочувствия, будто Флаттеру было что-то известно, он замер на полпути и обернулся.

— Я еду за своей женой.

«Еду вернуть её, если мне удастся это сделать».

Флаттер покачал головой, а потом полез в карман своей ливреи и достал оттуда аккуратно сложенную записку. Подойдя, он неуверенно протянул послание хозяину.

— Графиня просила передать вам это, когда вы вернетесь.

В груди похолодело так, будто внезапно наступила суровая зима. Эрик смотрел на красивый лист бумаги с гербовым тиснением, головой льва, символом его рода, на котором он всегда писал важные письма. Записка, которую подумала оставить ему Клэр. Послание, в котором она, вероятно, собиралась потребовать не искать с ней больше встречи, потому что его поступку не было прощения.

У него заныло сердце. Подняв руку, Эрик всё же взял послание, не представляя, как раскроет его. Единственное, что он знал, так это то, что даже если она потребует держаться от нее как можно дальше, он не сможет этого сделать.

Он был так виноват перед ней. За всё то, что сделал с ее жизнью, сперва разрушив ее тем, что заставил выйти за него замуж, а потом... потом собственноручно разбил ей сердце, оставив ее с другим.

— Вы не прочитаете, милорд? — недоуменно спросил Флаттер, осторожно взглянув в бледное, искаженное лицо своего хозяина.

Эрик едва мог дышать, но сумел покачать головой.

— Это уже не имеет значения.

Единственное, что сейчас имело значение: он должен был догнать Клэр, найти ее, а потом... Сейчас он должен был думать только о том, как найти ее. Пошатываясь, словно пьяный, он вышел из дома и вскочил на своего коня.

Спрятав в нагрудном кармане, где лежал блокнот с подаренным ею лепестком ландыша, ее записку, Эрик сделал глубокий вдох, коснувшись блокнота, будто так мог набраться сил, хлестнул поводьями и пришпорил коня.

Городской дом Эрскина встретил его гробовой тишиной. Сам Эрскин вышел встретить

его, вероятно, увидев его приезд из окна, но в дом Эрик не стал заходить.

— Где Клэр? — спросил он сразу же, как только увидел молодого парня, который открыл ему дверь.

Эрскин замялся и нахмурился.

— Клэр? С какой стати вы ищете ее здесь?

Чувство вины, смешанное с пульсирующей болью, сменилось таким обжигающим гневом, что Эрик шагнул к нему, сжимая руку в железный кулак, готовый пустить в ход при первой же надобности.

— Если выяснится, что вы укрываете в своем доме мою жену!..

Его прервал тихий презрительный голос.

— Жена, которая была вам не нужна настолько, что вы попросили забрать её, как только приедете сюда? — Не представляя, какие тучи кружатся над его головой, он скрестил руки на груди и презрительно хмыкнул: — Удивительно, что вы вспомнили о ее существовании...

— Ты даже понятия не имеешь о том, что говоришь! — процедил Эрик, оказавшись так близко, что с лица Эрскина слетела вся спесивость, и он тут же отступил на шаг. — Где моя жена!

Клиффорд замер, а потом опустил голову и тяжело вздохнул.

— Она выгнала меня. Выгнала так же, как и вас.

Какое-то время Эрик не мог понять его слов, ожидая чего угодно, но только не этого.

— Что?

Эрскин поднял голову. Глаза его были подернуты дымкой печали.

— Я не думал, что она любила меня настолько, чтобы отречься от своей семьи.

— Любила? — ошеломленно переспросил Эрик.

— Она сказала, что это не было любовью. Что мы просто были влюблены, ничего больше.

Влюблена? Просто влюблена? Боже, так она никогда не любила этого человека? Это было... Эрик запретил себе думать о чем-либо, пристально глядя на Эрскина.

— Где она? — прошептал он, чувствуя, как кружится голова.

Клиффорд пожал плечами.

— Не знаю, я ведь оставил ее в вашем доме. Она просила никогда больше не искать с ней встречи.

Эрик сделал глубокий вдох, а потом почувствовал, как неистово забилось его сердце. От надежды. Надежды, которая тут же рухнула, потому что теперь он на самом деле не знал, где Клэр.

— Советую следовать ее требованиям, иначе если я сам замечу вас рядом со своей женой, я...

— Клэр — замечательная, но я не собираюсь искать с ней новой встречи. Она не заслуживает новых страданий, кроме тех, которые я уже причинил ей.

— Клэр — моя жена, и за ее душевное спокойствие в первую очередь отвечаю я, сэр. Постарайтесь впредь не забывать об этом.

Развернувшись, Эрик снова вскочил в седло и помчался по широкой улице, до сих пор не веря в то, что сказал ему Эрксин.

«Она выгнала меня. Выгнала так же, как и вас... Сказала, что это не было любовью, что мы просто были влюблены, ничего больше ...»

Господи, неужели это правда? Неужели он действительно мог претендовать на сердце, которое желал завоевать с самой первой встречи? Неужели ее сердце не было занято всецело, как он однажды убедил себя в этом? Как она заявляла?

Она выгнала человека, которого когда-то так рьяно защищала! Ради которого действительно отреклась от семьи, от обожаемого отца.

Но это была не любовь!

Голова кружилась от какого-то неизведанного доселе ощущения. Такого поворота событий, такой эйфории он никак не ожидал обнаружить. Господи, она не любила Эрскина!

Но после случившегося она и его полюбить не смогла бы за то, что он сделал...

Рано было приходить к каким-либо решениям, ведь она выгнала и Эрксина, и его самого, а потом уехала, собрав свои вещи. Эрик растерянно взглянул на дорогу, не представляя, куда теперь держать путь, чтобы найти ее. Куда она могла уехать? Единственное, куда она могла держать путь, так это к своей семье, к отцу, который бы непременно принял и защитил ее.

У Эрика больно сжалось сердце. Если б только он соображал чуточку лучше, если б только не ушел сегодня утром, возможно, он сумел бы заслужить ее прощение. Это он должен был прижать ее к своей груди и успокоить, заверяя, что никогда больше не сделает подобной глупости. Он должен был сказать ей, как сильно любит ее, как... Боже, он так много должен был сказать ей!

Вонзая ноги в бока своего коня, Эрик пустился в путь, надеясь, что сумеет догнать ее по дороге, что не позволит ей быть вдали от него так долго, чтобы боль и сомнения возвели между ними очередную глухую стену. Потому что в таком случае ему понадобится вся его сообразительность, чтобы умолять ее о прощении.

Он не смог догнать ее. Или она быстро ехала, или выбрала для возвращения в Лондон не ту дорогу. Эрик утешал себя тем, что с ней были Шоу и еще несколько человек, которые сопровождали ее в пути, по крайней мере, так она была в безопасности.

Эрик останавливался только для того, чтобы сменить коня и ехать дальше, расспрашивая кого только можно о карете с гербом льва, которую так никто и не видел, он ехал дальше, сломя голову. Эрик не спал по ночам, едва что-то жевал, чтобы не ослабеть от усталости.

На третий день после того, как он выехал из Эдинбурга, Эрик добрался до Лондона. Измотанный, пыльный и грязный, едва шевелясь, он всё же направился в городскую резиденцию маркиза Куинсберри, горя лишь одним желанием.

Стояла уже полдень, но на улицах было малоллюдно. Такое происходило, когда ночью проходил какой-нибудь важный бал в честь кого-то, кого нужно было почтить всеми регалиями высшего общества, но это мало заботило Эрика. Скопление людей помешало бы ему добраться до Клэр так быстро, но когда он, сползая с лошади, поднялся по ступеням и постучался в дверь, все его надежды рухнули, потому что всё семейство Клэр, ошеломленно глядя на него, заявило, что она не приезжала в Лондон.

Какое-то время он неподвижно стоял в гостинице, не в состоянии пошевелиться. Ощущая, как ледящий душу страх заполняет всё тело, Эрик попытался в тумане сознания определить свежую мысль, как продолжить поиски.

— Что произошло? — спросил обеспокоенно маркиз. — С Клэр что-то случилось?

Как он мог что-то сказать? Как можно было объяснить произошедшее, когда он терял драгоценное время! Ведь вот уже три дня Клэр жила без него, веря в то, что он спокойно

отдал ее другому и ушёл. Это было невыносимо.

— Она... — хрипло молвил Эрик, понимая, что должен упокоить родителей и сестер Клэр, которые несомненно решат, что он что-то сделал с их дочерью. — Она в порядке.

— Где она? — потребовала ее мать, шагнув к нему. — Ваша мать сказала, что вы уехали в Дарем.

Эрик вытянул вперед руку, без слов давая понять, чтобы она не приближалась. И когда маркиза замерла на полпути, Эрик вспомнил о том, что в последнее время довольно редко прибегал к помощи этого жеста. Потому что у него была Клэр...

Которая не приехала сюда. Которая исчезла, и теперь он не знал, где искать ее.

Боже правый!

Родные Клэр, почти затаив дыхание, следили за ним, ожидая его ответа.

— Да, мы были там, но потом... она уехала, не сказав, куда едет, и я подумал, что она здесь.

На этот раз вперед шагнул маркиз, но он знал, что ему не следует приближаться.

— Что случилось? Где моя дочь?

— Моя жена, — устало поправил его Эрик, ощутив зияющую пустоту в груди. Горло перехватило от такой внезапной боли, что он покачнулся. — Она моя жена, и я найду ее. Обязательно найду, не волнуйтесь...

— Эрик? — потрясенно позвал его маркиз, глядя на то, как тот обросший непослушно неприличной щетиной, едва ступая, направляется к двери. — Эрик, ты...

— Я найду ее и напишу вам, — упрямо повторил он, выскочив из дома и вновь вскочив на лошадь.

У него болело все тело, ныла каждая косточка, но это не шло ни в какое сравнение с тем страхом, который парализовал его. Страх оттого, что он не сможет найти ее, разъедал его настолько, что к вечеру Эрик был готов сойти с ума,

Потому что Клэр не оказалось ни в доме его родителей, ни тем более в его городском особняке.

Ее не было в Лондоне просто потому, что она и не думала приезжать сюда.

Не представляя, что ему делать, Эрик опустился на диван, стоявший в гостиной его городского дома, и прикрыл руками побелевшее лицо, понимая, что все его попытки тщетны. Она выгнала его тогда не просто из дома, она прогнала его из своей жизни. И уехала туда, где больше никогда не столкнется с ним. И никогда не узнает, как сильно он любил ее.

Три дня. Три проклятых, мучительных дня отделяли их друг от друга, встали у них на пути так, что их невозможно было стереть или забыть.

Она не простит его. Никогда не захочет взглянуть на него вновь. И даже не подумает о том, друзья они теперь или вечные враги. Он не мог позволить ей жить дальше с мыслью о том, что она не нужна ему, что он не собирался бороться за нее.

Подняв голову, Эрик взглянул на огонь в камине, а потом огляделся и только тогда сообразил, что находится в гостиной, где почти вечность назад столкнулся с Клэр, которая ждала его в день после свадьбы. Когда он дал ей понять, что отвезет ее к прежнему возлюбленному.

У него не было шанса на прощение. И не было даже возможности найти ее, чтобы хотя бы убедиться в том, что она цела и невредима, что с ней всё в порядке, что она в безопасности, что рядом есть хоть кто-то, кто будет заботиться о ней...

— Боже... — простонал он, прижав руку к груди. Прямо туда, где хранил блокнот с

ландышем. Где лежала ее записка! — Господи!

Вздвогнув, Эрик тут же полез во внутренний карман и достал уже смятый сложенный лист бумаги. Теперь, когда шансы отыскать ее растаяли, как утренняя роса под лучами солнца, Эрик уже не знал, стоит ли ему читать последнее, что осталось от нее. Последнее, что связывало его с ней, записка, где она скажет ему горькие слова прощания. Где твердой рукой будет выведен его приговор, заслуженное наказание за всё то, что он сделал с ней.

В горле перехватило так, что он не мог дышать. И едва видел бумагу, которая расплывалась перед глазами. Подняв руку, Эрик осторожно погладил мятый лист, так осторожно, будто прикасался к самой Клэр. К которой больше никогда не прикаснется. Он лишь надеялся, что она там, где нет высоких деревьев, с которых ей не придется снимать маленьких котят, иначе некому будет поймать ее, если она снова упадет. Теперь всё, что осталось у него от Клэр, был высохший лепесток ландыша. И эта записка.

Он не должен был читать, но обнаружил, что раскрывает ее. Его руки дрожали, сердце едва билось в груди, но Эрик действительно развернул лист, а потом подставил слабому свету от свечей.

«Мне невыносимо тяжело писать это, но я должна это сделать. Должна сообщить тебе, что я уезжаю. Потому что не могу сейчас видеть тебя, слышать твой голос. Я не могу смотреть тебе в глаза, потому что боль разорвёт меня на части. Да, признайся, ты ведь даже не думал, что мне может быть так мучительно больно от твоего взгляда, правда? Что у меня может всё переверачиваться в груди, когда ты касаешься меня, когда целуешь меня. Да, когда ты это делаешь, мне больно, ведь в каждом твоём прикосновении есть высшая благодать для меня. Ты не думал, что такое возможно? Признаться, я тоже вначале так не думала, любовь моя, и в этом заключается самая моя большая ошибка, потому что я слишком поздно всё поняла.

Я знаю, что ты будешь искать меня. Я знаю, что ты найдешь меня. Я уехала, но не так далеко, как тебе кажется. Ты обязательно найдешь меня. Там, где в умиротворении я по-настоящему обрела своё место. Место, которое не полно без тебя. Найдёшь, но не для того, чтобы дать мне развод, потому что я сама никогда в жизни не дам тебе развод, что бы ты ни делал!».

Место... Там, «где обрела своё место»...

«Здесь так необычно и так умиротворённо, что каждый может найти себя, обрести свой дом...»

Боже праведный!

Она в Бедфорд-мэноре!

Поехала туда, куда вернула его самого. «Где моё место!».

— Боже правый, — обронил Эрик, чувствуя, как задыхается. Он провел пальцем по тому месту, где было аккуратно выведено «любовь моя». В груди что-то громыхнуло, а потом со звоном обрушилось, чуть не раздавив его. Она ушла от него, но даже в прощальной записке не требовала держаться от нее подальше, а лишь тихо и несмело признавалась в любви. — Клэр...

Она ушла потому, что решила, что он пойдет до конца и даст ей развод! Она так сильно этого боялась, что решила уехать. Спрятаться там, откуда он не сможет потом прогнать ее. Прогнать ее... Боже, он довел ее до того, что она продолжала верить в то, что он всё еще стремится избавиться от нее!

Его мир вновь до самого основания обрушился, громыхая и трескаясь, но никто этого не

слышал. И она тоже, потому что он действительно причинил ей ужасную боль. Боль, которая не помешала ей написать ему самые обжигающие строки.

«В каждом твоём прикосновении есть высшая благодать для меня...»

Эти слова действительно обжигали, так неистово, что темнело в глазах.

Сжимая записку, Эрик медленно встал, а потом направился к двери и вышел в холл, требуя приготовить ему лошадь.

— Милорд, вы едва стоите на ногах, вы уверены?

Голос дворецкого его лондонского дома заставил на секунду оторваться от записки Клэр. Уверен? Сейчас это было единственное, что могло бы позволить ему дышать, позволить ему жизнь.

Даже после того, как прогнала его, Клэр верила в то, что он сможет найти ее. Если бы только он прочитал ее записку раньше! Он не потерял бы так много времени. И не позволил бы ей жить с болью в сердце целых больше трех дней.

Преодолевая назойливую слабость, Эрик запрыгнул на коня, спрятав записку в блокноте, рядом с лепестком ландыша, и поскакал в Бедфорд-мэнор, рассекал мрак ночи.

Он должен был добраться до Клэр, а когда он найдёт ее... Эрик лишь надеялся, что у него хватит дыхания и сил сказать ей всё то, что она должна была знать. И почему-то был уверен, что она выслушает его. Обязательно выслушает. И возможно захочет добавить что-то своё. То, что дополнит пустоту жизни.

Если бы только он прочитал ее записку раньше!

С трудом добежав до дома, Клэр успела скрыться за дверями еще до того, как разверзлось небо и хлынул проливной дождь. Ее платье всё же намокло, но это ни в коей мере не расстроило ее, потому что платье можно было высушить, при необходимости постирать, на самый крайний случай можно было бы купить другое.

Но раненое сердце невозможно было залатать, умыть, починить или заменить.

И даже короткий поход в маленькую совершенно очаровательную часовню, скрытую за горизонтом на другой стороне реки, которая соединяла владения Бедфорд-мэнор с деревней, не стало утешением для этого сердца.

Клэр казалось, что его больше невозможно спасти. Невозможно больше уговаривать биться дальше. У нее было достаточно времени, чтобы подумать обо всём, что произошло. Целая неделя с тех пор, как она покинула Эдинбург. Одна бесконечная, долгая, почти мучительная неделя, пока она думала, ждала, рыдала, снова ждала, упрекая себя в малодушии.

А потом наступила тишина. В тишине она бродила по дому, словно привидение, пугая ни в чем не повинных слуг, которые встретили ее с таким радушием, будто она никогда и не уезжала отсюда. Будто она жила здесь вечно.

Дом, в котором можно было обрести счастье.

Дом, в котором она укрылась, чтобы обломки поломанной жизни не обрушились ей на голову.

Она не помнила, как добралась до Девона. Карету гнали почти так же, как тогда, когда она увозила ее прочь от этого места. Место, куда она сперва привезла надежду, а теперь везла обратно крах и агонию отвергнутой любви.

Бывали минуты, когда она вспоминала лицо Эрика, стоящего там в кабинете, такого неприступного, негибкого и молчаливого. Тогда он пристально смотрел на нее, искренне веря в то, что она сейчас возьмет Клиффорда под руку и уйдет вместе с ним. Гнев мучил и обжигал её сильнее боли, даже по прошествии стольких дней, но когда гнев ушел, пришло полное осознание того, что на самом деле произошло.

Она ведь когда-то заявляла, что любит другого. Когда-то пыталась в этом убедить Эрика настолько, что он решил отвезти ее к Клиффорду, вернуть ей свою потерянную любовь. Она сама сделала всё мыслимое и немыслимое, чтобы он перестал верить в постоянство ее сердца. Сидя на полу своей красивой комнаты и глядя сквозь заполнившие глаза слезы на большой белый рояль, Клэр, обхватив колени руками и прижимая их к груди, отчетливо сознавала, что не вправе требовать от Эрика того, во что не верила сама. Она разрушила его жизнь, разрушила жизнь такого благородного, замечательного, невероятно страстного человека, так неужели имела права обвинять его в том, что он сделал с ее жизнью?

«Когда я сказал, что найду тысячу способов сделать вас счастливой, я на самом деле собирался сделать все возможное, чтобы так и произошло. Но теперь, вероятно, ни один из этих способов вам не будет нужен, потому что вы... Я никогда не собирался сделать вас несчастной».

Она сидела и ждала, моля бога о том, чтобы боль отступила, и у нее появилась хоть какая-то возможность исправить весь тот кошмар, в который превратилась ее жизнь. Кошмар, в который она превратила и жизнь Эрика.

Когда же боль притупилась настолько, что она смогла снова мыслить, Клэр стала молиться о том, чтобы он поскорее приехал. Ведь он должен был любить ее, иначе никогда бы не сделал то, что стал делать с первого дня их знакомства.

Она поступила с ним ужасно, прогнав из кабинета, но в тот момент ей было так ужасно больно, что она боялась, что если еще немного будет смотреть на него, у нее разорвётся сердце. Ей нужно было время, чтобы прийти в себя, но даже в столь плачевном состоянии она понимала, что не собирается отказываться от него. Даже если он сам это намеревался сделать.

Поэтому она укрылась там, откуда он не смог бы выгнать ее. Как бы ни старался. Она не могла позволить, чтобы он выбросил ее из своей жизни. Особенно после того, как сама выгнала его из кабинета, заставив его подумать, будто она больше не желает иметь с ним ничего общего. И если он всё же вздумает подать документы на развод... Клэр не хотела об этом даже думать.

Но его не было целых семь дней.

Она уже не знала, что и думать.

Не в силах больше скрываться в своей комнате, Клэр пошла искать утешение в лоне церкви, но и там ничего утешительного не ждало ее.

Всё было кончено. Как неделю назад заставила его поверить она сама.

Едва бредя по слабо освещенным коридорам, Клэр добралась до своей комнаты и, войдя, увидела, как дворецкий лично топит камин большой гостиной.

— Миледи, вы вернулись, — с облегчением произнес он, выпрямившись и обернувшись к ней.

С тех пор, как Клэр приехала без Эрика, все слуги ходили за ней по пятам, беспокойно глядя на едва живую хозяйку, которая отказывалась выходить из комнаты. К ней даже приходил мистер Шоу, который требовал открыть дверь. И когда она это сделала, безразличная ко всему тому, что происходило вокруг, Шоу набросился на нее и сказал, что если она не съест приготовленный для нее ужин, он в ту же секунду отвезет ее обратно в Эдинбург. Мысль об этом ужасном городе так сильно перепугала ее, что Клэр всё же согласилась поесть. И это дало ей силы ждать еще немного. Еще чуть дольше старалось биться ее сердце.

Но все надежды был тщетны. Потому что он так и не приехал.

Взглянув на подаренный им рояль, Клэр с ужасом поняла, что он не приедет сюда. Вместо того, чтобы отместить свою боль и сделать то, что она намеревалась сделать — бороться за его сердце — она окончательно растоптала то малое, что вероятно он испытывал к ней. Теперь он даже не хотел видеть ее!

— Да, вернулась, — прошептала Клэр, едва сдерживая слезы. Вернулась, но не видела больше в этом никакого смысла. Пройдя вглубь комнаты, она испытала почти невыносимую потребность остаться одной. — Мистер Сандерс, благодарю, но я больше ни в чем не нуждаюсь.

Глаза дворецкого удивленно сузились.

— Не нуждаетесь? — голос его прозвучал с осуждением. — Вы сегодня хоть завтракали?

Господи, она больше не могла этого выносить!

Направившись к окну, Клэр взглянула на хлеставшие по стеклу капельки дождя, изо всех сил борясь с горьким осознанием полного краха своей жизни.

— Оставьте меня, прошу вас, — прошептала она, прикусив губу и закрыв глаза.

— Но, миледи... — начал было дворецкий, но хриплый голос оборвал его.

— Прощу вас.

Мольба в ее голосе была сильнее, но Сандерс не мог смотреть на дрожащие плечи, не предпринимая никакой попытки помочь своей хозяйке. Которая буквально таяла на глазах с момента приезда. Подойдя чуть ближе, он печально взглянул на худенькие плечи.

— Миледи, я могу вам чем-то помочь?

Клэр не смогла сдержать слезу, которая скатилась по щеке. Осторожно смахнув ее, она покачала головой, давая понять, что ей ничего не нужно. И ничто не в силах помочь ей.

Печально вздохнув, Сандерс направился к двери и вышел, оставив хозяйку одну.

Клэр вздрогнула, услышав щелчок дверного замка, который отделил ее от всего мира. Небеса разверзлись, давая понять, что даже от них не стоит ждать помощи. Клэр уже не знала, что ей теперь делать. Она сожалела, Господи, она так жалела о том, что не сказала Эрику всё то, что должна была сказать еще в ту ночь, когда они сидели на ступеньках дома. Она должна была обнимать его и шептать слова любви до тех пор, пока он в них не поверит. А теперь... теперь он сам заставил ее поступить так отвратительно, что даже она не могла простить себя, что уж говорить об Эрике?

Судорожно вздохнув, Клэр отвернулась от окна, дрожа от лютого холода. Едва передвигая одеревеневшие ноги, она подошла к камину и внезапно заметила на круглом маленьком столике графин с травяной настойкой на спирту, которую добавляли ей в чай. Горло царапало так, что, не задумываясь больше ни секунды, она схватила графин, вытащила пробку и сделала большой глоток. Слезы хлынули из глаз быстрее, но она больше не замечала их. Обжигающая жидкость огненным шаром прокатилась по перехватившему горлу и опустилась в пустой желудок. Ее затошнило, но она заставила себя сделать новый глоток. Тело дрожало так, что она могла бы упасть, и чтобы этого не произошло, Клэр двинулась к самому близкому, куда могла опуститься.

Мягкий стул перед большим роялем, на который она почти упала. Прислонившись к открытым клавишам, она сложила руки и заплакала, не в состоянии больше сдерживать себя.

Что ей теперь делать? Куда она могла пойти? Где могла найти хоть бы малую толику покоя? Ей не хотелось даже покоя. Она хотела, чтобы вернулся Эрик, но это уже было невозможно...

Ей следовало уехать из места, где всё напоминало о нём, но Клэр не представляла, как вновь сядет в карету. Это было невыносимо. Она не хотела уезжать. Она так устала от дороги, так смертельно устала, что вероятно до конца жизни не сядет больше ни в одну коляску. Она зачахнет тут и умрет, превратившись в привидение, которое будет преследовать обитателей Бедфорд-мэнор и мешать им наслаждаться этим дивным местом. Некогда благословенный дом станет ее вечным обиталищем. И никто, даже Эрик не сможет выгнать ее отсюда, даже если приведет сюда новую жену...

Сделав еще несколько глотков, Клэр почувствовала, наконец, благодатное тепло, которое блаженно разлилось по всему телу, согревая ее от бесконечного холода. Слезы высохли настолько, что она смогла различать отдельные предметы. Затуманенный взор помимо воли упал на невероятно красивый рояль, который принадлежал ей. Как часто она пыталась на нем сыграть, но так ни разу не смогла этого сделать, словно позабыв о местонахождении каждой ноты.

Мелкие клавиши почему-то бегали перед глазами. Голова кружилась так, что, выронив

пустой графин, Клэр была вынуждена вцепиться в крышку рояля, чтобы не упасть. Неужели ее силы были на исходе? Не так она представляла свою смерть. Клэр полагала, что умрет очень старой. И невероятно счастливой женщиной, сыграв в последний раз свою обожаемую Лунную сонату.

Опустив дрожащие руки на клавиши, она попыталась высечь первые аккорды сонаты. И когда это у нее получилось, от облегчения она чуть было не заплакала. Воодушевленная тем, что у нее хоть что-то получается, Клэр стала играть, но почти сразу же наткнулась на неправильную ноту.

Сердце резануло от боли, когда она поняла, что повторяется давний случай. Это показалось таким невыносимым испытанием, что сделав глубокий вдох, она попыталась вновь. И в очередной раз пальцы ее угодили на фальшивые ноты.

Это стало последней каплей. Резко отстранив от клавиш свои руки, будто бы обжегшись, Клэр смотрела на предательский рояль, с горечью понимая, что не может больше играть.

— Я даже играть не могу б-без те-тебя... — с мукой прошептала она заплетающимся языком.

— Ты играешь божественно, любовь моя.

Раздавшийся в тишине глубокий голос, вторгшийся в ее помутневшее сознание, заставил ее вздрогнуть так, что она чуть не упала со стула. Едва дыша, едва веря в то, что это на самом деле происходит с ней, Клэр медленно обернулась, чувствуя, как сердце, наполняясь тяжестью, почти замирает в груди.

Она, вероятно, бредит или спит. Не мог ведь Эрик стоять сейчас перед ней.

Но это был он.

В мокрой рубашке, прилипшей к телу, с влажными волосами и отросшей густой щетиной, с которых капли дождя падали ему на плечи и грудь, пропитав льняную материю так, что она стала почти прозрачной, не скрывая проступающих под ней мелких черных волос на широкой груди. В слабом сумраке пасмурного дня Клэр увидела его невероятно бледное, запавшее лицо и потемневшие от страданий почти остекленевшие обожаемые серо-голубые глаза, налитые кровью.

Мучительная, почти смертельная тоска по нему нахлынула на нее с такой силой, что Клэр стала задыхаться, а потом почувствовала, как влага обжигает глаза, капает ей на щеки и стекается вниз по побелевшему лицу. Из горла вырвался приглушенный звук, похожий не то на стон, не то на всхлипывания.

Бескрайняя, бездонная любовь затопила ее так, что Клэр вздрогнула, а потом услышала свой едва различимый дрожащий голос:

— Ты... ты п-пришёл...

Он сделал шаг в её сторону.

— Клэр...

Ощущая сильнейшее головокружение, Клэр попыталась встать, на самом деле задыхаясь при мысли о том, что он может подойти. Ей казалось, что если он дотронется до нее, она умрёт от боли.

— Не подходи, — с силой взмолилась она, на миг прикрыв глаза, чтобы побороть свою слабость и устоять на ногах.

Впервые в жизни останавливал не он. Эрик замер на полпути, но продолжал смотреть на нее наполненными такими неприкрытыми страданиями глазами, что заболело сердце.

— Я хочу обнять тебя.

Нежность, с которой он произнес эти слова, стала последней каплей. Дрожа, Клэр упала на стул, не в состоянии перестать смотреть на него. Не веря в то, что он всё еще хотел обнимать ее.

— Пожалуйста, не надо... — жалобно выдавила она, с трудом дыша. — Мне будет очень б-больно, если ты об-обнимешь м-меня...

Ее слова нисколько не остановили его. Сделав еще один шаг в ее сторону, он вдруг улыбнулся ей. Такой печальной улыбкой, что новый глухой стон слетел с губ.

— Я знаю, — охрипшим голосом молвил он, продолжая приближаться. — Но я всё равно обниму тебя и попытаюсь забрать эту боль себе. Ничто в мире не помешает мне обнять тебя сейчас.

— Эрик... — выдохнула она, а потом... Потом оказалась в его крепких как железо, теплых как солнечные лучи, до боли родных объятиях. В груди взорвалась такая мучительная боль, что она больше не смогла остановить рыдания. Обхватив невероятно напряженные, почти каменные плечи, Клэр уткнулась ему в грудь, вдыхая пьянящий аромат сандала, специй, дождя, травы, лошадиного пота, умирая от потребности вжаться в него так крепко, чтобы он больше не смог отпустить ее. Ощущая лбом прикосновение его колющейся, но теплой щетины, жар его кожи, она, закрыв глаза, действительно вжималась в него так, будто стремилась раствориться в нем, не пытаясь даже остановить слезы. — Эрик... Боже мой, Эрик...

Он был рядом. Он пришел и нашел ее. Вернулся, чтобы обнять, а не дать развод!

Судорожно вздохнув и опустившись перед ней на колени, он спрятал в ее волосах свое побелевшее лицо. Горло перехватило так сильно, что Эрик не мог больше говорить, с оставшимися силами обнимая ее сотрясающиеся плечи так, будто прирос к ней сам.

Он всё же смог найти ее. Господи, он нашел ее возле того самого рояля, который подарил ей! Она сидела перед ним такая бледная, будто привидение. На ней не было лица. Запавшие щеки и тени под глазами громче любых слов говорили о том, что с ней сделал его необдуманый поступок и нескончаемая неделя разлуки. Как много страданий он причинил ей. Боже, если б только у него была возможность исправить всё это!

— Прости меня, — выдохнул он, дрожа вместе с ней и зажмурившись, потому что что-то обжигало глаза. — Ради Бога, прости меня!

— Я не могу играть без тебя, — бормотала она, чувствуя такую зияющую пустоту в груди, что боялась умереть от этого. — Я не могу больше играть на рояле, когда рядом нет тебя, Эрик...

Ее сокрушенный шепот и рыдания терзали и заставляли его душу плавиться от острого, почти невыносимого чувства вины. Эрик еще крепче обнимал ее, если только это было возможно, и держал ее так, казалось, целую вечность. За окном бушевала настоящая стихия. Он даже не знал, как сумел добраться до нее сквозь разгорающийся и набирающий силы шторм. Только мысль о том, что он скоро будет рядом с ней, удерживало его на волосок от безумия. Невыносимая тоска по ней и долгие мучительные дни безумной скачки настолько измотали его, что он не мог больше двигаться. Единственное, что ему оставалось, это обнимать ее. И держать ее так до тех пор, пока не лопнет его искромсанное и изнывающее от любви к ней сердце.

— Я никогда больше не оставлю тебя, — прохрипел он сквозь боль в горле, чувствуя ее крупную дрожь, слыша ее глухие рыдания, которые терзали его еще сильнее. Да, он заслужил

наказание за содеянное, но не мог смириться с тем, что это причиняло Клэр такую острую боль, что она не могла остановиться, оставляя на его плече следы своих горячих слез, которые, обжигая и проникая под кожу, въедались ему в кости и растворялись в его крови, изгоняя из него жизнь. — Прости меня...

Хмурое небо потемнело еще больше, когда с севера ветер пригнал еще более тяжелые тучи, из которых хлынул такой проливной дождь, что толстая стена не позволяла разглядеть даже двор за окном. Едва различимый треск в камине пытался нарушить зловещее завывание ветра, но все это перекрывалось глухими рыданиями, которые никак не могли утихнуть.

Эрик прижимал ее к своей груди, умоляя небеса дать ему возможность успокоить Клэр до тех пор, пока у него не разорвется сердце. Он держал ее так почти до бесконечности.

Вдали сверкнула летняя яркая молния, раздался приглушенный гром, а потом все стихло. Эрик ожидал услышать горький плач своей жены, но ответом ему стала тишина. Она не только затихла, у него было такое ощущение, будто она больше не дышит. Ожидая самого худшего, он отстранил от себя почти безжизненную голову Клэр и заглянул ей в лицо, ужасаясь того, что с ней что-то произошло. Глаза ее были закрыты, под ними залегли темные круги, запавшие щеки были мокрые от слез, губы почти белые от страданий. Сердце резанула острая боль. Боже, в кого превратил он некогда цветущую, счастливую девушку, которая обожала играть на рояле!

Приподняв руку, он осторожно коснулся ее щеки, заметив, как слабо она дышит.

— Клэр, — позвал он ее, но было уже ясно, что она спит. Заснула в его объятиях, доверчиво прижавшись к нему даже после того, как он разбил ей сердце. Он боялся, что она не вынесет встречи с ним, но не потрясение от этого оглушило ее. Измученная, истощенная и слегка пьяная, почти как в тот первый день, вероятно алкоголь и разморил ее, расслабив весившее не легче перышка тело так, что она погрузилась в спасительное забытие. Опустив ее голову себе на плечо, Эрик осторожно подхватил ее на руки и зашагал к дверям, ведущие в ее спальню, где также горел камин. Его слуги смогли позаботиться о ней, ничего не скажешь, но теперь он не собирался уступать эту привилегию никому. Медленно опустив ее на кровать, Эрик присел рядом с ней и едва заметно отвел от лица золотистую прядь волос. Он до сих пор слышал звуки горьких рыданий, и боялся, что никогда не позабудет этого. — Я отдам жизнь за то, чтобы ты простила меня.

Временная передышка давала ему возможность набраться сил, чтобы потом поговорить с ней, когда она проснётся. Ей нужен был отдых. Пусть пока поспит, это пойдёт ей только на пользу.

Господи, целых семь дней он не видел ее! Семь дней встали между ними как клин, разделяя всё то хорошее, что было между ними. Всё то, что они чуть было не потеряли. Эрик леденел от ужаса того, что его ошибка чуть не привела к настоящей катастрофе, но теперь...

Ему следовало дождаться ее пробуждения и привести в порядок себя, чтобы снова встретиться с ней.

— Я никому не отдам тебя, — прошептал он, склонившись и коснувшись губами ее виска.

В комнате стояла гробовая тишина. Дождь давно перестал лить, а мрак опустившихся сумерек скрыл следы разбушевавшейся стихии. Даже ветер кружил и перепрыгивал с одного дерева на другое с такой осторожностью, что едва можно было это заметить.

Сидя перед роялем и растерянно проводя пальцами по белым клавишам, Клэр боялась дышать, будто даже дыханием могла нарушить то хрупкое равновесие, которое на время обрела, заснув почти мертвым сном и проспав до самого вечера.

Эрик был дома!

Ей казалось, что всё это сон, но горничная опровергла эту догадку, когда помогала ей накинуть на плечи теплый пеньюар. Ко всему прочему Клэр была в одной ночной рубашке, в которую так же ее передела горничная.

Она снова заснула в объятиях Эрика, а он вновь позаботился о том, чтобы ее переодели и уложили. Почти как вечность назад.

Даже легкие пары спиртовой настойки, которую она выпила, не помешали ей вспомнить о том, что произошло до того, как она уснула. Она до сих пор слышала его хриплый шёпот, которым он умолял простить себя, и до дрожи хорошо помнила, как он обнимал ее. Обнимал так, что боль разрывала ее на части. И вероятно разорвала бы, если бы она не уснула, измотанная до предела.

Теперь он знал, что она проснулась.

И наверняка снова придет к ней.

Почему-то эта мысль пугала ее настолько, что у нее дрожали руки. Клэр боялась и в то же самое время с таким отчаянием хотела увидеть его, что перехватывало в груди. Еще и потому, что точно помнила его обросшее, серое, почти каменное лицо с пылающими от страданий глазами.

Да, — горько подумала она, — расставание не пошло на пользу никому из нас.

В комнате горели лишь несколько свечей в канделябрах, один из которых стоял на закрытой верхней крышке рояли, освещая бледное измученное лицо. Клэр коснулась пальцем ноты «ми» и на малой октаве и слабо нажала на нее. Звучный звук разнесся в тишине большой гостиной, не доходя однако до всех ее уголков, замерев почти так же, как и рука Клэр, когда дверь отворилась и кто-то вошёл в комнату.

У нее замерло сердце, когда краем глаза Клэр заметила высокую мужскую фигуру. Он продолжал стоять у порога, словно не решался подойти. Или ждал, думал, даже верил, что она прогонит его. Ей было больно, так ужасно больно, что снова глаза налились жгучей влагой, но усилием воли Клэр сдержала себя, понимая, что им необходимо поговорить.

Всё зашло слишком далеко, чтобы хранить молчание, особенно теперь.

Эрик стоял, не шевелясь, будто ожидая ее приговора. Он бы подчинился и принял любое наказание, какому она посчитает нужным подвергнуть его. Кроме одного. Слабый свет от свечей падал на ее запавшее бледное лицо, густые волосы были аккуратно заплетены в толстую косу, которая покоилась на прямой, напряженной спине. Белый пеньюар прикрывал опущенные плечи, укутав ее худенькое тело. Она выглядела такой хрупкой, такой несчастной и бесконечно любимой, что у него сдавило в груди.

— Как ты себя чувствуешь?

Клэр на мгновение закрыла глаза, боясь того, что вновь повторяется то, что так ужасно

началось и так же ужасно закончилось, поэтому не смогла не задать вопрос, который душил ее всё это время.

— Ты действительно собирался отдать меня другому, даже несмотря на то, хочу я этого или нет?

Он не просто ранил ее, напомнил себя Эрик, сжимая руку, он разбил ей сердце, которое всё равно позволило ей обнять его даже после такой невыносимо долгой разлуки. Он вздохнул. Очень глубоко. Очень болезненно, а потом шагнул вперед, и, оказавшись рядом с ней, присел на корточки возле ее стула, не отрывая взгляд от ее бледного застывшего лица, обращенного на клавиши рояля.

— В тот день я очень плохо соображал. Я бы не вспомнил даже, в каком году состоялась битва при Азенкуре. Особенно после того, как ты меня поцеловала.

У нее защемило сердце.

— 25-го октября 1415 года, — прошептала Клэр, боясь дышать от его близости.

Эрик нахмурился.

— Что?

— Битва при Азенкуре, — с трудом подсказала он. — Она состоялась 25 октября 1415 года.

— Ты запомнила, — с легким потрясением молвил он.

— У меня был хороший учитель. — Клэр прикусила губу, но не смогла удержать слезинку, которая капнула ей на щеку. Дрожа от его близости, от его слов, она закрыла глаза. — Но ты послал за ним, — глухо напомнила она.

Эрик не стал отрицать этого.

— Послал.

Еще одна слезинка прочертила ту же дорожку.

— И когда ты это сделал?

— Когда мы были в Пембертоне.

У неё снова защемило сердце, только теперь по совершенно иной причине.

— Я была тебе так сильно не нужна? — послышался едва слышный хриплый, полный муки голос, резанувший по его сердцу.

Подняв руку, Эрик сжал спинку стула так, что побелели костяшки пальцев.

— Ты нужна мне больше, чем можешь себе представить.

Вздрагнув, Клэр открыла глаза и медленно, будто в тумане повернула к нему свою голову. Он побрился, но даже если бы не щетина, в свете неярко горевших свечей и пламени камина бледность его лица не могла укрыться от ее жадного, тоскливого взгляда. Глаза его, наполненные невыразимой мукой, потемнели так, что в них невозможно было долго смотреть.

— Правда?

Тихий шепот заставил Эрика вздрогнуть так, будто его ударили. Опираясь коленями в пол и отпустив спинку ее стула, он потянулся и взял ее дрожащую руку в свою. Ее пальцы были как застывшие льдинки. Глядя в мокрые от слез глаза, он притянул ближе и положил ее ладонку к себе на грудь, прямо туда, где разрывалось на части его сердце.

— Ты говорила, что чувствуешь его, когда обнимаешь или касаешься меня. — Увидев, как потемнели ее глаза, Эрик тихо продолжил: — Тогда почувствуй то, что я скажу. В тот день я... когда я писал письмо, я сделал это потому... — Он глухо застонал. — Клэр, Боже, я бы не вынес, если бы из-за меня пострадала еще и ты, если бы с тобой что-то случилось... —

Он побледнел еще больше и закрыл на мгновение глаза, чтобы отогнать от себя непрошенные видения нападения. — Я бы не вынес этого.

Она знала, слишком хорошо знала, что это за чувство, потому что видела, как он страдал, когда погиб Алан. Знала как невыносима мысль о том, что могла потерять Эрика.

— И чтобы оградить меня, ты решил отослать. В безопасное по твоему мнению место.

— Я ведь разрушил твою жизнь, — с таким виноватым видом произнес он, что это вновь могло бы разбить ей сердце. Если бы не ощущала, как неистово, почти отчаянно бьется его сердце под ее ладонью. — Я бы сделал всё возможное, чтобы исправить свои ошибки. Клэр, я бы нашел в себе силы отпустить тебя, если бы знал, что так ты будешь счастлива, но оказывается, у меня нет столько сил. Я становлюсь совершенно беспомощным и бесполезным, когда рядом нет тебя.

Застонав, Клэр покачала головой и полностью повернулась к нему. Высвободив из-под его ладони свои пальцы, она взяла его искаженное лицо в свои ладони и заплакала снова, не в силах остановить слёзы, которые душили ее.

— Какой ты глупенький, — выдохнула она, подавшись вперед и прижавшись лбом к его лбу. — Эрик...

— Да, я действительно сглупил, когда подчинился тебе в тот день в Эдинбурге и ушёл, едва ты потребовала этого, — проговорил Эрик, не шевелясь, боясь того, что если она отпустит его, он просто погибнет. — Я ведь дал обещание, надеялся исправить всё то, что сделал с твоей жизнью, думал, тебе нужна эта встреча, но... Я должен был схватить тебя тогда и унести так далеко, чтобы никто не смог отнять тебя у меня. Боже, — он на мгновение закрыл глаза, задыхаясь от раскаяния, — я не должен был уходить тогда...

Не отпуская его лицо, Клэр погладила его мягкие уже сухие черные волосы дрожащим пальцем.

— Я не должна была прогонять тебя, но тогда... мне было так больно, так ужасно больно...

— Я знаю, — выдохнул Эрик и обнял ее, прижав ее к себе так крепко, что мог задушить ее, но Клэр снова поразила его в самое сердце, доверчиво прильнув к нему так, будто только этого и хотела. — Боже, я знаю... Я совершил так много ошибок.

— Я не хотела этой дороги, я никогда не просила привозить меня в Эдинбург.

— Знаю, но я не смог бы жить дальше, зная, что у меня была возможность вернуть тебе счастье, которой я так и не воспользовался.

— Какой ты глупенький... — задыхаясь, повторила она, пораженная словами, которые разбивали ей сердце. — Глупенький и просто невозможный!

Эрик сокрушенно вздохнул.

— Прости, но я не мог иначе.

И это она тоже понимала, ужасалась того, как высоко он ценил ее предпочтения и приоритеты, ставя их выше собственных.

Закрыв глаза, Клэр прижималась к нему, испытывая желание исправить все те глупости, которые совершила. Как бы она не желала стереть из памяти все те слова, которые сказала ему в Гринвуд-хаусе, Клэр понимала, что без них, без всех своих ошибок, она бы никогда не оказалась здесь, до сих пор бы убивалась по Клиффорду и... И никогда бы не узнала, какое золотое сердце у Эрика.

Никогда бы не узнала, какими исцеляющими могут быть его объятия, какое счастье прижиматься к его груди и чувствовать биение его сердца. Она чувствовала не только это, но

и то, как сильно он дрожит.

— Где ты был всё это время? — спросила Клэр, продолжая вжиматься в него, вдыхая самый неповторимый аромат его кожи.

Он мягко погладил ее по спине.

— Я скакал по всей стране, разыскивая тебя.

— Но я ведь оставила записку...

Эрик поднял голову и отстранился от нее, чтобы заглянуть ей в глаза.

— Я совсем позабыл о ней, когда узнал, что ты уехала, а потом... потом решил, что в записке ты... ты прощаешься со мной.

Глаза ее потемнели еще больше. Держа его лицо в своих ладонях, Клэр осторожно погладила его по щеке, поражаясь тому, как легко и просто теперь можно касаться его.

— Но тогда как ты меня нашёл?

На этот раз Эрик опустил голову. Осторожно взяв одну ее руку, он погладил ее пальцы и покачал головой.

— Когда Флаттер сказал, что ты уехала, я поехал к Эрскину.

Руки Клэр замерли. Она вдруг резко оторвалась от него и выпрямилась, раненая до глубины души его словами.

— Ты решил... даже после всего ты подумал, что я уеду вместе с ним?

Он медленно поднял голову и спокойно встретил ее гневно-мучительный взгляд, радуясь тому, что хотя бы здоровый цвет лица возвращается к ней.

— Тогда это уже было неважно, потому что я собирался забрать тебя от него любой ценой.

Даже не прочитав ее записку! Она снова заплакала, снова стала вытирать щеки и печально покачала головой.

— Господи, Эрик...

И снова он взял ее за руку, будто не мог перестать дотрагиваться до нее. Будто только это придавало ему силы продолжить.

— Он сказал, что ты прогнала и его, а потом добавила, что никогда не любила его. Я... — Голос его на мгновение оборвался. Проглотив ком в горле, Эрик тихо продолжил: — Я был в панике и не знал, где искать тебя. А потом...

— Что потом?

— Я поскакал в Лондон, решив, что ты поехала к своему отцу.

Клэр изумленно смотрела на него.

— Ты поехал в Лондон?

— Да, мне понадобилось три дня и три ночи, чтобы добраться до Лондона, но там тебя тоже не оказалось.

— Ты скакал днем и ночью?

— Как и из Лондона сюда, когда, не найдя тебя даже в доме моего отца, я всё же вспомнил о твоей записке, потому что она лежала рядом с блокнотом в моем кармане. Если б только я прочитал ее раньше...

Боже правый, но даже тогда он был уверен в том, что она простилась с ним в этой записке. Застонав, Клэр снова обняла его и прислонила его растрепанную голову к своей груди, прижавшись щекой к его волосам.

— Ох, Эрик, это ведь могло быть опасно... Ужасно опасно одному путешествовать по стране в такое время.

— Опасно, когда рядом нет тебя. Опасно, когда я начинаю забывать, как нужно дышать, когда тебя нет рядом. — Он снова решительно отстранился от нее и, глядя ей в глаза, добавил: — Ты — единственная причина, по которой я жив до сих пор. Единственная причина, по которой я здесь, а не в аду. Но даже ад не сможет наказать меня достаточно за всё то, что я сделал с тобой.

— Эрик... — ошеломленно начала она, но он прижал палец к ее губам, запрещая ей говорить, пока он не договорит.

- Ты ведь догадываешься, почему я могу прикасаться только к тебе. Ты — единственный человек на земле, к кому я могу дотрагиваться, не испытывая боль и отвращение. — В глазах его мерцала какая-то пугающая решимость, с которой он продолжил: — Не представляешь, каково это, когда забываешь чувство прикосновения, когда не можешь даже вспомнить, что испытываешь, когда касаешься цветка, ощущаешь бархатистость его лепестка. Меня держали в темной комнате. Иногда приносили еду. Однажды принесли целую картошку. Никогда не забуду ее вкус, потому что ее посолили. Такой рассыпчатый, немного сухой, но такой невероятно сочный, будто это была манна небесная... Никогда в жизни не ел ничего вкуснее той картошки. Иногда от черствого хлеба у меня во рту... Я не мог есть несколько дней, но когда раны начинали заживать, все повторялось вновь, потому что мне вновь приносили еду. А потом... Они приносили бумагу и делали со мной... всё то, что могло бы заставить меня подписать ее.

Хриплый стон вырвался из горла Клэр, когда она ошеломленно слушала о том, о чем он поклялся никогда не рассказывать ей. Приподнявшись на коленях, Эрик осторожно стер бегущие по ее щекам крупные слезы.

— Я рассказываю все это не для того, чтобы ты плакала.

— А для чего, любовь моя?

Эрик глубоко вздохнул.

— В той комнате не было окон, но в двери была просверлена маленькая дырочка, и иногда по утрам через него внутрь проникал тоненький лучик света. Золотистый, почти как твои волосы.

Клэр снова застонала, прикусив губу так, чтобы сдержать себя, но у нее ничего не вышло.

— М-мои волосы?

— Ты и есть этот лучик солнца, Клэр, ты — моя самая большая надежда, мое дыхание, биение моего сердца. Впервые, когда я увидел тебя, когда услышал твою мелодию, а потом ты упала на меня... я так сильно боялся, что ты исчезнешь из моей жизни, что не придумал ничего другого, как заставить тебя выйти за меня замуж. Я знаю, что поступил очень эгоистично, действовал спешно, не дал тебе времени подумать, но в тот момент... — Он привалился к ней своим лбом и закрыл глаза, ощущая болезненные удары своего сердца. — Мне казалось, что я не вынесу, если потеряю тебя.

Клэр обняла его дрожащие плечи и прильнула к его груди, с трудом справляясь с душившими ее слезами.

— Однажды я чуть было сама не потеряла тебя. Это было... Не заставляй меня еще раз испытать это чувство. Это было так ужасно, что я больше не смогу вынести такое.

— Клэр, я должен тебе что-то сказать. — Он поднял к ней невероятно бледное лицо. — Когда моя жизнь закончится, а она рано или поздно закончится, ничего от меня не останется. Моя кровь высохнет, мое тело и кости станут песком, по которому будут ходить

другие. У мира ничего не будет от меня, зато у меня... — Эрик с величайшей нежностью погладил ее по щеке. — Зато у меня будешь ты, даже когда я превращусь в прах.

Она действительно не могла остановить слезы, глядя в глаза человека, который даже после всего нашел слова, которые были способны не только воскресить ее сердце. Вновь взяв его драгоценное лицо в свои ладони, Клэр поняла, что сама не может больше умолчать о том, что переполняло ее сердце.

— Знаешь, почему я прогнала его?

Эрик смотрел в мерцающий блеск ее глаз, понимая, что буквально тонет в той нежности, которую не могла утаить от мира даже причиненная им боль.

— Почему, любовь моя?

— Потому что это действительно не было любовью. Это было... Я... — голос ее обрывался, но она заставила себя продолжить. — Я благодарна тебе за то, что ты заставил меня увидеться с ним. Это вытеснило из моей груди сожаления и сомнения, которые порой мучили меня. До встречи с тобой мне казалось, что я понимаю жизнь, но я ничего в ней не смыслила, пока ты не заговорил со мной в музыкальной комнате твоего отца. — Она вдруг улыбнулась сквозь слезы и погладила его по голове. — Представляешь, он даже не знает, что на завтрак я люблю пить горячий шоколад и есть тосты с клубничным джемом. Ему даже в голову не пришло спросить об этом. И я... я тоже никогда не спрашивала, какой чай он любит. И еще, я никогда не рассказывала ему о том, как любила в детстве лазить по деревьям.

Эрик всё смотрел ей в глаза, боясь того, что всё это сон, что по дороге домой его сразила молния и теперь он лежит в канаве и видит последний волшебный сон в своей жизни.

— А мне... почему рассказала об этом мне?

Она не переставала гладить его по голове, беря его душу.

— Потому что была уверена, что с тобой мои воспоминания, как и я сама, будем в надежных руках.

Замерев, Эрик выпрямился на коленях, потрясенно глядя ей в глаза, слыша то, что не надеялся услышать даже во сне. Потому что это было невозможно.

— Но ведь тогда у тебя был...

Она резко покачала головой.

— Не было. Никого у меня не было, иначе ты бы не заполнил моё сердце. — Улыбка сбежала с ее лица, когда она в очередной раз прижалась лбом к его лбу. — Я только очень поздно это поняла, Эрик. Мне кажется, я полюбила тебя с первого взгляда, но я... Прости меня, любовь моя, но я была слишком глупа, чтобы сразу понять это.

Эрик замер, ощутив, как застыло в груди его обезумевшее сердце. Это... Возможно ли то, о чем она говорит?

— Ты любишь меня?

Он произнёс это с таким скорбным недоверием, что Клэр стало даже больно от этого. Она снова улыбнулась ему, задыхаясь от любви к нему.

— А что я тебе сейчас говорю, Эрик?

Какое-то время он ошеломленно смотрел на нее, а потом так резко притянул к себе и поцеловал, что у нее перехватило дыхание. Клэр вцепилась ему в плечи, чтобы не упасть.

— Господи, Клэр! — прошептал он, покрывая поцелуями ее лицо. — Это... Я думал, ты никогда не простишь меня.

— Я виновата перед тобой гораздо больше...

Он почти яростно затряс головой. Черная прядь тут же упала ему на хмурый лоб.

— Знаешь, как сильно я люблю тебя?

Клэр замерла, глядя на чеканные черты его лица, на сломанный нос, на глубоко посаженные невероятно красивые глаза, в которых отражалась та самая любовь, о которой он говорил.

— Знаешь, как давно я мечтала услышать от тебя эти слова?

Она не заметила слезинку, которая снова упала на щеку. Эрик вытер и эту влагу, глядя ей в глаза.

— Я думал, тебе никогда не будет нужна моя любовь.

Она горько покачала головой.

— А я думала, ты никогда не поверишь в мою любовь, потому что однажды я заявила, что люблю другого.

— Всем сердцем.

— Да, — виновато молвила она, видя теперь, какую боль этим причинила ему. — Что и толкнуло тебя на это путешествие. И ты бы никогда не поверил в искренность моих чувств, посчитав моё сердце непостоянным и обманчивым. Но я так часто хотела признаться тебе...

Он вдруг нахмурился, будто что-то вспомнив.

— В ту ночь, когда мы сидели на ступенях нашего дома, ты шептала что чего-то не хочешь... Что ты имела в виду?

«Наш дом»! Клэр с трудом сдержала еще одну слезинку, готовую упасть ему на палец.

— Я не хотела, чтобы утром мы уезжали, хотела, чтобы мы остались тут, как муж и жена.

Внезапно Эрик улыбнулся. Так мягко и нежно, что у нее сжалось сердце.

— Ты и есть моя жена, Клэр.

— А ты — мой муж Эрик. Мой, и я никогда не дам тебе развод. Как бы ты ни старался...

И снова он прижал палец к ее дрожащим губам, оборвав ее на полуслове.

— Разве похоже, что я приехал сюда для этого?

Был единственный способ доказать ей это. И раз и навсегда заставить ее позабыть об этом.

Убрав палец, он накрыл ее губы своими, на этот раз таким мучительно ласковым, пьянящим поцелуем, что все разумные мысли вылетели из головы. Потянувшись к нему, Клэр ответила ему, обняв его так крепко, чтобы ему больше не пришло в голову отпускать ее. Теперь это было бы просто невыносимо. И он... Бережно раскрыв ее губы, он так волнительно и крепко целовал ее, что блаженный трепет моментально охватил всё тело, вытеснив горечь и боль долгих, одиноких дней. Клэр мгновенно растворилась в нем, ответив на поцелуй без единого сомнения, с тем, чего у нее никогда не было: свободы и любви.

Вздыхнув, Эрик выпрямился и решительно подхватил ее на руки.

— Я люблю тебя, — шепнул он горячо и направился с ней в спальню, где горел только камин. — Я никогда не перестану любить тебя, Клэр, даже после смерти.

Вздрагнув, Клэр открыла глаза как раз в тот момент, когда он уложил ее на прохладные простыни и опустился рядом с ней. Просунув одну руку ей под голову, другой он обхватил ее за талию и притянул к себе так, что она оказалась прижата к его напряженным бедрам. Томительное чувство заставило ее замереть, но, заглянув ему в глаза, Клэр положила руку

ему на гладко выбритую теплую щеку, не боясь больше ничего, и тихо прошептала:

— Я знаю, что ты любишь пить чай без сахара, знаю как выглядит каждый твой шрам, каждая рана, которую оставили на твоём теле. — Пальцами она осторожно коснулась его чуть кривоватого носа. — Я обожаю твой нос и могу бесконечно слушать твои рассказы о прошлом с приведением всех точных дат. Я обожаю, когда ты поправляешь меня, и я... я очень надеюсь, что сумею найти тысячу и один способ, чтобы сделать тебя таким же счастливым, какой счастливой делаешь меня ты, когда улыбаешься мне, когда касаешься меня. Когда целуешь вот так...

Эрик приподнялся на локте и, опустив голову, мягко, с чарующей лаской поцеловал ее.

— Так?

— Да, — вспыхнув, выдохнула Клэр, потянувшись к нему. — Как только ты пожелаешь...

У него дрогнуло сердце.

— Я собираюсь поцеловать тебя так, чтобы ты никогда не забывала об этом, — пообещал Эрик, улыбнувшись ей.

Едва дыша, Клэр улыбнулась ему в ответ.

— Я помню все твои поцелуи. — Она приподнялась и едва заметно коснулась его губ. — Это был первый раз. — Тогда в церкви, на их венчании. Эрик не мог пошевелиться, позволив ей в второй раз прижаться губами к себе. На этот раз дольше, глубже. — Так было во второй раз.

В Пембертоне.

У него потемнело в глазах. Он собирался зацеловать ее с ног до головы, но боялся потерять рассудок раньше времени, если она еще раз так коснется его.

На этот раз он сам поцеловал ее, и все опасения, всё ненужное вылетело из головы, когда она снова прильнула к нему, зарывшись пальцами ему в волосы. Эрик не мог поверить в это до конца, но Клэр действительно любила его. Любила так сильно, что вновь и вновь разбивала ему сердце, возвращая ему дар признания тогда, когда он и не надеялся услышать этого. Возвращая ему поцелуи, которые кружили голову. Она любила его и обнимала так, будто в этом действительно находила благодать.

Клэр... его жена. Отчаянная и смелая девушка, которая до конца боролась с ним за право заполучить его любовь. За право дать их любви шанс тогда, когда он чуть было не погубил всё это.

Запустив пальцы в ее волосы, Эрик целовал ее до тех пор, пока у обоих не участилось дыхание. Тогда, отстранившись, он приподнялся и приподнял ее, присев рядом с ней.

— Ты не... не уходишь?

Страх, прозвучавший в ее голосе, причинил бы ему очередную боль, если бы желание доказать ей свою любовь не было так велико. Желание, которое больше не нужно было подавлять или скрывать.

Эрик улыбнулся, медленно потянувшись к ее волосам.

— Можно я расплету твои волосы? — Коснувшись губами ее шеи, к которой умирал коснуться целую вечность назад, он тише добавил: — Обещаю, что потом заплету их так, как ты учила меня.

Клэр улыбнулась, закрыв глаза, когда ощутила тепло его дыхания на своей шее. А потом и горячее прикосновение его губ к поразительно чувствительной коже. Сладкая волна взметнулась вверх, угнездившись в груди приятной тяжестью, в которой было молчаливое

обещание чего-то большего.

— Мне понравилось, как ты заплел тогда мои волосы, — несмело прошептала она, замерев в его руках, пока он целовал ее шею и расплетал волосы.

Распустив ее волосы, Эрик, наконец, выпрямился и заглянул ей в глаза, опустив на ее плечи и спину каскад невероятно длинных шелковистых волос, которые мерцали словно золото в свете огня от камина.

— Какая ты красивая, — вырвалось у него.

Клэр нахмурила свои золотистые бровки.

— Надеюсь, ты не будешь всю ночь сидеть и смотреть на меня?

Он внезапно запрокинул голову и рассмеялась. Клэр никогда не слышала, как он смеется. Рокочущий, приятный смех щекотал слух, будоража сознание настолько, что она не удержавшись, коснулась его губ указательным пальцем, будто пыталась запечатлеть этот момент, поймать его смех, чтобы сохранить в памяти до конца жизни. Смех, который прогнал мрачную маску с его лица, и теперь Эрик выглядел так, будто был... счастлив.

Господи, это можно считать первым способом, чтобы сделать его по-настоящему счастливым?

— Я обожаю, когда ты улыбаешься, — прошептала Клэр, не опуская руку. — И твой смех... он мне тоже нравится. Я начинаю верить, что могу сделать тебя счастливым.

Успокоившись, Эрик мягко, но решительно обнял ее.

— Еще немного, и я забуду, для чего мы пришли сюда.

Недоумение в ее глазах поразил его в самое сердце.

— Это возможно?

У него перехватило дыхание.

— Боже, Клэр, конечно нет!

Он снова накрыл ее губы своими, но на этот раз жар его поцелуя не оставил больше места ничему.

Клэр с радостью прильнула к нему, поверив, наконец, в то, что он больше не отпустит ее. Обхватив его шею руками, она привстала на коленях и прижалась к его груди, одурманенная его поцелуями. И почти не заметила, как Эрик развязал сначала пояс пеньюар, затем стянул ленты ночной рубашки. Он прервал поцелуй лишь только для того, чтобы снять через голову мешающую одежду, а потом отбросил её в сторону. Глядя на нее горящим взглядом, он медленно опустил ее на подушки, а потом потянулся к своей рубашке и быстро стянул ее через голову, растрепав свои черные волосы.

Клэр ахнула, увидев его обнаженную напряженную грудь, усыпанную мелкими жесткими волосками. Она никогда не перестанет восхищаться им, но и не сможет никогда проигнорировать шрамы, которыми была покрыта его великолепная грудь. И правое плечо, на которой не было больше повязки, от чего рана казалась еще более ужасной, хоть она и затянулась. Приподняв руку, она осторожно коснулась гладкой теплой кожи рядом с раной.

— Она больше не тревожит тебя?

Эрик накрыл ее руку своей, опускаясь ниже.

— Не волнуйся, меня больше ничего не волнует.

— А это?.. — Высвободив руку, Клэр на этот раз коснулась небольшой перевязки на его левой руке, чуть выше локтя. — Что это такое? Ты был ранен?

Эрик спокойно покачал головой.

— Нет, это... ты ведь видела что там, правда?

Его татуировка.

— Да, — печально кивнула Клэр.

— Пока ты ехала в Эдинбург, я навестил одного человека, который мог выводить татуировки, и он помог мне избавиться от этой отметины.

Глаза ее округлились от удивления.

— Так вот, где ты был все те два дня!

Эрик нахмурился, опустившись на ее обнаженное тело. Клэр встрепенулась, но не переставала смотреть на него, впервые ощущая обнаженной грудью его голую грудь. Это было так мучительно приятно и пронзительно, что она затаила дыхание.

— А ты думала, где я?

— Я... — Она почувствовала, как он снова обхватывает ничем не прикрытую талию и тянет ее к себе так, что вновь их бедра соприкоснулись. И она почувствовала то, что было частью его, что всегда так остро ощущала, когда вот так прижималась к нему. Клэр почему-то не могла дышать, уверенная, что задохнется. Не только от его близости, но и его жара, который опалял ее. Ей было невероятно трудно сосредоточиться на разговоре, но она всё же ответила: — Я думала, ты снова стал избегать меня, после того, как отпустил, когда мы сидели на лестнице перед домом.

Эрик склонил голову и поцеловал ее. Так крепко, так глубоко прикинув к ее раскрытым устами так мучительно долго, что она действительно стала задыхаться. Клэр затрепетала и выгнула спину, когда, пройдясь по плавным, невероятно нежным изгибам ее талии, Эрик накрыл ладонью ее грудь. Обоих пронзило такое нестерпимое желание, что весь мир померк. Разговор тоже был уже не нужен, но он все же ответил.

— Я совершил слишком много ошибок... Что бы ни произошло, я никогда больше не отпущу тебя, потому что ты — мое дыхание, Клэр, а человек не может игнорировать собственное дыхание.

Он снова поцеловал ее. Клэр скользнула дрожащими руками по его плечам, ощущая под пальцами горячую атласную кожу, мягкость которой так хорошо помнил еще с тех пор, как ухаживала за ним после ранения. Как часто, Боже, как часто она мечтала вот так же беспрепятственно коснуться его, покрыть поцелуями каждую клеточку его тела, как делал он. Но все разумные мысли вылетели из головы, когда долгий поцелуй вкупе с мучительной лаской его руки, которым он сжимал ее грудь, заставил ее содрогнуться от томительного трепета, который перерос в уже знакомую жажду предвкушения того, что мог дать ей только Эрик.

Она не могла перестать дотрагиваться до него, не могла перестать целовать его, чувствуя не только сумасшедший бег своего сердца, но и то, как его горячее, большое тело трется об нее, вызывая сильнейший озноб. Не помня себя, Клэр целовала его с беззаветной щедростью, отдавая ему всё, что имела.

Эрик знал, что не должен спешить, но огонь желания распалил его настолько, что он едва уже сдерживал себя, но его спасло то, что он пока не снял штаны. Долгие годы воздержания, не знавшее разрядки тело стремилось к ней с такой силой, что мощная потребность в ней грозила лишить его рассудка. Кровь неслась по венам, высекая настоящий пожар, который словно в тисках сжимал всю нижнюю часть его тела, заставляя содрогаться от необходимости тут же войти в нее. В ушах шумело, но Эрик изо всех сил сдерживал себя, чтобы не напугать Клэр.

Боже, только бы сдержаться и не сделать ей больно.

— Эрик... — выдохнула Клэр, выгнув спину, когда он благословенно отпустил ее губы. Но только для того, чтобы устремиться вниз. Она уже знала, Господи, она теперь знала, что Эрик собирался сделать. Оттого чувство ожидания превратилось в почти невыносимую одержимость до тех пор, пока его губы не сомкнулись на ее груди. — Боже!

Издав мучительно-одобрительный удовлетворенный стон, она закрыла глаза и откинула голову назад, хватая ртом воздух. Потому что знала, о небеса, она знала, какие восхитительные ощущения охватят ее в тот миг, когда он начнет целовать ее грудь. Без страха того, что он может остановиться. И он целовал ее с такой трогательной осторожностью и изумительной настойчивостью, терзая ее языком и зубами, что в какой-то момент Клэр подумала, что больше не вынесет этого. Блаженная истома заполнила ее всю до такой степени, что сжимались даже пальцы ног.

Это действительно было так восхитительно, что слезы едва не навернулись на глаза. Боже, неужели она могла бы лишиться всего этого! Если бы она потеряла его... Клэр быстро оборвала эту мысль, уверенная, что никогда не позволит, чтобы с ним хоть что-то случилось. Теперь у нее было то, чего не было никогда. Он любил ее! Боже, любил, даже когда она перестала надеяться на чудо! И принял ее любовь. И зная Эрика, она была уверена, что он никогда не нарушит свое обещание. Ее любовь, как и она сама, были в самых надежных руках самого нескгибаемого человека. Слава Богу!

Его губы не знали ни минуты покоя, осыпая влажными поцелуями не только грудь, но и ложбинку. У нее сжималось всё внутри от упоения и восторга. Сжимая рукой чувствительное полушарие, он стал покрывать поцелуями ее подрагивающий живот и даже коснулся маленького пупка. Разливающаяся по всему телу услада сводила с ума, и Клэр боялась, что от испытываемого наслаждения у нее разорвется сердце, готовое вот-вот выпрыгнуть из груди. Ее так стремительно захватили его ласки, что она уже не могла дышать...

— Эрик...

Он улыбнулся, наслаждаясь вкусом ее бархатистой кожи, изящными линиями божественного тела. Боже, он даже не подозревал, что она может быть такой чувствительной, но разве не она разбудила в нем все его давно позабытые чувства, отвечая на его ласки с такой пугающей доверчивостью и обезоруживающей нежностью, что он мог сгореть без остатка.

Вдыхая пьянящий запах ландышей, он приподнялся и снова навис над ней. От долгих попыток сдержать себя напряглись мышцы, испарина выступила на лбу, заливая глаза. Опустив колено между ее бедер, Эрик снова с безудержным огнем поцеловал ее раскрытые губы, испивая ее, доводя почти до исступления, вбирая ее в себя до тех пор, пока не прижал руку к золотистому треугольнику внизу ее живота.

Опьяненная, почти без сил, Клэр вздрогнула и замерла, сжимая его плечи так, будто стремилась отстранить его от себя. Тяжело дыша, Эрик подчинился, тут же подняв голову. Он заглянул в мерцающие потемневшие глаза, чувствуя давление ее пальцев, и старался усмирить дыхание и взять себя в руки, чтобы не взорваться, чтобы не пугать ее.

— Я люблю тебя, — шепнул он, надеясь, что это поможет, но ее натянутая улыбка сказала, как сильно она перепугана. Опустив еще ниже голову, он прижался к ее щеке своей и шепнул прямо в ухо: — Ты ведь знаешь, что бывает в первую брачную ночь?

Клэр залилась таким густым румянцем, что была уверена, эту краску никогда не смоеет с лица. Она дрожала и не могла пошевелиться, ощущая прикосновение его пальцев к тому

месту, о котором даже боялась подумать. Еще и потому, что все его ласки усиливали безумное томление, которое образовалось там и с одним его прикосновением взорвалось и легкой волной разлилось по всему телу, заставив ее выгнуть спину.

— Боже, — прошептала она, зажмурившись. Клэр прижалась лбом его плечу, не понимая, что с ней происходит, и прикусила губу, чтобы сдержаться, но это было совершенно невозможно сделать, когда его пальцы вновь пришли в движение. — Эрик... — протяжно застонала она, обхватив его за шею так, будто боялась умереть. Боялась, что еще от одной такой пронзительной ласки рассыплется на части.

Эрик пытался помочь ей привыкнуть к новым ощущениям. Найдя ее губы, он поцеловал ее, не переставая ласкать ее, ощущая, как она дрожит и еще сильнее сжимает пальцами его плечи. Он горел, ощущая ее жар пальцами, и когда понял, что сердце вот-вот лопнет в груди, что она уже готова, даже не понимая этого, Эрик приподнялся и лег на нее.

Он хотел ее, Боже, так отчаянно хотел, что больше не мог сдерживаться, ощущая резкие пульсирующие волны, которые пробегали по спине, заставляя его наполниться огнем, способным испепелить его. Приподнявшись на локте, он с трудом открыл глаза и посмотрел на нее. И снова погладил ее там.

Изогнувшись, Клэр закрыла глаза и издала такой протяжный стон, что он чуть было не потерял голову.

— На этот раз я пойду до конца, Клэр, — прошептал он, глядя на одинокую жилку, которая безумно билась под белоснежной кожей на ее шее.

Открыв глаза, словно опьяневшая, Клэр заглянула в его пылающие глаза. Его безудержные ласки истощили и заставили ее ослабнуть настолько, что она едва могла пошевелиться. У нее не только трепетало тело. У нее пульсировало и горело там, где он недавно касался ее. Чувствуя, как горят щеки, Клэр дрожащей рукой откинула от его лба прядь черных волос, боясь пошевелиться, уверенная, что очередная волна собьет ее с ног и просто раздавит.

— Я очень на это надеюсь, любовь моя, — молвила она, чувствуя такую безграничную любовь к нему, что повлажнели глаза.

— На этот раз я сделаю то, что не осмеливался сделать, пока у меня не было твоей любви.

У нее перехватило в горле.

— Она вся принадлежит тебе. Без остатка.

Подхватив ее дрожащие губы своими, Эрик убрал руку, лихорадочно расстегнул пуговицы на панталонах и, едва дыша, подался вперед.

Клэр снова замерла, сжимая его плечи так, будто он собирался убить ее. Оглушительная нежность сжала ему сердце так, что Эрик вновь прижал руку к ней, отвлекая, воспаляя, дразня ее до тех пор, пока она не стала дрожать вновь. Не переставая целовать ее, Эрик понял, что нельзя больше медлить, иначе страх помешает ей полностью погрузиться в чарующее волшебство этого мгновения. Из всех сил сдерживая себя, он с величайшей осторожностью подался вперед. Обволакивающие жаркие глубины приняли его с такой будоражащей готовностью, что он застонал, а потом действительно потерял голову.

Клэр потрясенно ахнула, когда он убрал свою руку, но то, что продолжало прижиматься к ней, что-то горячее, часть его, толкнулось к ней и мягко погрузилось в нее. Задохнувшись от неожиданности, она издала изумленный стон и замерла. Не то от боли, не то от облегчения того, что *это* наконец свершилось. Вместе с тем, оглушительный жар заполнил

ее так, что ее стало распирать изнутри.

— Боже мой... — прошептала она, потрясенная тем, что он был частью ее. В буквально смысле.

Уронив голову ей на плечо, Эрик зажмурился и дрожал так, будто на него это действовало так же сокрушительно, как на нее. И дышал так часто, что казалось, задохнется вместе с ней. Выпустив его волосы, Клэр скользнула руками по его спине в отчаянной попытке успокоить его, но он задрожал еще больше.

— Клэр.... О Господи, — пролепетал Эрик, чувствуя, как из глаз будто бы сыплются искры. Он не двигался, потому что боялся причинить ей боль, но вероятно она настолько была поглощена тем, что происходило, что даже не заметила этого дискомфорта. — Не шевелись... Прошу тебя, не двигайся!

Она не смогла бы двигаться, даже если бы и захотела, пригвожденная к кровати не только весом его тела, но и тем непостижимым жаром, которым он заполнил ее.

— Боже, я никогда не чувствовала тебя так, Эрик! Это... это невероятно.

Когда Клэр прижала лицо к его плечу, когда он ощутил на своей распаленной коже прикосновение ее губ, Эрику показалось, что он лишится рассудка, если не будет двигаться. Он слишком долго жил без нее, без ее прикосновений, без ее поцелуев. Позабыв даже, какая это благодать — быть в чьих-то объятиях, Эрик не мог вспомнить, чтобы хоть когда-то испытывал подобное блаженство. Крепко держа ее и сжимая ей бедра, он слегка подался назад, а потом снова заполнил ее собой до самого конца. Ошеломленно застонав, она выгнула спину, почти засасывая его в свои глубины.

— Клэр, — прохрипел он, стараясь дышать, а потом начал медленно двигаться, подчиняясь и подчиняя ее тому самому древнему ритму, который невозможно было сдержать. Что было бы просто невозможно без нее. Что было невыразимо прекрасно с ней. — Господи, Клэр...

Эрик действительно не думал, что когда-нибудь это будет возможно для него. Что ему захочется этого, но теперь это было настолько необыкновенно, его охватило такое будоражащее, почти невыносимое наслаждение, что он боялся умереть прямо в ее объятиях. Его смелая, бесконечно преданная, невероятно сильная духом жена, которая убежала и спряталась от него там, где могла бы защититься от той боли, которую он причинил ей. Ее великодушное сердце не только приняло его, оно простило его, вручив ему дар той самой любви, ради которой он был готов отдать свою жизнь.

Сгорая в пламени удушающего желания, Эрик приподнялся на локте и едва дыша, приник к ее губам.

— Я люблю тебя...

Она тоже хотела сказать, что любит его, но новый стон, вырвавшийся из горла, буквально сбил ее с ног, накрыв таким неукротимым огнем, что она едва живая прильнула к нему в ответ. То, что он делал, то, что происходило... Невозможно было представить себе более полного единения с человеком, кому она вверила не только свое сердце, но и жизнь и душу. В этом было так много неизведанного таинства, но и так много будоражащего трепета и непомерного блаженства, что это подчинило все мысли, чувства и желания. Осталась оглушительная потребность в том, к чему вел ее Эрик. Потребность быть к нему еще ближе, двигаться вместе с ним, устремляясь на встречу чему-то невозможному. Растворившись в пламени его безудержных поцелуев, Клэр вздрагивала и замирала от того, сколь сильные ощущения приносило ей каждое его новое движение, усиливая жар и напряжение

одновременно.

Внутри нарастало такое мощное доминирующее над всеми остальными чувство, что на какое-то мгновение Клэр даже испугалась этого. Принимая удары его бедер, Клэр выпустила его губы, зажмурилась и выдохнула его имя, боясь сойти с ума, потому что напряжение сковало все ее тело, обещая потом сотворить с ней нечто невообразимое.

— Эрик? Боже, Эрик, это...

Он не позволил ей договорить, вновь прижавшись к ее губам, и так резко заполнил собой, что Клэр пронзило нечто мучительно сладкое, а потом напряжение взорвалось в ней, обдав каждую клеточку такой жаркой, изысканной, почти непереносимо сладкой волной, что она чуть было не сгорела, сотрясаясь под тяжестью его большого тела. Сладость и упоение смешались воедино, утопив ее в чарующем блаженстве его любви.

Хватаясь за него, Клэр почувствовала, как вздулись его мышцы, Эрик тоже замер, а потом жаром содрогнулся в самых ее глубинах, прижимаясь к ней так крепко, будто она могла исчезнуть.

— Я люблю тебя... — выдохнул он, будто умирая, а потом упал на нее и закрыл глаза, отдав ей последнее своё дыхание.

Клэр не представляла, как у неё после случившегося остались еще какие-то силы, но её пальцы лениво перебирали влажные волосы Эрика, пока он обнимал её, уткнувшись ей в шею. У неё сжалось сердце, когда она повернула голову и посмотрела на него. Сейчас он показался ей таким ранимым, что ей захотелось защитить его от всего мира. Теперь он принадлежал ей. Боже, теперь он полностью и безоговорочно принадлежал ей! Как и она ему. До конца жизни. И это уже ничего не изменит. Глаза его были закрыты, он дышал так часто, что жар его дыхания мог опалить ей кожу, но она не возражала. Бескрайняя любовь охватила ее так, что Клэр улыбнулась ему и снова погладила его по голове, ощущая на своей груди удары его сердца.

— Я люблю тебя, — прошептала она, не в силах перестать дотрагиваться до него. — Я люблю тебя всем сердцем и душой.

Сладкая волна от пережитого до сих пор бродила по телу, словно старинное вино, не желая отпускать ее. Бесконечно благодарная ему за то, что он отыскал ее и спас от гибели ее сердце, Клэр потянулась к нему и осторожно коснулась его чуть кривоватого носа, боясь разбудить его, потому что казалось, будто он спит.

Но он не спал. Ленивая, почти самодовольная улыбка тронула его красивые губы, и Эрик медленно открыл глаза.

Как он мог не открыть, когда она вернула ему слова, которые когда-то глубоко ранили его?

— Ты решила снова соблазнить меня, жена моя?

Клэр счастливо улыбнулась ему в ответ, быстро поцеловав его в губы.

— Мне нравится, как ты теперь называешь меня.

Глаза ее, эти потрясающие огромные золотистые глаза сияли таким счастьем, что невозможно было спокойно смотреть в них. Его жена, его Клэр... Которая подарила ему самое чарующее наслаждение в ее жизни, когда всё это было почти невозможно для него. Подняв отяжелевшую руку, Эрик погладил ее по румяной щеке, все еще лежа на ней, всё еще находясь в ней. Боже, она была слишком большим искушением, чтобы отпустить ее сейчас! Он был уверен, что до конца жизни не перестанет желать ее.

— Жена моя, — шепнул он, потянувшись к ней, и сам поцеловал ее улыбающиеся, невероятно сладкие губы.

— А ты — мой муж, — торжественно заявила она с блеском в глазах. — Только мой.

Он улыбнулся ей в ответ.

— Только твой.

Обняв ее за талию, Эрик перекатился на спину и увлек жену за собой так, что мягко устроил ее в своих объятиях и положил златовласую голову к себе на плечо. А потом вздохнул. Глубоко, очень глубоко, и, закрыв глаза, Эрик, наконец, позволил своему сердцу биться спокойнее, так, как оно прежде никогда не билось. Так, как не забилося бы, если бы не Клэр... Если бы не ее любовь, которая оказалась мудрее и сильнее его.

— Знаешь, о чем я подумала, едва увидела тебя тогда на музыкальном вечере моего дяди, когда ты только пришёл?

Ласковый голос Клэр вывел его из задумчивости. Опустив голову, Эрик посмотрел на нее.

— О чем, жена моя?

Она тоже подняла к нему свое лицо. И улыбнулась. Без тени печали или боли. Почти так же, как тогда на прогулке в Гайд-парке. За исключением того, что теперь глаза ее сверкали от самого настоящего счастья, которое сумел подарить ей он. Надо же, его заветная мечта исполнилась: теперь он знал, как сделать ее счастливой.

— Мне действительно нравится, как ты называешь меня.

Убрав прядь золотистых волос за ухо, он коснулся пальцем ее носика.

— Тогда я буду называть тебя так до конца жизни.

— И это мне нравится.

Эрик не смог не улыбнуться ей в ответ.

— Так о чем ты подумала, когда увидела меня?

— Я... — Ее щеки вдруг порозовели, и она опустила свой взор на его грудь. — Я подумала, а не подбил ли ты свой сюртук ватой, чтобы казаться... сильным.

Не ожидая услышать ничего подобного, Эрик вдруг обнаружил, что довольно улыбается, будто бы заново открывая для себя их общее прошлое.

— Ты действительно так подумала?

Она тут же кивнула.

— Да.

— Удивительно, я думал, ты не заметишь меня и не запомнишь...

— Не запомню? — Легкое возмущение сквозило в глубинах золотистых глаза. — Как можно было не запомнить человека, который не знал, кто такой Бетховен!

Глаза его сверкали, Эрик не переставал улыбаться, но его вопрос был полон другого смысла.

— Правда ты запомнила меня?

Он действительно выглядел удивленным, будто не ожидал, что может производить на нее такое неизгладимое впечатление. Это ранило, потому что было очевидно, что сомнения прошлого не до конца отпустили его. Клэр хотела бы развеять все до единого и сгладить каждую недосказанность. Она непременно должна придумать, как это сделать, а пока... Ей было ужасно приятно прижиматься к его теплому, сильному телу, но даже это не помешало ей притворно нахмуриться и упереть в него свой грозный взгляд.

— А ты думаешь, я с каждым своим кавалером тут же иду танцевать, едва знакомясь? И что на прогулку бегу, очертя голову, когда он на следующее же утро приглашает меня пойти с ним в Гайд-парк? Или что еще хуже, позволяю видеть, как уплетаю пирожные с заварным кремом и глазурью?

Эрик был поражен в самое сердце, потому что оказывается и он не до конца хорошо знал ее. Коснувшись ее лица, он мягко погладил по румяной щеке, впитывая в себя волшебство ее признания.

— Знаешь, почему я тогда пригласил тебя на танец?

— Почему? — жадно спросила она, ловя каждое его слово.

— Я хотел убедиться, что ты не видение, и что такое же счастье обнимать тебя, как тогда, когда в комнате моего отца ты упала на меня. Хотел убедиться, что я всё еще могу чувствовать. Чувствовать тебя.

Да, теперь она знала, что для него значили прикосновения. Ее прикосновения. Опустив голову ему на плечо, она закрыла глаза, вдохнув до боли любимый запах.

Невероятно, еще вчера она полагала, что жизнь кончена, еще вчера она с содроганием

ложилась в кровать, думая о том, что у нее не хватит сил проснуться утром, а сегодня, сейчас ее обнимал тот, кого она навеки считала потерянным для себя.

Сумрак ночи окутал спальню приглушенным светом, но пламя от камина отбрасывало достаточно бликов, чтобы видеть шрамы на его груди. По одному из них она провела пальцем, зная совершенно точно, что никогда не забудет его горячей исповеди.

— Я думала, ты скажешь, что тебя покорила моя красота.

Коснувшись ее подбородка, он заставил ее посмотреть на себя.

— Ты невероятно красива, любовь моя, но, если помнишь, в тот день я тебя плохо видел, потому что у меня болели глаза.

Да, она знала, что на самом деле было с его глазами, но Клэр не хотела больше мрака. Ему следовало помнить всё хорошее, чтобы забыть всё плохое.

— Да, но когда я упала на тебя... Признайся, что именно тогда и сразила тебя моя красота.

Эрик мягко покачал головой, едва сдерживая улыбку. Едва сдерживая рвущуюся наружу любовь, которая требовала, чтобы он немедленно поцеловал ее.

— Тогда я был потрясен тем, что ты прижималась ко мне, и я мог чувствовать тебя, а не отвращение. Прости меня, но даже тогда твоя красота не имела надо мной той власти, какую имела ты сама.

Нахмурившись, она опустила голову и коснулась губами его груди. Эрик вздрогнул, ощутив очередную вспышку желания. Почти такую же сильную, как и минуту назад. Словно одного поцелуя было мала, она стала покрывать поцелуями его грудь, обжигая жаром своих губ настолько, что он глухо застонал и потянулся к ней.

Боже, было так приятно целовать его атласную кожу, что она могла бы вечно это делать! И теперь понимала, какое удовольствие испытывал Эрик, изучая ее собственное тело. Его кожа была горячей и такой... терпкой, что она не могла перестать целовать его грудь, плечи, приподнялась и зацеловала каждый дюйм его шеи, уделив достаточно внимания его подрагивающему кадыку. Он дернулся и застонал, сомкнув вокруг нее дрожащие руки. Поглаживая мягкие завитки волос на его груди, дразня и распалая его еще больше, ощущая под пальцами напряженные мышцы, Клэр, прикусив губу, приподнялась и, взглянув на него, склонила голову к плечу, сверкая своими восхитительными глазами так, что у него дрогнуло сердце, будто он впервые видел ее. Так, что заново влюбился в нее по уши.

— Но она... моя красота хоть бы раз... действовала на тебя?

Он прижал палец к ее восхитительным губам.

— Прямо сейчас, кажется, я заново влюбляюсь в тебя.

Ее улыбка стала такой лучистой и широкой, что Эрик не смог сдержаться. Окутанная копной золотистых блестящих волос, прижимаясь к нему своим нагим телом так, что он чувствовал на своей груди тяжесть ее груди, она являла собой слишком соблазнительное видение, чтобы устоять перед ней. Эрик осторожно перевернул ее на спину, желая ее сейчас, возможно, даже больше, чем в первый раз.

— Мне и это нравится, — глухо молвила она, уже прекрасно зная, почему его глаза темнеют и сверкают таким таинственным обещанием.

Он поцеловал ее, осторожно погладив ее по лицу, затем рука его спустилась вниз, и пока губы его увлекали ее в тот самый чувственный мир, откуда не было возврата кроме как рухнуть с небес на землю, Эрик накрыл ладонью ее полную грудь. Клэр задрожала.

Пульсирующее напряжение вновь стало нарастать, обещая превратиться в чудо блаженства, в которое она хотела окунуться всем сердцем. Томительный стон сорвался с губ. Обхватив его шею, она притянула его к себе, но он не торопился подчиниться, дразня, захватывая, воспаляя и одурманивая ее одновременно.

Он целовал ее с такой мучительной неторопливостью, что от упоения у нее зашумело в ушах. Не переставая ласкать ее руками, Эрик незаметно сбросил с себя панталоны и пронзительно обнаженный опустился на неё, раздвигая бедром ее колени. Клэр замерла, вспомнив то удивительное мгновение единения, с которым он сливался с ней в первый раз. Она хотела этого, хотела так сильно, что заныло сердце. Ее тело так остро реагировало на его ласки, что она боялась не сдержаться и умереть от сладости, когда он снова не окажется в ней.

Милостиво отпустив ее губы, Эрик заглянул в ее затуманенные золотистые глаза, в которых видел отражение собственного желания. Осторожно опустившись на ней, он убрал с ее лица шелковистую прядь.

— Тебе не было больно в первый раз?

Едва понимая, о чем он говорит, Клэр попыталась сосредоточиться на его словах.

— Больно? — спросила она, нахмурившись.

Эрик порадовался тому, что смог любить ее, не причинив ей еще больше боли, но он чувствовал сопротивление ее тела в первый раз и почему-то боялся, что теперь, когда волнение немного стихло, боль может вернуться.

— Я буду осторожен, — шепнул он, медленно проникая в нее, чувствуя, как испарина на этот раз покрывает всю его спину от едва сдерживаемого желания, от оглушительной потребности в ней. — Если почувствуешь боль, скажи мне, и я тут же остановлюсь.

Клэр не могла понять, как он может еще что-то говорить, потрясенная пронзительностью этого момента. И снова часть его, неведомая и почти непонятная, стала заполнять ее, выдавливая из нее весь воздух. Замерев, Клэр принимала его, поражаясь тому, как легко и мягко он это делает, как ее тело с готовностью может позволить это. Плавное скольжение приносило ей такое острое упоение, что когда он оказался полностью в ней, Клэр беспомощно выгнулась и обхватила его голову дрожащими руками, боясь задохнуться от переполнявших ее ощущений.

— Я так сильно люблю тебя, — пробормотала она, едва дыша.

Прижавшись губами к ее подбородку, Эрик снова начал знакомый ритм, то полностью уходя назад, то приближаясь, так что внутри не оставалось ничего, кроме него. И в этом не было ни капельки боли, лишь до одури пронзительное наслаждение, на волнах которого они взбирались всё выше и выше. Чувственные движения и будоражащие ласки его рук творили с ней невероятные вещи, заставляя стремиться ему навстречу и желая большего. И она знала, что будет большее. И она шла за ним, готовая принять всё то, что он посчитает нужным дать ей. И давала в ответ то, что могло подарить ему такой же восторг, который кружил голову ей.

Она желала вновь испытать те головокружительные мгновения, когда внезапный взрыв отделяет душу от тела и на короткое мгновение не остаётся ничего, кроме стремительного полета, жара ее мужа и ослепительного света его любви, которая возродила ее и переменяла жизнь так, что она никогда не будет прежней. Любовь, готовая на немыслимые жертвы, ставя ее сердце выше собственного, любовь, прошедшая невероятные испытания. Любовь, которая, в конце концов, досталась ей!

Убыстряя толчки, Эрик снова накрыл ее губы своими, боясь не вынести бесконечное удовольствие, какое дарила ему его ослепительная в своей страсти жена. Боже, он никогда не думал, что найдет подобное счастье, но это... Это превзошло все его ожидания, потому что никогда прежде он не купался в любви. Он почти захлебывался от ее любви, от той безграничной нежности, с которой она ласкала его плечи, спину, руки. Когда она, выдохнув снова его имя, прижала губы к его шее, к его кадыку, Эрик был уверен, что у него должно было остановиться сердце. Зарычав, он сжал ей ногу, заставляя согнуться в колени так, чтобы еще больше раскрыться ему, чтобы еще глубже проникнуть в нее. Он прижался к ней, доводя обоих до иступления, и когда она содрогнулась, сжав его бедрами и руками, он задрожал сам, шепча ее имя, пока его жизнь сливалась с ее жизнью так, что невозможно было понять, где заканчивается она и начинается он.

За это он был готов отдать сотни жизней, всё, что попросят, лишь бы никогда больше не испытать ужас того, что Клэр ушла из его жизни.

Долгие дни без сна сказались на нем. И на ней тоже. Истощенные, но безмерно счастливые, они крепко обняли друг друга, даже боясь дышать друг без друга. Эрик укрыл их одеялом. Свет в камине стал совсем слабым, но он видел сонное лицо своей жены. И снова подумал о том, что она самое красивое создание на всем белом свете. И она принадлежит ему. Без остатка.

Эрик был уверен, что она уснула, но в тишине комнаты раздался ее тихий, почти сонный голос:

— Кажется, теперь лазать по деревьям — не самое мое любимое занятие.

Он не смог сдержать улыбки. Чувствуя, как грудь наполняет бесконечная нежность к ней, Эрик прижался губами к ее лбу.

— И что же самое любимое теперь, жена моя?

Услышав его последние слова, она с такой сонной очаровательностью улыбнулась ему, что болезненно ёкнуло сердце.

— Теперь самое мое любимое занятие — любить тебя, муж мой.

Эрик до этого мгновения и думать не смел, что испытает ещё больше счастья, когда впервые услышал ее слова любви, но сейчас счастье буквально разрывало его изнутри.

Улыбаясь друг другу, счастливые супруги мгновенно уснули.

* * *

Еще только занимался рассвет, когда, проснувшись, Клэр с облегчением обнаружила, что Эрик был рядом с ней. Было невероятно неловко просыпаться в объятиях мужчины, да еще и абсолютно голого. Да и на ней не было ни лоскуточка. Но это вновь напомнило о том, что было вчера. Через что им пришлось пройти, чтобы заполучить право вчерашней ночи. Клэр содрогнулась от ужаса, подумав о том, что этого могло бы и не быть, если бы он не приехал, но она быстро успокоила себя.

Эрик нашел бы ее. Непременно.

Эрик...

Осторожно повернувшись в его объятиях, она посмотрела на его лицо. Он все еще спал, не подозревая о том, что его бессовестно разглядывают. И она разглядывала его с такой

жадностью, будто видела его впервые в жизни. Конечно, не впервые, но такого расслабленного и спокойного, когда он казался моложе своих лет, разумеется, впервые. Черты его лица разгладились, уголки красиво очерченных губ были слегка приподняты и казалось, будто он улыбается даже во сне. Как ему шла улыбка! Как же ему шло быть счастливым!

Как можно было не сразу догадаться, что он покори́л ее глупое, упрямое сердце? Как можно было не сразу понять, что она любила его? Любить его было так просто, так легко, так мучительно приятно. То, что он делал с ней ночью, то, что позволил ощутить, открывая ей чувственное таинство между супругами, которое отныне станет частью их жизни, было верхом совершенства. Пределом мечтаний.

Но Клэр чувствовала себя не до конца счастливой. Кое-что всё же омрачало внезапно обретенный покой. Потому что одно обстоятельство укрепило ее мнение сделать то, что пришло ей в голову много дней назад. Собственно на эту мысль натолкнула оранжерей Алекс, когда Клэр впервые вошла туда, разумеется после того, как Эрик проснулся после долгой горячки.

В тот день было солнечно, почти так же, каким обещал быть сегодняшней день. Алекс ухаживала за горшком с ландышами. Глухая тоска и болезненная горечь охватили ее, когда Клэр увидела свои любимые цветы, однако голос Алекс тут же отвлек ее. Ее старшая дочь Джейн, двойняшка Джеймса, которая родилась на десять минут позже брата, очень любила ландыши и просила мать сделать так, чтобы эти цветы радовали глаз круглый год. Обожая дочь, Алекс не смогла не внять просьбе дочери, периодически пересаживая ростки, состоящие из отрезка корневища с корнями и верхушечной почкой всякий раз, когда нужно было возродить к жизни очередную порцию любимых цветов Джейн. Так получалось, что у Алекс всегда в любое время года можно было насладиться видом и ароматом этих удивительных цветов. А вчера, сидя в маленькой часовне и глядя на высокие сводчатые потолки, мысль сформировалась окончательно, не давая ей покоя.

Ночью же, когда Эрик удивленно смотрел на нее, узнавая, что с первой встречи запал ей в душу, подтолкнули Клэр совершить то, что она была обязана сделать. Она должна была раз и навсегда дать ему понять, что ее сердце до конца жизни будет принадлежать ему. И что сомневаться в том, что с первой минуты знакомства он стал значить для нее гораздо больше, чем она могла себе тогда представить, ему больше никогда не придётся.

Он лежал на левом боку, перекинув ей через талию свою тяжелую руку. Рука с перевязкой. Прикусив губу, Клэр осторожно коснулась пальцами уже потемневших бинтов, которые никто, вероятно, так и не сменил. Должно быть так и есть, пока он скакал по всей стране, разыскивая ее. Она была рада, что ему удалось избавиться от той страшной отметины с виселицей, которая безобразно портила его кожу.

До сих пор ей не верилось, что он бросился в дом Клиффорда, чтоб только забрать ее. И скакал даже по ночам. Метался так, что стал похож на привидение, когда она увидела его вчера, промокшего до нитки. Сейчас он больше не походил на того разбитого и объятых горем человека, который с оглушительной виной смотрел на нее, а потом обнимал и просил прощения. Она не хотела больше видеть его таким. И глядя на него сейчас, еще больше убеждалась в том, что ей следует обязательно сделать то, что она задумала.

Занятая своими мыслями, она не сразу заметила, как руки Эрика пришли в движение, смыкаясь вокруг ее тоненькой талии. Когда же она почувствовала легкое щекотание, она резко посмотрела ему в лицо. И тут же столкнулась с мерцающими смешинками и

лукавством сонными серо-голубыми глазами.

— И давно ты меня разглядываешь, жена моя?

Клэр вздрогнула и завизжала, когда он стал щекотать ее так, что она изогнулась и стала вырываться. Но он так крепко держал ее, что она не смогла далеко убежать от его рук. Задыхаясь, она не могла побороть улыбку, когда увидела, как радостно улыбается Эрик.

— О, Эрик, прошу тебя, прекрати!

Сжалившись, он прекратил щекотать ее и медленно прижал к своему большому, теплому, обнаженному телу. Клэр прильнула к нему, положив ладони ему на грудь, и тут же замерла, когда ощутила, как сильно он напряжен. Почти как ночью, когда мучительно долгое время не давал ей покоя. Желание погрузиться в этот чарующий мир и на какое-то время позабыть о реальности было так велико, что пронзительная дрожь прокатилась по всему телу, заставив потемнеть глаза.

Подняв руку от ее талии, Эрик запустил пальцы в ее роскошные волосы. Она была такой теплой, такой прелестной и соблазнительной, что он стремительно стал терять голову, едва проснувшись и обнаружив ее в своих объятиях. До сих пор не веря, что это на самом деле происходит с ним, Эрик погладил ее по щеке, чувствуя давление ее ноги, которую она незаметно закинула ему на бедро. Желание стрельнуло в нем с такой молниеносной силой, что было уже бесполезно бороться с этим. И он знал, что снова займется с ней любовью, так, как только можно было мечтать. И до конца жизни будет любить ее без преград и без малейшего повода сдержаться.

— Тебе удалось поспать? — спросил он, потянувшись к ней, и коснулся губами нежной кожи ее шеи.

Она встрепенулась и задержала дыхание, закрыв глаза.

— Да, кажется...

— Кажется? — Приподнявшись на локте, он посмотрел на нее сверху вниз, видя разметающиеся по белоснежной подушке золотистые блестящие волосы. — Как твой муж, должен сказать, что забочусь не только о твоём хорошем самочувствии, но и твоём здоровом сне.

Нежная улыбка тронула ее припухшие губы, к которым он так отчаянно хотел прижаться. Подняв руку, она погладила его по голове, перебирая пальцами пряди черных волосы. Улыбка такая ласковая, что у него перехватило дыхание. Улыбка, которая могла покорять его вновь и вновь.

— По-моему, сон был нужен тебе больше, чем мне.

Забота в ее голосе тронула его до глубины души. Она знала, что он скакал почти всю неделю, не сомкнув глаз, вернее, иногда подрёмывая в седле лошади, которая должна была привести его к ней.

— Когда ты так близко, мне хочется делать всё, что угодно, но только не спать.

Продолжая так же ласково улыбаться, она приподнялась и накрыла его губы таким мучительно сладким поцелуем, что у него растаяло сердце.

— Я знаю, — шепнула она, чувствуя, как он прижимается к ней, опустив ее ногу на матрас.

От ее шепота волосы у него на затылке зашевелились. Опираясь о локоть, он опустил вниз свободную руку и мягко раскрыл ее ноги, устраиваясь между ними. Эрик не переставал смотреть ей в глаза, когда приблизился к ней настолько, что отпали любые сомнения в том, что он намерен сделать. В очередной раз. А потом еще раз. И еще... и еще, до тех пор, пока у

него на это хватит дыхания.

Опустив голову, Эрик снова завладел ее губами, но в поцелуе не было того агонизирующего голода, которое он испытывал вчера. Того отчаяния, когда он мог потерять драгоценное время, потому что боялся, что она исчезнет. Она больше никогда не исчезнет. И сознание этого факта делало его желание еще более глубоким и волнительным, чем вчера.

Было такое невероятное удовольствие целовать его, что Клэр могла бы делать это вечно, если бы не стала задыхаться. Неторопливые ласки вместе с почти лениво-страстными, продолжительно-пламенными поцелуями кружили голову так, что она не могла больше сдержаться. Едва живая, она оторвалась от его губ и опустила голову на подушку, заглянув в его пронзительные серо-голубые глаза. Коснувшись пальцами его руки там, где была повязка, она невольно посмотрела туда.

— Тебе удалось вывести татуировку?

Голова туманилась от желания, но Эрик смог сосредоточиться на разговоре, прижавшись губами ее подбородка.

— Краска не слишком глубоко впиталась, поэтому да, мастеру удалось вывести рисунок. Но даже если бы и не получилось...

Его губы прошлись по линии скулы и прижались к уху, сжав мочку так, что Клэр вздрогнула. Проглотив ком в горле, она запустила пальцы ему в волосы и приподняла его голову так, чтобы видеть его.

— Что бы ты сделал в противном случае?

Озорные искорки вновь появились в его глазах. Клэр было так непривычно видеть его таким, таким свободным от самоконтроля и темных чувств, что она едва узнавала его. Эрик улыбнулся и, приблизив к ней свое красивое лицо, тихо шепнул:

— На случай, если бы не получилось вывести татуировку, я собирался попросить мастера сделать новый рисунок поверх нее.

Глаза Клэр сузились.

— Новый?

— У меня с собой был твой стебелек ландыша, помнишь?

Клэр вдруг глухо рассмеялась, обняв его за плечи.

— Ты бы вывел на своей руке рисунок ландыша?

— Да.

Она покачала головой.

— Какое счастье, что ты этого не сделал.

Эрик удивленно смотрел на нее.

— Почему?

Внезапно подавшись вперед, она уткнулась ему в шею и так мягко провела губами по его кадыку, что Эрик задрожал и закрыл глаза, дрожа от переполнявшего его желания.

— Обожаю твой кадык, — шепнула она, увлеченно лаская его.

— Клэр! — беспомощно выдохнул Эрик, едва сдерживая себя.

— Потому что мне пришлось бы сделать ответный рисунок листочка клевера на своей руке.

Глухо рассмеявшись, Эрик опустил голову и, когда, найдя ее губы, прильнул к ней, ему не составило труда с такой же медлительностью скользнуть в нее. Клэр издала протяжный стон и крепче обняла его, сжав своими бедрами его бедра. Оглушительная волна удовольствия охватило его так, что из горла вырвался хриплый стон.

— Боже! — прошептал он, прижавшись щекой к ее щеке, и замер в ней, не предпринимая никаких попыток двигаться. Эрик боялся, что если она пошевелится, это непременно убьет его. — Не шевелись.

— П-почему? — дрожащим шепотом промолвила Клэр, зажмурив глаза от пронзительного чувства наполненности и единения с ним.

— Если ты это сделаешь, у меня остановится сердце.

Как бы ни было удивительно лежать вот так с ним, было просто невозможно терпеть нарастающее напряжение оттого, что он все же не двигается.

— Рано или поздно кому-то из нас придется пошевелиться.

Простыня скользнула по его спине, усиливая возбуждение так, что напряглись мышцы. Эрик задрожал, а потом понял, что попытка продлить чарующее мгновение действительно может стоить ему жизни. Он пока не был готов к подобным экспериментам. Возможно позже, лет через пятьдесят, когда страсть будет не так сильно туманить сознание... Но он тут же покачал головой, уверенный, что так будет всегда. А потом стал медленно двигаться в ней, ловя губами каждый ее вдох, каждый стон, который наполнял его еще большим жаром, еще большим огнем.

Клэр качалась с ним на волнах почти непереносимого удовольствия, уверенная, что на этот раз огонь поглотит ее полностью. Каждый его толчок, каждое едва уловимое движение заставляло ее задыхаться и захлебываться в море пронзительного наслаждения, от которого трепетала каждая клеточка ее тела. Такого дивного ощущения предельной наполненности и чарующего блаженства никогда в жизни она не переживала. И знала, что такое в его объятиях она могла познать всю глубину мирского счастья. Только он мог одним своим взглядом заставить ее сердце замереть или лопнуть от стремительного бега.

— Я никогда не перестану любить тебя, — молвила она, обнимая его еще крепче, когда напряжение, сковавшее ее, стало просто невыносимым. Она закрыла глаза, а потом с очередным его стремительным проникновением почувствовала, как из самых недр ее существа взматается буря удовольствия, опалая ее всю таким пронзительным светом, что она чуть было не ослепла. — Эрик!

Прикинув к ее губам, Эрик сотрясался вместе с ней, такой удивительный и уязвимый одновременно. Почти те же самые волны омывали его тело, заставляя испытывать тот же дивно-чарующий, почти удушающий восторг, который действительно чуть не убил его. Когда все стихло, он осторожно уложил ее на подушки и опустил голову ей на плечо, позволяя ей обнимать себя до тех пор, пока их сердца не успокоились.

Ранние яркие лучи солнца пробрались в комнату, освещая пушистый обюссонский ковер, но не доходили до большой кровати, где лежали супруги, будто не осмеливались потревожить их. Взглянув в окно, Клэр впервые в жизни ощутила безграничную прелесть пробудившегося утра. Новый день ее новой жизни, который она не променяла бы ни на какие сокровища мира. Лениво поглаживая мягкие волосы Эрика, она посмотрела на него и тихо попросила:

— Приходи после завтрака в часовню.

Нахмурившись, Эрик с трудом поднял голову. Он не хотел шевелиться, хотел лежать вот так и обнимать ее до конца жизни, но ее слова удивили ее.

— В часовню?

— Да, часовня, которая в миле отсюда.

Он покачал головой.

— Зачем?

Ее нежная улыбка, появившаяся на покрасневших от долгих поцелуев губах, могла заставить его отправиться даже на край света.

— Я хочу тебе кое-что показать.

Удивленный еще больше, Эрик всё же признал, что не сможет не выполнить ее просьбу.

— А это не может подождать?

Она коснулась пальцем его носа и покачала головой.

— Уже нет.

* * *

Был уже полдень, когда, прогуливаясь по любимым местам, Эрик всё же приблизился к высоким дверям небольшой деревянной часовни. Солнце светило так ярко, что порой даже ослепляло. Эрик чувствовал себя еще более уставшим, когда теплые лучи солнца разморили его настолько, что он снова мечтал оказаться в постели. Вместе со своей очаровательной женой. Но она просила его прийти сюда, сама исчезнув сразу же, как только поднялась с кровати. Он же лежал на матрасе, закинув руки за голову, и с улыбкой наблюдал, как его покрасневшая от смущения жена, кутаясь в длинной простыне, которая еще больше подчеркивала соблазнительные изгибы ее стройного тела, уходит в гардеробную, чтобы одеться.

Когда-то он искренне верил в то, что ему не нужно счастье. Когда-то он полагал, что не способен испытать это странное и такое переменчивое чувство, но сегодня сердце билось иначе. Ему казалось, будто даже ноги не касаются земли. Будто это был сон, дивный сон, от которого не хотелось просыпаться.

Когда Эрик открыл двери часовни, у него перехватило дыхание от изумления. Клэр хотела ему что-то показать, но он даже не думал, что его ждет... такое!

Все внутреннее убранство маленькой симпатичной часовни было украшено букетами ландышей. Горшки с цветами стояли на всех скамейках, которые двумя ровными рядами уходили от скромного алтаря, где стоял преподобный Роберт с раскрытой библией в руках, во всем своем праздничном облачении, и с улыбкой смотрел на него. Будто ждал именно его!

Сердце Эрика чуть не остановилось, когда он понял, что всё это значит. Едва видя что-либо перед собой, он шагнул вперед, не до конца веря в то, что всё это устроила Клэр. Его Клэр, которая однажды с удрученным видом призналась, что не заметила церемонию их свадьбы, потому что он заставил ее выйти за него замуж. Но это... Это превзошло все его ожидания. От дивного благоухания цветов кружилась голова. Эрик гадал, откуда она привезла так много ландышей ведь сейчас была середина июня.

Дойдя до преподобного, Эрик с трудом заговорил.

— Добрый д-день, Роберт.

Улыбка не сходила с лица темноволосого мужчины, когда он тоже кивнул.

— Милорд, счастлив видеть вас в добром здравии. Добро пожаловать домой.

Эрик всё никак не мог привыкнуть к тому, что действительно вернулся домой. Оглядевшись по сторонам, он тихо спросил:

— А где моя жена? Это ведь она устроила?

Улыбка преподобного стала шире. Лучи солнца, проникающие сквозь красивые витражные окна, плясали на золотистых нитях его рясы.

— А вот и она, милорд.

Кивком головы он указал на входную дверь, в которую вошла Клэр.

Обернувшись, Эрик потрясенно замер на месте, не смея даже дышать. Потому что к нему приближалось самое прекрасное видение, какое он когда-либо видел.

В белоснежно муслиновом платье с округлым вырезом, прошитым тончайшим кружевом, который подчеркивал невинный и пугающе прелестный вид невесты. Широкие юбки, скрывая стройные ножки, собирались на тоненькой талии и облаком ниспадали вниз, а короткие рукава подчеркивали изящество тонких рук. Золотистые волосы, заплетенные и уложенные мягкими прядями, казались королевской короной, в которую вплели множество хрупких стебельков ландышей. Она была так прекрасна, что невозможно было спокойно смотреть на нее. Золотистые глаза сверкали таким невероятным блеском, что пронзили его сердце той любовью и счастьем, которые таились в них. Которыми она собиралась поделиться с ним и этим особенным утром.

Улыбаясь и прижимая к груди небольшой хрупкий букет ландышей, она приближалась, нет, почти плыла к нему, глядя прямо ему в глаза.

Когда, оказавшись рядом, она встала подле него, Эрик не смог сдержать стон потрясения.

— Боже, какая ты красивая!

Если бы не преподобный, он бы непременно заключил ее в свои объятия и целовал до тех пор, пока мог дышать. И она это прекрасно понимала, судя по озорному блеску изумительных глаз.

— Тебе нравится?

Она еще спрашивала?

— Где ты нашла столько ландышей?

— Я написала в Пембертон и попросила привезти сюда все эти горшки. Алекс сейчас в отъезде, но она оставила четкие распоряжения о том, чтобы выполнили мою просьбу, когда бы я ни написала. — Прикусив нижнюю губу, она чуть тише добавила: — Ты помнишь, какой сегодня день?

Она спросила это с таким видом, будто действительно думала, что он забыл.

— 19-ое июня 1832 года.

Улыбка ее стала шире.

— Кажется, теперь тебе придется запоминать еще больше дат.

Оглушительная нежность стиснула ему грудь.

— Я не против.

Она склонила голову к плечу.

— Так какой сегодня день?

— Ровно месяц назад мы венчались с тобой в Лондоне. — Ее улыбка вдруг померкла, глаза заволокло печалью, будто эта мысль причиняла ей боль. Позабыв о преподобном, он шагнул к ней и коснулся ее румяной щеки. — Я был таким глупцом... Прости меня за то, что я заставил тебя... За то, что так спешил...

Она быстро покачала головой, накрыв его руку своей. Этот день должен был стать триумфом, а не горьким напоминанием того, что когда-то было.

— Не проси у меня больше прощения, потому что я так же виновата перед тобой. — Сделав глубокий вдох, Клэр снова улыбнулась, покорив его той своей смелостью, с которой собиралась бороться с плохими воспоминаниями, заменяя их хорошими. — Надеюсь, ты не против еще одного венчания? Это конечно не официально, но я рассказала преподобному, что в тот первый раз я... — Она смущенно опустила голову, впервые в жизни солгав священнослужителю. — Тогда я была так сильно больна, что почти ничего не запомнила, и он согласился повторить торжество, чтобы я больше ничего не забывала.

Сердце снова сжалось от мучительной любви к ней, потому что он знал, для чего она это делает. Но Клэр не знала, что ей ничего не нужно делать, чтобы он поверил в ее любовь. Только Эрик ничего не сказал, чтобы не испортить этот дивный момент. Он умирал от желания поцеловать ее, но понимал, что пока этого не следует делать. Быстро взглянув на преподобного, Эрик снова посмотрел на свою жену.

— Я безмерно благодарен ему за то, что он согласился это сделать, но ты... Любовь моя, можешь поскорее обвенчаться со мной, иначе я не смогу удержаться и украду тебя из этой часовни прямо сейчас?

Глаза ее заволочла предательская влага. Судорожно кивнув, она шмыгнула носом и протянула ему руку.

— Вот, возьми. Это тебе пригодится.

В ладошке она держала то самое кольцо, которое он когда-то надел ей на палец. Эрик был уверен, что невозможно любить ее еще больше, но в это самое мгновение мог просто взорваться от переполнявших его чувств.

Кольцо, которое, как он когда-то полагал, ей будет не нужно. Кольцо, которое она сберегла и просила заново надеть себе на палец.

Осторожно взяв его, Эрик кивнул преподобному, который начал символическое венчание, еще больше сближавшее супругов. Эрик повторял слова отца Роберта, готовый даже на большее, чтобы любить, боготворить и умереть ради той, кто воскресила его из мира мертвых и привела к этому солнечному, счастливому дню, который навсегда останется в его памяти.

Когда же он надел ей на палец кольцо, Клэр не смогла сдержать слезинку и хрипло молвила:

— Я боялась, что ты больше никогда не захочешь надеть это кольцо мне на палец.

Потрясенный болью, которая прозвучала в ее голосе, Эрик, уже получивший все права от отца Роберта, который улыбнулся супругам и оставил их одних, скрывшись за маленькой дверью позади алтаря, обхватил тоненькую талию и прижал к себе жену, заглянув в ее мерцающие глаза.

— Невозможно, — прошептал он, осторожно смахнув с ее щеки капельку слезы. — Ты решила устроить эту церемонию, чтобы доказать мне свою любовь. Позволь и мне тогда устроить тебя в своих объятиях и доказать, насколько безгранична моя любовь к тебе.

Когда она, со слезами на глазах, обняла его за шею и, привстав на цыпочки, крепко поцеловала его, Эрик, застонав, схватил ее и, оторвав от пола, стал кружить у алтаря маленькой часовни, с обожанием взирая на свою смеющуюся жену.

— В качестве твоей жены я могу попросить о подарке?

— О чем угодно, жена моя.

Улыбка сбежала с ее лица.

— Где мои билеты в Вену?

Эрик застыл, но не отпустил жену.

— Боже, ты действительно слышала наш разговор!

Она с улыбкой взъерошила его густые черные волосы.

— Слышала. И теперь требую свой законный подарок.

Эрик улыбнулся ей в ответ.

— Обязательно подарю, но только потом... — И снова закружил ее. — Боже, я самый счастливый человек на свете, потому что сегодня снова моя брачная ночь!

И лишь залихватистый, счастливый смех наполнял небольшую часовню, напоминая о том, что в этой жизни всё возможно. Даже невозможное.

Декабрь, 1891 год

Бедфорд-мэнор, Дарем, Англия

Старшая внучка давно забрала маленького Эрика, так что малыш несомненно сейчас крепко спал.

Клэр продолжала сидеть в кресле, глядя на огонь в камине. Ей тоже следовало подняться наверх, но она ужасно боялась этого. Боялась, что ее сердце просто не вынесет этого.

В ее жизни было так много счастья, так много смеха и так много любви, что она удивлялась тому, как это всё поместилось в ее такую короткую земную жизнь.

Эрик так и не научился дотрагиваться до других. Мысль об этом была для него так же мучительна, как и в самый первый день их знакомства. Но он всё же после рождения на короткое мгновение взял в руки их первого ребенка, очаровательную дочь с черными как смоль волосами отца и золотистыми как утреннее солнце глазами, как у матери. Мгновения, когда он всё же взял в руки и второго их ребенка, и третьего, и всех семерых новорожденных, усевшись рядом с Клэр, были удивительными и не похожими ни на что. Пусть он держал их ненадолго, но этого оказалось достаточно, чтобы в сердце Клэр вспыхнула надежда на то, что он полностью вернется к жизни.

Он вернулся, но не так, как бы ей хотелось, продолжая держать весь мир на расстоянии вытянутой руки, и лишь маленького Эрика он стал нянчить с самого его рождения. Прадед души в нем не чаял, как и во всех своих двадцати внуках и их детях, но малыш Эрик был особенным. Потому что был точной копией прадеда и почти таким же умным, как и сам глава семейства.

Клэр не могла не нарадоваться тому, чего он достиг за всю ту жизнь, что она разделила с ним. Жизнь, в которой сначала она была дочерью маркиза, затем стала графиней. Она носила титул маркизы, и ей было суждено стать самой красивой герцогиней. Но самый любимый титул у нее был титул жены Эрика. У нее был не просто умный муж. Пережив немыслимое, он сумел воспрянуть духом и нашёл свое призвание.

И все это благодаря ее любви. Клэр не могла не гордиться тем, какое сильное влияние на его жизнь оказали она сама и ее любовь. Она гордилась каждой его победой, каждым достижением. Он оказался блестящим стратегом. Увлечшись быстро развивающейся железной дорогой, он основал свою собственную компанию, которая теперь владела большей половиной железных дорог уже не только Британии, но и определенной доли на континенте.

Он так и не вернулся в политику. Его уговаривал каждый новоназначенный премьер-министр, считая своим долгом вернуть такого блестящего союзника. Его уговаривала даже сама королева Виктория, когда от болезни умер ее муж, и ей нужны были силы, чтобы прийти в себя после этой трагедии. Эрик поддержал ее в тот зловещий период, но наотрез отказался возвращаться туда, где его уже ничего не ждало.

Они прожили всю жизнь в Бедфорд-мэноре. И восстановили фонтан, посадив в его центре ровно столько нимф и Нептунов, сколько у них было сыновей и дочерей.

Клэр смотрела на красивые обои на стенах, на дорогие картины и тяжелую мебель, которые они вместе выбирали. Они обставили дом вместе, придав ему тот уют, в котором их

счастье заиграло с новой силой.

Да, они прожили долгую и достойную жизнь, а теперь...

Сжав руку на груди, Клэр закрыла глаза и попыталась сдержаться, чтобы найти в себе силы встать и подняться наверх. Ей следовало давно это сделать, но она боялась, впервые в жизни боялась взглянуть на Эрика.

Только она всё же встала. Ноги дрожали, но она сумела подняться по едва освещенной лестнице и дойти до их покоев. Открыв дверь, Клэр тут же увидела Эрика. Он сидел в кресле чуть поодаль от камина и смотрел в окно на падающие снежинки. Сердце ее пронзила такая мучительная боль, что из глаз покатались слезы. Понимая, что не должна его расстраивать, она вытерла щеки и хотела войти, как услышала тихий голос мужа.

— Я знаю, что это ты. Не только ты чувствуешь мое присутствие, любовь моя.

Прикусив губу, чтобы не заплакать вновь, она затворила дверь и направилась к нему, приподняв юбку синего бархатного платья. Увидев его уставшее бледное лицо, Клэр испытала почти удушающее желание обнять его, но не посмела, тихо присев в кресле напротив.

Боже, даже годы не смогли состарить его настолько, чтобы пропала его мужественность и красота, от которых захватывало дух. Его волосы были седыми, лицо покрылось несколькими глубокими морщинами, но только и всего. Его поджарое мощное тело до недавнего времени хранило в себе былую силу.

Если бы не болезнь...

Он был тяжело болен. Так тяжело, что ни один врач не мог уже помочь ему. Подхватив неожиданную простуду, он заработал такое воспаление легких, что слег всего за несколько дней. Прямо у нее на глазах он растаял так, что от него почти ничего не осталось. Исхудав до невозможности, он с ошеломляющим мужеством улыбался ей всякий раз, когда они ложились спать. До недавних пор, когда стало очевидно, что ему осталось совсем немного...

Клэр боялась сойти с ума от этой мысли. Она знала, что не сможет вынести этого, но сейчас, глядя ему в глаза, вдруг поняла, что страх пропал. Исчез и развеялся силой той самой любви, которая светилась в его глазах. Всю жизнь она с радостью служила щитом между ним и миром, который мог причинить ему боль. Сейчас был единственный раз, когда она не могла защитить его. Но не собиралась позволять ему проходить это последнее испытание в одиночку.

— Знаешь, я ведь так и не поблагодарила отца.

Эрик нахмурился.

— За что, любовь моя?

С безграничной нежностью она коснулась его щеки.

— За тебя. — Грудь стиснула мучительная боль, когда она увидела в его глазах отражение собственной любви. — Он как-то сказал, что однажды я буду благодарна ему за то, что в мужья он выбрал мне тебя. Тогда он не знал, что моя благодарность к нему будет бесконечной.

Мучительно-нежная улыбка появилась на его губах.

— Не поверишь, но я однажды уже благодарил его за то, что он позволил мне жениться на тебя.

— Спасибо тебе за то, что ты позволил разделить эту жизнь с тобой.

Подняв руку, в которой не осталось почти сил, Эрик осторожно смахнул с ее щек слезы, которые она не могла больше сдержать.

— Не нужно, — шепнул он охрипшим голосом. — Не плачь, всё будет хорошо...

Она схватила его пальцы и, сжав в дрожащих руках, прижала к своим губам.

— Я не отпущу тебя, — с мучительной болью выдохнула она, не в состоянии побороть оглушительные рыдания. — Я не позволю, чтобы ты ушёл...

— Клэр... Клэр... — бормотал он, поглаживая ее волосы. Когда она нашла в себе силы посмотреть на него, Клэр увидела его мужественную улыбку, с которой он всегда встречал все тяготы своей жизни. — Ты сделала меня самым счастливым человеком на свете. Я не позволю, чтобы ты плакала. Я не хочу, чтобы ты страдала...

Как он не понимал, что без него ей здесь было нечего делать! Внезапно какое-то странное спокойствие снизошло на нее. Сжимая его теплую, но дрожащую руку, которая выдавала и его чувства, Клэр улыбнулась ему в ответ, не замечая бегущих по щекам слез, понимая, что ни за что не позволит ему уйти в одиночку. С тех пор, как они поженились, они никогда не расставались, и сейчас она не видела причин поступать иначе. Ведь она должна была быть рядом с ним, что бы ни случилось.

— Я не буду плакать, — со свойственной только ей смелостью прошептала его очаровательная жена, которая сидела перед ним и смотрела на него сверкающими как драгоценные камни глазами, беря его душу. — И я никогда не страдала рядом с тобой. Ты подарил мне величайшее счастье моей жизни. Как я могу посметь даже думать о страданиях?

Эрик осторожно проглотил ком в горле. Ему было больно, ужасно больно оттого, что он не мог изо всех сил обнять ее и прижать к груди, чтобы успокоить. Он видел, как она напугана. Он был тоже напуган. До смерти напуган. Потому что не знал, куда отправится теперь. Но он отчаянно молился о том, чтобы даже в другом мире он смог найти Клэр, свою милую, обожаемую жену.

— Три... — прошептал он неожиданно.

— Что три?

Он на мгновение закрыл глаза и будто наяву видел день, который перевернул всю его жизнь.

— На лифе твоего прелестного платья в тот день, когда я пригласил тебя на танец в доме твоего дяди, было расшито три бутона роз. Ты была такой ослепительной в белом из блестящего атласа платье, что я не мог перестать смотреть на тебя. И знаешь, я недоумевал, видя толпу, которая сует куда-то, а не таращится на тебя. Ты была просто божественна тогда, жена моя.

Судорожно вздохнув и не отпуская его руку, Клэр встала и присела рядом с ним в большое кресло, прижавшись к нему и обхватив его плечо свободной рукой.

— Мы ведь не умираем, правда? Мы просто несколько иначе продолжаем наш путь.

— Тебе не нужно так говорить, — молвил Эрик, яростно качая головой уже от той ужасной догадки, которая посетила его. — Тебе не нужно следовать за мной.

Клэр нежно улыбнулась ему. В глазах ее сияла та вселенская любовь, с которой она вошла в маленькую часовню в тот памятный день, когда переродила день их венчания.

И каждый год они праздновали две годовщины: официальную и символическую.

— Но я пойду. И ты никак не сможешь остановить меня, любовь моя. — Она опустила голову на его плечо и снова улыбнулась, удивляясь тому, что не было больше слез. — Я последую за тобой куда угодно, потому что без тебя у меня нет жизни. Я люблю тебя той любовью, которая не помещается в моём сердце.

Эрик судорожно вздохнул.

— Я люблю тебя, Клэр, — едва слышно молвил он, закрывая глаза. Ощущая смертельную усталость, но и тепло, будоражащее тепло, исходившее от той, которую он любил больше жизни.

Которая всегда поступала так, как считала нужным, когда дело касалось его счастья.

Клэр прижалась к нему, позволяя его словам проникнуть в себя так глубоко, чтобы больше ничего не осталось. На нее снизошел какой-то странный, почти пугающий покой. И радость. Оттого, что она смогла разделить свою долгую жизнь с Эриком. С тем, кто всегда поддерживал ее, если она падала. Слушал, когда она играла на рояле. Смеялся, когда она шутила. И любил ее так жарко, пылко и безоговорочно, как не смог бы полюбить никто.

Она познала высшее благо, посланное на эту землю. Она купалась в счастье и любви. И никогда не жалела ни о чем.

Она была благодарна отцу.

Она была благодарна судьбе за то, что ей довелось встретить Эрика.

Но больше всего она была благодарна Эрику. За то, что он с несгибаемой решимостью заставил ее выйти за него замуж. И удержал в своей жизни.

Снег за окном продолжал падать, зачаровывая своим танцем. Изумляя своей тихой игрой.

Пожилая женщина крепче сжала мужскую руку и закрыла глаза вслед за своим мужем. В ней, как и в нем, не было ни страха, ни обреченности. Только ощущение полета. И близость начала. Ее сердце стало биться ровнее. Она прислушалась к дыханию мужчины, которое развеялось в безмолвии комнаты. К которому присоединилось и ее оторванное от мира дыхание.

Где-то вдали кто-то играл знакомые ноты Лунной сонаты, которая окутала мир своим волшебным звучанием.

Мир существовал до них. Он будет существовать и после. Всё напоминание о них однажды сотрется, но никогда никто не сотрёт того, что они были друг у друга и на одну короткую вечность принадлежали друг другу.

Сегодня, вопреки всему, далеко на небесах зажглись две яркие, полные новой жизни звезды.

Рядом, как и на Земле.

Ведь когда, теряя что-то, в итоге приобретаешь то, что хотел, это и есть самая главная победа в жизни.